

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Взгляд молодых ученых

Сборник материалов
Всероссийской молодежной
научной школы-конференции
с международным участием
(19–21 сентября 2019 г.)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Сборник материалов
Всероссийской молодежной научной школы-конференции
с международным участием
(19–21 сентября 2019 г.)

Новосибирск
2019

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2P5)0
А 437

*Сборник утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*

Редколлегия:

канд. ист. наук Д. С. Бобров, М. А. Гордеева, д-р ист. наук А. В. Дмитриев,
канд. ист. наук М. В. Котляров, канд. ист. наук Т. И. Морозова
(*отв. редактор*), канд. ист. наук М. А. Семёнов, канд. ист. наук В. А. Слугина,
Д. Ю. Хоменко, И. С. Чернова (*отв. секретарь*), канд. ист. наук С. А. Шевченко,
канд. ист. наук Д. Л. Шереметьева, И. А. Шипилов

Рецензенты:

канд. ист. наук А. В. Журавлев,
д-р ист. наук Г. М. Запорожченко,
д-р ист. наук В. И. Исеев

А437 **Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых:** сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции / редкол.: Т. И. Морозова (отв. ред.), И. С. Чернова (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. — 374 с.

ISBN 978-5-4437-0962-8

Сборник издан по результатам Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием, состоявшейся в Новосибирске 19–21 сентября 2019 г. Опубликованные статьи посвящены актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории с начала новой эры до наших дней, являются самостоятельными исследованиями и характеризуются научной новизной. Статьи сгруппированы в шесть тематических блоков: источниковедение и историография; пресса в оптике исторических исследований; общество и власть в мировой истории: проблемы взаимоотношений; социально-экономические процессы в мировой истории: тенденции, содержание, результаты; история культуры, науки, образования и религии; военная история и международные отношения.

Издание рассчитано на профессиональных историков, преподавателей вузов, соискателей, аспирантов и студентов.

**УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2P5)0**

© Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук, 2019
© Новосибирский государственный
университет, 2019

ISBN 978-5-4437-0962-8

От редколлегии

19–21 сентября 2019 г. в Новосибирске состоялась очередная Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых». Под таким названием мероприятие проводится с 2011 г., когда была проведена первая Всероссийская молодежная конференция с элементами научной школы. С тех пор формат заметно изменился, а география участников расширилась.

В этом году в оргкомитет поступило почти 150 заявок. Примерно две трети из них прошли технический и научный отбор. В результате в школе-конференции приняли участие около 100 студентов, аспирантов, научных сотрудников и преподавателей в возрасте до 35 лет из 12 городов России от Москвы до Магадана, а также из Гомеля, Донецка, Йены и Минска.

Основными организаторами школы-конференции традиционно стали Институт истории СО РАН и Новосибирский государственный университет. Соорганизаторы — научно-образовательный центр «Историческое сибиреведение» и автономная некоммерческая организация поддержки и развития гуманитарных исследований «Свободные науки».

В рамках школы-конференции были проведены научная школа «Объяснительные концепции в исторических исследованиях», шесть секционных заседаний, сформированных по тематическому принципу, и круглый стол «Арсенал историка: понимание, объяснение, интерпретация».

Данный сборник составили статьи молодых историков, принявших участие в секционных заседаниях. Тексты сгруппированы в шесть тематических блоков, соответствующих названиям секций. Статьи посвящены актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории с начала новой эры до наших дней, являются самостоятельными исследованиями и характеризуются научной новизной.

Источниковедение и историография

С. О. Егоров

Новосибирский государственный медицинский университет

Концепция «скрытой традиции» в историографии богомилства: генезис и интерпретации

Статья посвящена анализу идейных оснований популярной в историографии болгарского богомилства концепции «скрытой традиции» о преемственности различных дуалистических еретических учений, а также некоторых вненаучных интерпретаций этой теории. На основе рассмотрения ключевых работ, посвященных истории богомилства, установлена прямая зависимость содержащейся в современных исследованиях аргументации о генеалогических связях различных дуалистических ересей от сведений средневековых ересиологических текстов. В публикации показывается идеологический характер этой историографической концепции, а также делается вывод о схожести структур исторических мифов о «скрытой традиции» в научном (историографическом), религиозном и эзотерическом дискурсах.

Ключевые слова: богомилы, ересиология, эзотеризм, историография, ереси.

Опубликованная в 1994 г. монография Ю. Стоянова «Скрытая традиция в Европе» (*The Hidden Tradition in Europe*) стала знаковым событием в историографии средневековых ересей. В ней была впервые подвергнута комплексной критике концепция преемственности дуалистических еретических движений (веривших в сотворение материального мира Демиургом-Сатаной и существование истинного Бога — творца духовного мира) от манихеев до катаров (III–XIII вв.), обозначенная как «скрытая», или «тайная», традиция. Как объясняет автор во втором издании своей работы, это название имеет три значения: 1) представление позднеантичных и средневековых ересиологов о преемственности различных ересей; 2) излагавшаяся в ау-

тентичных текстах некоторых еретических сообществ идея о происхождении их верования от истинного, неизвращенного учения Христа и апостолов; 3) стремление исследователей «открыть» некую «тайную», неизвестную ранее историю религиозного сопротивления церкви со стороны еретиков¹. Этот миф о тысячелетней цепочке передачи дуалистической доктрины, как показывает в своей работе Ю. Стоянов, не только использовался обеими сторонами конфликта дуалистических течений с церковью, но и перешел в историографию.

В данной статье предполагается дать краткий очерк генеалогии концепции «скрытой традиции», а также ее интерпретаций, которые разработаны в русле различных идеологических конструкций как в научных, так и публицистических текстах. Проблема ангажированности научных трактовок сущности и происхождения средневековых ересей раньше всех затрагивалась Н. Гарсоян, оспаривавшей попытки их объяснения как социальных или национально-освободительных движений². Причины таких идеологических пертурбаций рассматривались А. Камерон и Ю. Стояновым, указывавшими на некритическое прочтение исследователями источников³ и фактологическую слабость построений о преемственности ересей вообще⁴. В текущей публикации предполагается определить идеологическую основу концепции «скрытой традиции» и ее вненаучные изводы.

Ключевым звеном дуалистической цепи, связывающей Ближний Восток с Европой, является богомилство⁵ — появившаяся на территории Болгарии в середине X в. дуалистическая ересь, одна из самых массовых и распространенных в истории средневековой Европы, почти наравне с катаризмом. Непосредственные связи болгарских богомилов и французских катаров не оспариваются большинством современных исследователей (хотя роль этих контактов в становлении катарского учения оценивается ими с диаметрально противоположных

¹ *Stoyanov Y. The Other God: Dualist Religions from Antiquity to the Cathar Heresy. New Haven, 2000. P. XI.*

² *Garsoian N. G. Byzantine Heresy. A Reinterpretation // Dumbarton Oaks Papers. 1971. Vol. 25. P. 85–113.*

³ *Cameron A. How to Read Heresiology // Journal of Medieval and Early Modern Studies. 2003. No. 33:3. P. 471–492.*

⁴ *Stoyanov Y. The Other God... P. 287–294.*

⁵ Ересь получила название от основателя учения — некоего попа Богомила.

позиций), но вопрос о генеалогии богомилства, связи этого учения с более ранними дуалистическими течениями при всей обширности существующей историографии остается крайне неопределенным⁶.

В общем виде схему преемственности дуалистических ересей можно представить следующим образом: манихеи — павликиане/мессалиане — богомилы — катары. Теории происхождения богомилов от смешения идей павликиан и мессалиан, проживавших на Балканском полуострове к началу X в., придерживались все крупнейшие историки богомилства от первых исследователей темы, начиная со второй половины XIX века⁷, и до современных классиков вроде Д. Оболенского⁸. В рамках этой концепции споры велись преимущественно в контексте влияния тех или иных ересей и учений на богомилов: у Д. Ангелова павликиане составляли фактически единое течение с богомилами⁹; у С. Рансимена сильное, наравне с павликианским, мессалианское влияние¹⁰, у Й. Иванова упоминание о зависимости богомилства, помимо обозначенных выше учений, и от монофизитства¹¹. Более сложен вопрос об истоках дуалистической традиции, в частности манихейства. Указанные выше авторы на основании схожих элементов религиозных доктрин и практик предполагали его происхождение от зороастризма, ближневосточного и/или персидского гностицизма и даже буддизма.

Грандиозная картина «тайной» тысячелетней традиции дуализма, берущего свое начало на Востоке, в виде связного нарратива сформировалась именно в историографии, где положения различных дуалистических течений и связанных с ними исторических событий объединялись в единое целое, — эта структура характерна для всех значи-

⁶ *Stoyanov Y. The Other God... P. 161.*

⁷ *Петранович Б. Богомили, црква босанска и крстьяни. Задр, 1867. С. 42–43; Стеллецкий Н. С. Болгарская ересь богомилов. СПб., 1902. С. 7.*

⁸ *Оболенски Д. Богомилите: студия върху балканското новоманихейство. София, 1998. С. 94–95.*

⁹ *Ангелов Д. Богомилството в България. София, 1961. С. 69–71.*

¹⁰ *Runciman S. The Medieval Manichee: A Study of the Christian Dualist Heresy. Cambridge, 1982. P. 69.*

¹¹ *Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1925. С. 17–18. Подробнее о влиянии ересей на генезис богомилства см.: *Stoyanov Y. The Other God... P. 388.**

мых монографий по истории дуализма или богомилства. Представления о преемственности ересей основаны на сведениях специфических трудов — полемических текстов церковных авторов-ересиологов, а также на схожести религиозных идей (информация о которых, впрочем, нередко берется из тех же ересиологических сочинений).

Обращение к немногочисленным источникам по истории богомилства позволяет увидеть прямые текстологические связи средневековых ересиологических и современных исторических работ. Так, уже в самом раннем документе, затрагивавшем богомилов, — письме Константинопольского патриарха Феофилакта болгарскому царю Петру — давалось наставление, как поступить с последователями «новоявленной» ереси: «Да будут крещены заново... потому что их беззаконие есть манихейство, смешанное с павликианством»¹². С учетом того, что именно правление царя Петра (927–969) четко указывалось как время возникновения ереси¹³, можно расценить сообщение болгарского правителя как источник информации для патриарха, на основании которой тот и сделал вывод о составляющих нового учения. В позднейших текстах в качестве основы происхождения богомилства упоминалась уже и мессалианская ересь, например, в Синодике царя Борила (начало XIII в.) — памятнике церковного совета, собранного царем, в том числе, для осуждения богомилской ереси: «Вселукавый наш враг по всей болгарской земле манихейскую ересь рассеял, смешав ее с мессалианскою... Попу Богомилу... воспринявшему эту манихейскую ересь... анафема»¹⁴. В «Алексиаде» (середина XII в.) — историческом труде Анны Комниной, в котором, помимо прочего, описывался масштабный судебный процесс над многочисленными византийскими богомилами, — содержится показательная оговорка по поводу различения дуалистических учений: «Соедини-

¹² Послание на цариградския патриарх Теофилакт до българския цар Петър // Извори за българската история. Т. IX: Гръцкиизвори за българската история. Т. V. София, 1964. С. 185.

¹³ Слово святого Козмы Презвитера на еретики // *Попруженко М.Г.* Козма Пресвитер: Болгарский писатель X в. Болгарски старини. Кн. XII. София, 1936. С. 2.

¹⁴ Текст Синодика царя Борила по Палаузовскому и Дриновскому спискам // *Попруженко М.Г.* Синодик Царя Борила. Болгарски старини. Кн. VIII. София, 1928. С. 42.

лись между собой два издавна известные злейшие и мерзостнейшие учения: нечестивость манихеев... которую мы именовали также павликианской ересью, и бесстыдство мессалиан. Это и было учение богомилов, образовавшееся от слияния мессалианской и манихейской ереси»¹⁵. Здесь можно увидеть характерное для ересиологических текстов использование названий старых, зачастую уже исчезнувших ересей для обозначения новых (вроде манихеев или мессалиан, реальное существование которых вообще ставится под сомнение)¹⁶.

В числе ересиологических трудов можно обнаружить немало «списков» различных неортодоксальных учений, начиная с «Против ересей» Иренея Лионского и заканчивая наиболее показательными «Панарионом» Епифания Кипрского или «О ста ересях вкратце» Иоанна Дамаскина, где церковные авторы скрупулезно систематизировали и классифицировали как реальные, так и вымышленные отклонения от церковной доктрины. При этом следует говорить о том, что еще для раннесредневековой церковной ересиологии было характерно представление о единой генеалогии «ложных» учений, бравших свое начало, например, от Симона Волхва — первого еретика, персонажа библейской книги Деяний, «от которого произошли все ереси»¹⁷.

Эта же идея ярко проявилась и в текстах, посвященных богомилам, — еще патриарх Феофилакт в своем письме начал разбор заблуждений еретиков с указания на изначальный источник ереси: «Семена зла были тайно посеяны родоначальником зла... потому что проклятый никогда не отказывался от зла»¹⁸. Таким образом, ересь как явление вообще по природе своей представлялась результатом происков Дьявола. Наиболее полно аналогичная мысль отразилась в главном антибогомильском сочинении — «Слове против еретиков» Пресвитера Козьмы, где автор объяснял ересь как стремление Дьявола отвести от веры человеческий род, начиная с Адама¹⁹. Далее Козьма говорил об особых людях — родоначальниках ересей, первым из которых был Арий, затем Македоний, «и потом были различные

¹⁵ Анна Комнина. Алексиада. М., 1996. С. 419.

¹⁶ Cameron A. How to Read Heresiology... P. 474–475.

¹⁷ Ириней Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди. СПб., 2008. С. 91.

¹⁸ Послание на цариградския патриарх... С. 184.

¹⁹ Слово святого Козьмы... С. 1.

ереси в других местах», заканчивая список Богомилом, который «начал первый учить ереси в земле болгарской»²⁰.

Вероятно, тонкости различения еретических учений мало интересовали церковных авторов, так как, с их точки зрения, те представляли принципиально единую традицию, ведущую свою родословную, в конечном счете, от Дьявола. Можно заключить, что генеалогические теории о происхождении богомилства выдвигались средневековыми ересиологами с целью обоснования ложности нового учения и его классификации среди таких же отклонений от ортодоксии. Таким образом, эта вполне идеологическая конструкция происхождения богомилства, имевшая ясное полемическое значение, без принципиальных изменений была принята академическими исследователями при отсутствии, по большому счету, каких-либо сведений иного происхождения.

Идеологическая (а значит, мифологическая, по Р. Барту) по своей природе концепция «скрытой традиции» вскоре приобрела и разнообразные вненаучные интерпретации.

Более ранняя по времени возникновения — религиозная, где богомилы встраиваются в традицию некоего «вольнодумства» против церкви, сопротивления ее догматическому и политическому диктату, ненужному обряду и т. п. Богомилы, таким образом, представляются предшественниками современных религиозных течений, в частности протестантизма. Яркий пример такого подхода — работа Л. П. Брокетта «Богомилы Болгарии и Боснии: ранние протестанты Востока» с характерным подзаголовком «Попытка восстановить потерянные страницы протестантской истории»²¹. Л. П. Брокетт представил весьма оригинальный взгляд на религиозную природу дуалистических ересей. Так, ранний дуализм вроде манихейства явился, по его мнению, результатом постепенного осмысления Евангелия через призму зороастризма²². Более поздние же течения вроде павликианства оценивались автором как «безусловно еретические в отдельных своих положениях», но очевидные отклонения от базовых христиан-

²⁰ Слово святого Козмы... С. 2.

²¹ *Brockett L. P. Bogomils of Bulgaria and Bosnia. The Early Protestants of the East. Philadelphia, 1879. 143 p.*

²² *Brockett L. P. Bogomils of Bulgaria and Bosnia... P. 19.*

ских догматов тут же оправдывались слабым знанием новозаветных текстов в силу их ограниченного распространения²³. Богомилство, произошедшее от павликианства и манихейства, в свою очередь, послужило, в трактовке Л. П. Брокетта, прародителем первых крупных реформационных движений в Европе, прежде всего гуситов²⁴, через них — классических протестантских церквей, а в конечном счете — и баптистской, принадлежность к которой ясно обозначил сам автор. Аргументы в пользу преемственности богомилства (как считается, сошедшим на нет к XII в.) и чешских гуситов (начало XV в.) принципиально не отличались от классической «научной» концепции: Л. П. Брокетт ссылаясь на некую схожесть основных религиозных положений (с большими поправками на «еретические» идеи, сильно сглаженные автором) и на гипотетические контакты представителей двух религиозных течений. Для объяснения хронологического разрыва в качестве достоверного приводилось утверждение о государственном статусе богомилства в Боснийском банстве XII–XV веков²⁵, бывшее довольно популярным в историографии, но не подтвержденное какими-либо убедительными аргументами²⁶. При всей шаткости доводов и многочисленных гипотетических предположений, можно отметить, что сама структура условной «протестантской» концепции и структура научной теории «скрытой традиции» принципиально не различаются, равно как и способы доказательности.

Другая оригинальная интерпретация «тайной традиции» — эзотерическая. Образ богомилства как звена многовековой еретической традиции занимает важное место в исторической мифологии Всемирного Белого братства — эзотерического сообщества, основанного Петром Дановым в конце XIX в. и оказывавшего заметное влияние на болгарскую культуру и религиозную жизнь государства вплоть до Второй мировой войны. Во второй половине XX в. идеи П. Данова распространялись его учениками, как в других странах, так и в самой Болгарии, пережив определенное возрождение на рубеже XX–XXI вв.

²³ *Brockett L. P. Bogomils of Bulgaria and Bosnia...* P. 22.

²⁴ *Ibid.* P. 88–89.

²⁵ *Ibid.* P. 119–120.

²⁶ Подробный разбор проблемы см.: *Muzic I. Vjera Crkve bosanske. Krstjani i pogani u srednjovjekovnoj Bosni.* Split, 2008. P. 59–102.

Основные положения учения изложены в трудах основателя, среди которых особое место занимают записи его лекций во время летних лагерей у Рильских озер. Болгарское Белое братство по происхождению является теософским течением, т. е. заимствовавшим большинство идей в работах Елены Блаватской, в том числе теософский исторический миф о смене рас: от гиперборейцев, атлантов и т. п. к ныне ведущей пятой расе — «арийской», на смену которой идет духовно более совершенная шестая. Другой важный теософский миф — идея существования некоего «Великого белого братства»²⁷, тайного общества учителей человечества, помогающих ему на пути духовной эволюции. Членами братства считались основатели всех мировых религий, известные мыслители, ученые, политики и т. д.

Характерный для теософии «эзотерический расизм» (термин Н. Гудрик-Кларка²⁸) в учении П. Данова смешивался со своего рода славянским мессианизмом. Перенимая у Е. Блаватской идею эволюции рас, П. Данов объявлял славян в рамках теософской классификации последней «подрасой» пятой — «арийской» — расы (хотя у Е. Блаватской славяне в таком качестве не фигурировали), и именно она должна стать «донором шестой расы» в новой эпохе, которая началась в 1914 году²⁹. Смычка «эзотерического расизма» и славянского мессианизма (с превознесением болгарского этноса) осуществлялась П. Дановым через феномен богомилства, которое он встраивал в своего рода «скрытую традицию» Всемирного Белого братства, на самом деле существовавшего, по его мнению, на протяжении многих веков. По мысли болгарского эзотерика, «славянская раса будет жизненным центром новой культуры» и грядущей шестой расы, но она находится в «железном веке», исключение — болгары, уже перешедшие в «золотой век» с момента образования Белого братства на территории страны³⁰. Белое братство в историческом мифе П. Данова представлялось в качестве очередного поколения богомилов,

²⁷ Как видно, Петр Данов прямо заимствовал это понятие для названия своей теософской школы.

²⁸ *Goodrick-Clarke N. The Occult Roots of Nazism. Secret Aryan Cults and their Influence on Nazi Ideology.* London, 2004. P. 169.

²⁹ Новата епоха // Учителят разговорите при Седемте Рилски езера. София, 1948. С. 230.

³⁰ За славянството // Учителят разговорите... С. 169–171.

в свое время распространившегося из Болгарии на Запад³¹. Подробнее раскрывая роль богомилов в истории, П. Данов говорил о трех частях Белого братства, сменявших друг друга: 1) египетской (герметизм); 2) палестинской (христианство); 3) богомильстве³². Богомильство при этом описывалось как истинное христианство и законченное выражение учения Белого братства и в то же время как исток европейских религиозных течений, также основанных на «истинных» идеях: «Чешское братство в Чехии, квакеры в Англии, иллюминаты и прочие — все произошли от богомилов. После Реформации везде распространился богомильский дух... Из Болгарии они отправились во Францию, Англию и многие другие страны. После открытия Америки пришли они и туда»³³.

Таким образом, в специфической интерпретации Белого Братства П. Данова богомилы представлялись ключевым звеном передачи «тайного учения» с Востока в Европу, и такая роль в историческом мифе эзотеризма одновременно аргумент в пользу исключительности болгарского этноса (опять же в рамках теософской по происхождению картины мира).

Как можно увидеть, весьма оригинальные религиозные и эзотерические интерпретации, примеры которых были приведены в тексте, в своей структуре и даже стилистике демонстрируют заметное сходство как с изначальной теорией «скрытой» еретической традиции, ортодоксально-церковной по происхождению, так и с распространенной в историографии научной концепцией «тайной» истории передачи дуалистических идей.

Этот частный пример существования одной и той же системы представлений (без принципиальных изменений основных положений) в научном, религиозном и эзотерическом дискурсах дает повод поставить вопросы критического восприятия литературных источников в сфере истории религии, проблемы зависимости этой области от религиозной картины мира авторов изучаемых текстов, а также степени проницаемости границ указанных дискурсов.

³¹ За славянството // Учителят разговорите... С. 170–171.

³² Всемирното Бяло Братство през вековете // Учителят разговорите... С. 121–124.

³³ Там же. С. 124.

И. И. Пономарев

Новосибирский государственный педагогический университет

Современная историография динамики народонаселения Сибирского казачьего войска в конце XIX — начале XX в.

В статье характеризуется степень изученности современной историографией сюжетов демографической истории Сибирского казачьего войска конца имперского периода. Исследователи производят подсчеты общей численности казачьего населения, показателей его естественного и механического прироста, сравнивают параметры и основные факторы движения казачьего и неказачьего населения, выделяют половозрастные, семейные и брачные структуры. Однако авторы не применяют специальную демографическую методологию, существующие труды не претендуют на комплексную разработку данной темы, они ограничены короткими периодами времени и небольшой по охвату территорией. Никем из историков не реализовано системное изучение режима и типа воспроизводства казачьего и неказачьего населения на войсковых землях в научно обоснованных длительных хронологических границах.

Ключевые слова: воспроизводство населения, динамика народонаселения, естественное движение населения, естественный прирост населения, общая численность населения, современная историография.

Изучение истории сибирского казачества является актуальным в силу того, что Сибирь, ее народы составляют неотъемлемую часть России. В научно-историческом плане проблема народонаселения Сибирского казачьего войска представляется недостаточно исследованной. Основными показателями, характеризующими народонаселение, являются его воспроизводство (рождаемость, брачность, смертность, естественный прирост), общая численность, расселение, миграции, половозрастной состав и семейное состояние. Поэтому изучение всех перечисленных выше структур и процессов на региональном уровне в такой большой и многонациональной стране,

как Россия, где модернизация традиционного общества проявила себя поливариантно, представляет значительный научный интерес. В связи с этим представляется необходимым уделить большее внимание историографии динамики народонаселения Сибирского казачьего войска.

Цель исследования — выявить характер и степень изученности в современной историографии аспектов демографической истории Сибирского казачьего войска конца XIX — начала XX в. Выбор периода связан с тем, что на рубеже веков шел процесс активного заселения Сибири русскими переселенцами, многие из которых приписывались к казакам, что привело к существенному изменению демографической структуры данного сословия. Кроме того, в современной российской научной среде снят бытовавший в советское время запрет на изучение темы казачества; параллельно наблюдается активное развитие исторической демографии.

Исследуемая в данной статье литература имеет *конкретно-исторический характер*. За основу классификации работ взят *проблемный принцип*. Вопросы динамики общей численности войскового и невойскового населения рассматривалась в трудах М.Ж. Абдилова, В.Ф. Мамонова, Ю.Г. Недбая, В.П. Трута, С.Л. Абашина, Д.Ю. Арапова, Н.Е. Бекмахановой, А.Р. Ивонина, Д.В. Колупаева, В.В. Исаева, Г.И. Панковской, Т.А. Камалджановой, Г.О. Мациевского¹. Большин-

¹ *Абдилов М.Ж.* История казачества Казахстана. Алматы, 1994. 160 с.; *История казачества Азиатской России: в 3 т. / отв. ред. В. Ф. Мамонов.* Екатеринбург, 1995. Т. 2: Вторая половина XIX — начало XX в. 253 с.; *Недбай Ю.Г.* Сибирское казачье войско. Омск, 2004. Кн. 3: 1846–1861. 397 с.; *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат: казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. 544 с.; *Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С.Л. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова.* М., 2008. 464 с.; *Ивонин А.Р., Колупаев Д.В.* История алтайского казачества: алтайские казаки в XVIII–XIX вв. Барнаул, 2008. 168 с.; *Исаев В.В.* Сибирское казачество и его роль в колонизации Алтая в XVIII — начале XX в. // *Уральский исторический вестник.* 2009. № 2 (23). С. 93–100; *Панковская Г.И.* Славянское население Восточного Казахстана и Томской губернии в конце XIX — начале XX в.: к вопросу о формировании состава населения // *Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: XI Междунар. науч.-практ. конф. пам. Н.В. Алексеенко.* Усть-Каменогорск, 2010. С. 340–349; *Камалджанова Т.А.* Формирование и размещение восточнославянского населения в Восточном

ство указанных специалистов в разной степени затрагивали такие аспекты, как численность всего народонаселения войска, факторы его динамики, соотношение войскового и невойскового населения. Однако у некоторых авторов эти сюжеты часто приведены только в качестве дополнения в контексте исследований по социально-политической истории сибирского казачества. В работах, где демографический подход был реализован, данные приводятся, как правило, не за весь период конца XIX — начала XX в., а только за отдельные годы, то есть отрывочно. Применяемые данными авторами методологические основания исследований с точки зрения историко-демографического анализа не создают целостной картины режима воспроизводства населения войска в конце имперской эпохи.

Так, С. Л. Абашин, Д. Ю. Арапов и Н. Е. Бекмаханова выделяют основные факторы увеличения численности народонаселения Сибирского казачьего войска (многочисленные массовые приписки крестьян к войску, зачисление крестьян-переселенцев), а также прослеживают его динамику по отдельным годам. Историки приходят к выводу, что к 1912 г. количество жителей войскового и невойскового сословий стало примерно равным (около 160 тыс. человек), тогда как в 1860-е годы из 136 тыс. человек 90 % относилось к военному сословию². М. Ж. Абдиров приводит отдельные сведения относительно общего числа жителей на территории Сибирского казачьего войска, утверждает, что на 1917 г. «в Сибирском казачьем войске насчитывалось свыше 172 тыс. человек», указывает на негативные факторы демографического поведения сибирских казаков (частое пьянство, нарушение законов)³. Однако историк в своих размышлениях не уходит дальше статистики и не делает на ее основе широких обобщений.

Казахстане в XVIII — начале XX в. // Актуальные проблемы социологии, политологии, философии и истории: мат. междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 171–176; *Мацевский Г. О.* Казачество Азиатской России в конце XIX — начале XX в.: особенности социально-демографического портрета // Вестник КрасГАУ. Сер.: История и культурология. 2011. № 6. С. 186–192; *Он же.* Особенности социально-демографического облика казачества на рубеже XIX–XX вв. // Научные ведомости. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 1 (144). С. 97–103.

² Центральная Азия в составе Российской империи... С. 214–215.

³ *Абдиров М. Ж.* История казачества Казахстана... С. 110–111, 113.

А. Р. Ивонин и Д. В. Колупаев раскрывают динамику общей численности казачьего населения на территории Бийской линии в 1880-х годах. Авторы сравнивают параметры движения казачьего и неказачьего населения, выделяют его причины (добровольные и принудительные переселения, административные преобразования границ губерний и уездов), изменения в половозрастных, семейно-брачных структурах⁴. В. В. Исаев прослеживает динамику численности народонаселения Сибирского казачьего войска в середине — второй половине XIX в. Основным фактором стремительного роста казачьего населения в данный период, по мнению историка, является массовая приписка крестьян к казачьему сословию во время развития военно-поселенческой казачьей колонизации казахской степи: «За 1847–1856 гг. „в казачье звание“ было обращено около 27 тыс. душ обоего пола, за 1857–1866 гг. — 14,6 тыс. По сравнению с 1808 г. число сибирских казаков увеличилось в 3,8 раза»⁵. В работе также делается вывод о более чем двукратном росте численности войскового населения мужского пола: с 50,3 тыс. человек в 1846 г. до 113,1 тыс. в 1866 г., то есть прирост населения составил свыше 57 тыс. человек, а темпы среднегодового — примерно 2,8%.

Т. А. Камалджанова отмечает постоянный рост населения войска примерно в два раза к 1914 г., когда оно составляло более 54 тыс. человек, против 28 717 человек в 1897 г. Автор заключает, что к концу XIX в. «колебания численного состава были незначительными и вызваны, главным образом, естественным движением населения»⁶. При этом демографические процессы на войсковой территории рассматриваются исследователем в контексте состояния русского народонаселения на востоке Казахстана. В. Ф. Мамонов прослеживает динамику общей численности всего населения Сибирского казачьего войска в конце XIX — начале XX в., выделяет причины его движения. В результате историк констатирует увеличение численности неказачьего населения⁷.

⁴ Ивонин А. Р., Колупаев Д. В. История алтайского казачества... С. 130–163.

⁵ Исаев В. В. Сибирское казачество и его роль в колонизации Алтая... С. 96.

⁶ Камалджанова Т. А. Формирование и размещение восточнославянского населения... С. 172–173.

⁷ История казачества Азиатской России... С. 36–37.

Г. О. Мациевский также обращается к проблеме численности населения Сибирского казачьего войска. В своей работе автор ссылается на данные Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., согласно которым Сибирское войско насчитывало в своем составе 115 261 человек, из них мужчин — 56 470, женщин — 58 791. Важные цифры приводятся в контексте рассмотрения национального состава жителей: «На территориях Акмолинской и Семипалатинской областей, где проживало 89,73% всех сибирских казаков, распределение населения по родному языку было следующим: русский — 93 631 (90,57%), украинский — 4174 (4,04%), татарский — 1425 (1,38%), другие (в том числе мордва) — 4123 (4,01%) человек»⁸. Ю. Г. Недбай затрагивает динамику казачьего и неказачьего населения Сибирского казачьего войска, а также его половозрастные структуры. Автором сделан вывод об увеличении к концу XIX в. на войсковой территории доли неказачьего населения, а также удельного веса женщин и уменьшении — казаков-мужчин⁹. Однако в рамках указанного периода отрывочные сюжеты историко-демографического характера раскрыты применительно не ко всем входящим в него годам.

Г. И. Панковская прослеживает динамику народонаселения сибирских казаков в контексте сравнительного анализа демографических характеристик русского населения Восточного Казахстана в 1883–1917 гг. По ее данным, к 1913 г. общая численность населения Сибирского казачьего войска составляла свыше 130 тыс. человек, из которых 94,3% были русскими. В качестве основного фактора увеличения количества казаков до конца XIX в. автор выделяет естественное движение населения, а в начале XX в. — столыпинские аграрные реформы и произошедшую после окончания Русско-японской войны демобилизацию: «С 1906 г. по 1914 г. численность казачества увеличилась на 19 237 человек (54,7%), в том числе 9501 мужчина и 9736 женщин»¹⁰. Данные по половозрастной структуре войска классифицированы отдельно для войскового и невойскового

⁸ *Мациевский Г. О.* Казачество Азиатской России в конце XIX — начале XX в. ... С. 189; *Он же.* Особенности социально-демографического облика казачества... С. 100.

⁹ *Недбай Ю. Г.* Сибирское казачье войско... С. 37, 44, 50–59.

¹⁰ *Панковская Г. И.* Славянское население Восточного Казахстана и Томской губернии... С. 344.

населения. В рамках обеих групп отмечается примерное равенство долей мужской и женской части казачьих жителей: на 100 войсковых казаков приходилось 102 казачки (против 100 мужчин и 96 женщин невойскового сословия); а также преобладание лиц трудоспособного возраста (20–60 лет), составлявшего в войсковой части 41,25%, и детей от одного года до восьми лет — 23,8% жителей. Исследователь считает, что именно миграции в начале XX в. стали ведущим фактором увеличения народонаселения войска. В.П. Трут приводит данные об общей численности населения Сибирского казачьего войска в начале XX в. (172 тыс. человек), о доле невойскового населения, составлявшей на казачьей территории 42,3 процента¹¹.

В целом авторы раскрывают динамику общей численности народонаселения Сибирского казачьего войска, однако вопросам движения народонаселения и изменения его демографических структур почти не уделяют внимания, приводя лишь самые общие и отрывочные сведения.

Отдельные аспекты этих вопросов рассматривались в работах Ф. А. Каминского, А. А. Гордеева, Д. В. Колупаева, Е. П. Ермачковой¹². Исследования данной группы также не способствуют созданию целостной картины демографических процессов на войсковой территории, так как сведения даны отрывочно и лишь об отдельных годах.

А. А. Гордеев упоминает о количестве сибирских казаков, призванных на военную службу в период Первой мировой войны, называет факторы движения казачьего населения (миграции, адми-

¹¹ Трут В.П. Дорогой славы и утрат... С. 5, 28.

¹² Каминский Ф.А. Казачество Южного Урала и Западной Сибири в первой четверти XX в. Магнитогорск, 2001. 272 с.; Гордеев А.А. История казачества. М., 2006. 640 с.; Колупаев Д.В. Образование в поселениях сибирского казачества во второй половине XIX в. // Известия АлтГУ. 2008. № 4-4 (60). С. 106–112; Он же. Здравоохранение в поселениях сибирского казачества во второй половине XIX в. // Известия АлтГУ. 2008. № 4-5 (60). С. 252–254; Он же. Демографические процессы в Сибирском казачьем войске во второй половине XIX в. // Вестник Орловского государственного университета. 2011. № 3. С. 69–72; Ермачкова Е.П. К вопросу об организации народного образования в Сибирском казачьем войске в дореволюционный период // Вестник СурГУ. 2013. № 1. С. 54–60.

нистративные преобразования, завоевательные походы)¹⁵. В статье Е. П. Ермачковой приведена статистика посещения детьми казаков школ, средних и высших учебных заведений, на основании чего отмечается в целом относительно высокий уровень грамотности казачества Сибири¹⁴. Ф. А. Каминский привлекает статистические данные о численности казачьих войск, количестве неказачьего населения на их территории. Так, в Сибирском казачьем войске к 1915 г. «иногородних было... 43,74%», в работе отмечается полиэтничный состав войска, а также относительно высокий уровень образованности казачьего населения, который составлял 54,35 процента¹⁵.

Д. В. Колупаев проанализировал процессы формирования, развития и движения населения, проживавшего в пределах Сибирского казачьего войска во второй половине XIX в., его половозрастную структуру, динамику рождаемости и смертности¹⁶. В другой статье рассмотрено развитие системы здравоохранения в Сибирском казачьем войске, сделан вывод, что в казачьих поселениях Западной Сибири на протяжении всего периода их существования постоянно ощущалась нехватка врачей, фельдшеров, ветеринаров¹⁷. Кроме того, отмечается, что образовательный уровень сибирских казаков в целом был достаточно высоким¹⁸.

Таким образом, в работах обеих групп раскрыты отдельные аспекты общей численности и естественного движения населения, динамики половозрастных, семейных, брачных структур; выявлены факторы, влиявшие на данные процессы. Демографические аспекты народонаселения войска конца XIX — начала XX в. в целом слабо изучены и не проанализированы в концептуальном контексте, например в свете теории демографического перехода. Не раскрыт режим воспроизводства казачьего населения войска. Никто из историков

¹⁵ Гордеев А. А. История казачества... С. 439–442.

¹⁴ Ермачкова Е. П. К вопросу об организации народного образования... С. 55.

¹⁵ Каминский Ф. А. Казачество Южного Урала и Западной Сибири... С. 45, 63.

¹⁶ Колупаев Д. В. Демографические процессы в Сибирском казачьем войске... С. 69.

¹⁷ Колупаев Д. В. Здравоохранение в поселениях сибирского казачества... С. 252.

¹⁸ Колупаев Д. В. Образование в поселениях сибирского казачества... С. 106–112.

до сих пор не предпринял системного изучения режима естественного воспроизводства населения на войсковых землях.

Соответственно, перед сибирской исторической наукой на текущий момент стоит задача заполнить выявленные лакуны в истории самого большого из казачьих войск, располагавшихся в конце имперского периода на территории Азиатской России. Предстоит проследить в свете современных теоретико-методологических представлений трансформацию его социально-демографических характеристик, режима и типа естественного и механического воспроизводства войскового населения.

А. А. Калашников

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул)

Рапорты лесничих Алтайского округа 1917–1919 гг. как исторический источник *

На основе анализа рапортов лесничих Алтайского округа 1917–1919 гг., отложившихся в фондах Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Томской области, дается внешняя и внутренняя критика данной разновидности источников. Автор приходит к выводу, что важными особенностями рапортов являются высокая степень субъективизма, неконкретность в упоминании многих новообразованных после революции местных органов власти, необходимость учета административной подчиненности лесничеств округа и др. Перекрестный анализ с другими видами источников позволяет считать рапорты первичным источником фактов и с осторожностью относиться к аналогичной информации, помещенной в периодике и документах, созданных на их основе. Значительно расширяя круг источников по периоду, которые нередко носят фрагментарный характер, рапорты лесничих могут быть применимы в исследованиях широкой тематики.

Ключевые слова: исторический источник, рапорты, административно-хозяйственное управление, лесничества, гражданская война, Алтайский округ.

Лесная и земельно-арендная отрасли являлись основой хозяйственной деятельности Кабинета Его Императорского Величества (далее — Кабинета е. и. в.) в предреволюционный период в Алтайском округе. К 1917 г. его территория была разделена на 57 лесничеств и 4 арендных района — административно-хозяйственные единицы, управлявшиеся лесничими и арендными смотрителями соответственно. Обладавшие всей полнотой хозяйственной власти на подведомственных пространствах, лесничие должны были обе-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00439.

спечивать достижение запланированных годовых финансово-экономических показателей¹. Февральская революция и падение монархии, временное установление и деятельность советской, а затем «белой» власти в Алтайской и смежных с ней губерниях оказались тем историческим контекстом, который нашел отражение в рапортах алтайских служащих бывшего Кабинета е. и. в. Специфика деятельности лиц, заведовавших административно-хозяйственными единицами округа, накладывала отпечаток на деловую переписку, которую они вели с непосредственным начальством и иными учреждениями, распространявшими свою власть на территории Алтайского округа. Являвшийся в дореволюционное время единым производственно-территориальным комплексом регион под влиянием местных условий развития революционного процесса в 1917 г. начал распадаться, что существенно повлияло на работу и взаимодействие низшего и окружного звена кабинетского чиновничества.

Историки, чья область интересов связана с аграрным развитием Алтая в революционный период (Н. Ф. Иванцова), с крестьянским движением на его территории (Л. М. Горюшкин, Г. А. Ноздрин, А. Н. Сагайдачный), с ликвидацией кабинетского ведомства (Г. П. Жидков, А. А. Калашников, С. Е. Поляков), с трансформациями системы лесоправления и лесоохраны (М. О. Тяпкин), неоднократно использовали и используют рапорты лесничих Алтайского округа в качестве исторического источника по интересующим их проблемам. К данным документам обращались в своих исследованиях авторы обобщающих очерков по истории Алтая в годы революции и Гражданской войны². Характеристика рапортов лесничих Алтайского округа в качестве исторического источника большинством специалистов осуществлялась применительно к конкретным исследованиям, посвященным различным вопросам социально-экономической жизни региона. Исключение составляет монография М. О. Тяпкина, в которой присутствует обобщающая внутренняя и внешняя критика документов де-

¹ *Соболева Т. Н., Гончарова Е. З.* Административно-хозяйственное районирование Алтайского округа в 1911–1917 гг. // Актуальные вопросы отечественной истории XX в.: сб. науч. ст. Барнаул, 2006. С. 229.

² *Борьба за власть Советов на Алтае* / под ред. Т. А. Кулакова. Барнаул, 1957. 463 с.; *Шелестов Д. К.* Борьба за власть Советов на Алтае. М., 1959. 135 с.

лопроизводственной переписки нижестоящих и вышестоящих органов хозяйственной власти, важной составляющей которой являлись рапорты лесничих³.

Из большого массива интересующей нас группы источников публикации были удостоены лишь единичные документы, как правило, посвященные аграрным беспорядкам, происходившим на территории Алтайского округа в 1917 году⁴. Отдельные цитаты из рапортов лесничих можно встретить в исследовательской литературе. Зачастую историки отдают предпочтение обобщающим обзорам, которые составлялись Управлением Алтайского округа на основе соответствующих рапортов. Однако частично опубликованные обзоры по округу («положения на местах»)⁵, отсылаемые в Кабинет е. и. в., а после передачи земель округа казне — в Лесной департамент, крайне лаконичны и, несмотря на богатую фактологическую составляющую, все же носят характер субъективных выдержек из рапортов. Исходя из данных отрывков сложно понять истинную обстановку дел в лесничествах, установить причины развития того или иного сценария в конкретных административно-хозяйственных единицах. К тому же, последний такой обзор, обнаруженный нами, посвящен положению на местах в августе 1917 г. Оказались не удостоенными внимания исследователей рапорты лесничих, созданные в период временного установления на территории Алтайского округа сначала советской, а затем и «белой» власти. Как и другая делопроизводственная документация лесничеств в период революций и Гражданской войны, рапорты используются специалистами крайне фрагментарно, что во многом обусловлено сложностью их выявления: они находят-

³ Тяпкин М. О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII — начале XX в. Барнаул, 2019. С. 68–70.

⁴ Борьба трудящихся за установление советской власти на Алтае (1917–1920 гг.): сб. док. Барнаул, 1957. С. 36–38, 72–73 (док. № 7, 25).

⁵ Там же. С. 29–33, 34–35 (док. № 2, 3, 5); Фрагмент доклада исполняющего обязанности начальника Алтайского округа Л. Л. Маслова на 1-й сессии Алтайского губернского земельного комитета, основанного на обзорах Управления Алтайского округа // Иванцова Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 — первой половине 1918 гг. М., 1993. С. 334–338; Рынков В. М. Революционный путь лесопользования: сводка донесений лесничих Алтайского округа летом 1917 г. (публикация документа) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 19–23.

ся в общих архивных фондах попеременно с более ранним делопроизводством⁶.

В отличие от других органов власти, лесничества для Алтайского округа в 1917–1919 гг. оставались постоянной, устоявшейся низкой структурой, в целом пережившей период революционной ломки. Информационный потенциал и высокая сохранность рапортов лесничих позволяют во многом заполнить недостатки делопроизводства различных местных учреждений, что особенно актуально для Алтая, где значительная часть документов «первой» советской власти была безвозвратно потеряна. Кроме того, данная группа источников позволяет детализировать многие вопросы, которые рассматривались окружной и губернскими властями на различных ведомственных совещаниях и определяли вектор хозяйственной политики в регионе (например, заседания Алтайского губернского земельного комитета, сыгравшего ключевую роль в разрушении до-революционной хозяйственной системы Алтая)⁷. Учитывая огромный исследовательский потенциал данной разновидности делопроизводственной документации, освещающей сложный переходный период в истории региона, необходимо дать характеристику рапортам лесничих Алтайского округа, выделить особенности и информационную ценность данных документов как исторического источника. Для реализации поставленных задач нами были осуществлены сплошной просмотр и анализ рапортов лесничих Алтайского округа за период 1917–1919 гг. (совокупность выборки — около 1000 документов), отложившихся в фондах Государственных архивов Алтайского края и Томской области.

Рапорт — это вид делопроизводственного внутриведомственного документа, который представлял собой донесение нижестоящего

⁶ Рышков В. М. Делопроизводственная документация земельных органов сибирской контрреволюции: грани информационного потенциала // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1. С. 273.

⁷ См. подробнее: Калашиников А. А. Протоколы заседаний сессий Алтайского губернского земельного комитета как исторический источник // Гуляевские чтения. Вып. 4: материалы девятой и десятой историко-архивных конференций. Барнаул, 2018. С. 268–272.

должностного лица вышестоящему⁸. В течение 1917–1919 гг. адреса-ты донесений лесничих Алтайского округа менялись в соответствии с властными подвижками, происходившими в регионе. Основной массив рапортов лесничих за данный период (как подлинников, так и копий) сосредоточен в фондах Государственного архива Алтайского края: Ф. 4 (Главное управление Алтайского округа), Ф. 73 (Алтайское губернское управление земледелия и государственных имуществ), частично (преимущественно в виде копий) в Ф. 229 (Алтайский губернский земельный комитет Алтайского губернского комиссара), фрагментарно в Ф. 233 (Алтайская губернская земская управа). В связи с процессом административно-хозяйственного размежевания земель Алтайского округа, проходившего в течение 1917–1919 гг., часть периферийных лесничеств передавалась в ведение хозяйственных органов губерний, смежных с Алтайской, вследствие чего некоторые рапорты лесничих Алтайского округа отложились в фондах государственных архивов Томской и Восточно-Казахстанской областей.

Все рапорты имели единый формуляр. Вверху по центру указывался адресат, в угловом поле слева — место составления, дата и номер. Затем следовал сам текст рапорта, заканчивавшийся подписью лесничего. Среди преобладающих рукописных рапортов встречаются также машинописные. Яркой отличительной чертой документов 1917–1919 гг. является низкое качество использовавшейся бумаги, наличие чернильных оттисков штампа в верхнем левом углу, на которых указывалось наименование учреждения, где документ был подготовлен⁹ (в нашем случае — название лесничества). Впрочем, использовать данный оттиск для определения, например, административной принадлежности лесничеств в данный период следует осторожно. Так, штамп на рапорте Нижне-Томского лесничего Томскому управлению земледелия и государственных имуществ от 28 июня 1918 г. свидетельствует об административной подчиненности Томскому управлению, однако в это время лесничество нахо-

⁸ Источниковедение: учеб. пособие / под ред. М. Ф. Румянцева. М., 2015. С. 281.

⁹ Тяпкин М. О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII — начале XX в. ... С. 69.

дилось в ведении Алтайского управления¹⁰. На угловом штампе рапорта Нижне-Обского лесничего в Томское управление земледелия и государственных имуществ от 28 сентября 1918 г. лесничим в надписи «Алтайский округ» слово «Алтайский» зачеркнуто и исправлено на «Томский»¹¹. Очевидно, таким образом составитель пытался отразить административную подчиненность лесничества Томскому управлению, так как Томского округа просто не существовало. Однако, согласно приказу начальника Алтайского управления земледелия и государственных имуществ № 74 от 24 сентября 1918 г., данное лесничество подлежало передаче в ведение Томского управления лишь с 1 октября 1918 года¹². С осторожностью следует относиться и к датам документов, составленных в 1918 г. и позднее: во многих из них отсутствует точная привязка числа к григорианскому или юлианскому календарю. В отдельных случаях установить дату возможно, исходя из основного текста, штампов, приложений к нему, соседних документов в деле.

Отсутствие типографской бумаги приводило к тому, что для рапортов использовались старые дореволюционные бланки. Циркуляром № 37 от 23 августа 1917 г. начальник Алтайского округа предлагал лесничим «крайне бережливо» расходовать печатные образцы¹³. Вычеркивать в них название министерства и ведомства еще раньше, приказом № 21 от 22 марта 1917 г., предписывал всем чинам начальник Алтайского округа¹⁴, однако некоторые лесничие оставляли надпись «Кабинет его императорского величества» даже в 1918 г. По нашему мнению, с одной стороны, это стоит связывать с банальной невнимательностью служащих, с другой — с отсутствием необходимости исключения надписи из бланка, так как рапорт предназначался вышестоящему лицу того же учреждения, ранее находившегося в ведомстве Кабинета е. и. в., да и к тому же не относившегося критически к неисполнению данного приказа. Возможно, этому содействовал и «корпоративный дух» служащих бывшего Кабинета е. и. в.

¹⁰ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4778. Л. 190, 193.

¹¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 240. Оп. 1. Д. 887. Л. 2.

¹² Там же. Л. 31.

¹³ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4786. Л. 41.

¹⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 533. Л. 21.

Многие рапорты писались также на оборотной стороне старых приказов и циркуляров.

На документах встречаются различные пометы: подписи, сделанные лесничими (как правило, их исправления); резолюции вышестоящих органов и лиц, которым был адресован рапорт; сообщения о его пересылке из одного учреждения в другое. Пометы, подчеркивания начальника Алтайского округа Л. Л. Маслова чаще всего совершались синим карандашом, реже — чернилами.

Информационная ценность рапортов лесничих Алтайского округа как исторического источника бесспорна. «Документы позволяют судить о характере крестьянских выступлений, их слабых и сильных сторонах», — отмечали авторы коллективной монографии по истории крестьянского движения в Сибири¹⁵. «Несмотря на то, что документы вышли из чиновничьих канцелярий, не доверять им нет основания», — заключил советский историк Г. П. Жидков¹⁶. Он пришел к выводу, что рапорты как источник для исследования крестьянского движения «носят обобщающе-иллюстративный характер: сюда попали лишь те факты, которые представлялись наиболее типичными или особенно сильно поразили воображение чинов кабинетского округа»¹⁷. В свою очередь, М. О. Тяпкин отмечает, что рапорты являются наиболее информативной разновидностью делопроизводственной документации, так как отражают реально существовавшую в лесном хозяйстве ситуацию. Историк также обращает внимание на то, что степень достоверности данных источников может снижаться вследствие значительной доли субъективизма в тех случаях, когда они содержат какие-либо оценочные суждения составителя¹⁸. Аналогичной точки зрения придерживается В. М. Рынков, по мнению которого, документы лесничеств «содержательно характеризуют генезис текущих конфликтов, позволяют представить более

¹⁵ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 44.

¹⁶ Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 40.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Тяпкин М. О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII — начале XX в.... С. 68.

объективно работу революционных органов, без апологетики, часто свойственной документам советского происхождения»¹⁹.

Рапорты дают возможность отследить положение в каждом из лесничеств Алтайского округа. Циркуляр начальника округа № 18 от 22 апреля 1917 г. предписывал лесничим отправлять сведения «о положении дел в лесничестве или районе в связи с переживаемыми событиями» каждые две недели²⁰. Лесничие отнеслись к его исполнению по-разному. Шульбинский лесничий Г. Иванов в своем рапорте саркастически назвал исполнение данного циркуляра «изданием двухнедельных мемуаров»²¹. Часть лесничих составляла лаконичные донесения, в которых ограничивалась перечнем правонарушений в лесничестве, а иногда просто констатируя: «С 1 по 15 сентября в лесничестве ничего особенного не произошло»²², «Выдающихся в связи с политическими событиями случаев не было»²³. Часть лесничих занималась рефлексией, бросаясь в рассуждения: «Кажется, что над Россией нависла тьма. Все спуталось, все перемешалось. Никто не знает, где Бог, где правда, где справедливость. <...> С первого взгляда кажется, что все как будто бы хорошо, а на самом деле чувствуешь над собою тяжесть, которая давит тебя и не дает тебе возможности вести хозяйство с соблюдением интересов государства», — отмечал павловский лесничий С. Чернов в рапорте от 28 июля 1917 года²⁴. Обращал внимание на отсутствие единообразия в рапортах лесничих и начальник Алтайского округа, по мнению которого большинство лесничих отнеслось к требованиям циркуляра небрежно, «в подавляющем же большинстве... поступают разрозненные, скудные сведения, большею частью о тех или иных выдающихся случаях жизни лесничества»²⁵.

Рапорты лесничих являются важным источником по истории лесоохранной деятельности, функционирования административно-хо-

¹⁹ Рынков В. М. Делопроизводственная документация земельных органов сибирской контрреволюции... С. 273.

²⁰ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4786. Л. 35.

²¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4680. Л. 30.

²² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4710. Л. 26.

²³ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4721. Л. 11.

²⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4698. Л. 84.

²⁵ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4786. Л. 35.

зайтвенного аппарата в революционное время. В них встречаются данные о количестве лесной стражи, ее распределении по селениям, числе живущих в деревнях и на кордонах, оценки качественного состава стражи, причины кадровых подвижек²⁶. В значительном числе рапортов указаны также и объезды, в которых совершались самовольные порубки леса, что позволяет установить причины и факторы аграрных беспорядков в конкретных лесничествах округа (состав порубщиков, оценка деятельности выборных учреждений, характеристика их составов, расстояние от селений до лесных дач и пр.). В некоторых документах содержатся сведения и о конкретных селах, в которых происходили правонарушения, о характере этих нарушений (самосуды, избияния стражи, выкурка самогона, земельно-лесные захваты и пр.), о причинах обострения взаимоотношений между местным населением и лесной администрацией, старожилами и переселенцами. Не менее интересны меры, предпринимавшиеся лесничими для поддержания порядка на подведомственной территории²⁷. Помимо этого, в рапортах мы можем увидеть реакцию чиновников бывшего Кабинета, а также местного населения, проживавшего в районе лесничеств, на конкретные события в истории России и региона, что позволяет лучше понять настроения на местах в сложное время.

К значительной части рапортов прилагались протоколы заседаний народных собраний, постановления местных комитетов, приговоры сельских сходов, рапорты нижестоящих служащих лесничества и пр. (встречаются как копии, так и подлинники), которые вполне могут использоваться как самостоятельные источники. Комментарии лесничих к данным документам позволяют взглянуть на последние под другим углом, раскрыть обстоятельства их создания. Резолюции различных съездов, уездных и губернских органов власти также нашли свое отражение в рапортах лесничих. В документах встречаются обширные цитаты отдельных пунктов таких резолюций, их копии, и, самое главное, отражена практическая реализация принятых ре-

²⁶ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4661. Л. 6–6 об.; Д. 4718. Л. 9–10 об., 49 об.–50; Д. 4700. Л. 18; Д. 4693. Л. 30 об.–32 об., 48, 123.

²⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4682. Л. 11; Д. 4680. Л. 23; Д. 4759. Л. 59; ГАТО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 199. Л. 83–86.

шений на местах. В этом свете рапорты лесничих становились своеобразным обобщением важнейшего делопроизводства различных низовых учреждений, компенсируя его фрагментарность.

Являясь первоисточником, рапорты лесничих дают возможность осуществления перекрестной проверки других разновидностей документов. Следует с осторожностью относиться к информации об аграрных беспорядках в лесничествах округа, встречавшейся в периодической печати того времени. Рапорты лесничих позволяют проверить ее. Так, в номере газеты «Жизнь Алтая» от 26 июля 1917 г. помещена корреспонденция о массовой самовольной порубке леса в Павловском лесничестве. Однако, исходя из рапорта павловского лесничего от 31 июля 1917 г., она не соответствовала действительности²⁸. Документы в виде отношений, созданные на основе рапортов, могут содержать в себе информацию, отличную от первоисточника. Так, Л. Л. Маслов в телеграмме в Кузнецкий комитет общественного порядка от 12 июня 1917 г., составленной на основе рапорта Нижне-Томского лесничего, отмечал бессилие волостного комитета, не способного остановить самовольную порубку, тогда как в рапорте лесничего никакой комитет не упоминался²⁹.

«Коварство» рассматриваемого источника по отношению к исследователю состоит в отсутствии конкретики в отдельных сообщениях лесничих, когда речь идет о новообразованных органах власти. С марта 1917 г. на сельском и волостном уровнях формировались местные комитеты общественного порядка. Согласно постановлению Временного правительства от 21 апреля 1917 г., по всей стране создавались земельные комитеты, в том числе и на волостном уровне. «Волостные комитеты», упоминавшиеся в рапортах, нередко с трудом поддаются идентификации³⁰. Еще один орган власти, появившийся в апреле 1917 г., — народные собрания сельского и волостного уровней. Это название, фигурировавшее в донесениях лесничих, часто употреблялось в отношении обычных сельских сходок или общих собраний, организованных несколькими волостями³¹.

²⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4698. Л. 85.

²⁹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4681. Л. 22–23.

³⁰ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4718. Л. 18–19 об.; Д. 4678. Л. 31.

³¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4680. Л. 23–25.

Приказом начальника Алтайского округа от 22 ноября 1917 г. при лесничествах округа создавались советы лесничеств. Такая практика существовала на местах вплоть до сентября 1918 г. В период временного установления советской власти в Алтайской губернии с декабря 1917 по июнь 1918 г. производилась реорганизация управления Алтайским округом, в процессе которой все лесничества ставились под контроль создававшихся при них земельно-лесных советов. Несмотря на то, что это были совершенно разные органы, земельно-лесные советы в рапортах лесничих могли именоваться «лесным советом района», «районно-лесным советом» или даже «советом лесничества»³². Определить, о каком именно органе идет речь, позволяет упоминание о его составе, роде деятельности, наличии управы (в советах лесничеств их не было).

В период гражданской войны на Алтае канцелярии лесничеств подвергались нападениям партизан, часто лесничие, их помощники и стража гибли в ходе ограблений. Отражение в рапортах лесничих нашли передвижения красногвардейских и партизанских отрядов, их деятельность в отношении населения³³. Интересными являются рапорты лесничих, в чьих районах происходили массовые крестьянские восстания: «В районе Локтевского сильное народное брожение в связи с мобилизацией двух годов. В Лаптевом Логу засела сильная банда красных и вооружила местное население, организован «военный штаб», — сообщал локтевский лесничий в секретном рапорте от 13 сентября 1918 г. начальнику Алтайского управления земледелия и государственных имуществ³⁴.

Таким образом, рапорты лесничих содержат весомую информацию о функционировании административно-хозяйственного аппарата Алтайского округа в 1917–1919 гг. Массив отложившихся документов позволяет отследить развитие событий в лесничествах округа на протяжении всего переходного (для Алтайского округа) периода. Важной особенностью данной разновидности делопроизводственной документации является высокая степень субъективизма. От-

³² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4706. Л. 63; Д. 4759. Л. 64; Ф. 229. Оп. 1. Д. 56. Л. 39, 79, 88, 92; Д. 4719. Л. 28.

³³ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4795. Л. 159–160.

³⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4704. Л. 171.

сутствие конкретики в упоминаниях новообразованных после революции органов власти и пересечение наименований одних органов с другими, существовавшими в то же время, значительно усложняют работу исследователя. Кроме того, информация о положении дел в лесничествах, помещенная в периодической печати, может быть не тождественна содержащейся в рапортах, а документы, созданные на основе рапортов, могут заключать сведения, отличные от первоисточника. При работе с данными материалами следует учитывать административную подчиненность лесничеств округа в конкретный период, обращать внимание на даты рапортов. При расширении круга источников по периоду, которые нередко носят фрагментарный характер, рассматриваемые рапорты являются одним из наиболее информативных видов делопроизводственной документации и могут быть применимы в исследованиях широкой тематики.

П. О. Саввинов

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

**К вопросу об историографии
повстанческого движения в Якутии
в годы гражданской войны (1921–1923 гг.)**

В статье рассматривается историография повстанческого движения в Якутии в годы гражданской войны (1921–1923 гг.). Сделан вывод, что советские ученые по идейно-политическим причинам данную тему изучали односторонне. Опираясь на идеологические штампы, они интерпретировали антибольшевистское повстанческое движение как антисоветское классовое и националистическое выступление буржуазной интеллигенции и тойонатско-кулацких элементов. Для современной историографии характерны более широкая проблематика и разнообразные оценки антибольшевистских сил. В характеристике повстанчества имеет место дуализм мнений: одни исследователи оценивают повстанчество как демократическое, а другие — как националистическое выступление.

Ключевые слова: историография, гражданская война, Якутия, повстанческое движение, Временное якутское областное народное управление, национальная интеллигенция, кулаки-тойоны.

Начавшееся в августе 1921 г. гражданское противостояние в Якутии приобрело широкомасштабную форму на завершающем этапе гражданской войны, охватив почти всю территорию северо-восточной части России. Обстановка в регионе была угрожающей для Советской власти. В Якутском уезде повстанческие силы заняли все районы, за исключением Якутска. В марте 1922 г., по свидетельству И. Я. Строда, город оказался в кольце окружения в радиусе от 15 до 25 верст¹. Для координации действий повстанческих сил в регионе в марте 1922 г. на Областном учредительном съезде, проходившем в селе Чурапча, представителями национальной интеллигенции был

¹ Строд И. Я. В якутской тайге. Якутск, 1973. С. 97.

образован руководящий орган антибольшевистских сил — Временное якутское областное народное управление (ВЯОНУ).

Тема гражданской войны в России в целом и в ее регионах в частности, включая Якутию, всегда вызывала интерес отечественных исследователей. Богатое научное наследие по указанной проблематике детерминирует актуальность его историографического изучения на современном этапе развития исторической науки. Значимость такого исследования обусловлена также слабой разработкой данной проблемы в публикациях предшественников. Среди них отметим вышедшую в 1971 г. статью Ф. Г. Софронова², в которой дается краткий историографический обзор основных трудов, посвященных героям гражданской войны в Якутии. На современном этапе большинство историографических публикаций посвящено исследовательской деятельности отдельных историков³.

В продолжение разработки проблем по истории изучения гражданской войны в северо-восточном регионе России в данной статье впервые осуществляется комплексный анализ историографических оценок антибольшевистского повстанческого движения в Якутии.

В советской историографии оно рассматривалось как классово-националистическое выступление и утверждалось, что борьба Советской власти в данном регионе с контрреволюцией приняла наиболее острый характер. Так, согласно обобщающему исследованию по истории Сибири, «кулаки-тойоны» во главе с «националистической интеллигенцией из кадетов, федералистов и эсеров» при поддержке «дальневосточной контрреволюции» подняли вооруженное восстание⁴. По мнению историка П. У. Петрова, повстанцы

² Софронов Ф. Г. Якутская советская историография // Вопросы историографии и источниковедения Якутии. Якутск, 1971. С. 16.

³ Казарян Л. П. Один из первых организаторов академической науки в Якутии // Наука и техника в Якутии. 2003. № 2(5). С. 82–85; Захарова Т. В. Историк Гражданской войны в Якутии В. Н. Чемезов (1915–1979) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. №2 (11). С. 113–120; Антонов Е. П. Профессор Г. Г. Макаров — крупный исследователь // Гавриил Георгиевич Макаров — профессор, историк, ровесник Революции 1917 года. Якутск, 2017. С. 88–99.

⁴ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1969. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. С. 280–281.

состояли из представителей «тойонатской интеллигенции» и «буржуазных националистов», мечтавших вернуть свои дореволюционные привилегии⁵. Историк считал, что первые руководители ЯАССР неправомерно использовали в отношении участников антибольшевистского движения термин «повстанчество»⁶. Такого же мнения придерживался один из видных специалистов по гражданской войне в Якутии А. И. Новгородов. Он охарактеризовал состав повстанчества следующим образом: «буржуазно-националистические элементы, тойоны, кулаки, белогвардейские офицеры, монархисты, кадеты, и эсеры»⁷.

Дискуссионным является вопрос о роли ошибок, допущенных Якутским губбюро РКП(б) во главе с Г. И. Лебедевым в феврале и ноябре 1921 г. при проведении политики классового расслоения и изоляции тойонов, следствием которой стали и зарождение, и рост повстанческого движения. Впервые о жестокости мер, предпринятых местными органами власти по борьбе с контрреволюционным мятежом, о репрессировании ими мирного населения и нарушении национальной политики партии заявили специалисты по гражданской войне в Якутии Г. Г. Макаров⁸ и Е. Е. Алексеев⁹. Однако многие историки продолжали считать, что местные власти поступили правильно. А. И. Новгородов, например, отрицал «левацкие перегибы» в политике Якутского губбюро РКП(б)¹⁰, а специалист в области советской национальной политики в Сибири В. А. Демидов утверждал, что «левацкие ошибки» — это миф, который был выдуман и распространялся «врагами Советской власти»¹¹.

⁵ *Петров П. У.* О разгроме якутских буржуазных националистических банд в 1921–1922 // Сборник статей по истории Якутии советского периода. Якутск, 1955. С. 5–29.

⁶ *Он же.* Разгром Пепеляевской авантюры. Якутск, 1955. С. 13.

⁷ *Новгородов А. И.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск, 1969. С. 237–256.

⁸ *Макаров Г. Г.* К. К. Байкалов — герой гражданской войны. Якутск, 1962. 102 с.

⁹ *Алексеев Е. Е.* Роль В. И. Ленина в установлении Советской власти в Якутии. Якутск, 1962. С. 67–68.

¹⁰ *Новгородов А. И.* Октябрьская социалистическая революция... С. 15–17.

¹¹ *Демидов В. А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири 1917–1923. Новосибирск, 1978. С. 270–273.

По мнению большинства советских историков, во главе антибольшевистского повстанческого движения стояли представители национальной интеллигенции. П. У. Петров считал, что руководящую роль в организации и в последующем расширении повстанческого движения в Якутии играли «буржуазные националисты» из якутской интеллигенции, поскольку большинство из них вышло из среды «тойонатства»¹². Такого же мнения придерживалась А. А. Иванова, полагавшая, что руководителями повстанцев «были представители тойонатско-кулацкой части улусной интеллигенции, наиболее ярые бандиты-рецидивисты, как Артемьев, Ксенофонов, Михайлов, Атласов, Егоров и другие». Она также утверждала, что они «заимствовали клеветнические тезисы ярого врага ленинизма Троцкого»¹³.

Советские историки акцентировали внимание на сепаратистском характере антибольшевистского повстанческого движения. Например, в пятитомной «Истории Сибири» сказано, что «буржуазные националисты», на словах добившиеся установления в Якутской губернии национальной автономии без участия большевиков, на деле стремились превратить Якутию «в колонию японских империалистов»¹⁴. П. У. Петров отмечал, что «буржуазные националисты» и «белые офицеры» имели целью не только свергнуть Советскую власть и «реставрировать царские порядки», но и превратить Якутию в «бесправную колонию японо-американских хищнических империалистов» и сделать «якутских трудящихся бесправными рабами иностранных империалистов»¹⁵.

По мнению А. И. Новгородова, повстанческое движение было поднято «буржуазно-тойонатскими элементами» и «националистической буржуазной интеллигенцией» при поддержке «империалистов США и Японии». Он считал, что целью движения была «прода-

¹² Петров П. У. О разгроме якутских буржуазных националистических банд в 1921–1922... С. 5–29.

¹³ Иванова А. А. Якутская областная партийная организация в годы социалистической индустриализации и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926–1929 гг.). Якутск, 1980. С. 143–145.

¹⁴ История Сибири с древнейших времен до наших дней... Т. 4. С. 285.

¹⁵ Петров П. У. О разгроме якутских буржуазных националистических банд в 1921–1922... С. 20.

жа Якутии Японии и Америке»¹⁶. А.И. Новгородов утверждал, что «американские и японские империалисты» хотели захватить Якутию и побережье Охотского моря, чтобы создать плацдарм для борьбы против РСФСР.

Деятельность Временного якутского областного народного управления в советской историографии оценивалось преимущественно негативно. П. У. Петров охарактеризовал ВЯОНУ как «правительство буржуазно-националистических банд»¹⁷, А.И. Новгородов — как «буржуазно-тойонатское контрреволюционное правительство»¹⁸. Считалось, что на контролируемой им территории восстанавливались права «тойонов-кулаков», которым возвращались земли, а их самих ставили во главе улусов (волостей) и наслегов (селений). Отмечалось, что руководители повстанцев находились в тесном взаимодействии с белогвардейскими правительствами, контролировавшими территорию Приамурья. Однако советскими историками ни состав повстанчества, ни проводимая политика ВЯОНУ специально не изучались.

Впервые относительно подробно об областном народном управлении написал В.А. Демидов. Он считал, что данное антибольшевистское правительство было создано «националистической интеллигенцией» с целью организации борьбы «с коммунистами и всеми сторонниками Советской власти», а также для установления «военно-гражданской власти в захваченных районах». Исследователь раскрыл структуру власти повстанцев: на местах «был создан разветвленный аппарат власти в форме особо уполномоченных агентов различных степеней и рангов», а в районах устанавливалась «власть волостных старшин, улусных голов и наследных князьков»¹⁹.

По вопросу о ликвидации повстанческого движения в Якутии в «Истории Сибири»²⁰ утверждалось, что части Красной армии и пар-

¹⁶ *Новгородов А.И.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии... С. 242–247.

¹⁷ *Петров П.У.* О разгроме якутских буржуазных националистических банд в 1921–1922... С. 20.

¹⁸ *Новгородов А.И.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии... С. 257.

¹⁹ *Демидов В.А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири... С. 255–289.

²⁰ *История Сибири с древнейших времен до наших дней... Т. 4.* С. 282.

тизанские отряды летом 1922 г. перешли в решительное наступление, в результате которого остатки антибольшевистских сил отступили к Охотску, а отдельные отряды бежали в направлении северных уездов Якутии. П. У. Петров²¹, А. И. Новгородов²² и В. А. Демидов²³ акцентировали внимание на руководящей роли коммунистической партии, героизме якутских рабочих и крестьян, помощи «великого русского народа» и решительном наступлении частей Красной армии.

Итак, тема антибольшевистского движения в годы гражданской войны в Якутии в советской историографии по причинам идейно-политического характера всесторонне не изучалась. Исследователи давали негативные оценки деятельности повстанцев, их руководящего органа и национальной интеллигенции.

Историки, научное творчество которых не вписывалось в официальную парадигму советской истории Якутии, подвергались гонениям. Примером этого служит судьба Г. П. Башарина, в 1942–1943 гг. выступившего за восстановление литературного наследия А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова и Н. Д. Неустроева, которые, по его мнению, являлись основоположниками трех основных жанров художественной литературы якутского народа: поэзии, драматургии и прозы. В 1952 г. Г. П. Башарин был объявлен защитником «буржуазных националистов», контрреволюционеров и «врагов народа», исключен из партии и лишен кандидатской и докторской ученых степеней, хотя его диссертации были написаны на другую тему²⁴.

В 1990-е годы открылись возможности для более объективного изучения истории гражданской войны в России, в том числе и в Якутии. Многие исследователи предприняли попытки критически переосмыслить советское историографическое наследие по данной проблематике. Это характерно для современных трудов по истории антибольшевистского повстанческого движения в Якутии, автора-

²¹ *Петров П. У.* О разгроме якутских буржуазных националистических банд в 1921–1922... С. 5–29.

²² *Новгородов А. И.* Октябрьская социалистическая революция... С. 288–289.

²³ *Демидов В. А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири... С. 281–289.

²⁴ *Башарин Г. П.* Борьба за восстановление литературного наследия (1941–1944) // Илин. 2002. №1 (28). С. 16–28.

ми которых являются Г.Г. Макаров²⁵, Е.П. Антонов²⁶, А.В. Сушко²⁷, В.И. Пестерев²⁸, Н.С. Ларьков²⁹, А.А. Штырбул³⁰ и др. «Антикоммунистическая парадигма» стала преобладающей в работах историков.

В этом контексте Г.П. Башарин подверг критике А.И. Новгородова, В.А. Демидова и В.С. Познанского за создание и развитие «историко-теоретического постулата», предусматривающего обвинения всех якутов в участии в «буржуазно-националистической контрреволюции»³¹.

На современном этапе историки вернулись к обсуждению вопроса о роли «левацких перегибов», допущенных Якутским губбюро РКП(б) в ходе проведения политики классового расслоения и изоляции той онов, способствовавшей началу повстанческого движения. По мнению Г.Г. Макарова и Е.П. Антонова, эта политика стала причиной подъема антибольшевистского выступления, чем и воспользовались белогвардейцы³².

В.И. Пестерев³³ и А.А. Штырбул³⁴ рассматривают повстанческое движение 1921–1922 гг. как крестьянское выступление против политики военного коммунизма, насильственного установления Со-

²⁵ Макаров Г.Г. Северо-Восток России в 1921–1922 гг. Якутск, 1996. 336 с.

²⁶ Антонов Е.П. Борьба за национальную автономию 1921–1923 гг. // Сокровища культуры Якутии. М., 2011. С. 484–488.

²⁷ Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. М., 2014. 368 с.

²⁸ Пестерев В.И. Гражданская война на Северо-Востоке и антикоммунистические выступления в Якутии 1918–1919 гг. Якутск, 2008. 529 с.

²⁹ Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск, 2017. С. 267–287.

³⁰ Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны: коллектив. моногр., посвященная 100-летию Российской революции и Гражданской войны. Ишим, 2018. С. 111–131.

³¹ Башарин Г.П. Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921–1925 гг. Якутск, 1996. С. 297.

³² Макаров Г.Г. К вопросу о вооруженном повстанческом движении белых в Якутии в 1921–1922 гг. // Амгинский район история, культура, фольклор. Якутск, 2001. С. 85–91; Антонов Е.П. Борьба за национальную автономию 1921–1923 гг. ... С. 484–488.

³³ Пестерев В.И. Гражданская война на Северо-Востоке и антикоммунистические выступления в Якутии 1918–1919 гг. Якутск, 2008. 529 с.

³⁴ Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны... С. 111–131.

ветской власти, диктатуры партии большевиков и многочисленных злоупотреблений руководителей Якутского губбюро РКП(б) в лице Г. И. Лебедева, А. В. Агеева и А. Г. Козлова. В. И. Пестерев считает, что национальная интеллигенция пыталась возглавить это стихийное движение и придать ему демократический характер.

По мнению А. В. Сушко, боязнь местных коммунистов прихода к власти сторонников националистического движения в случае введения в Якутии автономии привела к стремительному росту недоверия населения к правительству большевиков и к началу повстанческого выступления. А. В. Сушко, также как и советские историки, отрицает наличие «левацких перегибов» в политике местных органов власти, но рассматривает их как «растиражированный» миф, созданный «национал-коммунистами» для оправдания смещения руководства Якутского губбюро весной 1922 года³⁵.

Современные историки пересмотрели отношение и к Временному якутскому областному народному управлению. Г. Г. Макаров и Е. П. Антонов дают схожие оценки деятельности руководителей ВЯОНУ, которые, по их сведениям, являлись сторонниками созыва Учредительного собрания в России и выступали за многопартийность и демократические свободы³⁶. Г. Г. Макаров подверг корректировке традиционно господствовавший в советской историографии взгляд на интеллигенцию как на «ядро единой политики контрреволюционных буржуазно-националистических сил в Якутии», разделив интеллигенцию на три политические силы: 1) большевики; 2) приверженцы демократической автономии без участия коммунистов; 3) либеральные сторонники Учредительного собрания³⁷. Е. П. Антонов утверждает, что ВЯОНУ особые надежды возлагало на помощь Японии, но сепаратистские настроения у повстанцев отсутствовали³⁸.

³⁵ Сушко А. В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. М., 2014. 368 с.

³⁶ Макаров Г. Г. Северо-Восток России в 1921–1922 гг. ... С. 175–181; Антонов Е. П. Борьба за национальную автономию 1921–1923 гг. ... С. 484–488.

³⁷ Макаров Г. Г. Северо-Восток России в 1921–1922 гг. ... С. 175–181.

³⁸ Антонов Е. П., Антонова В. Н. Социальный состав и идеология повстанческого движения в Якутии 1921–1922 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2017. Т. 159. Кн. 4. С. 836–845.

В современной отечественной историографии подробно рассматривается состав и идеология антибольшевистского движения в 1921–1922 гг. По мнению Е. П. Антонова, в число повстанцев входили бедняки, батраки и середняки. Военными руководителями движения являлись русские офицеры, его идеологами выступали представители интеллигенции, а финансовую поддержку оказывало купечество³⁹.

Некоторые историки акцентируют внимание на националистическом характере повстанческого движения. Так, по мнению А. А. Штырбула, политическая ориентация антибольшевистского движения в Якутии носила смешанный характер: «монархическо-националистический» и «эсеро-националистический»⁴⁰. Согласно А. В. Сушко, движение имело «националистический характер», так как повстанцы активно использовали сепаратистские лозунги типа «Якутия — для якутов»⁴¹.

По вопросу ликвидации антибольшевистского движения Е. П. Антонов, Г. Г. Макаров, А. В. Сушко и А. А. Штырбул едины во мнении, что решающую роль в этом сыграли прибытие частей Красной армии и победа над Сибирской добровольческой дружиной⁴². Историки видят политическое значение от подавления восстания в свертывании военного коммунизма в пользу нэпа, в «новой военно-политической линии» Советской власти, учитывавшей национальные особенности региона, и в образовании Якутской АССР.

Следует отметить, что советские историки, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, характеризовали антибольшевистское повстанческое движение в Якутии во время гражданской войны однообразно и тенденциозно как антисоветское классовое и национа-

³⁹ *Они же.* Социальный состав и идеология повстанческого движения в Якутии 1921–1922 гг. ... С. 836–845.

⁴⁰ Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны... С. 111–131.

⁴¹ *Сушко А. В.* Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. М., 2014. С. 325–354.

⁴² *Макаров Г. Г.* Северо-Восток России в 1921–1922 гг. ... С. 7–314; *Антонов Е. П.* Борьба за национальную автономию 1921–1923 гг... С. 484–488; *Сушко А. В.* Процессы суверенизации народов... С. 351–353; Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны... С. 111–131.

листическое выступление. Дискуссионные вопросы являлись следствием столкновения советских исследователей с необъяснимыми с позиций официальной парадигмы фактами.

Для современной историографии характерны более вариативные оценки повстанческого движения. Отсутствие идеологических клише позволило историкам пересмотреть и развить обсуждавшиеся в советские годы вопросы, очертить круг новых проблем и наметить направления их решения. Современные исследователи основными причинами начала повстанческого движения считают «левацкие перегибы» в ходе проведения политики расслоения и изоляции той-онон руководителями Якутского губбюро РКП(б) Г.И. Лебедевым, А.В. Агеевым и А.Г. Козловым, а также отказ большевиков ввести автономию в Якутии. Историками более подробно исследуется деятельность ВЯОНУ, социальный состав и идеология повстанчества. В характеристике антибольшевистского повстанческого движения в отечественной историографии имеет место дуализм мнений: одни историки оценивают повстанчество как демократическое, другие — как националистическое выступление. Таким образом, антибольшевистское повстанческое движение в Якутии в годы гражданской войны, многократно становившееся предметом научных исследований, тем не менее требует дальнейшего изучения для более объективной его оценки.

Я. А. Лазарев

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

**Лекция В. И. Пичеты
«История Украины в период после смерти
Б. Хмельницкого до конца XVIII в.»
и историческая политика в СССР в 1930-е годы»***

В статье рассматривается проблема осмысления украинской национальной истории в рамках общесоюзного исторического нарратива и изменения исторической политики в СССР в условиях сталинской диктатуры 1930-х годов. На примере лекции крупного советского слависта В. И. Пичеты показано, как сохранялось и воспроизводилось ядро украинской национальной истории Нового времени — концепт «казацкой державы». В результате этого на академическом уровне происходило априорное признание метафизического противостояния России и Украины в XVII–XVIII вв., а также закрепление негативных оценок российско-украинских отношений данного периода, которые вошли в современную украинскую и отчасти российскую историографию.

Ключевые слова: история Украины, «казацкая держава», буржуазный национализм, сталинизм, В. И. Пичета, М. С. Грушевский.

В контексте проблемы реконструкции механизмов производства научного исторического знания в условиях сталинской диктатуры и «сталинизации» исторической науки одним из самых малоизученных аспектов общесоюзного исторического нарратива является осмысление национального компонента. Он был напрямую связан

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых по теме «„Казацкая держава“ в Москве: механизмы сохранения и воспроизводства украинского национального нарратива в советских академических работах (1934–1956 гг.)» (МК–73.2019.6). Соглашение № 075-15-2019-1134 от 13.06.2019 г.

с конструированием «правильной» исторической памяти о прошлом, которая легитимировала советский строй. Необходимость вписывания национальных историй в общесоюзный исторический нарратив определяла непростой поиск интеллектуального консенсуса в понимании генезиса советского государства и его преемственности с предшествовавшим царским / имперским периодом во взаимоотношениях с национальными окраинами и сложившимися историографическими традициями. Особую остроту этому поиску должна была придать начавшаяся с 1934 г. частичная реабилитация российского дореволюционного нарратива и возвращение пантеона национальных русских героев (правителей, полководцев, ученых и т. д.)¹. По мнению Д. Л. Бранденбергера, важным фоном данного процесса служила официальная стигматизация любых проявлений «буржуазного национализма» как умалявших ведущую роль русского народа в развитии остальных этносов СССР².

Применительно к украинской национальной истории подобные практики затронули концептуальные построения М. С. Грушевского и его «школы» (особенно, в первой половине 1930-х годов), ставшие основными для современной версии национальной истории Украины. В понимании маститого историка ядром украинской истории Нового времени являлась концепция «казацкой державы» (1648–1764 гг.) — варианта украинского национального государства, которое постепенно и целенаправленно уничтожалось российским правительством. Это подводило к априори негативной интерпретации российско-украинских отношений середины XVII–XVIII вв. вне зависимости от источниковой базы исследований. Отмеченные представления о «казацкой государственности» своими корнями уходили в украинскую романтическую историографию XIX в. Согласно С. Н. Плохию, в сталинский период происходила денационализация отмеченной парадигмы истории Украины через директивы Москвы, проводившей репрессивную политику. Однако другой ве-

¹ После постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР».

² См.: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). М., 2009.

дущий украинский советолог С. А. Екельчик, кратко затрагивавший проблематику организации исторической науки в УССР во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов, подчеркивал, что украинская партократия в тесной смычке с местными интеллектуалами спускала «на тормозах» директивы и стремления центра, направленные на искоренение буржуазно-националистических влияний. Также историк отметил особую роль в сохранении ключевых положений концепта «казацкой державы» экспертных оценок академических специалистов в Москве, у которых отсутствовали серьезные претензии к исследованиям украинских коллег (например, «Краткий курс истории Украины») ³. Описанная историографическая ситуация показывает, что в условиях политизации исторической науки могло существовать довольно широкое поле для интеллектуального маневра. При этом остается без объяснений, каким образом базовые положения концепции «казацкой державы» стали легитимными для московских исследователей, как изменения в исторической политике в 1930-е годы сказывались на их представлениях об истории Украины середины XVII–XVIII вв.

Определенное понимание процессов сохранения и интеллектуальной адаптации идей концепта «казацкой державы» дает анализ научного творчества видного советского слависта и организатора науки академика АН СССР Владимира Ивановича Пичеты (1878–1947 гг.). Широкому кругу исследователей он известен как специалист по истории Великого княжества Литовского, Польского государства, Белоруссии и в меньшей степени как украинист.

Как украинист В. И. Пичета активно репрезентовал себя в научном поле в 1910-е годы, обращаясь к разным аспектам украинской истории XVII–XVIII вв. Этот процесс был прерван в 1920-е — начале 1930-х годов. В 1921–1929 гг. исследователь оказался во главе Белорусского университета и практически полностью переключился на изучение истории белорусских земель XVI–XIX вв. При этом В. И. Пичета показал себя как вполне конъюнктурный автор, обращавшийся к новейшей истории Белоруссии — к проблеме развития

³ *Плохій С. М.* Великий переділ. Незвичайна історія Михайла Грушевського. Київ, 2011. С. 345–406; *Екельчик С.* Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008. С. 145–180.

рабочего движения и БССР. В 1930 г. он был арестован по «Академическому делу» (1929–1931 гг.) и оказался в ссылке сначала в Вятке, где работал нормировщиком и табельщиком в кооперативе общественного питания, а с 1934 г. — в Воронеже, где получил должность профессора в местном педагогическом институте⁴. К активной научной работе В. И. Пичета вновь приступил только после переезда в Москву в 1935 г. Возвращение его из ссылки, равно как и возвращение других репрессированных старых специалистов, происходило в контексте не только борьбы с «буржуазным национализмом», но и необходимости создания единого учебника по истории СССР, а также грядущего разгрома «школы» М. Н. Покровского за «ошибочные исторические взгляды» (1936 г.). В это непростое время В. И. Пичета вновь обратился к изучению украинской истории XVII–XVIII вв.

Возврат к изучению украинской тематики был непродолжительным и прервался в 1939 г., когда В. И. Пичета переключился на разработку вопросов польской истории, работая в Институте истории, а затем — Институте славяноведения АН СССР. За этот «украинский» период своей научной карьеры исследователь подготовил ряд специальных лекций и даже рукописи двух монографий, что, однако, осталось почти не освещено в историографии. В рамках академической коллективной памяти В. И. Пичета остался прежде всего видным славистом, пострадавшим от режима и воспитавшим плеяду молодых ученых по истории Польши и Белоруссии⁵. По этой причине обращение к «украинской» части научного наследия В. И. Пичеты играет важную роль в понимании развития советской академической науки и существовании в ее рамках «буржуазно-националистической» версии истории Украины (концепция «казацкой державы»).

Будучи преподавателем истории Института хлебопекарной промышленности, В. И. Пичета подготовил и прочитал лекцию «История

⁴ Владимир Иванович Пичета: Биобиблиографический словарь / Е. Я. Дукор. Минск, 1978. С. 5–19, 23–52; *Иоффе Э. Г.* Владимир Иванович Пичета // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1: Отечественная история. С. 177–191.

⁵ См.: *Аксенова Е. П.* Очерки из истории отечественного славяноведения (1930-е гг.). М., 2000. 223 с.; *Досталь М. Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009. 464 с.

Украины в период после смерти Б. Хмельницкого до конца XVIII в.». Она сохранилась в виде машинописной стенограммы в личном фонде исследователя в архиве РАН и датируется 19 августа 1935 г. Содержание записанного текста можно условно разбить на три части: 1) история Украины в составе Российского государства (Левобережная Украина); 2) история Украины в составе Польши (Правобережная Украина); 3) выводы по заявленной теме, а также концептуальные наблюдения над текущими проблемами украинистики⁶. На материале украинской истории XVII–XVIII вв. исследователь стремился одновременно объяснить причины провала строительства казацкого государства, дать характеристику политике российского правительства в отношении Украины, а также охарактеризовать процесс интеграции местных сословных групп (особенно казацкой элиты) в состав имперских сословий.

Причины провала строительства казацкого государства В. И. Пичета видел прежде всего во внутриукраинских процессах, которыми воспользовалось московское (российское) правительство, превратившее Украину к концу XVIII в. в «колонию Российской империи» или «провинцию Московского государства». По мнению историка, «борьба украинского казачества за украинскую автономию» сводилась всего лишь к завоеванию монопольного права на владение землей и эксплуатацию казаками крестьян. В результате этого произошло расслоение внутри казачества. Выделившаяся казацкая элита («казацкая старшина») стремилась легализовать свои незаконно нажитые земельные богатства и закрепить за собой статус привилегированного сословия при помощи российских властей. В такой ситуации российские правители, особенно Петр I и Екатерина II, связанные «определенными социально-экономическими и классовыми отношениями», не могли не идти навстречу «тенденциям господствующего класса», привязывая его тем самым к престолу.

Таким образом, произошел важный переход антимосковского недовольства от тактики вооруженных выступлений к мирным практикам подачи письменных прошений, содержащих автономистские требования казацкой элиты. В результате этого она потеряла статус

⁶ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1548. Оп. 1. Д. 94. Л. 2–12, 12 об.–18, 18–24 об.

главного выразителя «идеи сепаратизма, идеи недовольства политической Московского правительства», или «автономистских идей», а антимосковские / автономистские настроения сошли на нет⁷.

Именно по этой причине символическое знамя борьбы за автономные права подхватила «громadная масса» «средних» и «мелких» казаков, не вошедших в состав имперского дворянства, а также «городской элемент», который после присоединения Украины к Российскому государству хоть и завладел «внутренним рынком», но вскоре потерял «всякую свободу торговли». Этому способствовала протекционистская политика российского правительства, в результате которой «московский торговый капитал» направлял украинские товары в Ригу и Либаву⁸, разрывая исторически сложившиеся торговые связи с Польшей. У этих социальных сил не было прежних политических и военных возможностей казацкой элиты. Вот почему, по мнению В.И. Пичеты, «губителем украинской автономии» стали «классовые настроения самого казачества, казакской аристократии». Утрата экономических позиций превращала Украину в своеобразный сырьевой придаток Российского государства, а местное крестьянство стало подвергаться двойной эксплуатации со стороны «великорусского дворянства» и «нового дворянства украинского». И только Октябрьская революция 1917 г. «освободила Украину от национального гнета»⁹.

К этой простой и понятной классовой концепции В.И. Пичета подводил слушателя, рисуя политику российского правительства в мрачных тонах и обеляя спорных персонажей украинской истории. Так, вплоть до избрания гетмана И. С. Мазепы «Московское правительство» поддерживало состояние внутренней нестабильности, выдвигая своих кандидатов, а неугодных, как, например, Д.И. Игнатовича (Многогрешного) и И.С. Самойловича, подвергая репрессиям. Сам же И. С. Мазепа сыграл в российско-украинских отношениях заметную и положительную роль, оказав «значительные услуги» Петру I (политическая поддержка, участие в Азовских походах). «Переход» гетмана и всей казацкой элиты на сторону шведского короля Карла XII стал результатом копившегося годами недовольства полити-

⁷ АРАН. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 94. Л. 6 об.-7, 20–21.

⁸ Современный г. Лиепая (Латвия).

⁹ АРАН. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 94. Л. 11–12, 20–21 об.

кой российского правительства, вмешивавшегося во внутренние дела Украины (особенно воеводы «5 городов») и корректировавшего под себя заключенные соглашения («статьи» Богдана Хмельницкого). Отмеченные антироссийские настроения накладывались на самоуправство российских войск, которые «распоряжаются Украиной по собственному усмотрению» (сбор налогов, постой). Плюс ко всему для И. С. Мазепы было важно управлять «вассальным государством, подчиненным Карлу XII», что укрепило бы его положение¹⁰. Согласно В. И. Пичете, политический выбор гетмана заставил российское правительство настойчивее искать пути к превращению Украины в «колонию Москвы». Однако оно предпочитало «обходное движение», заключавшееся в массовой раздаче казацкой элите конфискованных у И. С. Мазепы земель и назначении марионеточных гетманов, благодаря которым проводилась «колониальная политика». За политическим поведением гетмана и элиты (резиденты при гетманском дворе) осуществлялся жесткий контроль. При этом иногда институт гетманства заменялся имперскими структурами и назначенцами (Малороссийская коллегия, князь А. И. Шаховской (sic!)), арестовывались сторонники восстановления гетманства (П. Л. Полуботок и его окружение), местами насаждалось «великорусское военное право» (sic!) и организовывались «великорусские суды» (sic!), а некоторые украинские земли жаловались «русским помещикам». Решающую роль в ликвидации «украинской автономии» сыграл гетман К. Г. Разумовский — «фигура, которая не имела никакого реального, практического значения». При нем раздача земель способствовала установлению «весьма тесных связей между Москвой и Украиной», и казацкая старшина превратилась в «дворянство нового типа», что позволило Екатерине II спокойно ликвидировать гетманство¹¹.

Важно отметить, что для иллюстрации всеобщего недовольства на Украине и нарушения местных прав В. И. Пичета ссылался на источники сомнительного происхождения, например, анонимный политический памфлет «Историю русов»¹². Историк считал, что в этом тексте «много неправды и фальсификации», но в нем была

¹⁰ Там же. Л. 2–3, 4 об.

¹¹ АРАН. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 94. Л. 5–8, 9 об.–10.

¹² В тексте — «История русского народа».

отражена важная идея: Москва нарушала древние украинские права, которые следовало восстановить¹³.

При рассмотрении процесса интеграции казацкой элиты в состав российской дворянской корпорации В.И. Пичете было важно показать, что самая лояльная часть украинского общества прошла сложный и унижительный путь признания своего привилегированного положения. Поддерживая материальные интересы зажиточных казаков, российское правительство от Петра I до Екатерины II не особенно стремилось интегрировать эту прослойку в состав российского дворянства, уравнивая ли ее с «московскими чинами» по Табели о рангах, принимая ли в дворянские учебные заведения (Шляхетский кадетский корпус), разрешая ли кодификацию свода законов, содержавшего «старые польские, шляхетские права». На все подобные случаи с российской стороны был лишь один ответ: «На Украине дворянства нет»¹⁴. Все изменилось с изданием Жалованной грамоты дворянству (1785 г.)¹⁵, когда «весь класс землевладельцев превратился в дворянское сословие с массой прав и без всяких обязанностей». По этой причине украинское дворянство «хлопотало о распространении этого на Украину», став «верно подданными Российского правительства и той самодержавной колониальной политики, которую Москва, начиная с Петра [Первого], проводила»¹⁶.

Важное место в лекции занимают концептуальные рассуждения В.И. Пичеты на тему источниковедения украинской истории (изучение казацких летописей) и ее правильного осмысления, так как на тот момент «настоящая история Украины» еще не была написана. Для исследователя проблема виделась исключительно в отсутствии классового подхода, что допускало однобокие толкования. Однако при описании существовавших в историографии искажений лектор

¹³ АРАН. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 94. Л. 9 об.–10.

¹⁴ Например, в статье М. А. Киселева и Я. А. Лазарева приводятся подробный разбор этого вымышленного «факта». См.: *Киселев М. А., Лазарев Я. А. «Поелику де в Малой России нет дворян»? Статус украинского «шляхетства» в Российской империи середины XVIII в. и роль неформальных связей* К. Г. Разумовского // *Новое прошлое / The New past*. 2019. № 2. С. 116–133.

¹⁵ В тексте это некий опубликованный «приказ в Москве» от «2 апреля 17...5 г.».

¹⁶ АРАН. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 94. Л. 8–8 об.

заял двойственную позицию. Например, В. И. Пичета дал очень осторожную критику взглядов «такого крупного историка», как М. С. Грушевский, но его научное наследие, наоборот, удостоилось похвалы. Объяснение этому кроется в том, что общее концептуальное видение украинской истории у обоих исследователей совпадало практически полностью. Более жестко лектор оценивал научный вклад в изучение «Украины Московской» С. М. Соловьева и С. Ф. Платонова, которые интересовались украинской историей с «точки зрения великодержавного государства». Complimentary характеристики получили только М. Н. Покровский и Н. А. Рожков, специально не занимавшиеся украинской историей, но подошедшие к ней «правильно методологически». В данном контексте особого внимания заслуживает оценка научного вклада М. Н. Покровского, который, используя «ряд работ» М. С. Грушевского, «со свойственным ему блеском и талантом, с изумительным умением разбираться в источниках и в их содержании» смог по-марксистски объяснить историю Украины, начиная с Богдана Хмельницкого. На этом основании требовалось лишь дополнить и развить «некоторые положения» признанного классика¹⁷.

В качестве примера развития концепции М. Н. Покровского В. И. Пичета назвал свою статью 1917 г. «Украина и московское самодержавие»¹⁸. По мнению самого автора, она имела «историческое значение», хотя и была написана в журнале с «националистическим уклоном», а в тексте отсутствовал марксистский анализ российско-украинских отношений¹⁹. Обращение к более ранней работе показывает, что в лекции 1935 г. историк практически дословно воспроизводил свои старые концептуальные положения. Без наносного классового дискурса и подражания М. Н. Покровскому перед слушателями предстала «единодержавная монархия», относившаяся с «поразительной брезгливостью и ненавистью... к личной свободе и национальному самоопределению» и стремившаяся всеми силами «уничтожить украинскую автономию»²⁰.

¹⁷ АРАН. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 94. Л. 22 об.–23.

¹⁸ В тексте — «Украина и Москва».

¹⁹ АРАН. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 94. Л. 23 об.–24.

²⁰ Пичета В. И. Украина и московское самодержавие // Украинская жизнь. 1917. № 3–6. С. 65–83.

Анализ дореволюционного наследия В.И. Пичеты показывает, что радикальный антимонархизм и априори негативные оценки Российского государства были присущи ему при изучении не только истории Украины, но и взаимоотношений России с другими славянскими народами (например, поляками и болгарами)²¹. В связи с этим возникает логичный вопрос о том, какова была дальнейшая судьба историка, изменились ли его взгляды в условиях трансформации исторической политики в СССР в 1930-е годы?

Казалось бы, публичное преклонение перед авторитетом М. Н. Покровского могло в дальнейшем повлиять на карьеру В.И. Пичеты. Однако рассмотренная нами лекция не стала политическим доносом на самого себя: после нее историк работал в Московском университете (с 1938 г.), вернулся в Институт истории АН СССР, где возглавлял сектор славяноведения (1939–1946 гг.), стал одним из отцов-основателей Института славяноведения АН СССР (ныне — Институт славяноведения РАН). Видимо, в этом профессиональном и социальном продвижении свою роль сыграли близкие отношения с М. Н. Тихомировым, Б. Д. Грековым и, возможно, с С. В. Бахрушиным.

После 1939 г. В. И. Пичета отказался от планов по написанию двух монографий по истории Украины XVII–XVIII вв., несмотря на имевшиеся наработки. Тем не менее, он сохранил за собой статус ключевого академического эксперта-украиниста в Москве, а в 1941 г. совместно с М.Н. Тихомировым и А.В. Шестаковым подготовил учебник по истории СССР для неисторических факультетов, где признал «наименьшим злом» факт присоединения Украины в 1654 г., так как «украинский народ сохранил свою народность, язык и культуру»²². Данный труд был высоко оценен академической элитой в лице Б. Д. Грекова и Б. Б. Кафенгауза²³. В коллективной монографии по истории исторической науки в СССР 1942 г. В.И. Пичета отмечал значимость исследований М. С. Грушевского по украинской истории XVI–XVII вв., критикуя его только за расхождения в оценке истории

²¹ Пичета В.И., Иоксимович Ч.М. Исторический очерк славянства. Состав современного славянства. М., 1914. С. 11–162.

²² История СССР / В.И. Пичета, М.Н. Тихомиров, А.В. Шестаков. М., 1941. Т. 1. С. 196–197.

²³ Двадцать пять лет исторической науки в СССР / под ред. В.П. Волгина, Е.В. Тарле, А.М. Панкратовой. М.; Л., 1942. С. 89, 108.

Киевской Руси и личности И. С. Мазепы. «Единственно правильной точкой зрения» на «юридическую природу Казацкого государства» В. И. Пичета признавал позицию украинского историка-эмигранта А. И. Яковлева, полагавшего, что «отношения Украины к Москве» носили «вассальный характер». Не менее высоко В. И. Пичета оценивал научный вклад украинских академических специалистов из Института истории Украины АН УССР (особенно, Н(М).Н. Петровского)²⁴. Более того, в публичной лекции 1945 г. «Казацкое государство на Украине (XVII–XVIII вв.)» исследователь практически дословно воспроизвел содержание своего выступления 1935 г., естественно, без ссылок на М. Н. Покровского.

Таким образом, в условиях борьбы с «буржуазным национализмом» и «школой» М. Н. Покровского ни партийное руководство, ни московская академическая элита, частью которой стал В. И. Пичета, не видели в концепте «казацкой державы» проблемы и, соответственно, необходимости создания альтернативной версии истории Украины. По этой причине своеобразный «академический романтизм» исследователя, который не выдержал проверки работами современных российских украинистов, предопределил отсутствие иных центров изучения украинской истории вплоть до не давнего времени.

²⁴ Двадцать пять лет исторической науки в СССР / под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле, А. М. Панкратовой. М.; Л., 1942. С. 164–165, 166–173.

А. А. Шишкин

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

Государственная политика в сфере праздничной культуры в Молотовской и Свердловской областях в эпоху «позднего сталинизма»: обзор источников *

Статья посвящена обзору исторических источников о государственной праздничной политике эпохи позднего сталинизма (1945–1953 гг.) в Молотовской (Пермской) и Свердловской областях. Проанализированы законодательные, делопроизводственные, визуальные источники, источники личного происхождения и материалы периодической печати, позволяющие репрезентировать официальные практики государства по организации и проведению праздничных мероприятий. Комплексное изучение указанных источников позволяет сделать выводы о нормативных основах регулирования праздничной политики, реконструировать официальный общесоюзный праздничный календарь, рассмотреть организацию праздничного пространства в советском городе, изучить сценарии праздничных торжеств, сделать вывод о нормативных основах регулирования праздничной политики.

Ключевые слова: исторические источники, праздничная культура, государственные праздники, поздний сталинизм, послевоенное время.

В настоящее время в российской и мировой исторической науке идет процесс активного изучения советской праздничной культуры. Авторы научных трудов осмыслиют этот феномен на региональном и общесоюзном уровне, применяя различные методологические подходы¹. Интерес к этой теме объясняется тем, что в праздничной

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»).

¹ *Petrone K.* Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. 249 p.; *Малышева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005. 398 с.; *Мордасова М.А.* Праздничная культура

культуре находят отражение праздничные традиции и обряды, в которых пересекаются эпохи и мировоззрения людей. Как следствие, изучение подобных исторических аспектов дает представление о целостном облике мира и времени. При этом необходимо понимать, что в исследуемый период Российской истории праздничная культура была мощным инструментом государственно-идеологического воздействия на общество. Влияя на традиции торжеств, преобразуя историческое наследие имперской России, органы власти получали возможность формировать новое мировоззрение людей. В советский период праздничная культура была важным рычагом воздействия на народные массы, так как прямо влияла на конструирование образов новой, советской реальности. Именно в эпоху позднего сталинизма сложились структура, организация, ритуалы и ключевые символы того или иного праздника, сохранившиеся и воспроизводимые отчасти в наши дни. Таким образом, изучение различных аспектов праздничной культуры прошлого имеет не только академическое, но и практическое значение.

Вместе с тем повсеместное изучение этой темы оттеснило на второй план тему праздничной политики. Определение термина «политика» многогранно. Из всего множества дефиниций, мы остановимся на трактовке М. Вебера, который первым из мыслителей трактовал политику как «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь

Южного Урала в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 26 с.; *Деканова М.К.* Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX — первой трети XX в.: центр и провинция: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. 19 с.; *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009. 438 с.; *Бордюгов Г.А.* Октябрь. Сталин. Победа: культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. 256 с.; *Шановалов С.Н.* Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. Краснодар, 2012. 125 с.; *Барышева Е.В.* Мир идеалов советского праздника (к вопросу конструирования социальной реальности) // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2016. С. 221–229; *Красильникова Е.И.* «Мы помним день 7 ноября». Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945). Новосибирск, 2017. 226 с.; *Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма: монография / Д. А. Алисов, О. В. Гефнер, Т. Н. Золотова, Н. Ф. Хилько.* М., 2019. 98 с.

то внутри государства между группами людей, которое оно в себе заключает»². Исходя из этого, здесь и далее мы будем понимать праздничную политику как комплекс мероприятий со стороны государства, направленных на регламентацию и моделирование «правильного поведения» во время праздников. Исследование праздничной политики эпохи позднего сталинизма позволит осветить новые аспекты послевоенной истории России, выявить значимые тенденции в развитии социума, основы конструирования мировосприятия человека в данную эпоху.

Целью данной статьи является характеристика источников о праздничной политике в Молотовской и Свердловской областях в период позднего сталинизма (1945–1953 гг.). Выбор этих регионов связан с тем, что они находились на стыке европейской и азиатской частей СССР, считавшихся в те годы далекой провинцией, поэтому дают возможность изучать явление на мезо-уровне и при необходимости делать обобщения на макро- и микроуровнях. Изучение государственной праздничной политики в названных регионах Урала позволит сравнить местные варианты реализации властных решений и тем самым оценить степень воплощаемости и эффективности праздничной политики в целом.

Основными классификационными понятиями в современном источниковедении являются тип и вид. В основе классификации источников по типам лежит способ кодирования заключенной в источнике информации³. Реконструировать праздничную политику СССР в Молотовской и Свердловской областях в эпоху позднего сталинизма позволяют следующие типы исторических источников: письменные и фотодокументы. В основе видовой классификации лежит принцип выделения групп источников, исходя из особенностей внутренней формы источника, единства происхождения, содержания и назначения источника при его создании. В соответствии с видовой классификацией можно выделить следующие виды письменных источников: законодательные акты, делопроизводственные ма-

² Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645.

³ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 193.

териалы, публицистика, периодическая печать, источники личного происхождения.

Законодательные материалы представлены следующими разновидностями источников, выделенными по территориальному критерию: акты союзного значения (постановления, указы), акты федерального масштаба (Кодекс законов о Труде РСФСР, указы, постановления), региональные акты. Значимость использования законодательных актов для исследования государственной праздничной политики заключается в том, что они позволяют реконструировать иерархию торжеств в СССР. Законы регламентировали официальный праздничный календарь на разных территориальных уровнях⁴. Они устанавливали новые праздники, например День шахтера (праздновался с августа 1948 г.)⁵, отменяли статусы выходных дней для некоторых праздников, как в случае Дня Победы над Японией (3 сентября) или Дня памяти В. И. Ленина (22 января)⁶. Анализ законодательных актов Молотовской и Свердловской областей позволил сделать вывод, что особое место в праздничном календаре занимал День шахтера, что можно связать с сырьевой спецификой экономики уральского региона.

Законодательные источники, несмотря на высокую степень их репрезентативности, отражают идеализированные представления государства о регламентации праздничного времени и задают только общие рамки проведения праздников. В связи с этим, важное значение при анализе правоприменительной практики приобретают делопроизводственные материалы.

⁴ Постановление ВЦИК от 9 ноября 1922 г. «О введении в действие Кодекса Законов о Труде РСФСР изд. 1922 г.» (вместе с «Кодексом Законов о Труде РСФСР») // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 г. «Об установлении ежегодного праздника „Дня шахтера“» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. канд. юр. наук Ю. И. Мандельштам. М., 1956. С. 378.

⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1947 г. «Об изменении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г.» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г... С. 376; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1951 г. «Об объявлении 22 января рабочим днем» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г... С. 377.

Делопроизводственные документы составляют наиболее обширную группу источников. К первой разновидности делопроизводственных материалов следует отнести организационно-распорядительную документацию партийных и городских органов (сметы, постановления, протоколы и стенограммы заседаний, планы работы, справки, положения и др.). Планы местных отделов агитации и пропаганды содержат сведения о порядке подготовки праздника, компетенции каждого из организаторов, задачах, формах и методах исполнения поручений, сроках реализации торжественных мероприятий и пр. Ярким примером такого документа является положение о проведении Дня Красной армии в Молотове в 1946 году⁷. Сметы на проведение праздников следовало планировать заранее, и с их составлением и утверждением свердловским домам культуры и заводским клубам рекомендовалось не затягивать⁸. Протоколы и стенограммы заседаний городских партийных комитетов содержат информацию об утверждении планов проведения праздников. Например, Молотовский городской исполнительный комитет утверждал ранее принятый горкомом ВКП(б) план проведения общегородской демонстрации в честь дня Великой Октябрьской Социалистической революции⁹, а Свердловский городской актив работников искусств на своих заседаниях дискутировал о способах оказания помощи городскому комитету в организации празднования дня Октябрьской революции¹⁰. Утверждение подобных планов носило формальный характер и проводилось с целью окончательного закрепления полномочий в вопросах организации торжественных мероприятий.

К другой разновидности делопроизводственных документов можно отнести контрольную и отчетную документацию партийных и городских органов: отчеты, списки, ведомости. Отчеты городских комитетов, домов культуры, рабочих клубов, театров и кинотеатров

⁷ Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 1. Оп. 45. Д. 28.

⁸ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2089. Оп. 1. Д. 130.

⁹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-176. Оп. 6. Д. 115. Л. 423–426.

¹⁰ ГАСО. Ф. Р-2089. Оп. 1. Д. 45.

содержат сведения об отдельных аспектах реализации праздничных мероприятий. Например, окончательный вариант набора лозунгов на праздник Великой Октябрьской Социалистической революции и план их развешивания по г. Молотову, утвержденные планы работы домов культуры и рабочих клубов, включавшие списки фильмов для демонстрации населению¹¹. Отчетная документация писалась по стандартной форме. Каждый отчет обязательно включал в себя перечень проведенных праздничных мероприятий и численность участвовавших в них людей, а также перечисление проблем, возникших при организации праздника (недостаток финансовых средств, устаревшая инфраструктура парков культуры и отдыха и т. д.)¹². Таким образом, изучение делопроизводственной документации позволяет описать «изнутри» процесс организации торжественных мероприятий и проблемы, с которыми сталкивались организаторы.

Материалы делопроизводства дополняет периодическая печать, которую по территориальному критерию можно разделить на следующие разновидности: всесоюзная печать, которая распространялась на территории всего СССР (газеты «Правда», «Патриот Родины», журналы «Культура и жизнь», «Огонек», «Культурно-просветительская работа», календари); периодические издания регионального уровня, которые являлись центральными газетами на территории Молотовской и Свердловской областей («Звезда» — г. Молотов, «Уральский рабочий» — г. Свердловск); местные газеты, которые имели распространение в городах и районах указанных выше областей («Тагильский рабочий» — г. Нижний Тагил Свердловской области, «Боровский рабочий» — г. Боровск Молотовской области); периодическая печать локального значения, издававшаяся на территории заводов и отдельных цехов («Дзержинец» — газета завода им. Дзержинского, г. Молотов, «За уральский алюминий» — газета алюминиевого завода, г. Каменск-Уральский Свердловской области).

Газеты и журналы содержат информацию, которая позволяет реконструировать главным образом «парадную», официальную сторону праздника. Через страницы периодики задавались каноны празд-

¹¹ ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 543. Л. 45–115.

¹² ГАСО. Ф. 2709. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–5.

ников, транслировались их лозунги¹⁵, модели их проведения, описывалась их историческая значимость¹⁴. Важно отметить значимость региональных и заводских газет. Несмотря на кажущиеся монолитность советской периодики и единство решаемых ею задач, на каждом из территориальных уровней могли кардинально различаться как методы изложения информации и лозунги, так и их восприятие населением¹⁵. Выявление этой разницы позволяет проследить своеобразие реализации государственной праздничной политики на региональном уровне, в нашем случае в Молотовской и Свердловской областях.

Советские календари, которые относятся к периодической печати всесоюзного значения, содержат информацию социально-экономического содержания, например сведения об успехах СССР в рамках первой послевоенной пятилетки¹⁶, материалы научного и справочного содержания¹⁷, а также новости агитационно-политического характера¹⁸. Анализ календарей позволяет реконструировать «сетку праздников»: дни празднования, юбилейные даты, тематика юбилеев и т. д.

Источники личного происхождения представлены двумя разновидностями: дневники и письма. Дневники содержат сведения о личностной стороне восприятия праздников, описание поведения людей во время подготовки к торжественным мероприятиям и во время праздников, элементы рефлексии. Существенный интерес

¹⁵ Празднование годовщины Октября в городах и районах области. Демонстрация в городе Молотове // Звезда (Молотов). 1948. 10 ноября. С. 2.

¹⁴ Пятилетку — в четыре года! Выполним годовой план к 7 ноября! В краснознаменном цехе // Дзержинец (Молотов). 1948. 29 мая. С. 1–2.

¹⁵ Подробнее см.: *Суржикова Н. В.* Локальное и надлокальное в периферийной советской прессе в 1946 г. (на материалах Среднего Урала) // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 19(2). Киев, 2009. С. 311–312.

¹⁶ Народное хозяйство СССР в послевоенной сталинской пятилетке // Календарь-справочник. 1950. М., 1949. С. 177–179.

¹⁷ Что говорит наука о прошлом Земли // Календарь колхозника. 1946. М., 1945 С. 45; Почему нужно удобрять почву // Календарь крымского колхозника. 1947. Севастополь, 1946. С. 74.

¹⁸ Два лагеря — две линии в мировой политике // Календарь-справочник. 1952. М., 1951. С. 557–565.

в контексте изучаемой темы представляют дневники контрольного мастера завода № 19 им. И. В. Сталина¹⁹ (г. Молотов) Александра Ивановича Дмитриева²⁰ и электрика военной базы № 59 Уральского военного округа (г. Молотов) Альберта Евдокимовича Анкушенка²¹. Информационный потенциал этих источников заключается в том, что они позволяют изучить восприятие праздничной политики «обычными» людьми: как трактовались рабочими официальные праздничные ритуалы, какие из них соблюдались, а какие — нет, что делали рабочие во время праздников и т. п.

Другой разновидностью источников личного происхождения являются письма. В советское время они были самым распространенным средством общения между людьми на расстоянии. Существенный интерес представляют письма заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Молотовского горкома ВКП(б) Геннадия Георгиевича Чазова²². Значимость этих источников заключается в том, что Г. Г. Чазов непосредственно отвечал за реализацию и проведение праздничной политики в г. Молотове. Он писал друзьям и родным, девушке в Саратов, с которой у него был «роман по переписке», учителю сельской школы Татьяне Андреевне Кортаевой, которая впоследствии стала его женой. В этих письмах содержится как описание торжественных мероприятий (Международного дня солидарности трудящихся, праздника Великой Октябрьской социалистической революции и др.), так и оценочные суждения Г. Г. Чазова как партийного работника. Большим информационным потенциалом обладает переписка между моряком базировавшегося в Кронштадте линкора «Октябрьская революция» Михаилом Петровичем Микрюковым²³ и его женой Клавдией Сергеевной Микрюковой, являвшейся учителем истории в одной из рабочих школ г. Молотова. В ряде писем, адресованных М. П. Микрюкову, его супруга в деталях описывала свой праздничный день: подготовку к торжеству и участие в нем, включая неформальную часть (например, застолье). Примечательно,

¹⁹ В настоящее время — Пермский моторный завод.

²⁰ ПермГАСПИ. Ф. 6330. Оп. 5.

²¹ ПермГАСПИ. Ф. 863. Оп. 1, 2.

²² ПермГАСПИ. Ф. 184. Оп. 1.

²³ ПермГАСПИ. Ф. 1614. Оп. 1.

что эти письма содержат сведения о большинстве государственных праздниках и их реализации в г. Молотове.

В рамках исследуемой темы особое значение имеет такой тип исторических источников, как фотодокументы. Они позволяют реконструировать не только «парадную», но и бытовую сторону торжества: внешний вид людей, праздничное пространство. Нами исследованы фотографии, которые в соответствии с их происхождением и предназначением можно разделить на две группы. К первой группе следует отнести фотографии, сделанные в качестве иллюстраций к официальным отчетам партийных и городских органов, клубных и рабочих организаций, парков культуры и отдыха. Фотографии из этих отчетов отличаются однотипностью ракурсов (изображение демонстраций рабочих крупным планом; представление техники, участвовавшей в парадах; внимание к единству строя), тенденциозностью сюжетов (однотипный выбор фона, повторяющийся из года в год; акцент на счастливые и улыбающиеся лица советских граждан; внимание к детям, участвующим в параде, как показатель связи поколений).

Ко второй группе фотодокументов следует отнести личные фотографии. Информационная значимость этих снимков для изучаемой темы заключается в том, что они позволяют в большей степени оценить визуальные особенности проведения праздников в Молотове и Свердловске: чистоту улиц, состояние фасадов домов, обустройство дорог, по которым проходили парады, и др. Кроме того, эти фотографии отображают индивидуальный опыт отмечавших праздники людей: фотографии с изображением членов семьи, друзей, коллег по работе во время парада внутри шествия, бытовые сцены (приготовление праздничных блюд, застолье и др.). Отличительной особенностью этих фотографий по сравнению с официальными снимками является внимание к деталям, акцент на непарадной стороне праздника, персонализация.

Таким образом, комплексное изучение письменных и фотографических источников различных видов и разновидностей позволяет реконструировать деятельность органов власти по реализации государственной праздничной политики в Молотовской и Свердловской областях в эпоху позднего сталинизма. Законодательные

акты содержат информацию, позволяющую описать место каждого торжества в государственной системе праздников. Сведения, содержащиеся в делопроизводственной документации, дают возможность проанализировать особенности планирования и осуществления торжественных мероприятий. Периодическая печать включает в себя информацию об освещении праздника в публичном пространстве на разных уровнях: всесоюзном, региональном, местном и локальном. Также изучение периодической печати позволяет реконструировать всесоюзный праздничный календарь и изучить динамику появления новых торжеств (например, День шахтера). Информация о повседневных практиках праздничных мероприятий разных категорий населения имеется в источниках личного происхождения (дневниках и письмах), изучение которых предоставляет возможность проанализировать взгляд на праздник сквозь призму индивидуального восприятия торжественных событий. Привлечение фотодокументов в качестве источника позволяет образно представить события праздников и осмыслить их с учетом своеобразия ракурса, сюжетов, пространственно-временной целостности. Специфика источников советского периода предполагает критический подход к их интерпретации и требует всестороннего комплексного анализа.

Пресса в оптике исторических исследований

Р. Р. Хасанов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Проблема перспектив развития Австро-Венгрии в российских «толстых» журналах (середина 1860-х — середина 1880-х годов)

Статья посвящена рассмотрению проблемы будущего австро-венгерской империи на источниковой базе трех крупнейших российских «толстых» журналов: «Вестника Европы», «Русского вестника», «Отечественных записок». Автор рассматривает трансформацию образа будущего дунайской монархии, ожидания от ее возможного распада или сохранения, сопоставляет высказанные на страницах журналов взгляды. На основании анализа материалов журналов автор приходит к выводу, что либеральное издание занимало более оптимистичную позицию относительно будущего Австро-Венгрии, чем демократическое и консервативное, а основные положительные ожидания были связаны с реформированием империи по федеративному принципу.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, «толстые» журналы, перспективы развития, многонациональное государство, федерализм.

Вопрос о перспективах развития многонациональных империй уже давно представляет интерес для исторической науки. Опыт Австро-Венгрии в этом ключе особенно актуален. Давно оформились «пессимистическое» и «оптимистическое» направления в историографии¹: одни историки подчеркивают обреченность дуалистической монархии, другие — ее способность к эволюции. Споры продолжаются и сегодня. Журнал «Ab Imperio» в качестве одного из важ-

¹ Медоваров М. В. Кризис Австро-Венгрии и русская консервативная мысль накануне Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 69.

нейших вопросов, заявленных для обсуждения в 2019 г., обозначил следующий: «Была ли Австро-Венгерская империя обречена в результате конституционного эксперимента?» Интересно взглянуть на данную проблему глазами современников: был ли интересен им тот или иной вопрос, существовали ли разные точки зрения?

Мы предлагаем рассмотреть три крупнейших российских «толстых» журнала: умеренно либеральный «Вестник Европы», консервативный «Русский вестник» и демократические «Отечественные записки». Во-первых, эти журналы содержали много публикаций о политике европейских стран, в частности Австро-Венгрии. Во-вторых, журналы транслировали разные идеологические позиции, но при этом ориентировались на одну читательскую аудиторию — интеллектуалов. Это означало примерно одинаковый качественный уровень аргументации и знакомство авторов этих журналов с актуальной информацией о дунайской монархии.

Хронологические рамки исследования обусловлены временем оформления консервативных, либеральных и демократических представлений в России о возможном будущем Австро-Венгрии и о том, какой ей следовало стать.

Рассматриваемые журналы хорошо изучены в контексте российской истории². Однако исследований по образу Австро-Венгрии крайне мало. Имеющиеся научные публикации посвящены в основном образу врага накануне и в период Первой мировой войны³.

² См.: *Артемова Е.В.* Общественно-политическая программа журнала «Вестник Европы»: 1880-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2009. 210 с.; *Демченко А.А.* «Отечественные записки» и цензура 1840–1880-х гг. // Вестник ВолГПУ. 2012. №4. С. 119–123; *Андреев О.Е.* Журнал «Русский Вестник» об основных событиях русской истории // Приволжский научный вестник. 2015. № 3. С. 106–108.

³ *Крючков И.В.* Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в. (1900–1917 гг.). Ставрополь, 2003. 82 с.; *Котов Б.С.* Образы Германии и Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны, 1912–1914 гг. (по материалам либеральной и консервативной печати): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2014. 713 с.; *Он же.* Метафора как средство создания «образа врага» в газетных текстах (на примере образов Австро-Венгрии и Германии в русской прессе кануна Первой мировой войны) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 1. С. 94–110; *Он же.* «Ложная Европа»: образ

Единственное исследование, посвященное австрийской проблематике в «толстых» журналах, принадлежит И. В. Крючкову⁴. Эта статья представляет собой пересказ ряда публикаций «Вестника Европы» по разным аспектам жизни Австрии. Автор не принимает во внимание многие «австрийские» публикации журнала и не показывает динамику описаний Австро-Венгрии в журнале. Проблема оценки будущего Австро-Венгрии российскими современниками в исторической науке пока не поднималась.

Начнем с журнала «Отечественные записки». В начале 1867 г. об Австрии, еще не вступившей на путь дуалистического эксперимента, но недавно проигравшей борьбу за объединение Германии с Пруссией, говорили как о потенциальном наследнике «больного человека» Европы — Османской империи⁵. К тому же в журнале говорилось, что старый «больной» человек уже обречен, кончина его неизбежна. Это означает, что и новый «больной» человек рано или поздно придет к распаду. Таким образом, в журнале придерживались пессимистической позиции.

Прямым текстом говорилось — «Австрия должна пасть, как всякое государственное целое, созданное вследствие посторонних исторической логике соображений. Она не обладает главным условием долговечности <...> государств — логической необходимостью своего существования»⁶. Условия ее создания обусловили безвыходное положение, и потому в Австрии «все не ладится и не клеится»⁷. В журнале укоренился образ Австрии как коррумпированного государства, что тоже способствовало неполадкам⁸. Считали, что Австрия может выжить, только если сделается федеральным и при том

Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь, 2018. С. 85–91; Фролов В. В. Образ Австро-Венгрии на страницах российского дореволюционного издания «Летопись войны» 1914–1917 гг. // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 1. С. 143–146.

⁴ Крючков И. В. Австро-венгерские сюжеты на страницах альманаха «Вестник Европы» в последней трети XIX — начала XX вв. // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. 2016. С. 73–89.

⁵ Политическая хроника // Отечественные записки (ОЗ). 1867. № 1. С. 7.

⁶ Там же. С. 85.

⁷ Политическая хроника // ОЗ. 1867. № 1. С. 160.

⁸ Иностранная хроника // ОЗ. 1873. № 4. С. 261.

чисто славянским государством, чего не позволит сделать немецкий дух Габсбургов⁹.

С представлениями о будущем Австро-Венгрии было связано отношение к национальному принципу. Считалось, что он позволит народам развить свой язык и культуру¹⁰. Очень показательное крайнее сочувствие журнала венграм в национальной борьбе 1848–1849 годов¹¹. Однако Австрия расценивалась как государство, противоречившее принципу свободных национальных учреждений, в котором не может существовать общественного мнения, необходимого для представительного правительства.

Характерным для дуалистической системы считалось фактическое отсутствие связи между половинами монархии¹². В случае конфликта между делегациями Цислейтании и Транслейтании возможным виделся полный разлад государственной системы. Германские тенденции Австрии вызывали бы опасения у Венгрии, а стремление последней к независимости — у Австрии. Непонятно было, как должны функционировать представительство областей и центральное управление.

Некоторые авторы журнала при этом не были убеждены в неизбежности разрушения Австрии, хотя и высказывались о ней крайне критически. «Если Австрия вообще может сохраниться, — заключал в своей статье Н. С. Кутейников, — то только посредством федерации». Он считал, что принцип национальности, необходимый для перехода к федерации, в Австро-Венгрии «не вполне прогрессивен»¹³, поскольку в ней еще не получила последовательного развития демократичность и в империи много «средневековых» учреждений¹⁴. Поэтому лишь немного может спасти империю. На-

⁹ Политическая хроника // ОЗ. 1867. № 1. С. 270.

¹⁰ Кутейников Н. С. Вопрос о национальностях в Австрии и политика Бейста // ОЗ. 1871. № 7. С. 366.

¹¹ Покровский В. И. Рассказы из истории последнего пятидесятилетия (1816–1866). Период третий. 1848–1866. Венгрия в 1848 и 1849 годах. // ОЗ. 1871. № 6. С. 415–416.

¹² Кутейников Н. С. Вопрос о национальностях в Австрии... С. 380.

¹³ Споры о содержании термина «прогресс» в журнале были обычным делом. См.: Михайловский Н. К. Что такое прогресс? // ОЗ. 1869. № 2. С. 225–280.

¹⁴ Кутейников Н. С. Вопрос о национальностях в Австрии... С. 404.

пример, во второй статье Кутейников утверждал, что Австрия может выиграть, если рядом появится могущественная военная держава, «неприветливая гражданскому прогрессу»¹⁵. Получается, что народы, которые сами по себе сплотиться не смогут, в случае внешней опасности имеют хоть какой-то шанс на объединение в федерацию и сохранение Австрии.

Одна из немногих других надежд Австрии состояла, с точки зрения авторов журнала, в том, что «непрогрессивность» национального чувства у ее народов может означать и то, что монархии легче удержать их от сепаратистских тенденций. П. Д. Боборыкин писал, что русинское общественное движение, основной смысл которого он видел в присоединении Галиции к России, на практике не имеет развитой интеллигенции и национального чувства: все люди, стремящиеся к образованию, едут в Вену¹⁶ и там приобщаются к немецкой культуре. Отмечалась хаотичность развития идеи славянского единения, что тоже означало отсутствие возможных альтернатив монархии Габсбургов для ее славянского населения¹⁷.

В «Отечественных записках» мы видим картину обреченного государства, которое может спастись лишь в некоторых обстоятельствах и вообще не заслуживает положительных характеристик. Пожалуй, единственный случай, когда в журнале говорится нечто положительное о сделанном в монархии Габсбургов — это при оценке отдела картин Австро-Венгрии на парижской выставке 1878 года¹⁸.

Консервативный «Русский Вестник» достаточно долго не высказывался об австрийском дуализме, хотя уже в 1867 г. выходили аналитические статьи по финансам Австрии и проблемам славян в монархии Габсбургов. Отсутствие попыток объяснения специфики системы дуализма и ее будущего, на наш взгляд, связано с тем, что консерваторы не посчитали, что с австро-венгерским компромиссом что-то принципиально поменялось. Как была монархия с немец-

¹⁵ Кутейников Н. С. Вопрос о национальностях в Австрии и политика Бейста. Окончание. // ОЗ. 1871. № 7. С. 143.

¹⁶ Боборыкин П. Д. На славянском распутье. (Мотивы и выводы). // ОЗ. 1878. № 4. С. 204–207.

¹⁷ Боборыкин П. Д. На славянском распутье. Окончание. // ОЗ. 1878. № 7. С. 22.

¹⁸ Хроники парижской жизни // ОЗ. 1878. № 7. С. 131–132.

ким домом Габсбургов во главе, так и осталась. Как играла важную роль в Восточном вопросе (чему уделено очень большое внимание на страницах журнала¹⁹), так и играет.

В отличие от «Вестника Европы» и «Отечественных записок», авторы «Русского Вестника» не считали «централистскую» Австрию до дуализма абсолютно бесперспективным государством. Его авторы признавали благоприятность австрийских финансовых мер в 1860–1865 годах²⁰ и говорили о способности правительства справиться с проблемами, чему помешали «либеральные выходки и нападки» парламентариев, которые, вместо того чтобы дорожить дарованными императором и правительством конституционными учреждениями, выступили против них²¹.

Авторы «Русского Вестника» в целом позитивно относились к национальному принципу. Однако его воплощение на австро-славянской почве они воспринимали как выстраивание системы славянского единения при главенстве России, кириллицы и русской культуры²². Принимающих же сторону обособленного развития своей славянской национальности они называли провинциалистами и считали союзниками австрийского правительства. Правильная стратегия поведения австрийских славян — осознать, что «немецкие цари» не их правители, и отождествлять себя с Россией²³. Если же это затруднительно, как в случае со словенцами, то нужно просто сдерживать германизацию любой ценой²⁴.

Несмотря на обращение к связанным с монархией Габсбургов сюжетам, к вопросу о сущности дуализма и его будущем еще не обращались. Важные характеристики авторы начали давать во вто-

¹⁹ См.: *Неклюдов В.С.* Современные политические заметки. // Русский вестник (РВ). 1876. № 7 С. 443–458.

²⁰ *Куломзин А.Н.* Финансы Австрии в эпоху министерства фон Шмерлинга // РВ. 1867. № 5. С. 254

²¹ *Куломзин А.Н.* Финансы Австрии в эпоху министерства фон Шмерлинга. Окончание // РВ. 1867. № 7. С. 167.

²² *Щебальский П.К.* Препятствия и нынешний панславизм // РВ. 1867. № 4. С. 886–888.

²³ *Кустодиев К.Л.* Из истории разочарований австрийских славян // РВ. 1872. № 3. С. 381.

²⁴ *Макушев В.В.* Словенцы. Из путевых воспоминаний // РВ. 1873. № 7. С. 367.

рой половине 1870-х годов, а стройная точка зрения на этот вопрос оформилась, как и в «Вестнике Европы», к середине 1880-х годов.

Австрию понимали как немецкую по династии и мадьярскую «по силе временно сложившихся условий»²⁵. Это государство без национальности²⁶, механическое соединение народов. В журнале считали, что империя могла найти в ее славянском большинстве спасительный оплот, но не сделала этого в силу предвзятого недоверия, а в результате народы империи тяготеют к мадьярско-немецкой гегемонии²⁷. При этом между Австрией и Венгрией существовал антагонизм, центральное управление было расшатано, существовали проблемы с финансами и постоянные интриги²⁸.

В журнале были убеждены в неизбежности территориальных изменений во владениях дома Габсбургов. Считали, что рано или поздно немецкие земли Австрии воссоединятся с Германией²⁹. Некоторые авторы предполагали, что Франц-Иосиф постарается удержать колыбель величия царственного дома³⁰, но представление о неизбежной гибели преобладало. Ярким свидетельством в пользу этого казалось существование и беспрепятственная деятельность в рейхсрате фракции Шёнерера, выступавшей за присоединение немецко-австрийских земель с Богемией к Германии³¹. Этим объясняли стремление Габсбургов на Балканы — нежеланием Берлина оставлять им одну Венгрию.

Авторам журнала представлялось очевидным, что Австро-Венгрия после такого существовать перестанет. Учитывая, что славянские народы глазами журнала должны были устремиться к России, а на Балканском полуострове ее ждало упорное сопротивление³², получалось, что многонациональная империя неминуемо должна была быть поделена. Журнал пророчил создание габсбургского Вен-

²⁵ Неклюдов В. С. Современные политические заметки // РВ. 1876. № 7. С. 446.

²⁶ Современная летопись // РВ. 1882. № 7. С. 466.

²⁷ Зиссерман А. Л. Политическое обозрение // РВ. 1878. № 3. С. 471.

²⁸ Зиссерман А. Л. Политическое обозрение // РВ. 1879. № 1. С. 463.

²⁹ Зиссерман А. Л. Политическое обозрение // РВ. 1878. № 5. С. 460.

³⁰ Зиссерман А. Л. Политическое обозрение // РВ. 1879. № 10. С. 855.

³¹ Современная летопись // РВ. 1883. № 3. С. 412–413.

³² Зиссерман А. Л. Политическое обозрение // РВ. 1880. № 1. С. 499.

герского королевства, полностью подконтрольного Германии, которое будет с переменным успехом действовать на Востоке в зависимости от усилий России по втягиванию славянских народов в борьбу на ее стороне.

В умеренно либеральном «Вестнике Европы», в отличие от других журналов, на первых порах предлагали положительную характеристику системы дуализма. К представлению о том, что монархии нужен федерализм, пришли не сразу. Сначала говорили о нежизнеспособности федерации в условиях сбора в Европе военных блоков³³ и о том, что чехи подвергают империю риску, требуя федерации. Затем авторы журнала стали сомневаться в дуализме, его стали трактовать как систему, сочетающую недостатки как централизма, так и федерализма³⁴, хотя оставались и его сторонники. К 1877 г. пришли к тому, что дуализм и вовсе был ошибкой для государства³⁵, а в начале 1880-х годов в журнале были уже убеждены в благотворности федералистской альтернативы развития Австрии³⁶.

В «Вестнике Европы» проводилась последовательная критика национального принципа. Писали, что он работает только тогда, когда проблемы государства можно разрешить силой. В противном же случае он навязывает узел на узел так, что нить внутренней политики не распутать³⁷.

Отсюда и отличающиеся ожидания относительно будущего монархии. Считали, что она может спастись, если примирит между собой все национальности и будет проводить либеральные преобразования³⁸. При этом авторам было неспокойно за будущее империи ввиду силы национального принципа. Некоторые авторы говорили, что вполне вероятно разложение Австрии в силу пла-

³³ Ежемесячная Хроника истории, политики, литературы // Вестник Европы (ВЕ). 1867. № 8. С. 861.

³⁴ Иностранное обозрение // ВЕ. 1872. № 12. С. 786–787.

³⁵ *Первольф* О. О. Хроника: мадьяры и восточный вопрос // ВЕ. 1877. № 10. С. 780.

³⁶ Корреспонденция из Вены: Три года управления гр. Таафе // ВЕ. 1882. № 7. С. 339–340.

³⁷ Иностранное обозрение // ВЕ. 1871. № 12. С. 863.

³⁸ Иностранное обозрение // ВЕ. 1870. № 5. С. 408.

чевного преувеличения национальных инстинктов³⁹. Получается, что возможное исчезновение дунайской монархии воспринимали даже с печалью.

Основания для печали были в том, что Австро-Венгрию в журнале воспринимали как одну из самых либеральных стран Европы. Считалось, что в ней живется гораздо свободнее, а личность и собственность хорошо охраняются. Барон Н. А. Корф, посещавший Вену, писал о том, что вид этого города опровергает любые представления о разлагающейся Австрии⁴⁰.

К началу 1880-х годов в журнале выработалась точка зрения, согласно которой Австро-Венгрия могла бы решить противоречия, сложившиеся из-за национального принципа. Сторонники этой позиции считали, что Австрия должна показать себя как оплот национальной свободы и самостоятельного национального развития⁴¹. Либерализация, внешняя угроза, единение вокруг династии и католической религии — вот факторы, которые должны придать империи стройность. Австрия может договориться со своими народами, потому что она единственная из всех государств Европы не просто говорит о национальной свободе, а реализует ее⁴², хоть и не без проблем.

Необходимо достижение компромисса между антагонистичными национальными элементами в областях со смешанным населением, нужно преодолеть старое централистское представление о государственном управлении и осознать необходимость кооперирования между народами империи, а не применять политику «разделяй и властвуй»⁴³ и прийти в результате к федералистским принципам равноправия наций. При этом авторы «Вестника Европы» в целом были оптимистами и, начиная с 1880-х годов, регулярно говорили о том, что идет процесс создания большого феде-

³⁹ Иностранная политика // ВЕ. 1879. № 9. С. 488.

⁴⁰ Корф Н. А. Новая Вена и ее самоуправление // ВЕ. 1873. № 1. С. 155.

⁴¹ Политические заметки: Австрия, Германия и славяне // ВЕ. 1881. № 4. С. 860.

⁴² Политические заметки: Австрия, Германия и славяне. Окончание // ВЕ. 1881. № 5. С. 425–426.

⁴³ Корреспонденция из Вены: Австрия и балканские славяне // ВЕ. 1881. № 5. С. 382–383.

ративного государства, хотя на рубеже веков произошел всплеск пессимизма⁴⁴.

Итак, из всех журналов наиболее оптимистический образ будущего Австро-Венгрии изображал «Вестник Европы». Возможность государству устоять в век национализма видели прежде всего в реформировании империи по федеральному принципу. Аналогичное положение высказывалось и в демократических «Отечественных записках», хотя вариант успешного реформирования дунайской монархии и ее сохранения считали маловероятным. Консервативный «Русский Вестник» практически не актуализировал проблему переустройства монархии и фактически предрекал ее раскол из-за внешних причин.

⁴⁴ Иностранное обозрение // ВЕ. Ноябрь 1899. С. 386–387; Иностранное обозрение // ВЕ. 1903. № 1. С. 385.

И. С. Чернова

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Фельетонисты в сообществе сибирских журналистов второй половины XIX — начала XX в.

Статья посвящена анализу профессиональной деятельности фельетонистов в Сибири второй половины XIX — начала XX в. На основе эго-документов журналистов, а также материалов региональной прессы раскрыто значение отдела фельетона в региональных газетах, охарактеризованы условия труда фельетонистов, проанализированы источники информации для их текстов, выявлены критерии «успешной» публикации. Определены особенности работы редакций с авторами фельетонов: превалирование обличительного материала в данной рубрике приводило к частым административным взысканиям.

Ключевые слова: журналисты, периодическая печать, эго-документы, фельетон, Сибирь.

В сибирских периодических изданиях второй половины XIX — начала XX в. отдел фельетона являлся популярной рубрикой, где помещались злободневные тексты об общественных и политических событиях жизни города, региона и страны. Отдел привлекал читателей, поскольку помещаемый материал был ориентирован на легкое, непринужденное чтение. Один из влиятельнейших столичных журналистов А. В. Амфитеатров писал: «В [18]90-х годах русский фельетонизм достиг такого развития и влияния, что фельетон сделался если не фундаментом периодической печати, то авангардом ее движения и залогом успеха вновь возникающих ее органов»¹. В связи с этим возрастала потребность периодических изданий в сотрудниках, умеющих писать фельетоны.

В исследованиях по истории сибирской периодики фельетонисты как часть профессионального сообщества региональных журнали-

¹ Амфитеатров А. Юмор после Чехова // Сегодня. 1931. 31 января. С. 5.

стов до сих пор не были объектом специального изучения. Зачастую исследователи обращались к особенностям материалов, помещаемых в данной рубрике, а также жанровому и типологическому разнообразию фельетона. Это публикации Н. В. Жиликовой о фельетонах Ф. В. Волховского в «Сибирской газете»², М. А. Сенинг о маленьком фельетоне в газете «Сибирская жизнь»³, а также статья Ю. Л. Мандрики⁴. О. А. Болтуц обратилась к процессу появления и трансформации фельетона в кубанской периодике рубежа XIX — начала XX века⁵. А. В. Старых проанализировал становление фельетона в печати на примере «Оренбургского листка»⁶. В обобщающих трудах по истории региональной печати специалисты также фокусировали внимание на отделе, характеризовали публикуемые в нем тексты⁷.

Целью данного исследования является характеристика профессиональной деятельности фельетонистов как составной части редакционных коллективов сибирских периодических изданий второй половины XIX — начала XX в.

Источниковую базу исследования составляют эго-документы журналистов, а также материалы периодической печати. Были ис-

² Жиликова Н. В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири. Вып. 9. Томск, 2008. С. 333–345.

³ Сенинг М. А. Рубрика «Маленький фельетон» в газете «Сибирская Жизнь»: от литературы к журналистике (1904 год) // Журналистский ежегодник. 2014. № 2. С. 121–122.

⁴ Мандрика Ю. Л. Фельетон как разговор с читателем: провинциальная версия // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 1 (71). С. 85–93.

⁵ Болтуц О. А. Провинциальный газетный фельетон: от отдела к жанру: На материале кубанской периодики рубежа XIX–XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 21 с.

⁶ Старых А. В. Становление фельетона в русской провинциальной частной газете: газета «Оренбургский Листок» 1876–1879 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2010. 17 с.

⁷ Любимов Л. С. История сибирской печати: учебное пособие. Иркутск, 1982. 79 с.; Ермолинский Л. Л. Сибирские газеты 70–80-х гг. XIX в. Иркутск, 1985. 136 с.; Жиликова Н. В. Журналистика города Томска (XIX — начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. 446 с.; Шевцов В. В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. 414 с.

пользованы письма Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, А. В. Адриано-ва, а также воспоминания П. И. Макушина и И. И. Попова⁸. Кроме того, привлечен сборник воспоминаний сотрудников о томской «Сибирской газете»⁹, который содержит тексты С. Л. Чудновского, С. А. Жебунева, В. М. Крутовского, С. П. Швецова и др. Проанализирован отдел фельетона в наиболее популярных сибирских изданиях: иркутской «Сибири», «Восточном обозрении» и томской «Сибирской газете». Привлечение периодической печати позволяет охарактеризовать то, как фельетонисты конструировали образы самих себя для широкой читательской аудитории. Источники дают основание соотнести информацию из эго-документов с той, которая транслировалась обществу.

Под «сибирскими журналистами» следует понимать людей, являвшихся постоянными сотрудниками местных периодических изданий, включая проживавших на территории Европейской России и занимавшихся сибирской проблематикой. Особо важным фактором в детерминации данного понятия является именно самоидентификация сотрудника, соотнесение собственного «я» с коллегами, журналистами, а также получение признания со стороны последних. Процесс становления сообщества журналистов в Сибири, появления внутренней дифференциации на хроникеров, репортеров, фельетонистов и др. пришелся на вторую половину XIX в. Таким образом, применительно к данному исследованию можно говорить о начале формирования в региональных редакциях круга сотрудников, специализировавшихся на написании текстов в определенных жанрах.

⁸ Письма Николая Михайловича Ядринцева Г. Н. Потанину (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.) // Сибирские записки. Красноярск, 1918. Вып. 1. 232 с.; Письма Г. Н. Потанина: В 5 т. / сост.: А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев, Н. Н. Яновский. Иркутск, 1987–1992; *Адрианов А. В.* «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г. Н. Потанину / сост., публ. Н. В. Васенькин. Томск, 2007. 288 с.; *Макушин П. И.* Газетно-издательская деятельность во времена царизма. (Глава из воспоминаний) // Северная Азия. 1928. № 2. С. 91–100; *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989. 384 с.

⁹ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск, 2004. 200 с.

В иркутских газетах «Амур», «Сибирь» и «Восточное обозрение» и томских «Сибирский вестник», «Томский листок», «Томский справочный листок» и «Сибирская жизнь» программа изначально предполагала наличие рубрики «Фельетон». Лишь в «Сибирской газете» он появился на второй год издания¹⁰. Фельетон выступал неотъемлемой частью сибирского периодического издания, без которого существование газеты было бы затруднительным. Журналист С. П. Швецов писал: «Публицистика поэтому играла в „Сибирской газете“ главную роль, как это и должно было быть. Поэтому же „обличительный“ фельетон и „обличительные“ корреспонденции являлись в ней „первыми скрипками“»¹¹. В связи с востребованностью отдела, перед редакцией стояла задача поиска талантливого сотрудника, обладающего беллетристическим навыком, способного изложить различного рода факты в легкой, а порой и едкой, юмористической форме, сообразуясь с требованиями цензуры. Особенно это было важно, когда изменялась периодичность выхода издания. Например, редактор «Восточного обозрения» И. И. Попов указывал: «Разрешение получилось только через полгода, и с половины 1898 г. „Восточное обозрение“ стало выходить ежедневно. Пока шли хлопоты, пришлось подготовить состав газеты к ежедневному выходу газеты. Нужен был и фельетонист <...>, нужен был и секретарь редакции»¹².

Для фельетонистов основным источником информации для написания текстов выступали их собственные наблюдения за событиями общественной жизни сибирских городов. Однако не всегда городская повседневность была примечательна. Так, фельетонист газеты «Восточное обозрение» отмечал: «Не могу я свыкнуться с „общественной жизнью“ в провинции, хоть убейте! Не влечет меня ни клуб, ни маскарад, ни гостиница „Омулевая уха“, где можно найти недурное питание, но в тоже время добрые посетители вырвут у вас из-под носа блюдо и вымажут вас горчицей. В думу идти. Но, позвольте,

¹⁰ *Жулякова Н. В.* Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири. Томск, 2008. Вып. 9. С. 333.

¹¹ *Швецов С. П.* «Газеты велась очень живо, статьи ее отличались литературностью и едкостью» // «Сибирская газета» в воспоминаниях современников... С. 87.

¹² *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы... С. 88.

разве это дело фельетониста, на это есть свои философы, хроникеры. Не знаю, кто из них испытывает здесь наслаждение»¹³.

Другим источником для написания фельетона служила переписка между коллегами. Особо следует отметить письма Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина. Помимо обсуждения частных проблем, авторы нередко рассматривали собственные тексты, литературные, научные идеи, прилагали различные вырезки из книг. По сути, в переписке рождался коллективный текст, отточенный, выверенный адресатами, а в дальнейшем опубликованный на страницах периодических изданий. На эту практику обращала внимание Л. В. Азадовская: «Они (Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин — *И. Ч.*) часто правили, корректировали, редактировали друг друга, изменяли чужой текст и порой заимствовали один у другого мысли, формулировки, фразы. Случалось, что Потанин „подбрасывал“ Ядринцеву не только сюжеты стихотворений и фельетонов, но и образы, эпитеты, метафоры, аллегории»¹⁴.

Сам Николай Михайлович с присущим ему литературным даром писал своему другу: «Всеми Вашими цветами буду постепенно наполнять фельетоны, из них теперь составилась целая оранжерея. Для читателя так их много, что ежели выложить их разом, то он задохнется от запаха»¹⁵. В другом письме также встречаем: «Ваше письмо в высшей степени полезно и даже необходимо было для продолжения моих фельетонов, подогревает мое вдохновение, не говоря уже о личном наслаждении. Некоторые мысли уже перехвачены мною в последнем фельетоне»¹⁶.

Таким образом, коммуникативное пространство журналистов непосредственно влияло на их профессиональную деятельность. Даже само общение с коллегами, представителями местной интеллигенции, чиновниками становилось возможным сюжетом очередной заметки фельетонного жанра. В короткой заметке о профессиональной деятельности своего друга Г. Н. Потанин писал: «Ядринцев был создан журналистом <...>. Фельетон зарождался у него мгновенно, и за

¹³ Восточное обозрение. 1888. 28 февраля. С. 11.

¹⁴ Азадовская Л. В. Из истории публикации // Письма Г. Н. Потанина: в 5 т. Т. 2... С. 232.

¹⁵ Письма Г. Н. Потанина. Т. 2... С. 283.

¹⁶ Там же. С. 248.

один присест выкладывался на бумагу. Случалось иногда, что перед самым выходом газеты к нему бегут из типографии с известием, что цензор зачеркнул статью и опроставшееся место нечем наполнить: нет ли готовой статьи? Сначала несколько минут смущения — никакой готовой статьи в портфеле редактора нет — потом оживление в глазах от пришедшей идеи, и Николай Михайлович пишет в типографию с посылным успокоительную депешу и просит обождать полчаса; проходит полчаса, и от Николая Михайловича в типографию несут фельетон, сюжет которого был взят из разговора, прерванного посылным из типографии»¹⁷.

Своеобразным источником информации были поступающие в редакцию корреспонденции, опровержения, просьбы и письма от читателей. Из них редакционный коллектив составлял тексты для разных отделов, в том числе и для фельетона. Для уже упомянутого нами Николая Михайловича Ядринцева портфель редакции служил кладезем информации. Известно, что вскоре после переноса газеты «Восточное обозрение» в Иркутск в 1888 г. Ядринцев отказался от редактирования. Это ограничило его деятельность. Спустя время Г. Н. Потанин писал, что Николай Михайлович жалуется на то, что «для фельетона не находит в голове материала. Но это понятно — в качестве редактора он получал массу писем, которые снабжали его подобным материалом, а эти два года он прожил без всяких сношений с Сибирью»¹⁸.

Получив необходимую информацию, журналист должен был подготовить текст. Материалы, помещаемые редакцией в отдел фельетона, заведомо предполагали необычное оформление. Фельетонисты пытались проявить свою индивидуальность и развлечь аудиторию. Приступая к ведению данной рубрики, авторы публиковали для подписчиков яркое приветственное слово. Так, фельетонист газеты «Сибирь» отмечал, что его задачей является написание летописи иркутской жизни. Но главная его цель — это сделать в его фельетонах «магазин готовых мыслей», которые он будет примеривать к иркутянам. «Магазин будет помещаться по усмотрению редакции в нижнем этаже газеты или на задворках <...>. Обращающиеся в этот

¹⁷ Потанин Г. Н. Памяти старого товарища // Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк / Б. Б. Глинский. М., 1895. С. XI–XII.

¹⁸ Письма Г. Н. Потанина. Т. 4... С. 142.

магазин благоволят быть, прежде всего „человеками“ и на свой счет ничего не принимать <...> Вывеска моего магазина показывает, что все приготавливается „на досуге“, следовательно, и потреблять нужно тоже на досуге»¹⁹. Последнее означало, что читателям нужно с долей иронии относиться к тем материалам, которые будут помещаться в отделе.

В газете «Восточное обозрение» превалировал иной подход к ведению рубрики: «Нам не раз замечали, а в последнее время сибирский обыватель даже жалуется, что мы не даем ничего легкого и веселого, все всерьез да всерьез. Соскучился обыватель! Шутка сказать — веселого! Где его взять? Нет, если ты, обыватель, хочешь посмеяться, смеши себя сам. На сей раз мы помещаем образцы местных литературных произведений, к нам присылаемых, в том виде, как их сотворили авторы»²⁰.

В «Сибирской газете», как отмечает Н. В. Жиликова, редакционный коллектив ввел в жанровую структуру роман-фельетон, что имело огромное значение. «Роман-фельетон был сильным средством привлечения массового читателя, и „Сибирская газета“, стремящаяся в силу своей просветительской направленности к демократизации печати, приобщения к печатному слову самых широких слоев сибирского населения, воспользовалась возможностью поместить на своих страницах произведение этого популярного жанра»²¹. В основу произведения был положен увлекательный, необычный сюжет с занимательными персонажами. Подобный текст публиковался в газете в течение нескольких номеров, что позволяло удерживать интерес публики и заставить ее ждать очередной выпуск с новой главой.

В фельетоне читатели, как и журналисты, оценивали легкость прочтения, злободневность, остроумность, ироничность. Н. М. Ядринцев делился своим опытом написания текстов в данном жанре с Г. Н. Потаниным: «И не гонитесь, чтобы выходил полный отчет о сибирской деятельности. Делайте больше уклонений в сторону своих чувств, надежд, советов, пользуйтесь аллегориями, позволением литератору

¹⁹ Sine eloquentia. На досуге // Сибирь. 1879. 12 августа. С. 5.

²⁰ Восточное обозрение. 1884. 11 октября. С. 12.

²¹ Жиликова Н. В. Журналистика города Томска (XIX — начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. С. 150.

видеть сны. Скажут: смотрите, нашелся человек с какими чувствами. А это производит впечатление и обращает внимание»²². В. М. Крутовский также отмечал, что «„Сибирская газета“ сразу завоевала себе симпатии интеллигентной Сибири. Этому немало способствовали полные иронии фельетоны Ф. В. Волховского»²³.

Следует отметить, что в фельетонах нередко затрагивались события, известные и понятные только читателям отдельно взятого города. Подписчики, читая очередную заметку, видели в литературных героях прототипов конкретных личностей. Г. Н. Потанин писал: «В том же номере фельетон какого-то „Антон из Булака“, для нас статья совсем непонятна, но для [жителей] города полная намеков (между прочим, тут фигурируют купцы Алафузов и Кожевников). Такие статьи вытеснить окончательно еще нельзя (под другой формой нельзя писать обличений)»²⁴. Редакционный коллектив «Сибирской газеты» не всегда одобрял подобные тексты. В рубрике «Почтовый ящик» одному из фельетонистов был дан совет: местные фельетоны необходимо писать так, чтобы они могли быть понятны и интересны не только читателям одного города. Для этого хотя бы в препроводительном письме в редакцию необходимо изложить фактическую сторону событий отчетливее и полнее²⁵.

На заседаниях редакционных коллективов решения о публикации того или иного материала принимались коллегиально, с учетом условий местной цензуры. Одними из самых обсуждаемых текстов были фельетоны, что объясняется их обличительным характером. Так, редактор и издатель «Сибирской газеты» П. И. Макушин в своих воспоминаниях обращал внимание на подобную практику: «Материал для каждого номера прочитывался в общем собрании редакции. Нередко приходилось бороться с ядовитыми фельетонами Брута (то есть Ф. В. Волховского — И. Ч.). Дело решалось по большинству голосов, не нарушая дружеских отношений между членами редакции». А. В. Адрианов в письмах Г. Н. Потанину также жаловался, что

²² Письма Г. Н. Потанина. Т. 2... С. 63.

²³ Крутовский В. М. «...Газета была чистым, идейным органом, проводившим лучшие заветы своего времени» (Вс. Крутовский: опыт исследования сибирской журналистики) // «Сибирская газета» в воспоминаниях... С. 38.

²⁴ Письма Г. Н. Потанина. Т. 1... С. 159.

²⁵ Сибирская газета. 1888. 7 января. С. 13.

его фельетоны неохотно пропускаются редакцией, поскольку годятся только для «Земли и Воли»²⁶. Чтобы опубликовать текст, журналистам важно было литературно оформить его так, чтобы не навести административных взысканий на издание и избежать неблагоприятных последствий.

Губернатор, цензор бдительно следили за данным отделом. И.И. Попов указывал, что многое зачеркивалось цензурой²⁷. В журнале «Сибирские вопросы» была опубликована заметка об административных взысканиях, наложенных на прессу: «Из общего числа зарегистрированных разного рода взысканий (30) девятнадцать приходится на взыскания за раскрытия злоупотреблений местных властей, за злободневные фельетоны на местные темы»²⁸. Редактор и издатель «Сибирской газеты» П.И. Макушин вспоминал, что он был обвинен в клевете по поводу фельетона «Человек с лопнувшей душой», а также в диффамации по поводу фельетона «Осип Осипович Незеваев». По первому процессу Томским окружным судом он был приговорен к трехмесячному тюремному заключению, а по второму — Иркутской судебной палатой к денежному штрафу. В дальнейшем приговор о тюремном заключении был отменен²⁹.

В Государственном архиве Томской области сохранились письма-опровержения от читателей и представителей власти на изложенную в фельетонах информацию. Например, томскому губернатору поступило письмо от главы Енисейской губернии, в котором указывалось, что в газете «Сибирская жизнь» был помещен фельетон «Из перехваченной переписки двух гимназистов», содержание которого касается служебной деятельности начальницы Красноярской женской гимназии г-жи Игнациус. По мнению губернатора, фельетон не соответствовал действительности и имел целью парализовать полезные начинания начальницы. Указывалось, что необходимо предупреждать появление в будущем подобных текстов³⁰.

²⁶ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г.Н. Потанину... С. 50.

²⁷ Попов И.И. Забытые иркутские страницы... С. 49.

²⁸ Сибирские вопросы. 1907. 16 ноября. С. 15.

²⁹ Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность во времена царизма. (Глава из воспоминаний) // Северная Азия. 1928. С. 100.

³⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5136. С. 65–65 об.

В другом случае начальник Главного управления по делам печати отмечал, что фельетон под заглавием «Письма современников» в «Сибирском вестнике» совершенно не подлежит пропуску в печать, и обращал внимание цензора данного издания на неправильное разрешение им к печати статьи, заключавшей в себе грубые нападки на местное управление. Нужно «предупредить редактора газеты г. Картамышева, что стремление его снова дать своей газете направление, которое едва не вызвало применение к ней строжайшей меры взыскания, неминуемо повлечет за собой приостановления издания на восемь месяцев»³¹. В таких случаях перед редакторами стояла сложная задача лавирования между интересами цензуры и читателей.

Таким образом, отдел фельетона являлся популярной рубрикой. Потребность в авторах данного жанра была высока, поскольку они писали тексты на актуальные проблемы, высмеивали местные нравы и пороки. Источниками для написания фельетонов выступали события из общественно-политической жизни города, региона, переписка с коллегами, общение с различными людьми. Перед фельетонистами стояла задача грамотно и интересно изложить материал для читателей, заинтересовать их, сообразуясь с цензурой. Читательский интерес к фельетонам влиял на коммерческую успешность издания и придавал особое значение фельетонистам, обеспечивая им влиятельное положение в сообществе журналистов второй половины XIX — начала XX в.

³¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3170. С. 136–136 об.

М. Ю. Шматов

Новосибирский государственный университет

**Контент периодических печатных изданий
Западной Сибири как средство сопровождения
массовых политических кампаний (1936–1938 гг.)**

Статья представляет собой исследование содержания советской общесоюзной и краевой/областной периодической печати Западной Сибири в контексте массовых политических кампаний. С привлечением корпуса источников, сконцентрированных в советской прессе 1936–1938 гг., а также архивных делопроизводственных материалов изучается проблема роли текстового и иллюстративного контента периодической печати в информировании, идеологизации и отчасти просвещении советских граждан. Устанавливается круг источников, их типо-видовая принадлежность и особенности функционирования в советском социуме. Предпринимается попытка оценить восприятие идеологического контента прессы читателями. По итогам исследования сделан вывод о материалах прессы как специфическом, во многом ограниченном инструменте формирования картины мира.

Ключевые слова: периодическая печать, СССР, массовые политические кампании, контент-анализ, идеология, политическое просвещение.

Во второй половине 1930-х годов при окончательном утверждении в СССР персоналистского режима во главе с И.В. Сталиным руководство страны осуществляло массовые политические мероприятия, провозглашенные институциональными реформами государственной системы. В декабре 1936 г. была принята новая Конституция СССР, а в 1937–1938 гг. проведены выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных республик. Эти политические акции проводились для легитимации новой политической системы. Характер мероприятий был беспрецедентным по охвату и скорости проведения, что превращало декларируемые реформы в массовые кампании. При этом партийно-государственное руководство решало

задачи консолидации общества перед военными угрозами, социально-экономической мобилизации и создания видимости демократизма принимаемых решений¹.

Для реализации масштабных акций требовался обширный и разнообразный инструментарий, в том числе для контроля над информационными потоками, формировавшими значительную часть мировоззренческих установок у граждан. Одним из инструментов идеолого-пропагандистского воздействия в 1930-е годы выступала советская периодическая печать. Ежедневно или еженедельно выходившие газеты были одним из наиболее удобных и результативных средств форсированного, «кампанейского» воздействия на социум. Это предопределило роль печати в современных государствах как инструмента формирования мнений². В 1930-х годах в СССР был установлен полный контроль партийных и советских институтов над печатью.

Исследовательскую проблему представляет роль контента (содержательного наполнения) издававшихся и/или распространявшихся в Западной Сибири периодических печатных изданий в рамках массовых политических кампаний. Важно установить, как, с какой интенсивностью и с какими результатами контент периодики использовался для сопровождения массовых политических акций. Актуальность этих научных вопросов вызвана дискуссионностью места прессы в системе средств информационного и идеологического сопровождения массовых политических кампаний: насколько широко и результативно пропаганда использовала материалы периодики для достижения идеологических целей. Ответ на этот вопрос дает возможность раскрыть ряд существенных характеристик сталинизма, включая его мобилизационный характер, и изучить один из множества механизмов воздействия большевистской пропаганды на различные группы советского населения.

В советский период по проблематике использования газет и их материалов издавались преимущественно справочники для агита-

¹ Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 5–7.

² Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017. С. 403–415.

торов, а не академические исследования³. В постсоветской историографии прессу стали изучать как средство сопровождения массовых кампаний. Ее роль в формировании массовых взглядов в рамках подготовки к выборам 1937–1938 гг. проанализирована Ш. Фицпатрик⁴, А. Н. Медушевским⁵ и С. Н. Ушаковой⁶. Исследователи в целом соглашались с ролью прессы как транслятора идейных установок. Однако степень воздействия периодической печати на массовое сознание не очевидна. Д. Хоффман рассматривает прессу не только как средство идеологического воздействия, но и как инструмент социализации и просвещения⁷. О. Великанова в монографии об общественном мнении в СССР доказывает, что содержание газетных материалов было лишь «пропагандистским фоном» и слабо влияло на мировоззрение поглощенных рутинной советских граждан⁸. Близкую позицию по вопросам влияния периодики на повседневную жизнь занимают Ш. Фицпатрик, назвавшая газеты «знаковым, но не значимым» элементом повседневной жизни⁹, и С. А. Красильников, отметивший, что периодика была частью мобилизационных и охранительных средств¹⁰.

Дискуссии о роли прессы и новые источниковедческие подходы к работе с периодической печатью как с носителем комплекса исторических источников¹¹ позволяют выдвинуть гипотезу о том, что

³ См., напр.: Справочник пропагандиста и агитатора. М., 1956. 824 с.; *Медведев П. Н.* В лаборатории писателя. М., 1960. 212 с.

⁴ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг. М., 2008. 336 с.

⁵ *Медушевский А. Н.* Политическая история русской революции... С. 410–419.

⁶ *Ушакова С. Н.* Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима. Новые подходы и источники. М., 2013. 215 с.

⁷ *Хоффман Д.* Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018. С. 24.

⁸ *Velikanova O.* Mass Political Culture Under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution. Denton University of North Texas, 2018. P. 133.

⁹ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С. 57–65.

¹⁰ Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х — 1930-е гг.) / Н. Б. Арнаутов, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов [и др.]; отв. ред. С. А. Красильников. М., 2018. С. 6–8.

¹¹ *Рышков В. М.* Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.

функции и значение газетных материалов выходили за рамки прямой пропаганды и зависели от отношения граждан. Цель исследования состоит в изучении состава, функций и действенности материалов прессы в Западной Сибири для решения политических задач. Для ее достижения предстоит решить задачи по выявлению и анализу корпуса источников, установлению их информационного и идеолого-пропагандистского потенциала и по изучению восприятия аудиторией газетных публикаций.

Хронологические (период наиболее массовых политических кампаний) и территориальные (Западно-Сибирский край, затем Новосибирская область и Алтайский край — административные единицы СССР со сложной социально-экономической структурой индустриальных центров и сельских аграрных районов) рамки исследования позволяют на базе теории современного государства и социальной мобилизации комплексно рассмотреть место контента периодических изданий в массовых политических кампаниях.

Особенностями советской периодики являлись иерархичность, тематическая и смысловая унификация. Статус газеты «Правда» — органа ЦК ВКП(б) — делал ее средством распространения положений, носивших директивный характер как минимум для всех членов и кандидатов в члены партии. «Правда» в обязательном порядке распространялась на территории Западной Сибири. Региональная периодика была представлена органом Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б), Краевого исполнительного комитета, Краевого совета профсоюзов и Новосибирского горкома ВКП(б) — газетой «Советская Сибирь» — и органом комсомольской организации Западно-Сибирского края и Новосибирской области — газетой «Большевицкая смена». Целевой аудиторией этих изданий являлись члены партии, политически активная молодежь и «широкие массы» края (затем — области) в целом. Уровнем ниже стояли городские и районные издания, а также периодическая печать крупных предприятий. В рамках нашего исследования будут рассмотрены в первую очередь материалы «Правды», «Советской Сибири» и «Большевицкой смены».

Контент газеты «Правда» составляли нормативные и директивные документы партии, советского правительства, а также программные статьи. Основные публикации «Правды» неизбежно транслирова-

лись в другие — прежде всего партийные — периодические издания. В частности, новосибирская краевая, а затем областная газета «Советская Сибирь» перепечатывала из «Правды» материалы, посвященные событиям VIII чрезвычайного Всесоюзного Съезда Советов в конце 1936 года¹². В обеих газетах цитировались стенограммы выступления И. В. Сталина, В. М. Молотова и других «вождей»¹³. Общее совпадение контента «Правды» и «Советской Сибири» с 25 ноября по 7 декабря 1936 г. составляет 31 % (124 единицы контента)¹⁴. Это проекты новых советских законов (включая Основной закон) и пространственные политические комментарии к ним из уст ведущих партийно-государственных функционеров и «рядовых трудящихся» — базовые нарративы массовой кампании, сопровождавшие ее проведение в общесоюзном масштабе в качестве инструментов «информационного обеспечения» политических мероприятий¹⁵.

Повторения и «перепечатки» контента советской прессы носили масштабный и управляемый «сверху» характер. На IV краевой (I областной) конференции ВЛКСМ осенью 1937 г. исполняющий обязанности секретаря областного комитета комсомола А. Новик потребовал от «районных, заводских и сельских газет и листовок мобилизовать все силы на широкое освещение тем, поднятых в наших большевистских газетах»¹⁶. Фактически под «освещением» подразумевалось зачастую дословное воспроизведение текстового контента из общесоюзной газеты «Комсомольская правда» и областной — «Большевистская смена». Это подтверждается повторением ряда информа-

¹² Лицо Съезда // Правда. 1936. 28 ноября, Дневник Съезда // Советская Сибирь. 1936. 28 ноября; Да здравствует Сталинская Конституция! // Правда. 1936. 27 ноября; Советская Сибирь. 1936. 28 ноября.

¹³ Речь тов. В. М. Молотова о новой Конституции // Правда. 1936. 30 ноября; Советская Сибирь. 1936. 30 ноября; Речь народного комиссара по иностранным делам тов. М. М. Литвинова // Советская Сибирь. 1936. 1 декабря; Вся страна обсуждает доклад товарища Сталина // Советская Сибирь. 1936. 5 декабря; Моя поправка одобрена тов. Сталиным // Советская Сибирь. 1936. 5 декабря.

¹⁴ Подсчитано по: Правда. 1936. 25, 27, 28, 30 ноября, 1–5, 7 декабря; Советская Сибирь. 1936. 26, 27, 28 ноября, 1–7 декабря.

¹⁵ *Velikanova O. Mass Political Culture...* P. 128.

¹⁶ Работа агитаторов и текущие проблемы. Информация ОК ВЛКСМ // ГАНУ. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 20–21.

ционных сообщений о политических событиях общесоюзного или областного масштаба в газетах районного или городского уровня¹⁷.

Значительный сегмент контента «Советской Сибири» занимают уникальные, не относящиеся к общесоюзной повестке материалы: речи делегатов Съезда (преимущественно из Западной Сибири¹⁸, реже, в качестве примеров, из других областей и союзных республик¹⁹), информационные сводки, публицистические произведения и цитаты из предложений граждан к конституционному проекту²⁰. Эти группы источников объединяет их территориальная привязка (за редкими исключениями) к Западной Сибири и смысловая — к кампании. Сибиряки дают обязательства перед съездом, сообщают о результатах своей деятельности в рамках идейной мобилизации и принимают «прямое участие» в политических мероприятиях.

Отдельной проблемой выступает вопрос подлинности приводимых в прессе материалов, поскольку цель их публикации состояла не в формировании объективной картины событий, а в конструировании заданных образов. Статус авторов статей зафиксирован, если это крупные функционеры или специальные корреспонденты ведущих изданий. Зачастую в публикации упоминалась только фамилия, что представляет собой оригинальное сочетание анонимности текста с его персонификацией. Дискуссионным остается вопрос о том, отражают ли эти материалы региональные особенности Западной Сибири или являются лишь местным «дополнением» к контенту общесоюзного масштаба. Думается, по причине жесткой централизации и иерархичности системы центральной и краевой/областной печати сложно говорить о принципиальных различиях контента общесоюзных и региональных газет: подчеркивание особенностей региона в текстах, а также многочисленные ссылки на позиции его жителей фактически выступали частью общесоюзной политической

¹⁷ Ср.: Славное двадцатилетие // Большевицкая смена. 1937. 29 октября; Славное двадцатилетие. Материал Черепановской районной комсомольской газеты // ГАНУ. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.

¹⁸ Речь тов. Ф. П. Грядинского // Советская Сибирь. 1936. 28 ноября.

¹⁹ Речь тов. П. П. Любченко, речь тов. К. А. Борина // Советская Сибирь. 1936. 28 ноября.

²⁰ Народ воодушевлен могучим словом вождя о величайшем документе нашей эпохи // Советская Сибирь. 1936. 29 ноября.

кампании в ее региональном измерении. Относящийся к особенностям края контент был важен для издателей «Советской Сибири» как способ демонстрации действия «генеральной линии» в условиях Западной Сибири: речь шла о наборе примеров реализации (успешной и имеющей позитивные отклики граждан в виде публичных выступлений и писем в газеты) директив верховного партийно-государственного руководства в регионе.

Такая организация контент-пространства создавала идеологический конструкт «центр — периферия», где «центру» принадлежит роль организатора политических акций, а сибирской «периферии» — их проводника и, что немаловажно, опоры «на местах». Это общая модель организации информационного воздействия на население в рамках кампаний. Видится справедливой позиция О. Великановой в том, что советская печать в целом отражала заинтересованность функционеров в получении (или видимости) массовой поддержки беспартийных «трудящихся»²¹. Результативность такой текстуальной практики косвенно подтверждается ее продолжительностью: номера «Советской Сибири» в дни кампании по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР осенью 1937 г. организованы схожим образом: от «перепечатки» нормативных документов и речей «вождей» из центральных газет²² — к представлению кандидатур в депутаты из Западно-Сибирского края и описанию достижений²³.

Источники, наполняющие контент-пространство газет, по типовой принадлежности следует разделить на письменные (количественно преобладавшие) и визуальные (фотоматериалы, карикатуры и плакаты). К письменным источникам относятся информационные материалы, публицистика и законодательные акты. Все они имели непосредственное отношение к реализации мероприятий политических кампаний, выполняя ряд задач: информационную, мобилизационную, консолидационную/конфронтационную (если речь идет о «врагах народа» или «нашей Конституции»²⁴). Источники этих трех

²¹ Velikanova O. Mass Political Culture... P. 88–90.

²² Большевицское внимание работе на избирательном участке // Правда. 1937. 25 ноября, Советская Сибирь. 1937. 27 ноября.

²³ Предвыборное совещание в Белове, Будем голосовать за тов. И. А. Алексеева // Советская Сибирь. 1937. 27 ноября.

²⁴ Инструкция профсоюзам // ГАНУ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 128. Л. 1–3.

видов, тематически прямо или косвенно относящиеся к ходу кампаний в период с июня 1936 по июнь 1938 г., занимали около 60 % общего числа текстов²⁵.

Информационные сводки формировали одновременно консолидационную и конфронтационную повестку. Контент-анализ сводок в газетах «Правда», «Советская Сибирь» и «Большевицкая смена» с июня 1936 г. по июнь 1938 г. (459 единиц контента)²⁶, показывает, что 37 % из них посвящены международным событиям, 47 % — судебным процессам общесоюзного и локального уровня, чуть более 15 % — достижениям СССР, его экономике и культуре, около 1 % имели характер рекламы.

Интент-анализ информационных сводок позволяет сделать вывод об их идеологической заданности. Об этом свидетельствуют как рост числа текстов, посвященных важным общесоюзным политическим событиям²⁷, так и их размещение в газетах «по бокам»²⁸ или «в подвале»²⁹ номера — вблизи «главной» информации. Материалы в основном интегрированы в дискурс кампаний: проблемы зарубежных стран противопоставляются успехам СССР³⁰. Реклама в периодике была специфична. Зачастую рекламировались товары, свя-

²⁵ Подсчитано по: 132 номеров газеты «Советская Сибирь», 55 номеров газеты «большевицкая смена» с 12 июня 1936 г. по 5 июня 1938 г. Анализировались номера, вышедшие в праздничные даты или после крупных политических событий; подсчет осуществлялся по тематике заголовков и основного содержания текстов. При этом к связанным с указанными массовыми политическими кампаниями отнесены лишь такие тексты, где о кампаниях упоминается прямо: есть отсылки к Конституции, выборам, их значению и результатам.

²⁶ Подсчитано по: 22 номера «Правды», 86 номеров «Советской Сибирь», 55 номеров «Большевицкой смены» с 25 октября по 25 декабря 1936 г., с 17 июня 1937 г. по 26 июня 1938 г.

²⁷ См.: Правда. 1936. 5 ноября, 5 декабря; Советская Сибирь. 1937. 12 ноября, 11–12 декабря.

²⁸ Прием в Кремле героического экипажа самолета «Родина» // Большевицкая смена. 1938. 29 октября.

²⁹ Две выставки в Большом Кремлевском дворце // Советская Сибирь. 1936. 28 ноября.

³⁰ См. Германия — «вождевое государство» // Правда. 1936. 21 ноября; СССР и мир между народами // Правда. 1936. 30 ноября.

занные с кампаниями (агитационные брошюры)³¹, или появление промышленной продукции увязывалось с достижениями «соцстроительства». Это делало рекламу средством идеолого-пропагандистского воздействия³².

Элементы художественного творчества (от стихотворений А. С. Пушкина³³ до произведений поэтов Джамбула и С. Стальского)³⁴ эмоционально дополняли информационно-пропагандистский нарратив. Итак, якобы не идеологические материалы «сопровождали» и «подкрепляли» идеолого-пропагандистский контент.

Значительное пространство номеров газет занимали визуальные источники. Их функция заключалась как в информационном сопровождении текстовых материалов, так и в своего рода квазипросвещении: публикация портретов ведущих персон, карт государств или фотографий новых зданий, технических изобретений или памятников архитектуры, бесспорно, способствовала тому, что в СССР именовалось «политпросветработой». В то же время очевидна практическая польза изображений для усвоения сложных для массового восприятия текстовых материалов³⁵.

В партийных и комсомольских кругах газеты пользовались спросом. Часто причиной был практический интерес. Функционеры руководствовались «передовицами» для поиска ответов на вопросы о правильном проведении мероприятий³⁶. Читка газет нередко выступала единственной формой агитационно-пропагандистского воздействия на граждан в колхозах и небольших городах³⁷, порождая общий конформизм и пассивность тех, кого в ходе кампаний необходимо было мобилизовать.

Восприятие материалов прессы читательской аудиторией — важный показатель результативности печатной пропаганды. Источниковая база материалов, отражающих проявления вербальной или поведенческой реакции рядовых граждан на содержание газет,

³¹ Правда. 1937. 10 октября.

³² Покупатель недоволен // Советская Сибирь. 1936. 11 июня.

³³ Поэт великого народа // Советская Сибирь. 1937. 10 февраля

³⁴ Сулейман Стальский // Советская Сибирь. 1937. 27 ноября.

³⁵ Velikanova O. Mass Political Culture... P. 24–29.

³⁶ Шлегель К. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011. С. 227.

³⁷ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 3.

фрагментарна. Содержание газетных сводок часто служило инструментом проявления активизма. «Как правильно пишут в газетах, наша Конституция — лучшая в мире», — говорила одна из алтайских комсомольских активисток³⁸. Пресса была и объектом критики, чаще в не слишком «интересующейся» сельской среде. «В газетах пишут про Испанию, про Колчака, а что нам дает конституция?»³⁹, — говорил на общем собрании избирателей в конце 1936 г. один из алейских колхозников.

Итак, характер политических мероприятий в СССР и инструментальность прессы как средства трансляции идеологических установок позволяют говорить об общей идеологизации текстовых и визуальных материалов периодики в 1936–1938 гг. При этом часть материалов имела прямое отношение к кампаниям, служа средством сопровождения, а другая, не менее обширная контент-группа обеспечивала сопровождение уже этих, прямо идеологических текстов. Выполняя специфические функции, почти все виды текстовых источников играли определенную роль в пропаганде; те же функции имели визуальные источники. Таким образом, контент периодической печати выступал частью общего контента средств сопровождения массовых кампаний: материалы газет создавались и использовались для трансляции официальной позиции власти, ее подкрепления и художественного или визуального поддержания, а также для формирования у граждан определенных взглядов и стимулирования их выражения.

³⁸ Алтайская правда. 1937. 25 июня.

³⁹ ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3383. Л. 2.

Общество и власть в мировой истории: проблемы взаимоотношений

И. А. Кирпичников

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

«Был за воеводы место»: центральная власть и элиты служилых «городов» в начале правления Василия Шуйского

В статье рассматривается внутренняя структура служилых «городов» Московского государства, а также стратегии, к которым прибегала центральная власть в отношениях с уездными сообществами в 1606–1607 гг. Показано, что в ряде регионов — как остававшихся на стороне правительства, так и выступивших против него — местными лидерами становились представители традиционной локальной верхушки. В условиях ослабления центральной власти естественным способом ее взаимодействия с местными элитами был «консенсусный» подход, состоящий в признании местных иерархий, поощрении лояльных лиц и мягкости к «изменникам».

Ключевые слова: Московское государство, Смутное время, XVII век, государев двор, дворянство, служилый город, регионализм, элита.

В последние десятилетия интерес к истории провинциального дворянства Московского государства заметно вырос, однако целый ряд аспектов этой темы остаются не вполне изученными. Так, недостаточное внимание уделяется исследованию внутренней структуры местных служилых сообществ («городов»), представлявших собой сложный мир локальных взаимоотношений и иерархий. В рамках этой проблематики можно выделить несколько ключевых вопросов: 1) какие группы или лица внутри локального сообщества составляли местную элиту, то есть пользовались наибольшими авторитетом, влиянием и, возможно, властью; 2) какова была степень «корпора-

тивной» солидарности городских дворян и детей боярских; 3) какую политику по отношению к местной верхушке осуществляло центральное правительство.

В настоящей статье предпринята попытка ответить на эти вопросы, обратившись к одному из этапов Смутного времени — событиям 1606–1607 гг. Особый интерес к данному периоду обусловлен сложившейся тогда ситуацией: впервые контроль центральной власти над местными делами ослаб настолько, что уездные сообщества на обширных пространствах европейской России оказались предоставленными сами себе и столкнулись с необходимостью самостоятельного принятия решений.

Важный пример такой самоорганизации на материале смоленского «города» исследован А. М. Молочниковым¹. В отличие от служилых сообществ, которые будут рассмотрены в данной статье, смоленские дворяне и дети боярские сохраняли лояльность правительству В. Шуйского и даже пришли ему на помощь, организовав осенью 1606 г. знаменитый «московский поход». Это решение, по свидетельству «Повести о победах Московского государства», было принято на «совете» дворян, земцев и «всех ратных людей»² — в условиях, когда связь с государственным центром была практически утрачена. «Новый летописец» сообщает, что смоляне «поидоша под Москву, *выбрав* (курсив наш. — И.К.) себе старейшину Григория Полтева»³. Родословная роспись указывает, что он в качестве «полкового воеводы» шел «со смоляны для очищения Московского государства». По убедительному заключению А. М. Молочникова, род Полтевых, бывших бояр Смоленского княжества, «превосходил по старшинству все остальные роды»⁴. Г. Полтев являлся выборным дворянином (второй в десятне 1605/06 г., оклад 600 четвертей)⁵. Воеводы и сеунщики, которые участвовали в походе и упомянуты в источниках, также числились в «выборе» или «дворовом» списке с высокими окладами и при-

¹ Молочников А. М. Смоленский служилый город в Смутное время (1605–1612): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 236 с.

² Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 6.

³ ПСРЛ. Т. XIV. М., 1965. С. 72.

⁴ Молочников А. М. Смоленский служилый город... С. 74.

⁵ Десятня 7114 года по Смоленску // Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 365.

надлежали к наиболее статусным смоленским родам⁶. Изучение действий смоленского «города» позволило исследователю сделать вывод о том, что местные служилые люди не только сохранили единство, но и руководствовались глубоко традиционными представлениями об иерархии внутри служилого сообщества, в основе которых лежали «отечество» и родовая выслуга⁷.

Чтобы показать, что такие представления были органически присущи служилым людям Московского государства, обратимся к лагерю противников В. Шуйского. Осенью 1606 г. к числу городов, признававших власть «Дмитрия Ивановича», под влиянием соседних центров присоединился Муром. Из сохранившейся грамоты с именами «изменников» известно, что местную власть взяли в свои руки представители элиты служилого «города»: выборный дворянин Г. Елизаров⁸ и дворовый сын боярский С. Чаадаев⁹, упомянутые в документе вместе с сыновьями. Пытаясь, вероятно, перехватить инициативу, правительство В. Шуйского назначило муромским воеводой другого местного землевладельца — Г. Языкова¹⁰. Это назначение весьма примечательно: Г. Языков, хотя и числился в «дворовом» списке, но, как справедливо констатировал Б. Н. Морозов, «занимал более низкое положение, чем <...> представители верхушки муромского дворянства, ставшие в оппозицию правительству Шуйского»¹¹.

⁶ Молочников А. М. Смоленский служилый город... С. 106.

⁷ Там же. С. 66, 74, 77–78, 103–104, 112, 214.

⁸ Представителей рода можно найти среди «лучших слуг» по Мурому (Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 71). У Г. Елизарова по «боярскому списку» 1602/03 г. оклад составлял 500 четвертей, кроме того, он смог выставить девять человек конных в 1604 г., что свидетельствует о материальной состоятельности (Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 274, 390). По неизвестным причинам он отсутствует в десятне 1605 г. и «боярском списке» 1606/07 г. Сыновья Г. Елизарова были зачислены в «выбор» по результатам верстаня Лжедмитрия I (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 4).

⁹ Упоминается в качестве окладчика и губного старосты (Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. С. 65; Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора... С. 274, 410).

¹⁰ Морозов Б. Н. Важный документ по истории восстания Болотникова // История СССР. № 2. 1985. С. 162–168.

¹¹ Там же. С. 165.

Обращение к муромской десятине позволяет отчасти объяснить это решение: оно показывает, что Г. Языков занимал важную позицию в «цепи поручительства» местного служилого «города» и, очевидно, пользовался влиянием¹². Грамоту ему привез И. Плещеев, недавно зачисленный в «дворовый» список¹³ и, вероятно, ставший товарищем воеводы.

Назначение Г. Языкова произошло в конце октября 1606 г., но лишь в начале декабря он смог отчитаться, что Муром принес присягу, а «изменники» посажены в тюрьму¹⁴. Ответное царское послание, направленное в Муром в середине декабря 1606 г., весьма примечательно: оно адресовано коллективу, представлявшему «победившую» часть местной элиты — семи служилым людям во главе с Г. Языковым и И. Плещеевым (кроме них, упомянуты двое сыновей Языкова и еще три человека, вероятно, служившие по «дворовому» списку). В конце грамоты перечислены 12 «воровавших и изменявших» дворян и детей боярских, которых следовало прислать в Москву под надежной охраной. Среди них, наряду с Г. Елизаровым и С. Чадаевым, можно найти как выборного дворянина Г. Новосильцева, так и дворовых и городских детей боярских¹⁵. Известно, что участие в движении не сказалось на карьерном пути «изменников»: Г. Елизаров впоследствии оказался в «московском» списке, а его сыновья и Новосильцев продолжали числиться в «выборе»¹⁶.

Детали описанных событий скрыты от исследователя в силу состояния источников, однако следует подчеркнуть два принципиальных момента. Во-первых, именно верхушка местного служилого «города» играла ключевую роль в разворачивавшемся противосто-

¹² В десятине 1597 г. выступил поручителем за других лиц 19 раз (см.: Десятни XVI века... С. 65–91).

¹³ Там же. С. 85.

¹⁴ Возможно, в подавлении выступления принял участие отряд правительственных войск (Белоуров С. А. Разрядные записи за Смутное время: 7113–7121 гг. М., 1907. С. 44).

¹⁵ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608: сб. док. М., 2003. С. 128–129.

¹⁶ Боярский список 1610–1611 г. // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1909. № 3. Отд. 3. С. 91, 96–97.

янии. В ее среде, как и во всем «городе», произошел раскол¹⁷. Еще недавно эти лица были связаны отношениями соседства и поручительства, выступали свидетелями в земельных сделках друг друга¹⁸, а теперь оказались в разных лагерях. Так, различный выбор сделали два представителя рода Мертвых: один из них — Иван Гаврилович — поддержал Г. Елизарова, другой — стрелецкий сотник Микифор Булгакович — примкнул к группировке Г. Языкова. Во-вторых, московское правительство попыталось опереться на пользовавшихся авторитетом представителей локальной элиты в попытках обеспечить лояльность местного населения. Важно подчеркнуть, что в оппозицию правительству встали наиболее статусные члены местного сообщества.

Одновременно с выступлениями в Муроме повстанческое движение развивалось в соседних Арзамасском и Нижегородском уездах¹⁹. Его возглавили Доможировы — наиболее влиятельный местный род, некогда переселенный Иваном III из Новгорода. Старший представитель клана — нижегородский выборный дворянин (оклад 600 четвертей) Б. И. Доможиров — еще при Лжедмитрии I был назначен «судьей» в Арзамас и осенью–зимой 1606 г., уже в качестве местного воеводы, признал власть «Дмитрия Ивановича». Он состоял в переписке с Ф. М. Доможировым, действовавшим в Нижегородском крае, где, однако, не удавалось овладеть уездным центром²⁰. Царская грамота сообщает, что «изменники» кн. И. Волховский (выборный по Нижнему Новгороду с высоким окладом 500 четвертей) и И. Б. Доможиров (сын Б. И. Доможирова) с отрядом служилых людей пытались взять город. Последний, как указывает «Карамзинский хронограф», был у повстанцев «за воеводы место». Наряду с ним в другом источнике

¹⁷ См. также: *Ершов В. Е.* История «служилого города» Мурома в XVI — начале XVII веков // Уваровские чтения — IX: материалы научной конференции. Муром, 2014. С. 254–260.

¹⁸ См., например: *Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века.* Т. 2. М., 1998. С. 385–386.

¹⁹ Муромский, Арзамасский и Нижегородский уезды были тесно связаны в служебном плане (См. комментарий В. Н. Сторожева: Десятни XVI века... С. 87).

²⁰ *Корецкий В. И.* К истории восстания И. И. Болотникова // Исторический архив. 1956. № 2. С. 126–145.

упоминается и второй сын Б. И. Доможирова — М. Б. Доможиров²¹. Среди восставших отмечен также А. Соловцов — выходец из нижегородского рода, представители которого после верстания Лжедмитрия I занимали высокие позиции в «выборе». Таким образом, восстание в регионе возглавили представители местной служилой элиты, а его предводитель — Б. И. Доможиров — являлся самым богатым нижегородским помещиком²². Следует отметить, что значительная часть «города» — в том числе и ряд выборных — находилась в этот период на астраханской (М. и П. Приклонские, М. Товарищев) и других (Д. Жедринский, В. Онучин) дальних службах и просто не могла участвовать в местных делах²³.

После поражения войск Болотникова под Москвой Нижегородский и Арзамасский уезды были возвращены под контроль правительства. Еще П. Г. Любомиров обратил внимание на «беззлобность» правительства В. Шуйского по отношению к «изменникам»: кн. И. Волховский и Б. Доможиров не подверглись репрессиям и состояли в «выборе» по десятне 1607 г., причем первый из них получил даже прибавку к окладу²⁴.

Ярким примером как локальной самоорганизации, так и «консенсусного» типа взаимодействия с местными элитами, ранее выступав-

²¹ Народное движение... С. 116 (по-видимому, верно читать: «Микита» вместо «Матюшка»), 128; *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 334.

²² *Мусихин А. Л.* Борис Иванович Доможиров: штрихи биографии // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья. Тара, 2010. Т. II. С. 120.

²³ Об этом свидетельствуют пометы в «боярском списке» 1606/07 гг., указания десяти (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 9) и прямые упоминания нижегородцев на астраханской службе (*Антонов А. В.* К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатарий. Вып. 6. М., 2000. С. 196–240; *Белоуров С. А.* Разрядные записи... С. 184).

²⁴ *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 33; *Сторожев В. Н.* Состав нижегородского дворянства по десятиям XVII века // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 1. Вып. 9. С. 399. В «боярском списке» 1606/07 г. не отмечены ни измена, ни повышение оклада (*Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора... С. 143). Добавим, что и арзамасский подьячий В. Ковернев, примыкавший к восставшим, продолжал занимать свою должность (Арзамасские поместные акты [1578–1618 гг.]. М., 1915. С. 326).

шими против московского правительства, является рязанский случай. В начале осени 1606 г. после поражения царской армии у Ельца рязанские служилые люди в очередной раз отказали центральной власти в повиновении. Присоединение к повстанцам сопровождалось свержением местных воевод, часть которых была «побита», а остальные схвачены и отосланы в Путивль (центр восстания)²⁵. Среди них были не только «московские» назначенцы, никак не связанные с рязанским сообществом, но и выходцы из статусных местных кланов (П. Вердеревский, Н. Измайлов). Рязанский «город» в рядах восставших возглавили другие представители локальной элиты — выборные дворяне Г. Сунбулов и П. Ляпунов. Первый происходил из боярского рода бывшего Рязанского княжества. Ляпуновы не относились к старой знати, и загадка их возвышения остается неразгаданной. Перед Смутой они, однако, находились в числе рязанских выборных с высокими окладами, причем П. Ляпунов упоминается как окладчик рязанского Окологородного (центрального) стана²⁶. Благодаря случайным свидетельствам известно, что в движении участвовали также и другие представители местной служилой верхушки (выборные дворяне Кобяковы и Коробьины).

В середине ноября 1606 г. рязанцы перешли на сторону В. Шуйского, который «отдал им вины»²⁷. Весьма примечательно, что сразу после победы правительственных войск рязанские силы были отправлены в свой край во главе с Г. Сунбуловым и П. Ляпуновым, то есть с теми же начальниками, которые ранее возглавляли их в походе на Москву²⁸. Г. Сунбулов получил чин московского дворянина, а П. Ляпунов — очередную прибавку к окладу (к марту 1607 г. он достиг рекордных для «выбора» 800 четвертей) и земельные пожалования из дворцовых сел²⁹. Правительство В. Шуйского, таким образом, приняло сложившуюся в ходе пребывания в повстанческом лагере иерархию внутри рязанского войска. Впоследствии П. Ляпунов вместе с боярином кн. Б. М. Лыковым и рязанцем Ф. Булгаковым (так-

²⁵ Попов А. Изборник... С. 331.

²⁶ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора... С. 268; Десятни XVI века... С. 368, 393.

²⁷ Народное движение... С. 120.

²⁸ Там же. С. 124.

²⁹ Там же. С. 156.

же выборным дворянином) возглавлял рязанские силы в походе под Тулу³⁰, а по возвращении получил думное дворянство и установил в уезде режим личной власти³¹.

Сохранившиеся случайные и косвенные упоминания показывают, что представители местных элит целенаправленно привлекались центральным правительством для действий в «своих» регионах. Так, С. Колтовский, зачисленный из каширского «выбора» в московские дворяне, зимой 1606–1607 гг. был назначен вторым воеводой в Каширу вместе с кн. А. В. Хилковым и двумя каширянами, выборными дворянами М. Щепотевым и кн. Г. Барятинским³². Одним из предводителей повстанцев в Брянске был Е. Безобразов (в «боярском списке» 1606/07 — брянский выборный дворянин с окладом 550 четвертей), летом 1607 г. перешедший на сторону В. Шуйского³³. В сентябре служилые люди из отряда, посланного в набег на город перед приходом туда Лжедмитрия II, избрали Е. Безобразова «меж себя сами головой». Отряд сумел ненадолго овладеть Брянском, после чего поджег его и отступил³⁴.

Для «приведения к крестному целованью» Серпейска и окрестных центров в начале 1607 г. был направлен отряд кн. А. Хованского, вторым воеводой которого являлся серпейский выборный (оклад 500 четвертей) Е. Бартенев; с сеунчем о победе посылался его сын³⁵. Среди голов отряда в поздней челобитной упоминаются также местные выборные дворяне К. Челюскин, М. Беклемишев (по 500 четвертей) и С. Толстой (450 четвертей). Как отмечал А. Л. Станиславский,

³⁰ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608: сб. док. М., 2003. С. 161–163.

³¹ Подробнее см.: *Кирпичников И. А.* Рязанский служилый «город» в начальный период Смутного времени (1605–1606 гг.) // *Рязанская старина*, 2009–2012 / отв. ред. А. О. Никитин, П. А. Трибунский. Рязань, 2019. Вып. 7–10. С. 22–42; *Никитин А. О.* Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы // *Смутное время и земские ополчения в начале XVII века*. Рязань, 2011. С. 163–182.

³² *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 206; *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора... С. 139, 145; *Народное движение...* С. 299–300.

³³ Там же. С. 168.

³⁴ Там же. С. 172; ПСРЛ. Т. XIV. С. 76.

³⁵ *Белокуров С. А.* Разрядные записи... С. 143; *Народное движение...* С. 228; *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора... С. 284.

«характерно, что захватить Серпейск было поручено именно им»³⁶. Тогда же «под Калугой» действовал калужский выборный (с рекордным окладом в 800 четвертей) Я. Змеев, а в Карачеве «в осаде» находился первенствовавший в «выборе» по этому городу О. Сафонов³⁷.

Приведенный материал позволяет пролить свет на внутренние иерархии служилых сообществ, столкнувшихся в 1606–1607 гг. с необходимостью самостоятельной организации местной власти. Во всех рассмотренных случаях «формальными и неформальными лидерами уездного дворянства»³⁸ становились представители традиционной местной верхушки — лица, служившие «по выбору» и на протяжении нескольких поколений связанные с регионом. Их первенство признавалось как в городах, оставшихся на стороне В. Шуйского, так и там, где центральному правительству было отказано в лояльности. По меткому замечанию А. А. Новосельского, условия попадания в эту группу «уездных служилых аристократов» представляли собой «комбинацию родовитости, выслуги и экономической состоятельности»³⁹. Несмотря на жесткость структуры московской служилой системы, ее внутренняя логика приводила к появлению локальных элит, укорененных в своем крае и способных выдвинуть из своей среды местных лидеров⁴⁰. Важно подчеркнуть, что «формальное» первенство (чин и оклад на государевой службе, позиция в «боярском списке» и десятне), как правило, соответствовало «неформальному» авторитету конкретного лица в местном сообществе, то есть было признанным и органичным в кругу его сослуживцев.

С другой стороны, такое положение вещей не следует считать предзаданным и статичным. Внимательное изучение каждого из представленных сюжетов предостерегает от попыток априорно

³⁶ Станиславский А. Л. Брянский край и восстание Болотникова // Феодальный город. Вып. 1. Брянск, 1989. С. 20–21.

³⁷ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора... С. 148, 152.

³⁸ Павлов А. П. К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. М., 2012. С. 122.

³⁹ Новосельский А. А. Правящие группы в «служилом городе» XVII в. // Институт истории РАН ИОН. Ученые записки. Т. 5: 1928. М., 1929. С. 318, 333.

⁴⁰ Keep J. L. H. The Muscovite Elite and the Approach to Pluralism // Slavonic and East European Review. 1972. № 23. P. 215.

постулировать «корпоративное единство» и незыблемую иерархию лиц, зачисленных под единым заголовком в «боярский список» или десятню: из рассмотренных случаев полную солидарность проявили только смоленские землевладельцы. Примеры Муром и Рязани наглядно демонстрируют, что служилая элита в перипетиях событий 1606–1607 гг. могла оказаться расколотой. В Муроме наиболее видные представители местной верхушки примкнули к восстанию, а в Рязани водораздел прошел внутри «выбора», в результате чего некоторые выходцы из самых знатных кланов погибли от рук повстанцев. В случае Нижнего Новгорода жители уездного центра не последовали за дворянской верхушкой и отказались присоединиться к движению.

Естественной стратегией ослабленной центральной власти во взаимодействии с местными сообществами был «консенсусный» путь, заключающийся в признании сложившихся иерархий, поощрении лояльных представителей локальных элит и мягкости к «изменникам», которая позволяла последним сохранить (и в дальнейшем — повысить) свой статус на государевой службе. Новым явлением стало получение думного дворянства «местными» лидерами, причем вне зависимости от их прошлого (Г. Полтев, П. Ляпунов). Муромский и рязанский случаи демонстрируют, что правительство могло даже утвердить представителей уездной верхушки в качестве воевод «своих» регионов и предоставить им свободу в местных делах в обмен на лояльность. В долгосрочной перспективе это означало, что возвращение к прежней практике, когда во главе уезда находился чуждый локальному сообществу «московский» назначенец, могло оказаться затруднительным. Как показано Б. Н. Флорей, на следующем этапе Смуты Лжедмитрий II нередко шел навстречу уездным сообществам, в то время как подход В. Шуйского за отдельными исключениями оставался традиционным, что могло приводить к конфликтам внутри правительственного лагеря⁴¹.

⁴¹ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 90–91, 178–179, 373.

А. В. Чеботарева

Донецкий национальный университет (Донецк)

Моральный облик ответственных партийно-советских работников Донбасса (1921–1928 гг.)

В статье освящается актуальная для исторической науки проблема, посвященная вопросам формирования морального облика регионального управленца в период новой экономической политики, который складывался из профессиональных качеств, моральных ценностей, нравственных ориентиров. Автор доказывает, что в практическом плане внедрение норм партийной этики в повседневную жизнь не привело к существенному изменению поведенческих стереотипов. На основе анализа региональных архивных материалов исследуются причины и проявления нарушений со стороны ответственных работников, показана особенность деятельности контрольных комиссий.

Ключевые слова: партийная этика, мораль, ответственный работник, Донбасс.

Октябрьский переворот 1917 г. привел к тому, что вместо старой управленческой бюрократии формировалась новая — «рабоче-крестьянская». Большинство новых управленцев — «люди из народа» — изначально не обладали качествами, необходимыми для руководящей работы. В условиях экономического и политического кризиса начала 1920-х годов перед большевиками стояла задача создания «нового человека», который полностью бы отождествлял интересы государства со своими личными интересами. В первую очередь это касалось работников партийно-советских органов, так, как авторитет власти напрямую зависит от нравственных качеств чиновников, их порядочности, честности, самоотверженности в служении государственным интересам.

Первые публикации по данной проблеме относятся к первой половине 1920-х годов. В статьях и устных выступлениях деятели боль-

шевизма — Д. З. Лебедь, А. А. Сольц, Е. М. Ярославский, Э. И. Квиринг и др. — рассматривали как общетеоретические вопросы формирования коммунистической морали, так и прикладные темы, волновавшие в 1920-е годы партийный актив¹. Формирование образцового коммуниста признавалось залогом успешной реализации большевистской программы морально-политического воспитания руководящего звена.

В условиях укрепления партийной диктатуры и идеологической одномерности на протяжении многих лет в советской научной литературе проблема нравственности коммунистов была практически исключена из сферы интересов историков. Лишь со второй половины 1980-х годов под влиянием политики гласности в ряде монографий, брошюр и статей требования к нравственному облику партийного работника стали предметом специального анализа. Так, нормы профессиональной партийной этики и вопросы служебного этикета в практике партийной работы проанализировала С. В. Захарова². Существенно обогатил источниковую базу обозначенной темы сборник документов и материалов, посвященный дискуссии 1924 г. о партийной этике³. В издание включены выдержки из резолюций партийных съездов и пленумов, фрагменты докладов и статей видных деятелей и теоретиков партии, в которых затрагиваются общие вопросы морали, а также социально-нравственные проблемы, связанные с деятельностью партии.

В постсоветской историографии вопросы нравственного состояния партии большевиков в 1920-е годы нашли отражение в исследованиях В. В. Никулина, Е. В. Туфанова⁴. Авторы утверждают, что не-

¹ *Лебедь Д. З.* Об антирелигиозной пропаганде // Известия ЦК КП(б)У. 1921. № 3. 28 мая. С. 17; *Сольц А. А.* О партэтике: доклад, читанный в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, М., 1925. 22 с.; *Ярославский Е. М.* О партэтике: доклад на II пленуме ЦКК РКП(б) 5 октября 1924 г. Л., 1925. 29 с.; *Квиринг Э. И.* Избранные речи и статьи. Киев, 1988. 485 с.

² *Захаров С. В.* Этика партийного работника. М., 1986. 142 с.

³ Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов) / под ред. А. А. Гусейнова, М. В. Искрова, Р. В. Петропавловского. М., 1989. 509 с.

⁴ *Никулин В. В.* Большевики и партийная этика: поведенческие нормы, социальный контроль и внутривнутрипартийная повседневность (1920-е годы) // *НВ: Проблемы общества и политик.* М., 2014. № 8. С. 26–82; *Туфанов Е. В.* Становление моральных принципов нового руководителя в партийных

обходимость разработки поведенческих норм была вызвана активной нравственной деградацией партии в период реализации новой экономической политики. В научных статьях М. Ю. Паско, С. В. Воробьева, Е. В. Долженковой, Н. А. Алексанян и Н. А. Филоненко рассмотрены проблемы и механизмы формирования морального облика советско-партийного работника 1920-х годов в отдельных краях, областях и губерниях Советской России⁵. Исследователи раскрывают характерные пороки и виды преступлений управленцев в условиях экономического кризиса. М. Ю. Паско пришел к выводу, что власть номенклатурных чиновников в сочетании с ее секретностью и привилегиями подталкивала их к поиску дополнительных источников существования, связанному с использованием своего служебного положения. С. В. Воробьев и Е. В. Долженкова доказывают, что рыночные условия создавали благоприятную среду для развития негативных явлений в советском аппарате управления.

Историография свидетельствует о том, что в существующих научных трудах уже рассмотрены отдельные аспекты указанной темы. Вместе с тем до сих пор отсутствуют исследования, в которых освещался бы вопрос формирования морально-нравственного портрета ответственных работников Донбасса. Поэтому в качестве цели исследования нами было избрано выяснение механизмов выработки

дискуссиях 1920-х годов // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 3. С. 62–68.

⁵ Паско М. Ю. Номенклатура Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б): менталитет «ответственного работника» (вторая половина 1920-х годов) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв.: материалы V Всероссийской научной конференции / под ред. В. В. Моисеева. Новосибирск, 2003. Ч. I. С. 131–134; Воробьев С. В. Моральный облик и должностные преступления уральских управленцев в начальный период НЭПа // Историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2007. № 11. С. 67–74.; Долженкова Е. В. К вопросу о девиантном поведении партийной номенклатуры Курского края в 20-е годы XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1-1. С. 222–228.; Алексанян Н. А., Филоненко Т. В. Морально-этический облик ответственных служащих советских органов власти и кадровая политика Воронежской губернии годы Гражданской войны (1917–1922 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 6-1. С. 23–28.

норм партийной этики, а также способов и результатов их внедрения в повседневную жизнь партийно-советских ответственных работников Донбасса в 1921–1928 гг.

Переход к новой экономической политике обострил проблему нравственности: карьеризм, взяточничество, угодничество и прочие пороки власти, обусловили более внимательное отношение большевиков к вопросам партийной этики. Большевики на собственном опыте стали убеждаться в верности марксистской истины о том, что «власть портит», как отметил А. А. Сольц в докладе «О партэтике»⁶.

Первоочередной задачей стала разработка и реализация норм поведения, которые включали бы в себя совокупность ограничений для руководящих кадров. В рамках выработки морально-нравственных ценностей существовали различные и противоречивые мнения, что привело к дискуссии о партийно-коммунистической этике и образе партийного руководителя. Дебаты проходили на партийных конференциях и съездах различного уровня, заседаниях контрольных комиссий. В ходе дискуссии обсуждали, что понимать под «партийной этикой», нужен ли кодекс партийной этики, как бороться с неэтичными поступками коммунистов.

В основу партийной этики был положен ленинский принцип нравственных ценностей: «Всякую нравственность, взятую из внеклассового понятия, мы отрицаем <...> Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата»⁷. Конкретизация норм партийной этики осуществлялась в основном в направлении характеристики основных отрицательных явлений, наиболее часто встречавшихся среди членов партии и разбираемых Центральной контрольной комиссией (ЦКК), образованной согласно решению IX партийной конференции в 1920 году⁸.

Принятые на пленуме ЦКК в октябре 1924 г. «Указания Пленума ЦКК о подходе КК и отдельных членов партии к отрицательным

⁶ Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов) ... С. 4.

⁷ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Ч. 1–2. М., 1961–1962. Т. 41. С. 308–313.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова; В 3 ч. Ч. 2. 1898–1924. М., 1954. С. 506–512.

явлениям партии»⁹ определили единые критерии морально-нравственных принципов нового советского общества: взаимоотношения между членами партии, семейные отношения, взаимоотношения церкви и гражданина советского социума, вопросы хозяйственного оброста, различные пороки общества¹⁰.

В условиях экономического кризиса наибольшую сложность представлял вопрос о материальном положении ответственных работников, способ его разрешения в рамках партийной этики. В декабре 1924 г. ЦКК приняла постановление «О регулировании трудовой деятельности и заработка коммуниста», в котором регламентировалось материальное положение членов РКП(б) путем целого ряда запретов и ограничений. Государственное регулирование максимальной заработной платы проводилось с целью устранения расхищения народных средств, своекорыстного использования их, а также для приведения к большему соответствию вознаграждения лиц интеллектуального труда¹¹. Постановлением секретариата Донецкого губкома партии был установлен максимальный оклад для ответственных работников губернии в размере 192 рубля¹², в то время как средняя зарплата промышленного рабочего составляла 41 руб. 31 копейки¹³. Коммунисты, получавшие доходы свыше партмаксимума, обязаны были вносить «излишки» в партийную кассу.

Находясь на руководящей должности, некоторые члены партии использовали служебное положение в личных целях, что не соответствовало заявленным идеологическим принципам правящей партии. В 1924–1925 гг. среди всех преступлений, зафиксированных в Донец-

⁹ Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов)... С. 220–239.

¹⁰ Там же. С. 225–239.

¹¹ Никулин В.В. Большевики и партийная этика: поведенческие нормы, социальный контроль и внутрипартийная повседневность (1920-е годы) // ВВ: Проблемы общества и политик. Москва, 2014. № 8. С. 79.

¹² Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. П–3. Оп. 1. Д. 1855. Л. 8.

¹³ ГА ДНР. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 2252. Л. 25.

кой губернии¹⁴, первое место заняли должностные. Согласно отчету Донецкой губернской прокуратуры, в 1924 г. должностных преступлений было совершено 623, что составляло 44% от общего числа преступлений¹⁵. В дальнейшем ситуация ухудшилась, количество жалоб на должностные преступления выросло. Так, за январь–июнь 1925 г. в Артемовской окружной прокуратуре оно составляло 1022, чуть меньшим было количество жалоб на должностные преступления в Сталинском округе — 823, еще меньше в Мариупольском — 239, но и в Сталинском и Мариупольском округе должностные преступления составляли соответственно 41% и 38% от общего количества дел, с которыми работала прокуратура¹⁶.

В процессе становления норм партийной этики особенно остро стоял вопрос о взаимоотношениях между членами партии. Единство партии и консолидация вокруг общего дела подрывалось игрой амбиций, интриганством, безудержным произволом людей с немалыми полномочиями. Отношения во многих провинциальных партийных организациях трудно было назвать товарищескими. Склоки, подсиживания, доносы были обычным явлением. Еще в феврале 1921 г. в докладе Донецкого губернского партийного комитета на очередной партийной конференции отмечалось: «Во всех организациях происходило брожение, борьба между различными группировками местами принимала обостренный характер, руководители партийных группировок вносили в борьбу излишнюю страстность — прения

¹⁴ На основании постановления Всеукраинского центрального исполнительного комитета от 7 марта 1923 г. «Об административно-территориальном распределении Донецкой губернии» были созданы семь округов Донецкой губернии: Бахмутский, Луганский, Мариупольский, Старобельский, Таганрогский, Юзовский, Шахтинский. В сентябре 1924 г. была определена точная граница между Юго-Восточным краем РСФСР и Донецкой губернией. Совместным постановлением Донгубисполкома и Юго-Восточного крайисполкома Шахтинский и Таганрогский округа были переданы Юго-Восточному краю РСФСР. С 1 октября 1925 г. Донецкая губерния была ликвидирована, а на ее территории созданы пять округов: Артемовский, Мариупольский, Старобельский, Луганский, Сталинский (*Шабельников В.И.* Административно-территориальное устройство Украины: исторический опыт и уроки (1917 — июнь 1941 гг.). Донецк, 2011. С. 105, 112, 124).

¹⁵ ГА ДНР. Ф. Р-1469. Оп. 2. Д. 17. Л. 33.

¹⁶ Там же. Л. 31.

в организации принимали характер склоки»¹⁷. Нормы партийной этики требовали не механической сплоченности, а товарищеской, дружной работы с осознанием цели и задач.

При формировании взглядов на партийную этику обращалось внимание на проблемы пьянства. Распространение этого явления среди ответственных работников снижало уровень доверия населения к большевикам. По мнению секретаря ЦК КП(б)У Э. И. Квиринга, «пьяный дебош коммуниста ложится грязным пятном на всю партию», поэтому коммунистов, которые «топчут в грязи славу партии», необходимо немедленно исключить¹⁸. В провинциальных организациях в числе нарушений партийной этики пьянство постоянно занимало одно из первых мест. Как отмечалось в докладе ЦК КП(б)У о результате изучения этого вопроса, произведенного согласно плану работы Секретариата ЦКК, причинами этой пагубной привычки были «наследие прошлого (получка, праздники), общий низкий уровень культуры, слабая политическая грамотность и культурно-просветительская работа в массах, недостаточное участие партии в общей борьбе с пьянством, некоторое содействие партии (путем выдачи денег по случаю каких-либо торжеств на выпивку), алкоголизм как болезнь»¹⁹.

При обсуждении проблемы пьянства предлагались разные меры борьбы: создание общественного мнения, враждебного к пьянству, товарищеские советы и убеждение, переборски, в крайнем случае исключение. Так, согласно «Цифровой сводке работы Донецкой губернской контрольной комиссии за 1923–1924 гг.», за пьянство были исключены из партии 23 советских ответственных работника губернии, семь человек получили выговор и еще семь человек были подвергнуты другим видам взысканий²⁰. В целом подтверждалась изначальная позиция неприемлемости пьянства среди работников аппарата управления. Вместе с тем во второй половине 1920-х годов наблюдалось ослабление «жесткости» в этом вопросе, поскольку признавалось, что справиться с пьянством невозможно.

¹⁷ ГА ДНР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 398. Л. 6.

¹⁸ Квиринг Э. И. Избранные речи и статьи... С. 75.

¹⁹ ГА ДНР. Ф. Р-129. Оп. 1. Д. 1. Л. 89–95 об.

²⁰ ГА ДНР. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 22. Л. 21.

Отчеты окружных контрольных комиссий Донбасса за 1925–1928 гг. «пестрят» сообщениями о пьяных безобразиях, банкетах, застольях и прочих «шалостях»: в гостинице «Металлург» Сталинского Церобкопа происходит пьянство ответственных работников членов партии с проститутками²¹; ответственный работник Славянского окружного финансового отдела В. С. Малецкий обвинялся в пьянстве²²; заведующий агитпромом Либкнехтовской ячейки Первомайского района И. С. Овсянников обвинялся в пьянстве и недостойном члена партии поведении²³; председатель сельсовета А. С. Струк — в пьянстве, попытке в пьяном виде изнасиловать самогонщицу²⁴. Ситуация в данном вопросе в последующие годы существенно не менялась.

Действие норм партийной этики распространялись и на семейно-бытовую жизнь коммуниста. Секретарь Харьковского губкома КП(б)У К. О. Киркиж в докладе на губернском совещании по работе среди женщин в сентябре 1925 г. подчеркнул, что «семья не должна мешать общественной жизни, семья партийца — это очаг содействия партии»²⁵, она должна была стать образцом новой коммунистической семьи. Коммунистам запрещалось брать в жены представительниц из «чуждой среды». Личные отношения коммунистов с женщинами партия оценивала с классовых позиций. Взяв под свой контроль супружескую жизнь ответственных работников, партия пыталась влиять и на разводы. В случае расторжения брака коммунисты обязывались обеспечивать детей, не доводя дело до суда; запрещалось сожительство с другой женщиной до официального развода. Тем самым нормы морально-партийной этики не требовали обязательного единорочия, не устанавливали в этой области каких-либо обязательств.

В дискуссии о партийной этике управленца активно обсуждался и вопрос культуры ношения одежды. Официальных программ по этому вопросу большевики не принимали, но в общественном мнении тем не менее был создан своего рода «образ руководителя». Представление о внешнем виде формировалось исходя из того, что

²¹ ГА ДНР. Ф. Р-129. Оп. 1. Д. 14. Л. 51.

²² ГА ДНР. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

²³ Там же. Л. 18.

²⁴ ГА ДНР. Ф. Р-129. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

²⁵ Новый быт // Коммунист (Харьков). 1925. 27 сентября. С. 4.

внешне советско-партийному руководителю следовало быть близким и понятным народным массам. Этому образу не соответствовали понятия «галстук», «шляпа», «фрак», «пенсне», «трость»: «барский вид» мог спровоцировать резкие проявления классовой ненависти. Новый облик должен был демонстрировать «освобождение» и разрыв с прошлым. Одним из отличительных элементов одежды представителя новой власти 1920-х годов стала кожаная комиссарская куртка, кожаная фуражка и солдатская гимнастерка, перепоясанная кожаными ремнями.

На протяжении исследуемого периода членам и кандидатам в члены партии явно не хватало представлений относительно культурных привычек. С публикации в газете «Коммунист» (орган ЦК КП(б)У) 17 апреля 1920 г. статьи под названием «Культурность и коммунизм» была развернута кампания по борьбе с нецензурщиной. «Матерщина, — говорилось в статье, — присуща феодальному строю»: «только развращенная душа насильника-боярина или помещика могла говорить такие слова»²⁶. В заключение утверждалось, что «коммунистический строй стоит выше всех <...> и поэтому необходимо проявлять высшую культуру»: «вежливость, человеколюбие, человечность и уважение к человеческой личности — вот главные черты коммунистической морали»²⁷. На страницах республиканской и региональной прессы также освещались вопросы гигиены и здоровья партийцев, в том числе отмечалось, что на собраниях и совещаниях ответственные работники «курят, бросают окурки, сидят в верхней одежде». Публиковались призывы рассмотреть эту проблему не только с точки зрения гигиены и здоровья, но и с этических позиций²⁸. В отчетах ЦК КП(б)У к проявлениям аморализма в партийной жизни относили «азартные игры в карты в своем учреждении со своими подчиненными, неоднократное избивание жен, злоупотребление кокаином, посещение разнообразных притонов, игру на тотализаторе и в бильярдной, грубость, матерщину как привычку, чванство»²⁹.

²⁶ Культурность и коммунизм // Коммунист (Харьков). 1920. 17 апреля.

²⁷ Там же.

²⁸ Охрана здоровья членов партии и будущей смены // Коммунист (Харьков). 1925. 10 марта.

²⁹ Отчет о работе ЦК КП(б)У с 1.01.22 по 1.03.23 // Известия ЦК КП(б)У. 1923. № 15–16. С. 5–11.

Отношения большевиков к религии строились на основе воинствующего атеизма. Постановление состоявшегося в августе 1921 г. пленума ЦК РКП(б), по вопросам антирелигиозной пропаганды, предписывало местным контрольным комиссиям исключать из партии коммунистов за религиозные предрассудки³⁰. Так, в Шахтинском уезде Донецкой губернии в ноябре 1921 г. за исполнение религиозных обрядов из членов партии был исключен секретарь районного партийного комитета М. Козлов³¹.

Случаи нарушения партийной этики по религиозным мотивам были разнообразны и многочисленны. В газете «Коммунист» от 26 апреля 1923 г. сообщалось, что комячейка железной дороги станции Дебальцево приняла решение об исключении из партии 16 коммунистов, которые не вынесли со своих домов иконы³². На протяжении 1923 г. в Украинской ССР за исполнение религиозных обрядов было исключено 186 партийцев³³, в частности в Донецкой губернии — 20 ответственных советских работников³⁴.

В качестве профилактики для улучшения состава своих рядов партия проводила «чистки». В отчете Донецкого губкома о результатах проверки, пересмотра и чистки личного состава за 1921 г. сообщалось: об исключении ответственных работников за спекуляцию (председателя РКИ Шахтинской парторганизации Г. Лекарева), за пьянство (уполномоченного политбюро Н. Ф. Сафонова), за шкурничество (заведующего жилотделом Юзовской парторганизации Т. И. Пригоду), за карьеризм (заведующего политпросветом Мариупольской парторганизации Р. А. Артюнац)³⁵.

Общество ожидало «чистки», надеясь таким образом избавиться от пороков и невзгод. На собрании коммунистической ячейки Артемовского окружного суда и прокуратуры в 1928 г. относительно «чисток» звучали следующие мнения: «Надо разоблачать бюрократив-

³⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1970. Т. 2: 1917–1924. Москва, 1970. С. 278–280.

³¹ ГА ДНР. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 6а. Л. 50.

³² В доме коммуниста не должно быть икон // Коммунист (Харьков). 1923. 26 апреля.

³³ Итоги партийной работы на Украине за 1923 год. Харьков, 1924. С. 43.

³⁴ ГА ДНР. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 22. Л. 21.

³⁵ ГА ДНР. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 6а. Л. 5–51.

шихся членов партии», «Надо чистить тех, кто формально относится к своей принадлежности к партии, выступая с докладом на собрании, не ведет работы в семье», «Надо указать на все неправильные поступки членов партии внутри учреждения», «Среди членов партии многие больны бюрократизмом», «Имеются случаи, когда коммунист едет на курорт и привозит новую жену. За эти поступки надо чистить, а также за пьянство членов партии», «Есть у нас пьянство, семейственность, подделывание подписей»³⁶.

Одной из административных мер борьбы с должностными злоупотреблениями являлись частые служебные перемещения управленческих кадров, в том числе территориальные, которые производились для того, чтобы чиновники долго не засиживались на одном месте и не успевали обрастать связями. В июле 1924 г. за невыдержанность, нарушение партийной дисциплины заведующий Таганрогским окружным отделом внутренней торговли А. Ф. Мейстер был перемещен по губернии³⁷. Для оздоровления «отравленных угаром нэпа» управленцев практиковался перевод в пролетарскую среду. Например, Артемовский окружком рекомендовал «для искоренения влияния нэп[а] на некоторых партийцев производить переброску членов партии на производство»³⁸. Согласно данным сводке работы Донецкой губернской контрольной комиссии за 1924 г., с ответственного поста были сняты и перемещены на производство 10 человек³⁹.

Контрольные комиссии предъявляли различные требования к коммунистам: за одни и те же нарушения часто на местах исключали, а ЦКК восстанавливала в партии. Так, в марте 1927 г. за неоднократное пьянство и дебош заведующий сельбудом (сельский клуб — культурно-образовательное учреждение, один из центров политпросвещения — А. Ч.) в с. Александровка Андреевского района Сталинского округа И. А. Решетников решением Сталинской окружной контрольной комиссии (ОКК) был исключен из партии, а уже в мае 1927 г. ЦКК КП(б)У постановила: «Во изменение решения Сталинской ОКК <...> ввиду его (И. А. Решетника. — А. Ч.) обещания не пьянствовать

³⁶ ГА ДНР. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–9.

³⁷ ГА ДНР. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

³⁸ ГА ДНР. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 308. Л. 7.

³⁹ ГА ДНР. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 22. Л. 21.

в партии оставить. За пьянство и дебош объявить строгий выговор с предупреждением»⁴⁰. В исследуемый период профилактика нарушения морально-партийных норм носила половинчатый характер, что не искореняло служебные и этические проступки в среде партийных и советских руководителей, а лишь удерживало их в определенных рамках.

Образ жизни, а также стиль управления и руководства партийно-советских ответственных работников Донбасса в 1921–1928 гг. не совпадал с декларациями и идеологическими установками большевиков. Распространенными пороками управленцев были пьянство, грубость, нетерпимость и пр. Должностные преступления имели разные сценарии и масштабы. В борьбе за нравственный идеал партийно-советского ответственного работника партия применяла разные методы и формы контроля. Однако административные меры и партийные взыскания часто носили условный характер, а люди, обвиненные в злоупотреблении властью, возвращались к руководящей работе, только в другом районе или учреждении.

⁴⁰ ГА ДНР. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 87. Л. 21.

Е. А. Игнатьева

Новосибирский государственный университет

Язык как выражение низового социального протеста в Сибири в первой половине 1930 г.

Первая половина 1930 г. в СССР, в частности в сибирском регионе, была отмечена глубоким и резким конфликтом между институтами власти и значительными слоями населения, приобретавшим характер цивилизационного противостояния деревни и города. На государственное насилие крестьянство отвечало различными формами активного и пассивного протеста, от волнений и мятежей до массового стихийного беженства. В данной публикации на основе анализа делопроизводства Полпредства ОГПУ по Сибирскому краю (оперативных сводок за первую половину 1930 г.) рассмотрен один из важнейших аспектов социального протеста — его выражение в языковой форме. Выявлены практики противостояния двух коммуникативных систем, в ходе которого «низы» использовали в своих целях в том числе и язык пропаганды. Установлены характерные черты языка протеста, влиявшие на потенциал его распространения.

Ключевые слова: конфликт, формы сопротивления, пропагандистский дискурс, язык протеста, коммуникативные практики, стереотипы, традиционализм.

Рубеж 1920–1930-х годов в СССР оказался в прямом смысле слова переломным, временем глубоких и радикальных изменений, повлекших за собой трансформацию социальной, экономической и политической систем страны и определивших векторы их существования на последующие полвека, вплоть до кризиса и распада советского строя. Проблемной областью, вызывающей среди историков дискуссии и разночтения, является интерпретация причин, характера и последствий резкой радикализации политики партийного государства этого периода во взаимоотношениях с основной частью общества —

крестьянством. Ответом на радикальные действия власти стали масштабные крестьянские протесты.

Канадский историк Л. Виола, посвятившая свое исследование данной проблематике, охарактеризовала начало коллективизации (1930 год) как противостояние двух культур, в котором власть олицетворяла городскую цивилизацию, стремившуюся подчинить себе традиционный, крестьянский мир путем принуждения: «...В действительности, речь шла о противостоянии культур, по сути, о гражданской войне между государством и крестьянством, городом и деревней»¹. Она же очертила и предметное поле для исследования ключевых характеристик крестьянского протеста, таких как дискурс, стратегия поведения, действия, выражающихся в слухах, фольклоре, культуре, символической инверсии, пассивном и активном сопротивлении².

В рамках разработанного Л. Виолой подхода (цивилизационное, культурное и социально-политическое противостояние институтов власти и крестьянского сообщества в 1930 г.) в данной статье предпринята попытка рассмотреть одну из осевых линий данного системного конфликта в информационной сфере. Пропагандистскому дискурсу институтов власти противостояли сложившиеся в традиционном обществе коммуникативные практики крестьянства в территориальных границах Сибирского края в первой половине 1930 г. (до его разделения на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края). Предметом анализа выступает контент низового массового протеста как ответной реакции на центральную, директивную политику власти и региональную практику ее реализации.

Источником для анализа форм и динамики низового протеста, выраженного как в письменном виде, так и в виде зафиксированных в текстах устных высказываний, послужила та часть делопроизводства Полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю, которая отражена в материалах Учетно-осведомительного отдела (УЧОСО). В текстах оперативных сводок сотрудников ПП ОГПУ и в приложениях к ним за период с января по июнь 1930 г. протест-

¹ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 11.

² Там же. С. 13.

ные тексты (листовки, воззвания, анонимные тексты, надписи, фольклор и др.) фиксировались дословно. Указанный корпус источников отложился в одном сформированном томе, включенном как единица хранения в фонде Сибирского краевого суда³, председателю которого ПП ОГПУ отправляло сводки для ознакомления. Информация данных оперативных сводок до сих использовались исследователями лишь выборочно, в качестве иллюстративного материала при характеристике сопротивления в сибирской деревне⁴. Всего в деле находятся 84 оперативные сводки с № 42 (1 января 1930 г.) по № 126 (27 июня 1930 г.). Периодичность сводок различная: они могли составляться как ежедневно, так и с разрывом в 2–3 дня, в течение месяца формировалось 14–15 сводок. Их оформление носило строго формулярный порядок: каждое «антисоветское проявление» сопровождалось указанием на место и дату события, на суть происшедшего, установление/неустановление лиц, совершивших действие, выявление/арест таковых. Краткие по объему тексты «антисоветских акций» отражались в самой оперсводке, а более пространные выносились в приложение к ней. В рассылку для ознакомления с чекистской информацией местного партийно-советского руководства шли машинописные копии листовок, анонимных писем и др. документов, тексты которых воспроизводились механически, вплоть до передачи стиля и орфографии первоисточника. Сами же оригиналы по сложившейся практике отправлялись в центральный аппарат ОГПУ, где подвергались аналитической обработке сотрудниками Информационного отдела (ИНФО). Автор единственной в своем роде публикации о характере, периодичности и динамике форм и содержания такого рода документации ОГПУ В.К. Виноградов⁵ отмечал особое внимание Центра к тому, чтобы в случае обнаружения листо-

³ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7.

⁴ См: Красильников С.А. «Принять меры к выявлению автора агентурным путем» // Источник. 2000. № 2. С. 32–36; Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М., 2013. С. 132.

⁵ Виноградов В.К. Информационные материалы ОГПУ–НКВД за 1930–1934 гг. // Советская деревня глазами ОГПУ–НКВД. Т. 3: 1930–1934. Кн. 1: 1930–1931: Документы и материалы. М., 2003. С. 47–64.

вок и других печатных или рукописных воззваний эти документы и материалы прилагались к сводкам и донесениям, направлявшимся непосредственно в Москву⁶.

О том, какое место в общем объеме оперативных сводок УЧОСО ПП ОГПУ занимали протестные документы, дает определенное представление формальная статистика. Всего в изученных 84 сводках содержится информация о 1500 «происшествиях», зафиксированных чекистами в Сибири за первое полугодие 1930 г. Среди них имел место значительный перевес деревенских событий над городскими (3:1). Если следовать условно выделенным восьми блокам, распределение событий в долевым выражении было следующим: протестные акции в виде листовок, воззваний и пр. (23%); уголовные действия (избиения, покушения, убийство местных работников и активистов — 16%); сопротивление политике коллективизации (16%); пожары (10%); выступления в защиту арестованных и высылаемых (9%); срыв собраний, нелегальные сходки (7%), недовольство рабочих, интеллигенции и других слоев (3%); прочие (взрывы, аварии, «перегибы» и др. — 26%). Внутри первого блока, представлявшего собой документально выраженный протест (350 единиц), чекистами фиксировалась следующая иерархия (используется терминология спецслужбы): анонимки (52%), листовки (26%), воззвания (12%), прокламации (8%), прочие (надписи, лозунги и т. д. — 2%). Если рассматривать в хронологическом срезе фиксацию языковых форм «антисоветской агитации», то по всем выделенным выше группам она дает сходное распределение — почти $\frac{2}{3}$ листовок, воззваний, анонимок, прокламаций и лозунгов приходится в первом полугодии 1930 г. на три месяца (февраль — апрель), среди которых пик активности их появления выпадает на март: в этом месяце было зафиксировано от 30 до 40% антиправительственных агитационных документов всего периода.

Мы сосредотачиваемся на языке именно крестьянского протеста по следующим причинам. Во-первых, численность сельского населения значительно преобладала над городским (на 1 января 1930 г. население Сибирского края составило почти 10 млн человек, из них

⁶ *Виноградов В. К.* Информационные материалы... С. 49–50.

84,5 % проживали в сельской местности⁷). Во-вторых, именно эта категория населения в исследуемый период подверглась наиболее радикальному удару сталинской «революции сверху». В-третьих, если обратиться к территориальной принадлежности различных форм письменного протеста, то соотношение деревня/город выразилось как 65 % к 35 %. Крестьянский письменный протест отличался большей распространенностью, а также жанровым разнообразием, в отличие от зафиксированного в городской среде.

На исследуемый период падало до 90 % всех зафиксированных чекистской статистикой массовых выступлений в СССР в течение 1930 г.; из этого числа на март приходилась половина протестных событий (6,5 тыс. из 13,7 тыс.)⁸. Таким образом, региональная, сибирская «антисоветская агитационная» активность вписывается в динамику происходивших в стране в данный период экстремальных форм противостояния власти и крестьянства.

Обращаясь к отраженным в чекистской документации первоисточникам, следует отметить аморфные границы классификации зафиксированных в них форм антиправительственного протеста. Так, современные словари не отличают листовку от прокламации, называя последнюю формой первой⁹, а воззвания вообще не выделяют в отдельную категорию политической пропаганды. Анонимки — анонимные письма, направляемые конкретному лицу или конкретному партийному/государственному органу, — содержали в себе прежде всего угрозу (свыше 90 % посланий) и в незначительной степени оказывались доносом. Прокламации — также анонимные послания, оставляемые в публичных местах, — адресовались не конкретному лицу/органу, а предназначались для публичной апелляции. Авторы их мыслили категориями «мы» — «они», выражали обязательно свое

⁷ Подробнее см.: Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск. 1930. С. 3.

⁸ Из докладной записки СПО ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930. С. 802.

⁹ Большой юридический словарь / сост. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. М., 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/index.htm> (дата обращения: 24.07.2019).

недовольство («дойлой!»), обозначали угрозу «чужим». Однако, призыв к конкретному действию в прокламации был не обязателен — это скорее «объявление о войне».

Листовка — также публичное послание, которое могло быть анонимным, а могло содержать штамп/подпись/псевдоним скрывавшегося за этим автора. По своему содержанию она оказывалась, как правило, более обширной в изложении (до нескольких страниц), могла содержать и визуальные образы (карикатуры). В ней мы видим не только заявление о протесте, но и конкретный перечень острых проблем и даже определенный «рецепт» их решения. Воззвание — также анонимное послание, однако здесь подписи/штампы встречаются реже, чем в листовках. Содержание воззвания не включало конкретные проблемы и их решения — здесь название говорит за себя: в текстах обнаруживается конкретный призыв (уйти в тайгу, не идти в колхозы, начать физическое насилие против активистов и пр.).

Устные формы протеста представлены слухами и фольклором. Слухи, будучи характерной чертой жизни аграрных обществ, являлись символическим выражением коллективного мировоззрения. А в условиях «квазигражданской войны», развернувшейся в деревне, они становились одним из видов закулисного общественного пространства¹⁰. Фольклор обретал протестную форму песен, стихотворений, частушек, специфическим образом отражающих современную авторам ситуацию. Ирония, сарказм, обилие эпитетов и метафор — таковы характерные черты данного рода источников.

Язык протеста — уникальный феномен, в котором соединились различные уровни массовой и народной культур, с одной стороны, и черты политического дискурса власти, с другой. Л. Виола, используя советскую терминологию, но закавычивая ее, называет язык крестьянского протеста «кулацким агитпропом»¹¹, точно определяя его характер: в противовес государству протестный дискурс также выстраивал свою картину мира, оперировал категориями «своих» и «чужих», формировал представления о желаемом будущем. Только этот мир оказывался полярным к советской власти, отражал обратную государственной пропаганде ценностную систему.

¹⁰ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина... С. 63.

¹¹ Там же.

В контексте описываемых событий 1930 г. мы обращаемся к функции языка как хранилища «культурной», «исторической» памяти, над которым не властны правительственные указы, соображения коммерческой выгоды или жажды власти¹². В условиях утверждавшегося сталинского режима письменные и устные фольклорные формы протеста (от слухов до поэм), помимо искренности авторов в своих чаяниях, обладали культурной гибкостью, заимствованием инструментов советской пропаганды (полярное мышление — «свои»/«чужие»).

Примером сочетания традиционных культурных практик с современным политическим дискурсом выступали молитвы. Одна из них была посвящена М. И. Калинину: «О ты наш Всероссийский Староста / Мы — ликвидированное кулачество / В тюрьмах задыхаемся среди параш / К тебе взываем[,] отче наш...»¹³. В таком же духе идеологической инверсии обнаруживаются акафисты, посвященные советской власти. Так, литературные формы, изначально предназначенные для прославления бога, использовались анонимными авторами для проклятий в адрес большевиков. Помимо религиозно-мировоззренческих образов, «крестьянский агитпроп» оказался богат на выразительные средства, представляя различные уровни массовой культуры: мышление в примитивных бытовых категориях (когда носители власти изображалась «грабителями», «расточителями», «волками»), национальных («царство жидов»), исторических (представители власти — «помещики» и «опричники», а их политика — «крепостное право»).

Однако язык протеста (как письменного, так и устного) свидетельствует и о самостоятельных интерпретациях властного дискурса. Так, в своем открытом письменном обращении к власти «гражданин Коцобей И. Ф. поселка Ивановка, Знаменского р-на, бедняк¹⁴

¹² Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М., 2008. С. 20.

¹³ ГАНУ. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 239.

¹⁴ Там же. Л. 149. Важно обратить здесь внимание на самоидентификацию автора. В подобных «письмах во власть» (а оно было отправлено в редакцию окружной газеты «Колхозная правда») акцент на социальном статусе был крайне важен: представитель потенциальной социальной базы советской власти в деревне наверняка рассчитывал на увеличение шансов быть услышанным.

утверждал, что «все партийцы — это настоящие кулаки, которые высасывают все соки из человека». Тем самым в подобном контексте «кулак» оказывался по ту сторону постулируемого большевиками водораздела. Это отнюдь не свидетельство «темноты» и «отсталости» крестьянства. С одной стороны, мы видим способность адекватной самостоятельной рефлексии современных событий активной группой сельского населения, с другой — четкую оценку несоответствия социальной и аграрной политики большевиков интересам большинства деревни.

Но широкая палитра оскорблений и угроз в адрес власти в целом и конкретных ее носителей оказывалась не так опасна, как справедливые и конкретные вопросы: «Где та свобода, за которую мы воевали?»¹⁵; «Мы ли существуем для правительства или оно для нас?»¹⁶ и др. Такого рода инакомыслие имеет большое значение для понимания политической и правовой культуры человека советской эпохи в целом. Идея в рамках исследуемого 1930 г., безусловно, уходила корнями к апелляции к идеалам революции 1917 г., но звучала уже как вызов большевистской власти.

Желаемое общественно-политическое устройство страны «без коммунистов» было неоднозначным для анонимных авторов (взгляды крестьян и городских слоев здесь различались), но общими оставались несколько критериев: наличие частной собственности и ее неотчуждаемость, прекращение насилия, репрессий, широкий допуск населения к участию в общественно-политической жизни.

Выше мы отмечали заимствование конфронтационного сюжета «свои-чужие» в языке протеста. «Чужими» для сопротивляющихся оказывались партийные и государственные служащие, «посланники» власти и все, кто сотрудничал с ними. «Своим» был «брат»: в посланиях адресатами выступают «братья-крестьяне», реже — «рабочий брат». Но не был «братом» ни служащий, ни представитель интеллигенции. Очевиден раскол и по линии «деревня — город», а также внутри каждого из этих «миров». С одной стороны, агенты власти столкнулись с крестьянской консолидацией и массовым сопротивлением «раскулачиванию» («волынки» с выкриками «У нас кулаков

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 118–119.

¹⁶ Там же. Л. 33–35.

нет!»), с другой — факт наличия агентов власти в деревне, активная агитация, открытые социальные лифты для активистов, экономические и политические привилегии для «своих» вкупе с манипуляцией личностными качествами «сельского пролетариата» дали нужную партии почву разобщенности, подозрительности, ненависти в деревне. Власти проще было агитировать в городе, с действовавшими там институтами выдвигенчества и ударничества, некоторыми преференциями для рабочих.

Важнейшим фактором, влиявшим на протестный потенциал населения, выступал социальный страх, управлявший поведением как отдельного человека, так и значительных социальных общностей. О страхе свидетельствует не только феномен анонимности подавляющего большинства посланий, но и случаи сфальсифицированного авторства писем. Их авторы мимикрировали, изображая из себя малограмотных и необразованных крестьян или же сумасшедших: архетип шута или дурака всегда позволял говорить чуть больше, чем всем остальным.

Язык протеста свидетельствует и о том, что у его авторов не было готового «рецепта» для исправления существующего положения. В деревне популярным мотивом сопротивления становились призывы к игнорированию мероприятий власти («не идите в коммуны»). Наиболее радикальным и в то же время утопическим выступал призыв к активному сопротивлению — организации вооруженных отрядов в тайге, физическому уничтожению представителей местного аппарата власти и актива, формированию тайных объединений, готовых активно бороться после «сигнала к выступлению». Такие призывы в значительной степени принадлежат крестьянскому миру. Этот мотив оказывался крайне популярным, если учесть два момента: форсированность в качественном и количественном отношении «социалистических преобразований деревни», а также крайнюю незначительность прямой политической опоры партийного государства в сибирской деревне, где руководство сельскими советами оказывалось к 1930 г. «коммунизировано» не более чем на четверть¹⁷.

¹⁷ Подробнее см.: Сибирский край. Статистический справочник. Новосибирск. 1930. С. 3, 60–73.

Адресатами посланий оказывались и конкретные люди — государственные и партийные функционеры на местах, беспартийные активисты. В их адрес авторы направляли угрозы. Во-первых, эта была единственная возможность (помимо физического насилия) пытаться ограничить произвол функционеров. Во-вторых, консолидация протестного потенциала легче реализовывалась посредством противостояния не абстрактным «грабителям/палачам», но конкретным лицам. В-третьих, это свидетельствовало о том, что социальная база режима оказывалась не так уж и широка: «вы[,] не доживя веку[,] сдохните от салдатской винтовки¹⁸». Трудно после этого говорить о постулируемом государственной пропагандой единстве «трудящихся масс».

«Революция сверху», форсировавшая переход страны на индустриальные рельсы, не только обостряла существовавшие противоречия в системе отношений «власть — общество», но и радикализировала их, что мы и обнаруживаем в работе с языком протеста. Выявлены характерные черты этого языка, влиявшие на потенциал его распространения: локальность (территориальная и социальная), анонимность/мимикрия авторов, эмоциональность и выразительность, наличие нескольких культурных уровней, их эклектизм, инверсия практик политической пропаганды большевиков, используемых «крестьянским агитпропом».

Проделанная нами работа предполагает несколько направлений для дальнейших исследований: анализ поведения авторов посланий при попытке установления диалога с представителями власти (механизмы социальной мимикрии при создании текста, негласные формуляры «писем во власть» и пр.), изучение содержательной стороны посланий (образы власти, самоидентификация авторов, более глубокий анализ практик языка протеста), установление авторства посланий и анализ социальной базы языкового протеста, а также исследование интерпретации сотрудниками спецслужб информации анонимных посланий и других форм протеста.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 179.

Д. И. Муренко

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Социально-политический активизм студенческой молодежи новосибирского Академгородка во второй половине 1960-х годов

Статья посвящена проблеме соотношения различных идейно-политических настроений в среде студенческой молодежи во второй половине 1960-х годов. Изучена взаимосвязь многообразия форм политического и не политического активизма в контексте социально-профессиональной адаптации молодежи. Новизна исследования заключается во введении в научный оборот ранее не опубликованных материалов — интервью. Сделан вывод о том, что социальный и политический векторы молодежного активизма, несмотря на их разную направленность, оказывали взаимное влияние, а в некоторых случаях существенно деформировали сложившиеся традиции и взгляды.

Ключевые слова: студенчество, интеллигенция, активизм, диссидентство, нонконформизм, конформизм, письмо 46-ти, «шестидесятничество».

Во второй половине 1960-х годов общественно-политическая жизнь новосибирского Академгородка проходила под знаком небывалой активности. С одной стороны, это явление можно считать составной частью общемировых глобальных процессов, связанных с ростом политической протестной активности учащейся молодежи¹. С другой — активизм советской молодежи имел ряд отличительных особенностей. В сущности, его политическая составляющая была прежде всего ориентирована не на борьбу за социальные права, как это было в странах Европы и США, а на достижение определенных демократических свобод и смягчение существовавшего ре-

¹ Маркина Н.Л., Твинова Ю.А., Шумилова О.Е. Молодежь и политика [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/molodezh-i-politika-1> (дата обращения: 15.06.2019).

жима, что в итоге привело к зарождению диссидентского движения в СССР.

Социальная и политическая активность советской молодежи имела региональную специфику. Так, особая демократичная атмосфера новосибирского Академгородка позволяла его жителям открыто обсуждать острые вопросы общества. Несмотря на смену руководства страны в 1964 г. и изменение политического курса, общественная среда Академгородка представляла собой «заповедник», где вплоть до конца 1960-х годов по инерции сохранялись «оттепельные» тенденции. Такие события, как подписание письма 46-ти, деятельность клуба-кафе «Под интегралом», бардовский фестиваль 1968 г., надолго вошли в общественное сознание и определили образ Академгородка как центра диссидентства и нонконформизма. Во всех этих событиях приняла участие студенческая молодежь, что воспринималось надзорными органами как серьезное упущение в идейно-воспитательной работе.

В научной литературе обозначенные вопросы обстоятельно изучены. Так, новосибирский историк И. С. Кузнецов видел в основе общественно-политической жизни Академгородка борьбу двух тенденций: либеральной и консервативной². Монография А. Г. Борзенкова дает наиболее полную картину общественных настроений молодежи Академгородка. По его мнению, на востоке России существовала своеобразная *terra incognita* политизированных самостоятельных начинаний, которая оставалась вне поля зрения как советских, так и постсоветских историков³.

Таким образом, актуальность изучения данной проблематики обусловлена научной дискуссией о политическом контексте общественного движения в новосибирском Академгородке. Актуальным является вопрос о соотношении различных идейно-политиче-

² Кузнецов И. С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «Письмо шестидесяти». Документальное издание. Новосибирск, 2007. 332 с.; Он же. Общественные настроения ученых новосибирского Академгородка в середине 1960-х гг. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2008. Т. 7. Вып. 1. С. 245–255.

³ Борзенков А. Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России (1961–1991 гг.): Монография: в 2 ч. Новосибирск, 2002. Ч. 1. 244 с.

ских настроений в среде студенческой молодежи второй половины 1960-х годов, а также о причинах, мотивах, степени участия молодежи как в политических протестных акциях, так и в легальных мероприятиях, проводимых комсомольскими и партийными организациями. Целью исследования является изучение многообразия форм политического и социального активизма в контексте социально-профессиональной адаптации молодежи. Практически отсутствуют научные работы, которые рассматривали бы происходившие в общественной жизни Академгородка события через призму социализации молодежи. Поэтому, на наш взгляд, вопросы социального и политического активизма молодежи требуют детального анализа на основе имеющихся теоретических концепций социального поведения молодежи.

Приведем несколько возможных критериев классификации форм поведения студенческой молодежи. Под активизмом подразумевается добровольная как коллективная, так и индивидуальная деятельность, вокруг общих интересов и ценностей, реализуемая публично и, как правило, бескорыстно. Социальный активизм являет собой такую форму деятельности, при которой определенные типы граждан проявляют общественную позицию в социуме. Это может выражаться, в улучшении окружающей среды, коллективном решении бытовых проблем, творческой самореализации⁴.

В структуре социальной активности личности социолог В. Н. Константинов выделяет четыре стадии: жизненная позиция высокого уровня активности, предполагающая социальную инициативу и творческую деятельность; жизненная позиция средней активности, отличающаяся ответственным отношением к обязанностям, но в то же время в ней наблюдается перевес репродуктивной деятельности; пассивная жизненная позиция, которая характеризуется низким уровнем активности, конформизмом на вполне здоровой социальной основе, а также добрыми намерениями, не подкрепленными необходимыми для их воплощения в жизнь навыками и умениями;

⁴ Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя Отчет о результатах исследования активизма в России [Электронный ресурс]. URL: http://old.president-sovet.ru/structure/group_detst/materials/ (дата обращения: 15.06.2019).

пассивная жизненная позиция с потенциально-негативной направленностью, в основе которой лежит скептицизм, а также конформизм, но уже на основе социальных разочарований⁵.

На наш взгляд, для социального активизма молодежи 1960-х годов характерны две формы участия: активная и пассивная. Активная форма участия представляла непосредственно организаторскую и креативную деятельность, в которой была задействована незначительная часть молодежи — творческое ядро. Пассивная форма в значительной степени соответствовала основной части молодежи, которая лишь включалась в уже существовавшие структуры и использовала готовые методы и стратегии работы.

Политический активизм в широком смысле подразумевает под собой участие граждан во властных отношениях. Однако он возникает тогда, когда у социальных групп формируется политическое самосознание, основанное на убежденности в необходимости, возможности и законности изменения своего положения в системе межгрупповых отношений или шире — политической системе общества. В этом случае активизм может иметь спонтанный, а также мобилизованный характер⁶. Учитывая специфику политической системы СССР и периферийный статус Новосибирска, можно предположить, что политический активизм представлял собой в основном лишь реакцию человека на действия политической власти. При этом следует различать позитивную и негативную реакцию людей на импульсы, исходящие от политической системы общества.

Высокий уровень социального активизма Академгородка второй половины 1960-х годов являлся логическим продолжением конца 1950-х — начала 1960-х годов, когда силами рабочей и научной молодежи, зачастую приезжавшей из других регионов СССР, в Новосибирске в короткие сроки был построен город науки. Подобная концентрация интеллектуальной и инициативной молодежи в условиях сравнительно изолированной территории сформировала необходи-

⁵ *Константинов В.Н.* Социальная активность и пассивность личности. Владимир, 1990. С. 12.

⁶ *Кукарцева М.А.* Политический активизм. Особенности стратегий современной политической мобилизации // *Обозреватель. Научно-аналитический журнал.* 2017. № 5 (328). С. 43–44.

мые условия для социальной и политической активности. К середине 1960-х годов, то есть уже после открытия Новосибирского государственного университета (НГУ), произошел всплеск студенческой активности. Причины повышенной творческой, социальной и политической активности студентов определялись особенностями этого высшего учебного заведения: НГУ являлся вузом нового, экспериментального типа, фундаментом которого стала интеграция образования и науки. Привлечение ведущих ученых, лучших интеллектуальных сил Сибирского отделения Академии наук (СО АН) СССР к преподаванию в университете и ориентация на вовлечение студентов, начиная с третьего курса, в научную жизнь академических институтов, положительно сказывались на повышении активности и формировали у молодежи такие качества, как инициативность, стремление к новому, способность брать ответственность на себя.

Одной из форм социального активизма молодежи стали студенческие строительные отряды, созданные по инициативе комитета ВЛКСМ НГУ. Это начинание было сразу поддержано руководством университета и СО АН. Желавших было так много, что приходилось проводить конкурс, причем, если кого-либо из студентов не зачислили в стройотряд, дело доходило до слез⁷.

В 1965 г. первый стройотряд НГУ поехал на Север, за Полярный круг. Это направление было самым перспективным с материальной точки зрения, поэтому в такие отряды попадали «избранные». Остальные могли рассчитывать лишь на работу в Новосибирской области, причем, подобная перспектива не всегда рассматривалась студентами как удачная, поэтому некоторые такие отряды расформировывались ввиду неполного состава. Так, летом 1966 г. один из студенческих стройотрядов, который приехал на работу в Черепаново, по словам бывшего участника стройотряда НГУ И. М. Засыпкина, «дружно сбегал»⁸. В результате комитету комсомола НГУ пришлось сформировать новый отряд из только что поступивших студентов-первокурсников, мотивируя их перспективой выйти на учебу только в октябре⁹.

⁷ Вечерний Новосибирск. 2004. № 20.

⁸ Засыпкин И. М. (2019) Интервью в Новосибирске 15.04. (Архив Д. И. Муренко).

⁹ Там же.

Мотивация участвовавших в стройотрядовском движении студентов имела самые разные оттенки. Не только романтика и желание созидать двигало комсомольцами. Не менее важной для студентов была возможность заработать до двух-трех годовичных стипендий в северных отрядах. Порой заработки позволяли бывалому стройотрядовцу приобрести автомобиль, что по тем временам заметно выделяло студента из общей массы¹⁰.

Наряду с трудовой деятельностью обязанностью каждого стройотряда была культурно-просветительская миссия, которая включала организацию научно-популярных лекций среди местного населения, проведение спортивных мероприятий. Однако многие студенты воспринимали эту обязанность как отвлекающий фактор от работы, которая позволяла заработать хорошие деньги. По словам бывшего секретаря комитета ВЛКСМ НГУ Б.Н. Лукьянова, по возвращении из командировок среди студентов-стройотрядовцев звучали такие речи: «Нам не надо никаких мероприятий, мы приехали строить, мы хотим больше заработать»¹¹.

Другой формой трудового активизма была картофельная практика, к которой в обязательном порядке привлекались все первокурсники. Несмотря на романтические тона, в которые зачастую были окрашены эти поездки, многие студенты охотно рассматривали любую возможность их избежать. Так, в 1969 г. комитет комсомола НГУ предложил только что поступившим абитуриентам месяц поработать на строительстве спорткомплекса и не ехать в колхоз в сентябре на уборку картофеля. По словам Б.Н. Лукьянова, около 90 человек сразу согласились¹².

В некоторых случаях к социальной активности молодежь подталкивали бытовые трудности и проблемы. Так, в апреле 1967 г. в НГУ был устроен массовый бойкот студенческой столовой. Причиной была низкая пропускная способность и плохое качество питания, что привело к отравлению 17 человек. Согласно воспоминаниям

¹⁰ Швецов Г.А. (2009) Интервью в Новосибирске 12.01. (Архив Д.И. Муренко).

¹¹ Лукьянов Б.Н. (2019) Интервью в Новосибирске 02.07. (Архив Д.И. Муренко).

¹² Там же.

участников тех событий, во главе бойкота была группа активных студентов-пятикурсников¹⁵. Они предлагали провести обследование работы столовой и установить за ней систематический студенческий контроль, организовать медицинское обследование состояния здоровья студентов¹⁴. Созданная инициативная группа даже сумела распространить объявления о предстоящем блокировании столовой. Комитет комсомола НГУ при этом занял нейтральную позицию¹⁵.

Реакция партийного руководства на такую самостоятельность была неоднозначной. С одной стороны, даже в обкоме КПСС признавали, что студенты должны иметь нормальные условия питания и реализация данной задачи должна являться важной целью партийной организации университета¹⁶. С другой стороны, руководство НГУ и некоторые преподаватели были встревожены такой формой самостоятельного активизма. Согласно воспоминаниям студентов, заведующий военной кафедрой НГУ полковник В. Г. Гриштуин после бойкота столовой начинал свои занятия с разговоров о недопустимости таких методов борьбы¹⁷.

Из ряда вон выходящим явлением в условиях социалистического общества казалась забастовка. Однако летом 1969 г. работавший на строительстве спорткомплекса НГУ студенческий отряд из-за отсутствия необходимого оборудования и инструментов объявил вынужденную забастовку, инициатором которой стал секретарь комитета комсомола НГУ Б. Н. Лукьянов. Согласно его воспоминаниям, когда информация о забастовке дошла до райкома партии, ему сообщили, что он может лишиться партийного билета, однако вскоре все недостатки были устранены и строительное управление предоставило студентам все необходимое оборудование¹⁸.

¹⁵ Засыпкин И. М. (2019) Интервью в Новосибирске 15.04. (Архив Д. И. Муренко).

¹⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 68. Д. 64. Л. 52.

¹⁵ Гилев В. М. (2019) Интервью в Новосибирске 24.04. (Архив Д. И. Муренко).

¹⁶ ГАО. Ф. П-4. Оп. 68. Д. 64. Л. 52.

¹⁷ Качан М. С. Если не я, то кто? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2016/11/25/2281> (дата обращения: 22.01.2019).

¹⁸ Лукьянов Б. Н. (2019) Интервью в Новосибирске 02.07. (Архив Д. И. Муренко).

Говоря о различных формах молодежного активизма, невозможно не упомянуть о деятельности научно-производственного объединения «Факел». Основу НПО составляли молодые инженеры и ученые, выполнявшие научные работы на подрядной основе. Важнейшей задачей «Факела» провозглашалось привлечение студентов к выполнению научно-технических и опытно-конструкторских разработок. В 1969 г. в работе НПО «Факел» приняло участие 227 студентов, или 5 % от общего числа работавших¹⁹. У руководства «Факела» даже имелись планы по включению в учебный план некоторых образовательных заведений Новосибирска работы студентов в НПО²⁰. Благодаря финансовой поддержке «Факела» в Академгородке новый импульс получили важные социальные проекты. Количество клубов увеличилось настолько, что даже потребовался орган, координирующий работу всех клубов. Вследствие этого в январе 1968 г. был создан Совет творческой молодежи (СТМ)²¹. Экономический и профессиональный активизм стал дополнительным катализатором социального и политического активизма всего Академгородка.

Выявить полный спектр различных идейно-политических настроений в среде студенческой молодежи можно только в контексте постижения социокультурного феномена «шестидесятничества» в целом. В числе главных социопсихологических характеристик «шестидесятников» можно назвать такие, как чрезвычайная активность, четкая жизненная позиция, прямолинейность, молниеносный ответ на происходящие события в стране и мире, поддержка друг друга, оптимизм, вера в лучшее, борьба с трудностями, стойкость, честность, целеустремленность, огромный творческий диапазон, творческий максимализм, многогранность²².

Значительная масса студенческой молодежи демонстрировала лояльность советской политической системе, что выражалось в конформном поведении. Ярким примером политического конформизма является студенческая маевка. В 1965 г. ректор НГУ С. Т. Беляев от-

¹⁹ *Осипов А. Г.* Сибирь в НТР: Исторический аспект. Красноярск, 1989. С. 137–138.

²⁰ ГАНУ. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 155. Л. 76.

²¹ За науку в Сибири. 1968. № 10.

²² *Беляева К. С.* Феномен россиян — «шестидесятников»: попытка идентификации // Вестник МГУКИ. 2015. № 3(65). С. 65–71.

правил секретаря комитета ВЛКСМ НГУ Г. А. Швецова в Московский университет за поиском свежих идей для комсомольской работы. В планах одного из московских комитетов ВЛКСМ Швецова привлек внимание один пункт — «Студенческая маевка в Завидово». По словам Г. А. Швецова, у него возникла идея вместо выезда на природу провести такое же мероприятие, но рядом с университетским корпусом²³. Идею поддержал не только комитет комсомола, но и партком НГУ. По поручению Швецова была создана инициативная группа, в которую вошли комсомольские вожаки и другие неформальные лидеры. Среди них заметную роль сыграли Л. В. Хазова, С. А. Дондо, Б. Н. Лукьянов, Л. Г. Борисова. Первая маевка была проведена в 1966 г. Митинговые атрибуты этой и последующих маевок проявлялись в возведении красочно оформленной трибуны, наличии большого количества стационарных транспарантов с лозунгами по всему периметру площади перед университетом. Завершал праздник маевочный костер, в котором сжигались чучела мирового империализма.

Однако различные проявления конформизма среди молодежи вовсе не означали отсутствия сомнения в правильности некоторых идеологических догм. По словам В. В. Козлова — бывшего первого секретаря комитета ВЛКСМ НГУ, — после смещения Н. С. Хрущева в 1964 г. в построение коммунизма уже никто не верил: «Жизнь шла своим путем, а лозунги в стороне»²⁴.

Формирование политических взглядов зависело от многих обстоятельств, таких как окружение, среда обитания, влияние семьи, собственный интеллектуальный поиск. Важным фактором складывания мировоззрения у молодежи также были профессиональные мотивы и социальные адаптивные способности, которые проявлялись по-разному. Кто-то из числа студентов-«академистов» изначально делал ставку на научно-преподавательскую карьеру, и происходившее вокруг мало их интересовало. Другие были настроены на комсомольско-профсоюзно-партийную карьеру.

Все перечисленные группы молодежи в той или иной степени вовлекались в орбиту деятельности комсомольских структур. Однако социологические опросы, которые в то время проводили сами сту-

²³ Швецов Г. А. (2009) Интервью в Новосибирске 12.01. (Архив Д. И. Муренко).

²⁴ Козлов В. В. (2019) Интервью в Новосибирске 16.05. (Архив Д. И. Муренко).

денты, выявили проблемы в комсомольской организации университета²⁵. По словам И. М. Засыпкина — в прошлом члена комитета комсомола НГУ, — про то, что комсомол необходимо как-то реформировать, говорили практически все²⁶. В частности, комитет ВЛКСМ НГУ стал восприниматься многими как бюрократическая контора, которая не отвечает ожиданиям студентов.

Альтернативной формой общественной активности молодежи было участие в студенческих клубах, что вызывало значительную тревогу среди партийного руководства. «У известной части студенческого актива увлечение клубами приводит к мысли, что клубная самодеятельность превосходит общественную деятельность комсомольских организаций», — отмечалось в информационной справке обкома КПСС в 1968 году²⁷. На клубных диспутах поднимались вопросы не просто о реформировании, но даже о роспуске комсомола. Так, в 1965 г. на механико-математическом факультете НГУ был организован Клуб студенческой инициативы, члены которого активно занимались вопросами самоуправления в общежитии, осуществляли контроль за работой столовой и библиотеки, участвовали в формировании строительных студенческих отрядов. В том же году под эгидой клуба состоялась общеуниверситетская дискуссия «Наука и демократия». Участвовавшие в ней студенты пришли к выводу, что диктатура пролетариата порождает культ личности, комсомол изжил себя как в стране, так и в университете, необходимо создавать общественные организации, независимые от партбюро и комитета ВЛКСМ²⁸. Пример Клуба студенческой инициативы — показатель того, как самые безобидные формы социального активизма могли постепенно перерасти в политический активизм с серьезным оттенком диссидентства.

Еще одним очагом политической креативности молодежи была настенная печать, в которой периодически появлялись публикации,

²⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 68. Д. 64. Л. 7.

²⁶ Засыпкин И. М. (2019) Интервью в Новосибирске 15.04. (Архив Д. И. Муренко).

²⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 68. Д. 64. Л. 9.

²⁸ Борзенков А. Г. Молодежь и политика: Возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России (1961–1991 гг.): в 2 ч. Новосибирск, 2003. Ч. 2. С. 17.

по мнению партийных органов, подвергшиеся влиянию «вражеской идеологии». В предновогоднем выпуске газеты физического факультета НГУ «Прометей» основное место занимали интервью американского профессора Робинсона и статья об организации молодежного кафе. По мнению проверяющей комиссии, Робинсон проводил «линию восхваления США», заявив в интервью, что свои знания о СССР черпал в основном из журнала «Time». В итоге редколлегия получила упрек в «недостаточной идейной выдержанности» и отсутствии новогодней тематики²⁹. Осенью 1967 г. публикация в стенгазете «Прометей» спровоцировала настоящий политический скандал. Один из выпусков был сделан весьма специфическим образом: газетный фон был оформлен в виде штампа «уплачено ВЛКСМ». Комитет комсомола отреагировал негативно. Из ЦК ВЛКСМ в НГУ приехала комиссия под руководством П. А. Осокина, которая вынесла выговор редакции газеты. По словам И. М. Засыпкина, работавшего тогда фотографом этой газеты, многое делалось спонтанно, без злого умысла³⁰.

Практически все стенгазеты делались студентами в свободное от учебы время, которого катастрофически не хватало. Выход каждого номера готовился не один день. Стенгазеты были достаточно большого формата. Так, газета гуманитарного факультета НГУ «Логос» могла занимать 20 метров в длину. Чтобы заполнить такое пространство, приходилось изыскивать самый разнообразный материал, начиная от идеологических передовиц, которые сообщали о повышении показателей в экономике, и заканчивая анекдотами из студенческой жизни. Традиция оформления стенгазет была таковой, что ее редакторы, сами того не желая, вступали на «минное поле». В любом случае существование настенной печати свидетельствовало о политическом запросе студенческой молодежи, который невозможно было удовлетворить в существующих рамках общественной системы, поэтому естественным результатом стало появление людей, желавших эту систему значительно деформировать.

Однако на чисто диссидентские акции решались единицы из числа молодежи. Первое серьезное событие произошло в результате со-

²⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 68. Д. 64. Л. 55–58.

³⁰ Засыпкин И. М. (2019) Интервью в Новосибирске 15.04. (Архив Д. И. Муренко).

стоявшегося в январе 1968 г. в Москве суда над группой диссидентов. В знак протеста против этого на ряд зданий в Академгородке были нанесены лозунги «антисоветского» содержания. Расследование установило, что их авторами были бывший студент первого курса гумфака О.Г. Петрик, студент второго курса физфака А.Н. Горбань, студент пятого курса физфака Л.К. Попов и студент третьего курса гумфака Ю.М. Мешанин. Инициатором выступил филолог, первокурсник В.Н. Делоне, ставший затем известным политическим диссидентом.

Крамольные надписи были закрашены в тот же день, однако произошедшее всколыхнуло студенческое сообщество. Вечером в холле одного из общежитий собралось около 100 человек. Студенты требовали, чтобы перед ними выступил ректор университета академик С.Т. Беляев и ответил на два вопроса: как он относится к судебным процессам, реанимирующим сталинские методы в политике, и будет ли защищать студентов, написавших лозунги³¹.

Благодаря публичному осуждению этого поступка в комсомольской организации университета уголовного преследования студентов не последовало. Но большинство участников диссидентской акции были отчислены из НГУ. Несмотря на это, у студентов-диссидентов появились последователи. По словам профессора И.А. Молеотова, который более четырех лет являлся заместителем секретаря парткома СО АН СССР и два года возглавлял партком НГУ, после событий 1968 г. со стороны студентов пошла волна протестов. У Вычислительного центра, где в то время располагался гуманитарный факультет, распространялись листовки и надписи, предостерегавшие о возврате к 1937 году³².

В целом социально-политический активизм молодежи трудно рассматривать как единый процесс. В социальной его составляющей значительную роль играл трудовой активизм, который использовал в качестве мобилизационной силы личностные экономические

³¹ Из воспоминаний С.А. Красильникова // Логос. Историко-литературный альманах / ред.-сост. А.С. Зувев. Новосибирск, 1997. Вып. 1: Хроника гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. С. 21.

³² Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок в 1968 году: «Письмо срока шести». Документальное издание. Новосибирск, 2007. С. 15.

мотивы молодежи, а также фактор принуждения. Соглашаясь на подобные условия, молодежь безусловно демонстрировала свою лояльность и конформизм.

Политическая составляющая молодежного активизма, за исключением интернациональной маевки, как правило, имела диссидентский характер, поэтому власть, достаточно настороженно относилась к проявлению любой формы подобной активности. Даже несмотря на очевидный успех первой маевки, некоторые функционеры из обкома и горкома партии продемонстрировали не совсем адекватную реакцию. В НГУ нагрянули представители обкома КПСС, возмущенные если не сутью происходящего, то самим фактом несанкционированного новшества³³.

В студенческом движении постоянно была заметна яркая идейная и политическая составляющая в дискуссионных клубах и оппозиционных действиях. В основном политически активная часть молодежи дрейфовала в сторону фрондерства и нонконформизма. Ее идейные взгляды были сфокусированы скорее не на прямой конфронтации с режимом, а на выработке собственного мировоззрения, нравственной позиции.

Несмотря на разную направленность социального и политического вектора молодежного активизма, они оказывали взаимное влияние, а в некоторых случаях их пересечение генерировало различные импульсы, которые существенно деформировали сложившиеся традиции и взгляды. Так, согласно воспоминаниям бывшего студента гуманитарного факультета В.Л. Дорошенко, осенью 1966 г. вернувшиеся с летней практики студенты механико-математического факультета НГУ, недовольные плохой организацией работы стройотрядов и низкой оплатой труда, высказали на университетской комсомольской конференции недоверие комитету ВЛКСМ НГУ и лично его секретарю Г.А. Швецову, которого на этом посту вскоре сменил Н.А. Соловых³⁴. В 1968 г. строительный интернациональный

³³ Борзенков А.Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России (1961–1991 гг.): монография: в 2 ч. Новосибирск, 2002. Ч. 1. С. 57.

³⁴ Жежко-Браун И.В. НГУ: студенческое движение 1960-х. Статья первая // Идеи и идеалы. 2016. № 3 (29). С. 148.

отряд студентов НГУ, направленный на работу в Чехословакию, стал свидетелем ввода советских танков в столицу братского государства. По словам участника этой поездки С. А. Красильникова, отряд раскололся на две части, одна из которых поддержала позицию советского руководство, а другая с сочувствием отнеслась к «Чехословацкой весне»³⁵.

Организационно студенты были объединены в рамках комсомольской организации Советского района, которая старалась выработать, хоть и зачастую формальные, но общие цели и задачи для всех социальных групп молодежи. В некотором роде социально-политический активизм можно рассматривать с одной стороны, как полное принятие этих целей, а с другой, как неприятие заданного «сверху» вектора развития.

³⁵ *Борзенков А.Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России (1961–1991 гг.)... Ч. 2. С. 29.*

М. В. Котляров

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Публичная сфера в СССР в период перестройки (1985–1991 гг.)

В статье анализируется возникновение и развитие публичной сферы в Советском Союзе в ходе политических реформ, инициированных М. С. Горбачевым. Публичная сфера рассматривается как социальный институт, ключевой функцией которого является формирование общественного мнения. Автор считает, что в 1985–1988 гг. в СССР сохранялись прежние структуры и механизмы управления общественным мнением, которые использовало руководство КПСС для мобилизации общественной поддержки реформаторских начинаний. В 1989–1991 гг. процессы гласности и демократизации открыли возможности для появления структурных элементов независимой публичной сферы: новых СМИ, независимой публики в лице народных депутатов, избранных на альтернативной основе, представителей неформальных организаций и протестных движений. Резко возросшее влияние публичной сферы ярко проявилось в дни путча ГКЧП, в ходе которого путчисты проиграли информационную борьбу и не смогли заручиться активной общественной поддержкой.

Ключевые слова: перестройка, СССР, публичная сфера, информационная политика.

Публичная сфера — социальный институт, обеспечивающий формирование общественного мнения, влияющего на принятие решений органами политической власти¹. Важнейшую роль в функционировании публичной сферы играют средства и пространства коммуникации, активные граждане (публика), органы власти, политические партии, общественные организации, заинте-

¹ Бодрунова С. С. Концепция публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 2. С. 110–132.

решенные в обсуждении социально значимых проблем, проектов и решений².

В классических зарубежных исследованиях изучается развитие публичной сферы в странах Западной Европы, начиная с XVII века³. В российской историографии традиционно анализируется публицистика и политически значимая художественная литература, поэзия и искусство, но концепция публичной сферы применяется крайне редко. Причина во многом очевидна. Влияние публики и общественного мнения на политический процесс в России было незначительным и кратковременным. О важной исторической роли публичной сферы можно говорить только применительно к современному этапу развития страны, когда стали формироваться демократические институты. Целью статьи является изучение процесса возникновения независимой публичной сферы в СССР в условиях перестройки.

До начала политических реформ в СССР все публичные механизмы и практики подчинялись партийно-советским органам, самостоятельной публики и средств коммуникации в советском государстве не было. Структура советской публичности имела иерархию, очерченную жесткими идеологическими рамками. Ключевыми элементами советской публичности были официальные мероприятия и акции (пленумы, конференции, съезды, совещания, заседания различных органов, праздничные митинги и шествия), центральная партийно-советская пресса, телевидение и радио, носившие пропагандистский характер, а также публичные пространства, представленные центральными площадями и улицами городов, фасадами предприятий и учреждений, заполненными коммунистическими символами, лозунгами и предназначенными для проведения исключительно официальных мероприятий. Советская «публика» была полностью управляемой партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями, любая публичная «самодетельность» впи-

² Публичная сфера: теория, методология, кейс стадии: коллективная монография / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова. М., С. 8.

³ Taylor C. *Modern Social Imaginaries*. Durham, 2004. 215 p.; Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016. 344 с.

сывалась в идеологические рамки и откликалась на актуальные партийные решения.

Исследователи позднего советского периода, однако, отмечают процессы размывания строгой советской публичности⁴. С 1960-х годов в СССР зародились почвенничество, либерально-демократические и социал-демократические идейные течения. Сквозь официальную идеологическую доктрину пробивались различные религиозные и националистические течения. Их представители проявляли себя по-разному. Некоторые заняли диссидентскую позицию, большая же часть не шла на прямую конфронтацию с властью и старалась найти свою нишу в советской системе. Поэтому процессы духовного поиска были заметны главным образом в культурной жизни: на страницах столичных литературных журналов, в песнях, поэзии, самиздате.

М. С. Горбачев, избранный 11 марта 1985 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, энергично взялся за борьбу не только с социально-экономическими проблемами, но и с публичным стилем советской партократии. Он стал культивировать более открытое, демократичное поведение, нацеленное на диалог, первым стал давать негативные оценки сложившейся системе. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду КПСС 25 февраля 1986 г. М. С. Горбачев заявил о «застойных явлениях» в политической и экономической жизни страны. Для их преодоления был провозглашен курс на ускорение социально-экономического развития СССР и перестройку партийной работы⁵.

С середины 1986 г. в официальной пропаганде ключевой мыслью стала борьба с механизмом «торможения» системы. Политический курс нацелился в сторону большей информационной открытости и десталинизации. В ряде городов СССР был разрешен показ фильма Т. Абуладзе «Покаяние», в котором в художественных формах осмысливались репрессии и подавление инакомыслия в годы правления И. В. Сталина. В театральной среде известность получили постановки по пьесам М. Ф. Шатрова на общественно-политическую тематику.

⁴ *Полынов М. Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940-х — первая половина 1980-х гг. СПб., 2010. С. 303.

⁵ *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза.* М., 1986. С. 3, 78.

В литературных журналах началась публикация таких запрещенных поэтов, как Николай Гумилев. Даже эти осторожные шаги производили огромный эффект на сознание советских граждан. Вспоминая те годы, многие говорят о «переломе сознания» и «сильнейшем шоке», который они в какой-то момент испытали, об ощущениях воодушевления и даже восторга, пришедших на смену этому шоку, и о необычном желании принимать участие в происходящем⁶.

Следующим шагом стало расширение границ обсуждения актуальных проблем как в обществе в целом, так и в партии. С этой целью в январе 1987 г. был проведен пленум ЦК КПСС, поставивший задачу демократизации кадровой политики и развития гласности. С начала 1987 г. в публикациях центральных советских газет стал расти удельный вес критических материалов. Одновременно усилился уровень критики внутри КПСС. На заседаниях пленумов партийных комитетов все чаще стали звучать негативные оценки положения дел в экономике, социальной политике, культуре.

Существенный шаг в направлении десталинизации был сделан 2 ноября 1987 г. В этот день в Кремле на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октябрьской революции, М. С. Горбачев выступил с докладом «Октябрь и перестройка: революция продолжается». В докладе было указано на личную причастность И. В. Сталина к массовым репрессиям. С конца 1987 г. началась активная публикация материалов о ранее «запретных» темах советской истории, что явилось важнейшим фактором переосмысления исторического опыта коммунистической власти.

Индикатором возрастания роли общественного мнения в период перестройки стали меры по «раскрепощению» социологии. Серьезным шагом на пути к гласности в опросах общественного мнения стало советско-французское исследование в октябре 1987 г. Впервые граждане СССР отвечали на вопросы об академике А. Д. Сахарове, об отношении к войне в Афганистане, к антиалкогольной политике, высказывали суждения об изменениях, начавшихся в стране по инициативе М. С. Горбачева. 17 июля 1987 г. было принято постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС, включавшее реше-

⁶ *Юрчак А. В.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 31.

ние о создании Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) для систематического проведения опросов населения «по важнейшим социально-экономическим темам»⁷.

В 1988 г. происходили не только изменения тональности и расширение обсуждаемых тем в публицистике и прессе, но и появились новые структурные элементы публичной сферы. Большую роль в этом сыграла подготовка и проведение XIX Всесоюзной партийной конференции. Уникальным явлением для коммунистической партии, последовательно отстаивавшей свою идеологическую и организационную монолитность, стало появление весной 1988 г. партийных клубов, в которых собирались коммунисты, поддерживавшие реформаторские шаги М. С. Горбачева. Партийные клубы стали альтернативными публичными площадками, на которых шло более свободное обсуждение повестки перестройки.

Руководство партии инициировало обсуждение в парторганизациях «Тезисов Центрального комитета КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции». Наиболее смелые предложения коммунистов содержали требования восстановить историческую справедливость в отношении репрессированных, снять режим секретности с партийных документов, организовать альтернативные выборы в Советы. Все эти требования были не только учтены на партконференции, но и воплощены в конкретную политическую стратегию. Состоявшаяся 28 июня — 1 июля 1988 г. XIX Всесоюзная партийная конференция приняла решение о наделении Советов всей полномочной законодательных, управленческих и контрольных функций. Высшим органом государственной власти в стране должен был стать Съезд народных депутатов СССР. Выборы депутатов на съезд планировалось провести весной 1989 г. Одновременно начался процесс реабилитации репрессированных, сопровождавшийся активной литературно-публицистической поддержкой.

Выборы народных депутатов СССР в 1989 г. и народных депутатов РСФСР и местных советов в 1990 г., проходившие на конкурентной основе, «взломали» правила и нормы советской публичности. Предвыборные собрания, публикации в прессе программ кандидатов, организация первых агитационных кампаний привели к непредска-

⁷ Социология в России / ред. В. А. Ядов. М., 1996. С. 530–531.

зубым электоральным результатам. На выборах народных депутатов СССР потерпели поражение 33 первых секретаря и 31 секретарь крайкомов и обкомов, что составляло почти треть кандидатов этого ранга. Из шестерых партийных и советских руководителей, выдвинувших свои кандидатуры на выборах в Москве, был избран только Б. Н. Ельцин, который использовал, по сути, оппозиционную риторику. В Ленинграде не получили необходимого количества голосов все пятеро кандидатов, имевшие высокий партийно-государственный статус. В Эстонии и Латвии проиграла выборы почти половина советских и партийных руководителей⁸.

Съезд народных депутатов СССР, открывшийся 25 мая 1989 г. в Москве, продемонстрировал резкий рост влияния СМИ. Популярность трансляций съезда была огромной. Благодаря телевидению малоизвестные люди, избранные народными депутатами, превратились в настоящих политических звезд, отношение к которым формировалось за счет их публичных выступлений и действий, а не формального партийного статуса. Телевизионный показ съезда стал мощным фактором политизации общества, слома традиций политического конформизма и правил официальных политических мероприятий, развивавшихся по строгому сценарию.

В Кузбассе летом 1989 г. политическую обстановку дестабилизировали протестные выступления шахтеров, в результате которых забастовали рабочие практически всех угольных бассейнов страны. С этого времени значительное влияние на политический процесс в СССР приобрела «улица». Пикеты, митинги, шествия по политическим и социально-экономическим вопросам постепенно становились постоянным «фоном» жизни, особенно в крупных городах СССР. Многотысячные митинги в Москве сыграли важнейшую роль в отмене в марте 1990 г. статьи 6 Конституции СССР о «руководящей роли КПСС», что открыло дорогу формированию идеологического разнообразия и реальной многопартийности.

С 1989 г. возникает сеть независимой прессы в СССР. В новых СМИ циркулировали сведения о протестах, конфликтах, оппозиционных движениях, «новых» политиках и общественных деятелях. Рост вли-

⁸ Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005. С. 329.

яния и неподконтрольности СМИ в этих условиях, показывает тот факт, что «компетентным органам» понадобились инструменты для мониторинга публикаций СМИ, чтобы держать руку на пульсе политических изменений и оперативно сообщать о них руководству страны. В эти же годы у отечественных ученых и программистов появился доступ к персональным компьютерам и западным программам, которые позволили реализовать накопленные ранее идеи по классификации документов и поиску информации в них. Для КГБ была создана технология «Агама», которая стала первой отечественной системой мониторинга и анализа СМИ.

Параллельно с этим развивалась система социологических опросов. В стране было создано несколько сетей интервьюеров на базе региональных опросных структур и областных и региональных партийных школ, связанных с Академией общественных наук при ЦК КПСС. Начиная с конца 1980-х годов, проведение опросов общественного мнения превратилось в распространенную практику. Изучение рейтинга того или иного политического деятеля и политической партии стало важнейшим инструментом политического анализа и политической борьбы⁹.

Принципиальное влияние публичной сферы на ход политического процесса отражают события путча ГКЧП 19–22 августа 1991 г. За время своего существования ГКЧП опубликовало три постановления, два из которых были посвящены информационной политике. Однако контроль за СМИ так и не был установлен. В частности, радиостанция «Эхо Москвы» сначала остановила вещание, но со второй половины дня 19 августа возобновила его. Репортажи «Эхо Москвы» были наиболее актуальными и важными в столице. Продолжила вещание также радиостанция «Радио России», так как она располагалась в здании Верховного Совета России, и доступа к ней путчисты не имели. Контроль над телевидением был неэффективным, так как руководитель Гостелерадио Л. П. Кравченко не смог наладить постоянное освещение событий в выгодном ГКЧП ключе из-за скорости захвата власти и общей сумятицы. Распоряжений ограничить освещение событий зарубежными СМИ не последовало, поэтому о событиях путча продолжали сообщать иностранные журналисты. Мо-

⁹ Социология в России / ред. В. А. Ядов. М., 1998. С. 530–531.

сквичи узнавали о ситуации в том числе из репортажей американской телекомпании CNN. Член ГКЧП О. Д. Бакланов в воспоминаниях писал, что они недооценили значение СМИ и это стало решающей причиной неудачи путча ¹⁰.

Таким образом, в развитии публичной сферы в годы перестройки можно выделить два основных этапа. Первый — 1985–1988 гг., когда руководство КПСС, опираясь на существовавшие публичные механизмы, изменило содержание и тональность политической значимой информации. Публикации в популярных изданиях стали носить критический характер к советскому строю, особенно к его истории, в первую очередь к сталинской эпохе. Процесс был управляемым, цель кампании заключалась в завоевании общественной поддержки реформаторских планов М. С. Горбачева и ослаблении консервативных сил. На втором этапе, в 1989–1991 гг., началось формирование независимых от КПСС элементов публичной сферы, таких как новые газеты и радио, появились новые публичные акторы — народные депутаты СССР и РСФСР, независимые политические резонеры в лице публицистов, журналистов, художественной и научной интеллигенции, активисты неформальных движений. События путча ГКЧП показали, что руководство КПСС и КГБ утратило контроль над информационным пространством и проиграла информационную борьбу. В СССР возникла независимая от власти публичная сфера, которая стала функционировать по правилам демократических государств.

¹⁰ Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было. М., 2014. С. 286–289.

К. И. Попова

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Президентские выборы в странах Африки южнее Сахары: традиции и новации

Статья посвящена анализу президентских выборов в 2018 г. в Демократической Республике Конго и в 2019 г. в Сенегале и Нигерии. Автор рассматривает предвыборные кампании, ход самих выборов, их результаты. В качестве источников использованы публикации в русскоязычных и англоязычных СМИ. В статье рассматриваются основные факты биографии победивших на выборах кандидатов. В результате сравнения выборов в трех странах Африки южнее Сахары выявлены общие тенденции (технические трудности в проведение выборов, большое количество кандидатов, сильное влияние элит, стремление действующих президентов удержаться у власти), наличие которых обусловлено низким уровнем политической культуры африканцев, сложившейся из-за особенностей исторического развития названных государств. В то же время, сделан вывод о том, что в разных странах Африки южнее Сахары состоявшиеся выборы имели различную степень демократичности.

Ключевые слова: президентские выборы, Африка, ДР Конго, Нигерия, Сенегал.

Африка южнее Сахары¹ — регион, который обладает огромными запасами ценных природных ископаемых, но одновременно испытывает глубокие социально-экономические проблемы. Здесь продолжается процесс становления независимых государств, хотя за влияние на них борются страны Евросоюза (ЕС), США, Китай, арабские государства, заинтересована в этом и Россия. Переплете-

¹ Африка южнее Сахары (АЮС), Тропическая и Южная Африка, Черная Африка — синонимы, обозначающие регион, который включает в себя страны Африканского континента, за исключением стран Северной Африки (Алжир, Египет, Ливия, Мавритания, Марокко, Тунис), то есть стран арабского мира.

ние всех этих факторов и тенденций создает благоприятную почву для размышления о будущем этого региона. Поэтому нам представляется актуальным изучить процесс президентских выборов, который, несомненно, играет важную роль в общей картине развития стран Африки южнее Сахары.

Демократический процесс в странах Тропической Африки проходит сейчас стадию становления. Политическое развитие этих государств происходит совсем иначе, чем в Европе. Получив независимость после длительного колониального периода, многие страны Африки провозгласили себя демократическими, но фактически вся вторая половина XX в. прошла для них под знаком авторитарных режимов и военных переворотов. Переняв у бывших метрополий систему устройства государственной власти, африканские политики во многом продолжают действовать в рамках привычных для себя паттернов. Трайбализм, патронатно-клиентельная система, традиции своих народов — все это влияет на современных политических деятелей стран Африки. В связи с этим важно рассмотреть, как проходят современные выборы в разных африканских странах. Для примера мы взяли последние президентские выборы в Демократической Республике Конго, Сенегале и Нигерии. Названные государства выбраны не случайно. Во-первых, это страны, в которых президентские выборы состоялись в последние годы. Во-вторых, они имеют различную историю политического и социально-экономического развития в постколониальный период, а значит, их сопоставление может дать нам некий средний срез по всему региону.

Несмотря на то, что в исследовании рассматриваются события, произошедшие совсем недавно, они уже получили освещение в научных публикациях. Так, существуют три статьи сотрудников Института Африки РАН, каждая из которых посвящена президентским выборам в рассматриваемых нами странах: в работе д-ра полит. наук Г.М. Сидоровой рассматриваются выборы в ДР Конго², статья канд. ист. наук Т.С. Денисовой посвящена выборам президен-

² Сидорова Г.М. Итоги президентских выборов 2018 г. в Демократической Республике Конго [Электронный ресурс] // Институт Африки Российской академии наук. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/vyborny_v_drk.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

та в Нигерии³, а канд. ист. наук Л. М. Садовская освещает выборы в Сенегале⁴. В этих статьях изложены важные факты о выборах: как проходила предвыборная гонка, что представляли собой кандидаты, как проходили сами выборы и подсчет голосов, каковы результаты, а также прогнозы на будущее для победивших кандидатов. Эти публикации позволили создать уверенный каркас для нашего исследования.

Кроме того, мы обратились к текстам с сайта «Правители Африки: XXI век»⁵, которые составлены В. Г. Кусовым на основе переводов различных публикаций иностранных СМИ. Среди них подробные биографии президентов Жозефа Кабилы, Феликса Чисекеди, Маки Салла, Мухаммада Бухари, которые помогли составить представление о политических фигурах, сыгравших ключевую роль в рассматриваемых нами выборах. В. Г. Кусов представил подробную информацию о жизненном пути, политической карьере, основных свершениях данных президентов.

Для понимания тенденций политического процесса африканских стран было полезным учебное пособие А. Л. Емельянова⁶, во втором и третьем разделах которого подробно анализируется современное африканское общество и особенности современного политического процесса, обусловленные историческим развитием данных стран.

Опираясь на перечисленные публикации, мы предприняли попытку сравнить ход и результаты выборов в трех разных странах Тропической Африки с целью выявления современных тенденций в электоральном процессе на Африканском континенте.

³ Денисова Т. С. Нигерия: президентские выборы 2019 г. [Электронный ресурс] // Институт Африки Российской академии наук. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/nigeriya_vybory_2019.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

⁴ Садовская Л. М. Итоги президентских выборов и постэлекторальный климат в Сенегале [Электронный ресурс] // Институт Африки Российской академии наук. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/itogi_vyborov_v_senegale.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

⁵ Правители Африки: XXI век [Электронный ресурс]. URL: <https://african-rulers.ru/> (дата обращения: 15.06.2019).

⁶ Емельянов А. Л. Постколониальная история Африки Южнее Сахары. М., 2012. 492 с.

* * *

Выборы президента в Демократической Республике Конго состоялись 30 декабря 2018 г. Действующий на тот момент президент Жозеф Кабила правил страной уже 17 лет. Он стал президентом поневоле и в достаточно молодом возрасте, в 29 лет, после смерти своего отца, президента Лорана-Дезире Кабилы. Жозефа Кабилу выбрали как компромиссную фигуру. Считается, что сам он не стремился занять пост президента. Однако именно ему с 2001 г. пришлось разбираться с «наследием отца» — гражданской войной и общим упадком в государстве. Надо отметить, что получилось у него это довольно успешно: к 2006 г. все конфликты с повстанцами и соседними государствами были либо урегулированы, либо переведены в более спокойную стадию. В связи с этим в 2006 г. была принята Конституция и наконец-то проведены президентские выборы, основными конкурентами, в ходе которых стали Кабила и один из лидеров повстанцев, достаточно влиятельный и богатый человек — Жан-Пьер Бемба. Победу одержал Кабила. В 2011 г. прошли очередные президентские выборы, на которых Кабила вновь был переизбран, несмотря на то, что его противник — Этьен Чисекеди — заявил о наличии фальсификаций. Становилось ясно, что демократия в Конго является формальной, а действующий президент будет держаться за власть.

За годы своего бессменного правления Жозеф Кабила прошел по проторенному пути африканских лидеров: создал сеть предприятий в различных отраслях экономики, которые приносили огромные доходы его семье⁷. В 2016 г., когда должны были состояться очередные президентские выборы, он перенес их на неопределенный срок, объявив о том, что необходимо сначала провести перепись населения и составить списки избирателей. Истинной причиной такой отсрочки, по всей видимости, было то, что, согласно Конституции, Кабила не имел права баллотироваться третий раз подряд.

После объявления о переносе выборов в стране начали вспыхивать протесты. Кабила продолжал оттягивать срок выборов под раз-

⁷ *Kavanagh M., Wilson T., Wild F. With His Family's Fortune at Stake, President Kabila Digs In* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2016-12-15/with-his-family-fortune-at-stake-congo-president-kabila-digs-in> (дата обращения: 15.06.2019).

ными предложениями, что вызывало недовольство оппозиции и населения в целом. По результатам опроса, проведенного в марте 2018 г., Жозефом Кабиллой были недовольны 74% населения⁸. К давлению на президента подключились правительства западных стран, наложившие санкции на конголезских чиновников. В результате Кабила был вынужден все же назначить выборы на конец 2018 г. Так как он сам не имел права баллотироваться, был выдвинут его неофициальный преемник из правительственных кругов — Эммануэле Рамазани Шадари, депутат Национального собрания (нижняя палата парламента), в недавнем прошлом бывший губернатор провинции Маньема и министр внутренних дел. Кандидатура Шадари ассоциировалась у оппозиции с возможной фальсификацией выборов и нелегитимным приходом к власти.

Предвыборная гонка проходила очень напряженно. Окончательный список кандидатов в президенты был опубликован 19 сентября 2018 г., в нем значился 21 человек. Параллельно с президентскими должны были проходить выборы в парламент и местные органы власти. При подготовке этих кампаний международным наблюдателям из стран ЕС отказали в аккредитации. Приглашены были наблюдатели только из Африканского Союза, Сообщества развития Юга Африки (САДК), из Международной Организации Франкофонии, а также около 40 тыс. наблюдателей от католической церкви⁹.

Недовольство и недоверие оппозиции вызывал тот факт, что на выборах планировалось использование электронных машин для подсчета голосов. Предвыборная гонка сопровождалась акциями протеста. Зафиксированы и жестокие инциденты: так, из провинции Восточное Касаи пришла весть о похищении и обезглавливании трех представителей пропрезидентской «Партии народа за реконструкцию и демократию».

⁸ Reid S. Did Kabila Just Bring Democracy to Congo? [Электронный ресурс]. URL: https://foreignpolicy.com/2018/08/13/did-kabila-just-bring-democracy-to-congo_drc/ (дата обращения: 15.06.2019).

⁹ Сидорова Г. М. Итоги президентских выборов 2018 г. в Демократической Республике Конго [Электронный ресурс]... URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/vybory_v_drk.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

Изначально выборы были назначены на 23 декабря 2018 года¹⁰. Однако в ходе их подготовки возникли проблемы с доставкой оборудования для голосования в некоторые районы страны. Около семи тысяч устройств для голосования сгорели 12 декабря при пожаре в здании, где хранилось оборудование Национальной независимой избирательной комиссии (ННИК) в Киншасе. А 20 декабря потерпел крушение перевозивший избирательное оборудование самолет Ан-26. В результате выборы были перенесены на 30 декабря 2018 г.

Несмотря на отсрочку, организовать выборы повсеместно не удалось: жители городов Бени и Бутембо, а также их окрестностей были лишены возможности проголосовать в связи с объявленной вспышкой лихорадки Эбола. Решение правительства отменить голосование в этих районах вызвало акции протеста: оппозиция посчитала, что таким образом Кабила пытается повлиять на результаты выборов.

В день выборов были продлены часы работы избирательных участков. Причиной этому послужили плохая погода, затруднившая избирателям доступ к участкам, а также многочисленные поломки устройств для голосования. На юго-западе и северо-востоке страны были зафиксированы инциденты с применением насилия. Так, в провинции Маи-Ндомбе из-за нехватки бюллетеней жители разгромили офис избирательной комиссии. По сообщению наблюдателей, по всей стране были признаны неработавшими около 540 автоматических урн для голосования. Десятки избирательных участков в столице ДР Конго не открылись даже через несколько часов после официального начала выборов, что не позволило пришедшим гражданам проголосовать. На некоторых участках отсутствовали списки избирателей.

Подсчет голосов затянулся и проходил в крайне напряженной обстановке: власти на период подсчета отключили мобильный Интернет и популярную радиостанцию «Радио Франсе Интернейшнл», чтобы избежать вброса фейковых новостей об итогах голосования. Предварительные результаты выборов избирательная комиссия обнародовала лишь в ночь с 9 на 10 января, назвав победителем лидера объединенной оппозиции Ф. Чисекеди. По подсчетам Национальной

¹⁰ *Сидорова Г.М.* Итоги президентских выборов 2018 г. в Демократической Республике Конго [Электронный ресурс]... URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_files/vybory_v_drk.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

независимой избирательной комиссии, он набрал 38,57%. На втором месте оказался оппозиционер М. Файулу, на третьем — кандидат от правящей партии Р. Шадари¹¹.

Стоит сказать несколько слов о личности победителя выборов. Феликс Чисекеди долгое время на политической арене находился в тени своего отца — Э. Чисекеди — одного из самых ярких оппозиционеров. Лишь после его смерти Ф. Чисекеди стал играть на политической арене более или менее заметную роль. Во время предвыборной кампании ему пришлось соперничать с Мартеном Фаюлу за роль лидера оппозиции, которая в итоге раскололась, так и не создав единого фронта.

Результаты выборов многие в оппозиции восприняли скептически: отставание от лидеров Шадари и победа Чисекеди стали поводом обвинять последнего в сговоре с Ж. Кабиллой. Файулу не признал результаты выборов, в чем его поддержала католическая церковь. Важно отметить также, что на парламентских выборах, проходивших одновременно с президентскими, с весомым преимуществом победила партия Ж. Кабилы.

Таким образом, несмотря на победу оппозиционного кандидата, нельзя сказать, что в стране сформировалась демократическая культура. Сам процесс выборов происходил напряженно и с многочисленными нарушениями. Большое количество кандидатов не обеспечивало реальной конкуренции. Тем не менее важно, что президент Кабила был вынужден под давлением общественного мнения и иностранных санкций все же провести законные выборы, благодаря чему его правление не превратилось в очередной авторитарный режим, которые до недавних пор были характерны, как для ДР Конго, так и для других африканских стран.

Иначе прошли президентские выборы в Сенегале и Нигерии в феврале 2019 г. Там действующие президенты смогли переизбраться на новый срок. Интересно сопоставить их биографии, чтобы понять причину таких результатов.

Президент Сенегала Маки Салл долгое время был сторонником и близким помощником предыдущего президента Сенегала — Аб-

¹¹ Конго ждет президента [Электронный ресурс]. URL: http://www.irkutsk.izbirkom.ru/etc/2019/p10_284.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

дулая Вада, занимал высокие государственные посты, был премьер-министром, но затем был смещен с этого поста А. Вадом из-за своего чрезмерного влияния в политике. М. Салл стал готовиться к выборам 2012 г., основав свою партию, оппозиционную правящему президенту. Пользуясь лаврами лидера объединенной оппозиции и громкими популистскими обещаниями, М. Салл выиграл выборы в 2012 г. Первый его президентский срок в целом оценивается положительно: были достигнуты успехи во многих сферах, однако основная социально-экономическая задача не была решена — бедность и безработица остаются проблемой для большинства простых сенегальцев. Молодежь недовольна президентом: они оканчивают открытые при нем университеты, но после этого не могут найти работу. Тем не менее к выборам 2019 г. Салл подошел, имея неплохие шансы. В ходе предвыборной кампании он продвигал свой образ, как «модернизатора страны», а также устранил важных конкурентов: мэра Дакара Халиф Салл был обвинен в растрате, и над ним устроили закрытый судебный процесс, а Кариму Ваду, сыну прошлого президента, не дали зарегистрироваться на выборах из-за его судимости. Таким образом, в выборах президента впервые не участвовали кандидаты от двух крупных партий страны — Демократической (ДПС) и Социалистической (СПС). Из 87 изначально зарегистрированных кандидатов в бюллетени были внесены только пятеро, остальные в ходе избирательной кампании либо отказались от борьбы, либо не были допущены Избирательной комиссией.

На выборах присутствовало большое количество сенегальских и международных наблюдателей, в том числе от Миссии Африканского союза и Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС). Большинство наблюдателей сошлись во мнении, что выборы 24 февраля прошли в спокойной обстановке. Однако после случился инцидент, который вызвал возмущение оппозиции: премьер-министр в ночь после выборов, не дожидаясь официальных результатов, объявил действующего президента победителем. Сразу же появилось мнение среди оппозиции о том, что М. Салл боится проигрыша во втором туре, и поэтому так сильно было сокращено число кандидатов, претендующих на пост. Однако после объявления официальных результатов, по которым Макки Салл набрал 58,27 %,

оппозиционные кандидаты признали результаты выборов.

Важно отметить результат У. Сонко, занявшего третье место и победившего в своей родной провинции Казаманс. Это самый молодой из кандидатов (44 года), который благодаря своим взглядам и программе развития Сенегала пользуется популярностью у молодежи, имеющей большой электоральный вес. Но Салл тоже хорошо был подготовлен к выборам: он разработал долгосрочную программу развития Сенегала, которую начал воплощать в жизнь еще на первом своем сроке ¹².

Очевидно, что ситуация в Сенегале отличается от развития событий в Конго. Здесь оппозиции не удалось прийти к власти, но и позиция действующего президента была иной: он провел на своем посту только один срок, отношение к нему электората не столь негативно, как к Кабиле. В сравнении с ДР Конго предвыборная кампания и выборы прошли достаточно мирно и спокойно. Тем не менее не обошлось без закулисных игр и задеирования административного ресурса.

Президент же Нигерии, Мухаммаду Бухари, изначально строил карьеру военного, но был и диктатором Нигерии в 1983–1985 гг. После того, как его свергли, он долгое время находился вне политики, но в начале 2000-х годов вернулся в нее снова. Он участвовал в выборах президента 2003 г. и 2007 г. как кандидат от консервативной оппозиции. Проиграв эти выборы, Бухари возглавил свою партию, выдвинулся на президентские выборы 2011 г. и вновь проиграл. Важно заметить, что на всех этих выборах он набирал далеко не самый низкий процент (учитывая фальсифицируемость выборов). К выборам 2015 г. Мухаммад Бухари создал широкую оппозиционную коалицию и воспользовался неудачами действующего президента, который был замешан в коррупционных скандалах и не мог остановить действия боевиков Боко Харам — радикальной нигерийской исламистской организации. Благодаря этой повестке Бухари смог победить на выборах.

Перед выборами 2019 г. политика президента имела неоднознач-

¹² Садовская Л.М. Итоги президентских выборов и постэлекторальный климат в Сенегале [Электронный ресурс]... URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/itogi_vyborov_v_senegale.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

ные результаты: с одной стороны, были заметны определенные успехи в борьбе с Боко Хаарам и антикоррупционной политике. С другой стороны, проблему безопасности населения нельзя назвать решенной, а в вопросах экономики администрация Бухари и вовсе оказалась некомпетентной: были истрачены валютные резервы, часто бюджет государства не принимался вовремя, сохранился высокий уровень безработицы и многое другое. Кроме того, населению было известно, что президент серьезно болен и периодически улетает за границу лечиться, иногда на длительные сроки. Это тоже негативно сказалось на его имидже в ходе избирательной кампании. Много обвинений в неисполнении своих обещаний получил от прессы и оппозиции Бухари, однако это не помешало ему победить в первом туре выборов, набрав 56% голосов. Дело в том, что, несмотря на большое количество кандидатов, желающих поучаствовать в выборах, большинство из них были незнакомы широкому кругу избирателей, поэтому борьба разворачивалась между Бухари и крупным бизнесменом Атику Абубакаром. Их предвыборные повестки были очень похожими, поэтому избиратели отдали предпочтение проверенному в деле президенту, а не Абубакару, который до этого ничем особенным в политике не отметился и был замешан в коррупционных скандалах¹³.

Ситуация Бухари, на первый взгляд, похожа на ситуацию Салла: он тоже пришел на первый срок, будучи лидером оппозиции. Однако у него была другая репутация, сформированная его «диктаторским» прошлым. Он не является гарантом демократизации. Что касается самих выборов, то мы наблюдаем выключение из предвыборной гонки кандидатов с ограниченными финансовыми и административными ресурсами. Борьба разворачивается среди узкого круга кандидатов, имеющих серьезную политическую биографию и принадлежность к правительственным кругам или большому бизнесу.

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Во-первых, есть общие особенности во всех трех случаях: чрезмерно большое количество кандидатов, желающих принять участие в выборах, большинство из которых неизвестны широкому кругу избирателей, тех-

¹³ *Денисова Т. С.* Нигерия: президентские выборы 2019 г. [Электронный ресурс]... URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/nigeriya_vybory_2019.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

нические и социальные трудности в проведении выборов на всей территории страны (труднодоступные районы, сбои оборудования, террористы, эпидемии), широкое использование основными кандидатами административного ресурса в ходе предвыборной кампании, долгий процесс подсчета голосов, традиция оппозиции оспаривать результаты и считать их сфальсифицированными, стремление действующих президентов удерживать власть несколько сроков подряд, популистские программы кандидатов. Все это продолжается еще с конца 1990-х годов и является типичными показателями политической культуры африканцев. Однако можно увидеть, что степень демократичности (весьма условное понятие в контексте политического развития африканских стран) выборов в разных странах все же отличается. Так, в Конго уровень организации выборов достаточно низкий: хаос на участках, недопуск международных наблюдателей, в то время как в Сенегале и Нигерии выборы прошли без беспорядков и в целом соответствовали демократическим нормам проведения. Важно отметить, что все действительно имевшие шансы на победу кандидаты являлись представителями либо политической, либо экономической, либо военной элиты, что показывает существование определенного порога для входа в большую политику. Поэтому и понятие «оппозиция» означает противоборствующую группировку во власти, а не представителей народных чаяний. В целом можно сказать, что, несмотря на различные итоги выборов в разных странах, они все не являются «прорывными», по сравнению со сложившимися традициями. Таким образом, для коренного изменения как в процессе выборов, так и в проводимой политике, вероятно, необходима смена поколения и в элите, и в составе избирателей.

Социально-экономические процессы в мировой истории: тенденции, содержание, результаты

С. А. Денисов

Институт археологии РАН (Москва)

Положение свободных самбийских общинников в государстве Тевтонского ордена во второй половине XIII — первой половине XIV в.

Статья посвящена положению (составу и функциям) свободных общинников в Самбии, перешедших на службу к Ордену и церкви в 1254–1350 гг. На основе изучения сведений о 360 общинниках было выделено четыре группы, отличающиеся по своим обязанностям. Половину ленников составляли пруссы, обязанные нести военную службу (на коне или в пешем строю) и строить укрепления (группа 1). Остальную часть ленников составляли лица, обязанные платить чинш и дополнительно несшие военную службу (группы 2–4). Внутри всех групп наблюдались аккумуляция и дробление земельных владений. Положение их представителей поддерживалось за счет системы специальных мер (увеличение числа владельцев, расширение круга наследников, вергельда), позволивших Ордену и епископам стабилизировать землепользование в Самбии.

Ключевые слова: Самбия, Тевтонский орден, Самбийский епископ, общинники, земельный надел, налог, военная служба.

Политика Тевтонского ордена в Пруссии во второй половине XIII — первой половине XIV в. подразумевала включение местного населения в социальную систему нового государства, создаваемого братьями. Пруссы привлекались на службу Ордену и церкви в обмен на сохранение имущественного положения и пожалование новых земель и привилегий. В результате был сформирован слой землевладельцев-ленников, ставший надежной опорой Ордена и включавший в себя как нобилей, так и свободных общинников. При этом вторая группа представляла собой основную часть местного общества,

что ставит вопрос о способах ее инкорпорирования в социальную систему Орденского государства. Показателями такого инкорпорирования являются состав и функции прусских общинников, зафиксированные при их поступлении на службу. Среди 11 прусских племенных областей, существовавших к середине XIII в., особое место занимала Самбия, расположенная в северной части Пруссии. Эта богатая и густонаселенная область стала опорным пунктом и источником ресурсов для Ордена в его продвижении на восток, включавшем покорение прусских земель Надровии и Скаловии, а также борьбу с Литовским княжеством¹. Исходя из этого, обратимся к решению поставленных вопросов применительно к самбийским общинникам, перешедшим на службу Ордену и церкви.

В историографии состав и функции данной группы были частично рассмотрены в контексте социальной истории всех прусских земель. Характеризуя положение незнатных общинников, исследователи отмечали, что те получали земельные участки, обязуясь платить налог, отрабатывать государственную барщину и отбывать воинскую повинность². При этом зажиточные общинники («малые свободные») были освобождены от крестьянских повинностей³. Касаясь

¹ *Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussiae // Scriptorum rerum prussicarum (SRP). Bd. 1 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. S. 93, № 74; S. 133, № 182; S. 185. № 338; 189. № 348; 189–190. № 351.*

² *Voigt J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens. Bd. 3. Königsberg, 1828. S. 414–443; Lohmeyer K. Geschichte des Ost- und Westpreussen. Gotha, 1880. S. 163–164; Zajaczkowski S. Podbój prus i ich kolonizacja przez krzyżaków. Toruń, 1935. S. 28; Tumler M. Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400 mit einem Abriss der Geschichte des Ordens von 1400 bis zum neuesten Zeit. Wien, 1955. S. 471–472; Бокман Х. Немецкий орден: монография / пер., предисл. и комм. В.И. Матузовой. М., 2004 (1-е изд.: München, 1994). С. 101–102; Трокаль Т.В. Государство Тевтонского Ордена в Пруссии в XIII — начале XIV века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 154–158; Dygo M. Początki i budowa władztwa zakonu krzyżackiego (1226–1309) // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / Red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa, 2008. S. 77–78, 102–104; Vercamer G. Die Freien im Deutschordensland Preußen als militärischer Rückhalt Ende des 14. Anfang des 15. Jahrhunderts // Tannenbergr — Grunwald — Žalgiris 1410: Krieg und Frieden im späten Mittelalter / Hrgb. von W. Paravicini, R. Petrauskas, G. Vercamer. Wiesbaden, 2012. S. 175–189.*

³ *Масан А.Н. Город в государстве Тевтонского ордена в XIII — первой половине XV вв. (по материалам средневековой Пруссии): дис. ... канд. ист.*

эволюции статуса свободных общинников, находившихся на службе у Ордена, исследователи отмечали, что к XV в. они слились с крепостными крестьянами⁴. Однако более подробно состав и функции рассматриваемой нами группы не изучались.

Основная информация об общинниках содержится в актовом материале, отражающем процесс интеграции пруссов в состав Орденского государства. Речь идет о грамотах, выданных пруссам Орденом или церковью, гарантирующих владение земельными участками и фиксирующих обязанности их владельцев. Формуляр таких документов состоит из обозначений дарителя и адресата, преамбулы, публичного объявления, изложения обстоятельств дела и распоряжений по его существу, информации о запрете отчуждения участка частным лицом и покушения на здоровье его владельца, сведений об удостоверительных знаках, указаний на место и время выдачи и сигнатуры. Помимо этого, сведения о положении незнатных пруссов и их военной службе Ордену содержат хроники и исторические сочинения XIV в. Критериями для выделения незнатных общинников в рассматриваемых документах стали отсутствие прямых указаний на знатное происхождение, таких как знатный муж («*honestus vir*») или «благородный муж» («*nobilis vir*»). В свою очередь, принадлежность к пруссам была выявлена за счет прямых указаний «прусс» («*Pruthenus*»), а также на основании ономастики (пруссских имен Астиоте, Рембото, Бетко и др.).

Исходя из этих критериев, были выявлены 360 общинников, живших в Самбии и поступивших на службу Ордену и церкви. Их можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляли общинники, освобожденные от налогов и шарверка (обязательной работы за владение участком), но обязанные нести военную службу Ордену или епископу. Их число составляет 212 человек, 59% от общей численности. Около двух третей из них (142 человека) были обязаны участвовать в походах и защи-

наук. М., 1989. С. 46, 52; *Długokęcki W.* Prusy w starożytności i we wczesnym średniowieczu // *Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo* / Red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa, 2008. S. 469–471.

⁴ *Пашуто В.Т.* Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII века) // *История СССР. 1958. № 6.* С. 76–77; *Курсанова Т.И.* Социально-экономическое положение Тевтонского Ордена второй половины XIV — первой половины XV вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. С. 285–286.

щать земли на конях и с оружием по обычаю, а также возводить и ремонтировать укрепления⁵. Все перечисленные персоны являлись обладателями наделов 2–14 гаков или 3–21,3 гуффена⁶. Другая часть ленников (70 человек) были также обязаны нести военную службу, но с некоторыми отличиями:

1) служба в пешем строю (21 человек). Размер участков семи человек, составил 1–5 гаков или 3–8,8 гуффенов⁷, два прусса владели соответственно 40 и 16 гаками⁸. Размер владений 12 общинников не указан⁹;

2) участие в походах и защита земель на конях и с оружием по обычаю, без обязанности строить укрепления (21 человек). 14 из них обладали наделами 1,5–13,5 гуффенов (1–9 гаков), четверо — наделами 20,3–35 гуффенов (13,5–23,3 гака). Размер владений трех общинников не указан¹⁰;

3) защита земель и строительство укреплений (два человека). В первом случае речь идет о владении 40 гаками¹¹, во втором размер владения не указан¹².

Применительно к 26 персонам военная служба подробно не описана. Из них 20 персон владели 1–8,5 гуффенами¹³, размеры участков остальных шести общинников точно не указаны¹⁴.

⁵ Preussisches Urkundenbuch (PUB). Bd. 1. Hft. 2 / Bearb. H. Seraphim. Königsberg, 1909. S. 204. № 292; S. 244–245. № 362; 476–477, № 765, etc.; Ibid. Bd. 3. Lief. 1 / Hgb. von M. Hein. Königsberg, 1944. S. 204–205. № 283; Urkundenbuch des Bisthums Samland (UBS) / Hgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 1. Leipzig, 1891. S. 105–106. № 196; Ibid. Bd. 3. Lief. 1 / Hgb. von M. Hein. Königsberg, 1944. S. 204–205. № 283.

⁶ Один гака составил 1,5 гуффена или 20 гектаров (Рогачевский А.Л. Кульмская грамота — памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002. С. 205–207).

⁷ PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 331. № 527; S. 486, № 782, etc.

⁸ Ibid. S. 328. № 522; S. 341–342. № 542; UBS. Hft. 1. S. 88. № 180; S. 97, № 189.

⁹ PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 204. № 292; S. 277–278. № 435, etc.

¹⁰ UBS / Hgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 2. Leipzig, 1898. S. 233–234. № 314; UBS / Hgb. von C. P. Woelky, H. Mendthal. Hft. 3. Leipzig, 1905. S. 260–261. № 369; PUB. Bd. 3. Lief. 1. S. 144. № 199, etc.

¹¹ PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 244–245. № 362.

¹² Ibid. S. 264. № 390.

¹³ Ibid. S. 486. № 782; Ibid. Bd. 4 / Hgb. von H. Koeppen. Marburg, 1964. S. 207. № 237; S. 278. № 312; S. 556. № 618, etc.

¹⁴ UBS. Hft. 1. S. 64–65. № 110; S. 64–65. № 111; S. 70–71. № 133.

Вторую группу составляли землевладельцы, обязанные выплачивать чинш в денежном виде. К ней относится 51 человек, 14% от общего числа. Большинство из них (35 человек) не было обязано к военной службе и владело 1–2 гагенами или 0,5–4 гуффенами¹⁵. В двух случаях (Рембото и Бетко) речь шла о владениях большого размера: соответственно 7 и 10,5 гуффенов¹⁶. Налог на указанные владения составил от девяти фирдунгов до семи марок. Остальные землевладельцы (16 человек) платили чинш и служили Ордену или епископу: десять персон участвовали в походах и защищали земли на коне и с оружием, предписанным обычаем, а также возводили укрепления, пять персон служили с оружием по обычаю, один общинник возводил и ремонтировал укрепления. При этом девять ленников владели 1–4 гагенами или 2 гуффенами¹⁷. Еще два лица (Герман Малдите и Страмбото) владели 12,5 гуффенами¹⁸. Размер владений остальных персон не указан¹⁹. Налог на перечисленные владения составил от десяти скотов до семи марок.

Как видно, несмотря на различия в отношении военной службы, рассматриваемая группа являлась по составу однородной и состояла из мелких землевладельцев, обладавших 1–4 гагенами или 0,5–6 гуффенами и обязанных платить от девяти скотов до девяти марок. Введение военной обязанности являлось дополнительным условием. Следует отметить, что для налогообложения, являвшегося обязательным условием пожалования участков, характерно наличие разных чиншей для равных по размеру владений. Так, Малдите из Сикена был обязан платить две марки за 4 гуффена²⁰, в то время как Ангрот и Варгинне за аналогичный по размеру участок должны были выплачивать только девять скотов (около четверти марки)²¹.

¹⁵ UBS. S. 107. № 199; Ibid. Hft. 2. S. 168. № 249; S. 172. № 254; PUB. Bd. 2. S. 81. № 127.

¹⁶ UBS. Hft. 1. S. 107. № 199; PUB. Bd. 3. Lief. 1. S. 16. № 26.

¹⁷ Codex Diplomaticus Prussicus (CDP) / Hrgb. von J. Voigt. Bd. 2. Königsberg, 1842. S. 67–68. № 58; S. 71. № 61; UBS. Hft. 2. S. 160. № 239; UBS. Hft. 2. S. 179. № 261.

¹⁸ CDP. Bd. 2. S. 67–68. № 58; S. 71. № 61; UBS. Hft. 1. S. 123–124. № 212; Ibid. Hft. 3. S. 271. № 388.

¹⁹ UBS. S. 255. № 355.

²⁰ Ibid. S. 260. № 366.

²¹ Ibid. S. 264. № 375.

Схожая ситуация характерна для других владений. Это позволяет предположить, что расчет налогов производился на основании плодородности земли, обеспечивавшей сумму дохода. Данная особенность делала систему распределения владений гибкой, отвечавшей как нуждам дарителя, так и природным условиям землепользования.

Третью группу составляют общинники, обязанные выплачивать чинш в натуральном и в денежном виде (34 персоны, 9% от общего числа). Большинство из них (29 человек) были обязаны выплачивать ежегодно фунт воска и кельнский денарий или пять прусских или кёнигсбергских денариев. 21 общинник был обязан нести службу епископу на коне или в пешем строю и с оружием по обычаю без строительства укреплений. Размер наделов 20 персон составляли от 2 до 9 гапен²². Размер имущества двух других владельцев точно не указан²³. Отдельный случай представляет собой положение Петра, платившего за дополнительное владение в 10 гуффенов половину марки и две курицы за каждый гуффен²⁴. В другом случае служба общинника Сандера за надел в 5 гуффенов не указана²⁵. Меньшая часть землевладельцев (пять человек) была обязана выплачивать налог деньгами и продовольствием (курицами). Четверо из них владели 6 гуффенами и таверной, а один — 1 гуффеном и 8 югеррами. Их служба также не указана²⁶.

Четвертую группу составляют шесть персон (2% от общего числа), обязанные платить десятину или выполнять шарверк. Общинники защищали земли Ордена и строили укрепления вместе со своими людьми²⁷ или платили чинш²⁸. Размеры наделов точно не указаны. Несмотря на то, что десятина и шарверк были характерны скорее для крестьянского землевладения²⁹, указания на военную службу и чинш говорят о том, что перед нами свободные общинники.

²² UBS. Hft. 1. S. 39. № 73; UBS. Hft. 2. S. 244. № 336; S. 157–158. № 233, etc.; S. 157–158. № 233.

²³ Ibid. Hft. 1. S. 39. № 73; S. 40. № 74a.

²⁴ Ibid. S. 166–167. № 247.

²⁵ PUB. Bd. 4. S. 238. № 267.

²⁶ UBS. Hft. 2. S. 166–167. № 247; S. 176. № 258.

²⁷ Ibid. S. 254. № 353; PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 245–246. № 363, 364.

²⁸ UBS. Hft. 2. S. 255. № 355.

²⁹ Ibid. S. 254. № 353.

Отдельно от рассмотренных случаев находятся положение ка-мерариев Михаила и Наглауде, которые владели соответственно 8,3 югерами и 4 гагенами. Они были освобождены от налогов и выполняли только административные обязанности³⁰.

Применительно к 57 персонам (16% от общего числа) в актах указаны только размеры землевладений, налоги и служба не упоминаются³¹.

Суммируем рассмотренные сведения в табл. 1.

Как видно, половину ленников составили представители первой группы, владевшие участками 1,5–26 гуффенов. Основную их часть составляли лица, обязанные служить на коне и с оружием, предписанным обычаем³². В этом случае отряды пруссов представляли собой мобильные силы, способные преодолевать значительные расстояния и неожиданно наносить удар противнику, что было продемонстрировано во время Великого восстания³³. Таким образом, опираясь на земельный фонд, Орден смог мобилизовать военные силы пруссов и использовать их для своих целей. Так, в 1331 г. они участвовали в составе орденского войска в походе в Польшу³⁴, а в 1362 г. и 1377 гг. — в Литву³⁵. Доля второй, третьей и четвертой группы гораздо меньше и составляет совокупно около $\frac{1}{3}$ от общего числа. Для них характерно наличие налога на земельные пожалования: денежного, денежного и натурального или только натурального. Количество ленников, обязанных нести военную службу, возводить и ремонтировать укрепления, в этих группах различно: в третьей группе они составляют более половины от общего числа, в то время как во второй группе — только $\frac{1}{3}$.

³⁰ PUB. Bd. 3. Lief. 2. S. 343. № 480; UBS. Hft. 3. S. 270. № 386.

³¹ PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 246. № 364; S. 340. № 541; UBS. Hft. 1. S. S. 129–130. № 218.

³² См. таблицу 1.

³³ *Petri de Dusburg Chronicon terrae Prussae* // SRP. Bd. 1 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. S. 112–113. № 123; S. 120–121. № 143–144; S. 122–123. №№ 147, 150, 155.

³⁴ *Die Chronik Wigands von Marburg* // SRP. Bd. 2 / Hrgb. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1863. S. 481–482.

³⁵ *Ibid.* S. 531–534, 589–590.

Таблица 1

Распределение самбийских общинников по группам *

№ группы	Численность	Процент от общего числа ленников	Размеры владений (основные)	Военная служба			Строительство укреплений	Налог	Шарверк
				Участие в походах и защита земель на коней и с оружием	Участие в походах с оружием	Только защита земель			
1	212	59%	1,5–26 гуффенов	163	21	2	нет	нет	
2	51	14%	0,5–6 гуффенов	10	5		11	0,4–7 марок	
3	34	9%	3–12,5 гуффенов	24	3	1	19	воск, курицы, 1 или 5 денариев	
4	6	2%	точно не указаны			2	2	десятина	

* Составлена по данным актового материала.

Развитие перечисленных групп было неодинаковым на протяжении рассматриваемого периода. Из табл. 2 и 3 видно, что численность первой группы постоянно пополнялась новыми ленниками при каждом верховном магистре или епископе.

Таблица 2

**Динамика численности групп 1–4
в правление великих магистров Ордена ***

Магистр	Количество новых ленников			
	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4
Анно фон Зангерсхаузен (1257–1274)	1	–	1	–
Хартманн фон Гельдрунген (1274–1283)	5	–	–	2
Бурхард фон Шванден (1283–1290)	5	–	–	–
Конрад фон Фойхтванген (1291–1297)	9	–	–	–
Готтфрид фон Гогенлоэ (1297–1303)	11	–	–	–
Зигфрид фон Фойхтванген (1303–1311)	4	–	–	–
Карл фон Триер (1311–1324)	10	1	–	–
Вернер фон Орселн (1324–1331)	3	1	–	–
Лютер фон Брауншвейг (1331–1335)	23	1	–	–
Дитрих фон Альтенбург (1335–1341)	61	–	–	–
Людольф Кениг (1342–1345)	22	5	–	–
Генрих Дюсемер (1345– 1351)	28	1	–	–

* Составлена по данным актового материала.

Таблица 3

Динамика численности групп 1–3 при Самбийских епископах *

Епископ	Количество новых ленников			
	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4
Генрих (1254–1274)	6	–	2	–
Кристиан (1275–1295)	2	–	–	–
Зигфрид (1296–1314)	2	3	–	–
Иоганн (1315–1344)	3	29	29	4
Иаков (1344–1357)	12	9	1	–

* Составлена по данным актового материала.

На протяжении 1261–1335/1344 гг. речь шла о постепенном увеличении группы на 2–11 человек при каждом магистре и епископе, а в период 1335/1344–1350 гг. группа увеличивалась на 12–61 человека. Резкое увеличение числа ленников в данном случае связано, вероятно, с внешней политикой Тевтонского ордена, магистр которого Дитрих фон Альтенбург (1335–1341) участвовал в 1336–1338 гг. в походах европейских правителей в Литву³⁶, что требовало мобилизации войска. С этой целью была проведена раздача земель с условием несения военной службы, что, в свою очередь, увеличило численность первой группы. На фоне постоянного роста первой группы, формирование второй, третьей и четвертой групп выглядит более ситуативным. Их отдельное увеличение в размере от одного до девяти человек наблюдается на всем протяжении рассматриваемого периода. Исключение при этом составляет деятельность Самбийского епископа Иоганна Кларе (1315–1344), увеличившего вторую и третью группы на 29 человек³⁷. Причиной этому стала необходимость компенсировать затраты на строительство Домского собора в Кнайпхофе, а также замка в Повундене, которое велось по распоряжению епископа. О существовании такой практики говорится в акте 10 ок-

³⁶ Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1: С древнейших времен до 1569 г. / пер. на русский язык Г. И. Ефремова. М., 2005. С. 119–121.

³⁷ См. таблицы 2, 3.

тября 1327 г., в котором пробст Иоганн и соборный капитул Самбии пожаловали нобиям Милиеде, Дарготу и Самону участок, относившийся ранее к приходской церкви в Рудо, за 80 марок, необходимых для строительства собора³⁸. Увеличение численности групп сопровождалось широким введением вергельда (штрафа) за убийство землевладельца. Около двух третей персон из общего числа владельцев, защищенных рассматриваемым штрафом (64 из 87), получили эту привилегию именно в период 1325–1350 годов³⁹. Это говорит о том, что магистры Ордена и епископ стремились гарантировать сохранность землевладения и соответственно получение от ленника налога и/или службы.

Обратимся далее к процессам, происходившим среди свободных общинников.

В первой, второй и третьей группах наблюдаются аккумуляция и дробление земельных пожалований. Концентрация имущества в руках отдельных пруссов сопровождалась дополнительным чиншем (Ангольт) или осуществлялась за прежние обязательства, заключавшиеся в несении военной службы (Схудие, Гейдуте и др.). С другой стороны, в прусских хозяйствах наблюдались признаки разделения участков на более мелкие части. Так, при подтверждении владельческих прав Германа Малдите и Страмбото отдельно оговаривалось право собственности первого из них на участок в три гагена⁴⁰. В другом случае, братья Николай и Гертвиг получили по наследству от отца соответственно два и один гаген⁴¹.

В этих условиях Орден и епископ поддерживали непрерывность землевладения несколькими способами. Первым способом стало пожалование участка нескольким владельцам. Более половины ленников составляли группы от двух до шести человек, что гарантировало наследование земли в случае бездетности одного из общинников. Вторым способом стало наследование имущества не только прямыми наследниками, но и родственниками по мужской или женской

³⁸ UBS. Hft. 2. S. 174–176. № 257.

³⁹ Ibid. S. 262. № 372; S. 176. № 258; Ibid. Hft. 3. S. 271. № 388, etc.

⁴⁰ Ibid. Hft. 3. S. 271. № 388.

⁴¹ Ibid. Hft. 2. S. 239. № 324.

линиям (Катарина)⁴², а также внебрачными потомками (Тинге и Нанланде)⁴³. Положение землевладельца гарантировалось введением вергельда и специальными актами епископов, издаваемыми после рукоположения и подтверждающими владельческие права ленников, полученные от предшествующих иерархов⁴⁴. Со своей стороны, ленник в случае продажи или наследования участка был обязан получить одобрение от Ордена или епископа⁴⁵. В случае если землевладелец оказывался не способен выплатить налог, администрация предписывала продать имуществу другому лицу (Спаерот)⁴⁶ или возвращала надел себе (Сандинге⁴⁷, Гаубин⁴⁸).

Итак, половину свободных общинников, перешедших на службу Ордену или епископу, составляли ленники, обязанные служить на коне и с оружием, предписанным обычаем, а также строить и ремонтировать укрепления. Они были освобождены от налогов и владели участками (кроме двух персон) 1–16 гахенов или 1–35 гуффенов. Увеличение этой группы на протяжении 1261–1335/1344 гг. было стабильным и небольшим, резкий рост числа ленников произошел, начиная с правления магистра Дитриха фон Альтенбурга, и был связан с военными походами в Литву. Вторая, третья и четвертая группы состояли из общинников, обязанных платить налог (денежный и/или натуральный) и дополнительно несших военную службу. Размер наделов, которыми обладали ленники, составил 0,5–12 гуффенов. Увеличение данных групп было более ситуативным: резкий рост второй и третьей групп наблюдался при епископе Иоганне Кларе и был связан с необходимостью увеличить доходы от земель для оплаты масштабного строительства.

Внутри всех рассматриваемых групп продолжался процесс социально-имущественной дифференциации, наблюдавшейся в XII — первой половине XIII в. в прусских общинах. В 1261–1350 гг. он про-

⁴² UBS. Hft. 3. S. 239. № 323.

⁴³ Ibid. Hft. 2. S. 157–158. № 233.

⁴⁴ Ibid. S. 135. № 224; S. 219. № 291.

⁴⁵ Ibid. Hft. 2. S. 160–161. № 240; Ibid. Hft. 3. S. 240. № 325; PUB. Bd. 1. Hft. 2. S. 244–245. № 362, etc.

⁴⁶ UBS. Hft. 2. S. 227–228. № 308.

⁴⁷ Ibid. S. 254. № 353.

⁴⁸ Ibid. S. 232. № 313.

явился в дроблении владений и аккумуляции имущества в руках отдельных общинников. Этот процесс требовал гарантий получения доходов от уже распределенных участков. Данная проблема решалась за счет увеличения числа владельцев одного участка, расширения круга лиц, имевших право наследования, а также введения вергельда. Вместе с постоянным контролем над совершаемыми сделками и вступлением во владельческие права данные меры составили систему регулирования землепользования, применявшуюся Орденном и епископами.

Таким образом, рассмотренные процессы, характерные для развития группы свободных общинников, говорят об их активном включении в систему Орденского государства, позволившем интенсифицировать использование земельного фонда и укрепить его политическое и экономическое положение.

М. А. Киселев

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

Проекты Д. В. Волкова и торгово-промышленная политика Российской империи в начале 1760-х годов *

В статье анализируются проекты, подготовленные в начале 1760-х годов Дмитрием Васильевичем Волковым, по вопросу реформирования торгово-промышленной политики России, при этом один из проектов вводится в научный оборот впервые. Показано, что эти проекты представляли собой попытку обновления меркантилистской системы Петра I, направленную на увеличение положительного торгового баланса страны. Рассматривается влияние волковских проектов на торгово-промышленную политику Российской империи, включая принятие указов о коммерции от 28 марта и 31 июля 1762 г., в контексте политической борьбы в начале 1760-х годов, в том числе с учетом конфликта Волкова с ведущим экономическим «прожектором» елизаветинского царствования П. И. Шуваловым.

Ключевые слова: меркантилизм, торгово-промышленная политика, Д. В. Волков, Екатерина II, П. И. Шувалов.

После прихода к власти в 1762 г. Екатерины II в торгово-промышленной политике России произошли важные изменения, связанные с переходом от меркантилистской системы, основные элементы которой были созданы при Петре I, к системе, сформированной под влиянием физиократов. Историки в качестве самого первого законодательного акта, обозначившего новый курс, определяют указ о коммерции от 31 июля 1762 года¹. В то же время этот документ развивал нормы подписанного еще Петром III указа о коммерции от 28 марта,

* Публикация подготовлена в рамках реализации исследований по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-5210.2018.6.

¹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 313, 379; *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 737.

на создание которого повлиял Д. В. Волков (в 1756–1762 гг. секретарь Конференции при дворе е. и. в., органа, созданного для координирования внешней политики и военных действий на время Семилетней войны, а в 1762 г. — тайный секретарь Петра III). Правда, историки, констатирующие это, в должной мере не рассматривают волковские проекты и их место в переходе от одной системы к другой². В настоящей статье с целью ликвидации данной лакуны и для лучшего понимания логики отмечаемого перехода предполагается проанализировать проекты Волкова в контексте торгово-промышленной политики России начала 1760-х годов.

9 октября 1760 г. была учреждена Комиссия о коммерции. Хотя о ее создании еще хлопотал П. И. Шувалов, во главе ее был поставлен И. Г. Чернышев, бывший близким И. И. Шувалову. Влияние последнего в 1760–1761 гг., как фаворита Елизаветы Петровны, находилось в зените, что позволило ему потеснить своего двоюродного брата П. И. Шувалова в сфере определения внутренней политики. Это было немаловажным обстоятельством для торгово-промышленной политики, так как именно П. И. Шувалов в середине XVIII в. был едва ли не самой влиятельной фигурой в ее определении. При этом он не забывал и о своем интересе, взяв на откуп продажу табака, получив монополию на ряд промыслов на Севере и приняв участие как в строительстве своих металлургических заводов, так и в коррупционной приватизации уральских казенных заводов. Кроме того, к его заводам не без злоупотреблений были приписаны государственные крестьяне.

Пользуясь подвижками в верхних эшелонах власти, 19 декабря 1760 г. Волков направил к Чернышеву письмо о коммерции. Волков, хотя и был человеком незнатного происхождения, к 1760 г. сделал неплохую карьеру и, несмотря на формальный статус секретаря, был относительно влиятельной персоной. С учетом того, что правительство находилось в непростом положении из-за финансовых проблем, вызванных Семилетней войной, «дерзновенный Волков» (Н. И. Панин) даже посчитал, что он может попытаться вмешаться в торгово-промышленную политику.

² Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 184; Ковальчук А. В. Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в.: Идеи и практика. М.; СПб., 2017. С. 130.

Понимая, что такой шаг вызовет вопросы из-за того, что Волков прежде не был замечен как специалист по торгово-промышленной политике, в начале письма он поместил такое заявление: «Покажется, может быть, что мое звание и служба должны-бы воздержать от подобных представлений и научили-бы не желать новостей, а еще меньше искать имя прожектиора». Однако затем он замечал, что в его письме «много найдется смешанного с делами политическими»³. Если так, то поднимаемые им вопросы относились к сфере деятельности Конференции, и он получал право высказаться по ним.

Проблема, которую Волков предлагал решить, состояла в следующем: «Продолжающаяся война весьма истощила не казну, но государство деньгами, <...> и сие неоспоримо, что возвращения оных в государство не учинится и при долговременном мире, буде баланс коммерции не станет оставаться в нашу сторону, а особливо что роскошь и страсть ко всяким чужим новостям несказанно возрастает». Более того, он полагал, что «если-б паче желания и ожидания надлежало войну еще несколько лет продолжать, то в государстве серебряного рубля не осталось-бы»⁴.

Волков считал, что необходимо предпринять меры для выправления торгового баланса и возвращения серебра. При этом, заметив, что «короче казалось-бы всю роскошь пресечь и провоз сюда многих разорительных излишеств запретить», он высказал опасения, что, «запрещая привоз, не уменьшить весьма и вывозу и тем, вместо распространения, не сохранить весьма коммерции». Другой постулат, которым, по его мнению, следовало руководствоваться, состоял в том, что «искусство нам доказало, что всякий торг в казенном содержании упадет, да не меньше и то подлинно, что ко управлению весьма великих и обширных дел весьма артифициельныя машины», то есть искусственные машины типа государства «не имеют довольно силы, и почти один рычаг нам приличествует»⁵. Итак, Волков исходил из того, что невозможно улучшить торговый баланс, используя

³ Письмо конференц-секретаря Д. В. Волкова о Русской торговле // Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 117–118.

⁴ Письмо конференц-секретаря Д. В. Волкова о Русской торговле... С. 123, 118.

⁵ Там же. С. 123, 119.

запреты. В то же время он допускал, что с помощью правительственного же рычага ситуацию можно исправить.

Волков писал, что «хлебной здешнему государству торг натуральнее всех», однако «бывшими и часто без нужды запрещениями, заставили мы многих прилежать к земледелию, и убавили расход на наш хлеб». В связи с этим он предлагал разрешить «выпуск хлеба из всех портов генерально позволить безошлинно», или же с небольшой пошлиной. Правда, Волков считал, что купцам часть хлебных запасов надо какое-то время держать на складах внутри страны на случай неурожая. Затем он утверждал, что, «несмотря на то, что мы имеем самое лучшее» железо, «Швеция делит однако ж с нами такую прибыль, которая, кажется, нам одним принадлежать имела б». Дело в том, что «англичане хотели не купить одного фунта в Швеции, если мы не одно полосное, но и по лекалам их делать станем». Раз так, то следовало принять меры для улучшения качества российского железа, чтобы вытеснить с европейского рынка Швецию, ведь «политически и экономически интересована о том польза империи»⁶.

Далее Волков обращал внимание Чернышева на перспективы развития торговли с Персией. По его мнению, проблема заключалась в том, что с 1758 г. монополия на нее была у Персидской компании, которая «сама собою никакой коммерции производить не может, а всем другим препятствует, и сей полезной торг совсем остановила». Раз так, то эту компанию следовало «лучше совсем уничтожить», «Астраханской порт на несколько лет сделать совсем вольным», а «около Астрахани лежащим местам дать привилегии лет на двадцать или на тридцать, что буде кто иностранной на них поселится, тот от всяких налогов и податей свободен, и может заводить фабрики, какия кто хочет, не требуя новых позволений и не будучи в рукоделии своем ни от кого зависим»⁷.

Развивая свои идеи, Волков предложил «все товары здешняго (российского. — М. К.) продукта, кои каким[-]либо образом были донныне запрещены, и так от времени из коммерции выбыли, <...> не токмо тотчас позволить, но и безошлинно отпускать, или с <...> малою по-

⁶ Письмо конференц-секретаря Д.В. Волкова о Русской торговле... С. 123, 118–120.

⁷ Там же. С. 120–121.

шлиною». Более того, он рекомендовал снизить вывозные пошлины, мотивируя это так: «Если б казна теряла <...> двести тысяч рублей, а государство приобретало тем миллион, <...> сию потерю великою находкою почитать можно»⁸. Что до мануфактур, то они, по Волкову, «долженствуют составлять знатную часть коммерции». В то же время он отмечал, что «обыкновенно полезны государству бывают те, где много людей кормится, и где свои продукты в дело употребляются». Исходя из этого, Волков обращал внимание Чернышева на фабрику Козенца, который в 1753 г. на 10 лет получил монопольное право на производство в России ситцев и выбоек и ряд таможенных привилегий⁹. Волков утверждал, что эта фабрика «употребляет в дело одну» русскую «воду и, лишая многих подданных промыслу печатания холстов, вводит только в государство безпошлинно иностранные товары». Он предлагал такого рода фабрики «или без всяких церемоний уничтожить, или пространная их привилегии весьма сократить»¹⁰.

Завершая письмо, Волков намекал, что у него подготовлена более обширный набор предложений по реформированию торгово-промышленной политики¹¹. Однако, скорее всего, не зная, какой будет реакция Чернышева, он ограничился наиболее существенными положениями. Впрочем, направленность его идей была понятна. Волков исходил из меркантилистского постулата, что богатство страны, материализуемое в драгоценных металлах, обеспечивается положительным торговым балансом. Так как серебро утекало за рубеж из-за трат на обеспечение русской заграничной армии, а также в виде платы за импортируемые предметы роскоши, богатство страны оказалось под угрозой полного истощения. В исправление этого он предлагал увеличить экспорт товаров из России, и это должно было в меньшей степени основываться на жестком вмешательстве государства в экономику, включая прямые запреты на вывоз и ввоз тех или иных товаров. Не отрицая важной роли государства, он предлагал пойти по пути снятия ряда ограничений на торговлю и промышленное производ-

⁸ Письмо конференц-секретаря Д. В. Волкова о Русской торговле... С. 123–124.

⁹ Дмитриев Н. Н. Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII века. М.; Л., 1935. С. 10–23.

¹⁰ Письмо конференц-секретаря Д. В. Волкова о Русской торговле... С. 125.

¹¹ Там же. С. 125.

ство, а также введения таможенных послаблений и налоговых льгот.

Чернышев вернул Волкову письмо с комментариями, судя по которому, он отнесся к нему положительно. Так, Чернышев заметил по поводу сомнений Волкова о его компетентности: «Будто бы не равная должность была всех о пользе и благополучии общества стараться, а паче таким людям, которые таким большим дарованьем Божеским обогащены. Скрытый талант проклят от Бога». По поводу же идеи «все товары здешняго продукта <...> не токмо тотчас позволить, но и безпошлинно отпускать» он написал: «Дай Бог, чтоб на оное согласились»¹².

Ободренный этим, Волков подготовил два проекта. Первый из них был представлен на рассмотрение Конференции. При этом в качестве пробного шара 3 января 1761 г. он внес на рассмотрение Конференции предложение, касавшееся улучшения браковки пеньки. Согласно протоколу от 3 января, он «представил, что как ныне предпочтительное старание о поправлении коммерции, то он умолчать не может, коим образом отовсюду слышит, что главный здешний продукт, а именно пенька, подвержен опасности совсем из торгу выбыть, и тем новой и знатной ущерб здешней сделать, единственно для того, что браковщики не исполняют их должности или и плутуют, так что выходящая чрез Пруссию польская пенка получается разглашена лутче здешней чистотой». Рассмотрев это, Конференция приняла решение послать в Сенат экстракт из протокола с мнением о необходимости улучшить ситуацию с бракованием пеньки¹³.

Достигнув успеха, Волков решил его развить и подал документ, определенный как «экстракт из протокола» Конференции от 5 января 1761 г., предназначенный для отправки в Сенат. Итак, он фактически подготовил проект распоряжения Конференции, что указывало на уверенность в его утверждении. В преамбуле в обоснование вмешательства в вопросы коммерции Конференции заявлялось: «Во всех благоустроенных государствах коммерция составляет знатную часть министерской должности, и как тот торг называется государственною коммерциею, которой производится с другими го-

¹² Письмо конференц-секретаря Д. В. Волкова о Русской торговле... С. 118, 123.

¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 178. Оп. 1. Д. 22. Л. 29–29 об.

сударствами, и сей тако есть существительно прибыточной, то не может ни какое об оном учреждение прямо и всегда полезно быть, буде не согласено оно с политическими знаниями и учреждениями». После этого, вполне в соответствии с письмом 1760 г., было написано о проблемах с торговым балансом и утверждалось, что «ближайшее средство к получению в государство денег» состоит в том, чтобы «тотчас отныне и гораздо прежде весны позволить все те здешняго продукта товары за море отпускать, кои каким либо образом донныне запрещены были». Особенно это касалось хлебного торгова, который «натуральнее всех здешнему государству». По мнению Волкова, «стыдно несколько хлебородной России в таком торгу ни чего не соучаствовать и не быть питательницею народов», поэтому им от имени Конференции предлагалось «выпуск хлеба из всех российских портов <...> позволить всем безошлинной» с созданием «на случай нужды» в городах страховых запасов. Как и в письме 1760 г., в этом документе содержалось предложение по улучшению продажи русского железа. Что же до торговли с Персией, то первоначально Волков написал, что Персидскую компанию «что скорее, то лучше совсем уничтожить», однако затем переправил на предложение «о сей кампании прилежно рассмотреть». По вопросу развития торговли и промышленности в Астрахани он повторил предложение о введении налоговых льгот, как и в вопросе о развитии мануфактур. При этом Волков провозгласил в документе следующий принцип торгово-промышленной политики: «В экономических государственных делах более всего смотреть, много ли людей каким промыслом питаются, и буде много, то отсюда не надлежит делать монополий, хотя казне прибыль быть казался, ибо будет оной токмо маловременной и собою исчезнет»¹⁴.

Этим проектом Волков не ограничился. Нами найден еще один документ, оформленный уже в виде именного указа Сенату. Он написан волковской рукой и в ряде случаев повторяет предложения письма Волкова 1760 г., так что можно утверждать, что он и был его автором. В первом пункте проекта утверждалось: «Чтоб государственныя доходы порядочное течение имели и всегда исправно в казну вступали, и что б росход не превосходил доходов, в том состоит благосостояние, сила и целость империи. Без того не могут ни армии содержаны быть,

¹⁴ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 22. Л. 38–46 об.

ниже народ накладок и отягощения миновать». Поэтому следовало «учредить при Сенате особливую комиссию, состоящую из одного сенатора, двух воинских, двух статских и одного камисариатского членов, и велеть, 1-е, что б такую точную всем постоянным и текущим доходам учинили табель, по которой бы всегда расход будущего года располагать можно было. 2-е. Зделать другую такую ж табель тем доходам, кои временны, и 3-е. третью краткую, но ясную ведомость всем положенным непременно государственным расходам». Что же до торгово-промышленной политики, то следовало «свободной <...> выпуск хлеба позволить, или беспошлинно или <...> с <...> малою пошлиною». Также им предлагалось схожим образом разрешить торговлю товарами, которые были «без дальней нужды на время запрещены», развивать торговлю с Персией, а также ликвидировать злоупотребления в сфере регулирования мануфактурной промышленности. В качестве примера такого злоупотребления указывался факт обладанием монополии ситценабивной фабрикой Козенца. Более того, Волков предлагал Сенату от имени Елизаветы Петровны «всякия до комерции принадлежащая и в отягощение ей служащая откупы или монополии строго и немедленно рассмотреть и все те отрешить, кои разпространению торгов вредны, а что до новых надлежит, то какого б оныя звания ни были, разумея комерческия, а не питейныя или других казенных зборов, отнюдь без доклада нам и без нашей конфирмации не дозволять». Кроме того, в текст была помещена примечательная норма о приписных крестьянах, находившихся в ведении Берг-коллегии: «Указ <...> о приписывании к заводам государственных крестьян весьма далеко разпространен и во зло употребляется к крайнему разорению помянутых государственных деревень и совсем в противность данных о том законов. Точнее о том мы теперь изъясняться не хотим, но только для того, что уверены, что наш Сенат сие злоупотребление тотчас пресечет и поправит и более в подобную кривизну не впадет и праведнаго нашего гневу не подвигнет»¹⁵.

Эти проекты не были утверждены. В 1762 г. Волков писал, что его предложения «всеми были расхвалены, но только для того остались без исполнения, что никто не имел моей смелости говорить с графом

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1537. Л. 12–17 об.

Петром Ивановичем (Шуваловым. — М. К.)»¹⁶. Второй проект нормами об общем пересмотре монополий и откупов и о ликвидации злоупотреблений в сфере приписки государственных крестьян к частным заводам затрагивал интересы Шувалова, связанные с его упоминавшимися выше откупами и заводами. Правда, первый проект от 5 января 1761 г. был менее радикальным, и Волков, как показала норма о Персидской компании, был готов идти на уступки. Однако принятие этого проекта даже в усеченном варианте означало бы, что у Шувалова появился конкурент в сфере торгово-промышленной политики. Похоже, что Шувалов еще сохранял влияние, и Конференция предпочла с ним не конфликтовать и, несмотря на положительные отзывы о предложениях Волкова, так и не утвердила их.

В историографии бытует ошибочное мнение, что Конференция утвердила 5 января 1761 г. волковский проект¹⁷. Более того, А. В. Ковальчук пишет про «решение о смене экономического курса правительства, принятое 5 января 1761 г. на заседании Конференции»¹⁸. Дело в том, что при Екатерине II была сделана копия этого документа. Из делопроизводства Конференции видно, что документ, начинавшийся словами «1761 году Генваря 5 дня в <...> Конференции определено послать в <...> Сенат экстракт их протокола», был только проектом: он написан не как беловик — аккуратным почерком без исправлений, а как черновик — небрежной скорописью руки Волкова с правками по ходу текста; также он не имеет подписей конференц-министров, как это требовал белой протокол. Однако этого нельзя понять при работе с копией екатерининского времени¹⁹, поэтому историки, работавшие с ней, решили, что это копия утвержденного протокола.

В 1761 г. у Волкова не нашлось достаточно сильных покровителей, чтобы его проекты превратились в законы. Тем не менее труды Волкова не пропали даром. После воцарения Петра III он стал его тай-

¹⁶ Письма Д. В. Волкова к Г. Г. Орлову // Русская старина. 1874. № 11. С. 484.

¹⁷ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма... С. 182; Юхт А. И. Торговые компании в России в середине XVIII века // Исторические записки. Т. 111. М., 1984. С. 270–271.

¹⁸ Ковальчук А. В. Экономическая политика правительства Екатерины II... С. 34.

¹⁹ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 550. Л. 89–100.

ным секретарем и одним из ближайших советников. Используя свое влияние на монарха, Волков смог добиться, чтобы император 28 марта 1762 г. направил в Сенат именной указ²⁰, в который были включены основные волковские предложения, касавшиеся изменения торгово-промышленной политики, и утверждалось, что «всякому торгу свободну быть надлежит»²¹, а 1 июня 1762 г. был утвержден указ, разрешивший «хлеб за море на продажу отпускать от всех Портов беспрепятственно»²². Принятый вскоре после свержения Петра III Екатериной II указ от 31 июля 1762 г. основывался на результатах обсуждения в Сенате указа от 28 марта и подтверждал как разрешение на свободный экспорт хлеба, так и ликвидировал ряд монополий и ограничений в сфере торговли и промышленности²³.

Итак, хотя Волков после свержения Петра III был отправлен в почетную ссылку в Оренбург, Екатерина II все же одобрила волковские предложения. Едва ли это было возможно, если бы не была с ними согласна. Тем не менее, в своей основе они исходили еще из меркантилистской логики и работали на рост положительного торгового баланса. В этом отношении волковские проекты представляли собой вариант обновления петровской меркантилистской системы, и их наличие свидетельствовало о наличии разных точек зрения на перспективы торгово-промышленной политики среди элиты. Иное дело, что Екатерина II, не будучи сторонницей меркантилизма, не собиралась ограничиваться волковскими предложениями и пошла дальше, что уже в 1767 г. привело к «ссоре с Мануфактур-коллегией», президентом которой был возвращенный из Оренбурга Волков²⁴, и к развитию курса, связанного с физиократическим подходом к торгово-промышленной деятельности.

²⁰ Киселев М.А. Казус Д.В. Волкова: «подьячие» на вершинах власти в Российской империи XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 3. С. 48–49.

²¹ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 15. № 11489.

²² Там же. № 11557.

²³ Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 16. № 11630.

²⁴ Омельченко О.А. Власть и Закон в России XVIII века. М., 2004. С. 324–333.

О. К. Ермакова

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Неформальные связи в среде иностранных специалистов в России XVIII — первой половины XIX в. *

Статья посвящена проблеме реконструкции сетей доверия, неформальных связей, круга патронов и клиентов, существовавших в среде иностранцев (специалистов-контрактеров, колонистов, фабрикантов) в процессе организации их жизни в России в XVIII — первой половине XIX в. Обозначены основные направления исследовательского поиска, особенности источниковой базы и трудности выявления неформальных связей в сообществе иностранцев. Установлено, что в качестве патронов выступали иностранные послы, резиденты, посредники, действовавшие в России, а также администраторы и чиновники из числа иностранцев, которые лоббировали интересы соотечественников. Наряду с ними протекцию иностранцам обеспечивали представители торгово-промышленных кругов: заводчики, русские и иноземные купцы. Сделан вывод об общечеловеческом (вне этнокультурной и стратификационной заданности) характере подобного рода связей и причинах такого характера.

Ключевые слова: неформальные связи, патрон-клиентские отношения, иностранцы, дарообмен, клиента, иностранные колонисты.

Значение неформальных связей, и в частности патрон-клиентских отношений, признается без сомнений, когда речь заходит о социальных группах, наиболее приближенных к власти, располагающих широкими возможностями и доступом к ресурсам. Проникают ли такие отношения «вглубь» социальной структуры? Этим вопросом не раз задавались исследователи. Ролан Мунье, рассуждая об отношениях личной верности (*fidélité*) во Франции Старого порядка, по-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 18-78-10093 «Неформальные связи в контексте государственного управления в России XVIII в.: административные стратегии и социальные практики».

пытался выяснить, были ли они характерны только для дворянства или же распространялись в третье сословие. Проанализировав положение крестьянства, историк пришел к выводу, что к отношениям, завязанным на земельной собственности, также применимо понятие «верности», однако оно имеет иную коннотацию. Вместе с тем, к настоящему времени существует немалое количество исследований, посвященных «городскому клиентелизму» в Европе Нового времени¹. Таким образом, отношения патроната и клиентелы в рамках различных социальных страт, помимо дворянства, также поддаются реконструкции. Вероятно, такие связи не совершенны, если рассматривать их с позиции теории Р. Мунье, отдающей большое значение глубокой эмоциональной привязанности и полной личной преданности между субъектами отношений. Следуя концепции французского историка, мы скорее будем иметь дело с клиентскими отношениями (*clientèle*), отличающимися краткосрочностью и ситуативными практическими потребностями.

С другой стороны, критики теории Р. Мунье, например Ш. Кеттеринг, считают, что ее сторонники преувеличивают значимость эмоциональной связи, которая вообще с трудом поддается не только оценке, но и выявлению². Ведь отличие неформальных связей «*maître-fidèle*» и «*protecteur-créature*» (разновидности, выделяемые согласно концепции Р. Мунье) от любых иных заключается как раз в том, что они не документируются и не обуславливаются формальными обязательствами³.

¹ См., например: *Archer I. Patronage and Clientage in Elizabethan London // Patronages et clientélismes, 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie [actes du colloque, Institut français du Royaume-Uni, Londres, 3–5 mai 1990] / Charles Giry-Deloison, Roger Mettam, éd. Villeneuve-d'Ascq: Centre d'histoire de la région du Nord et de l'Europe du Nord-Ouest de l'Université de Charles-de-Gaulle-Lille III; Londres : Institut français du Royaume-Uni, 1995. P. 137–148; Bennisar B. Lignages et «bandos» dans les villes du royaume de Castille aux XVIe et XVIIe siècles // Patronages et clientélismes... P. 117–124; Cerutti S. Clientèle et confiance. Les conflits entre le gouvernement central et les élites urbaines à Turin aux XVIIe et XVIIIe siècles. Patronages et clientélismes... P. 149–164.*

² *Kettering Sh. Patrons, Brokers and Clients in Seventeenth-Century France, New York, Oxford, 1986. P. 18–20.*

³ О концепции Р. Мунье см.: *La société de fidèles // R. Mousnier. Les institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598–1789. T. 1. Société et Etat.*

Можно ли говорить о существовании патроната и клиентелы среди иностранных специалистов, работавших в России по контрактам? Если таковые имели место, то на основании чего они могли строиться, учитывая особый статус иностранцев? Поиск ответов на эти вопросы осложняется состоянием источниковой базы. Применительно к данной социальной категории мы в меньшей степени располагаем источниками личного происхождения, которые лучше всего могли бы продемонстрировать неформальные связи. Поэтому приходится обращаться преимущественно к косвенной информации, содержащейся в официальных документах, в частности, в делопроизводственных материалах: служебной переписке, рапортах, донесениях, промемориях, отчетах, предписаниях и т. п. Однако некоторые из них весьма красочно и однозначно демонстрируют использование неформальных связей, а также практики дарообмена с целью получения услуг. Таков пример датского доктора Николая Гримберга, выписанного на российскую службу в 1703 г. Иностранец был призван на службу царскому величеству в Амстердаме вице-адмиралом Корнелием Крюйсом⁴. Кстати, К. Крюйс преуспевал в деле вербовки иностранных специалистов, особенно в период Великого посольства⁵. В документах, приложенных к допросу Н. Гримберга, учиненному по его прибытии в Посольский приказ, помимо официальных свидетельств и грамот, подтверждающих докторскую квалификацию, содержатся два письма неформального свойства. Это фрагменты переписки с неким Биркеродом, называющим доктора Н. Гримберга «возлюбленным присным почтенным друже», а себя именующий «служительным рабом»⁶. В письмах раскрывается механизм действия неофициальных способов решения дел. Речь идет

Paris, 1974. P. 85–93; *Mousnier R.* Les concepts d' «ordres», d' «états», de «fidélité» et de «monarchie absolue» en France de la fin du XVe siècle à la fin du XVIIIe // *Revue historique.* 1972. № 502. P. 289–312; *Mousnier R.* Les fidélités et les clientèles en France aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles // *Histoire sociale.* 1982. № 15. P. 35–46.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 34. Л. 1–1об.

⁵ *Ржеуцкий В., Гузевич Д.* Вербовка иностранных специалистов — выходцев из Франции и франкоязычной Швейцарии в эпоху Петра I // *Quaestio Rossica.* 2018. № 1. С. 86.

⁶ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 34. Л. 2–2 об., 5, 6–6 об.

о получении для Н. Гримберга грамоты, подтверждающей его врачебное искусство. «Великая тягость» приключилась от того, что некий иной челобитчик чуть было не опередил Н. Гримберга в обладании грамотой, позволявшей свободно «дохтурством промышлять» в Ольборге. Далее Биркерод пишет: «И я то увидав сунул я в твоё имя некому советнику [и его не имяную] сорок ефимков в руку и тем другому челобитчику отказали»⁷. Издержанные средства, а также 10 ефимков, в которые «встала сверх того грамотка в канцелярии», Биркерод просил вернуть ему «по свиданию», когда доктор прибудет в Копенгаген⁸. Вслед за этим письмом в числе «свидетельствованных пасов» Николая Гримберга приложена, по-видимому, та самая королевская грамота, выданная от имени датского короля Фредерика IV в 1700 году⁹. Кроме того, Николай Гримберг представил Посольскому приказу ещё одну грамоту, полученную им от Кристиана V в 1693 году¹⁰. В упомянутом выше втором частном письме Биркерод сообщал, что подал прошение доктора «некому честному королевскому министру» и «о совершенье колико мог докучал». Однако им был получен ответ из канцелярии о том, что для выдачи грамоты требуется свидетельство из академии, в которой челобитчик обучался докторскому мастерству. Соответственно, Биркерод просил Н. Гримберга первой же почтой выслать ему такое свидетельство. Данное письмо датировано 1697 годом¹¹. Вероятно, доктор представил требуемое свидетельство от Оксфордской академии, и вскоре ему была выдана королевская грамота. Особенно примечательно в этой истории то, что Николай Гримберг предъявил частные письма своего конфиденанта наряду с официальными свидетельствами. Следовательно, подобная практика неформальных каналов воздействия при решении дел не считалась предосудительной и была распространена в Европе.

В качестве патронов и заступников для иностранцев, приезжавших в Россию, выступали зарубежные послы и резиденты. Зачастую

⁷ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 34. Л. 2.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 2 об.–3 об.

¹⁰ Там же. Л. 4–4 об.

¹¹ Там же. Л. 6–6 об.

они превышали свои официальные полномочия, оказывая разного рода поддержку соотечественникам. Так, в начале XVIII в., когда функции французского посланника в Петербурге еще не подразумевали роли консула, а ограничивались лишь обязанностями представителя морского ведомства, занимавшегося преимущественно вопросами международной торговли, Анри Лави, находящийся на данном посту, всячески стремился защитить выезжавших в Россию французов¹². Например, он рьяно взялся за организацию возвращения на родину французских мастеров и мануфактурщиков, выписанных Петром I во время второго европейского путешествия царя. Активная деятельность была развернута парижским посланником вскоре после прибытия французов в Россию, когда многие из них обманулись в своих ожиданиях, а кроме того, как торговый представитель Франции, Анри Лави не желал, чтобы искусные ремесленники и фабриканты переносили свое производство в другое государство¹³. Надо заметить, что именно А. Лави неоднократно обращался к французскому правительству с предложением об учреждении в Петербурге полноценного консульства с правом оказания помощи соотечественникам¹⁴.

Другой пример «чрезмерной» консульской поддержки представляет опять же французский посланник, но уже екатерининской эпохи — маркиз де Боссе. «Французский министр» вызвал недовольство

¹² Ожеро К. Учреждение первого консульства Франции в Санкт-Петербурге в 1717 году / пер. Н. П. Танышиной // Россия и Франция. XVIII–XX века. Вып. 8 / отв. ред. П. П. Черкасов. М., 2008. С. 23.

¹³ Archives Nationales (AN) / Mar / B / 7 / 39, f° 171–171v°. *La Vie*, Pétersbourg, 20 octobre 1719: «Tous les négociants, ouvriers et artisans étrangers sont très maltraités par les Russes» et désirent rentrer dans leur pays // Décisions du Conseil de marine: Espagne, Italie, Nord. Septembre, octobre, novembre, décembre 1719; AN / Mar / B / 7 / 40, f° 129v°–131. *La Vie*, Pétersbourg, 1 janvier 1720: La Vie fait partir pour la France 30 ouvriers, mais il en reste un grand nombre // Décisions du Conseil de marine: Espagne, Italie, Nord. Janvier, février, mars, avril 1720; AN / Mar / B / 7 / 41, f° 125v°–126. *La Vie*, Pétersbourg, 2 mai 1720: Les manufactures établies par le Tsar périclitent. Les ouvriers français cherchent à partir // Décisions du Conseil de marine : Espagne, Italie, Nord. Mai, juin, juillet, août 1720.

¹⁴ AN / AE / B / I / 983, 19 août 1720: Discussions avec le baron de Schaphyrov au sujet de l'intervention du consulat français dans l'affaire des manufactures // Correspondance consulaire, Pétersbourg.

Канцелярии опекунства иностранных и Коллегии иностранных дел тем, что неоднократно укрывал в своем доме приехавших на поселение в Россию иностранных колонистов. Один из таковых — гренобльский уроженец Карл Этьен Мишель, который в августе 1765 г. под именем парижского уроженца Петра Фортюне был записан в колонисты в Амстердаме «вызывателем» бароном де Борегардом. История с этим колонистом оказалась весьма запутанной. Маркиз де Боссе в 1767 г. сообщал со слов Мишеля (Фортюне), что тот, действительно, был записан в колонисты в Амстердаме Кано де Борегардом. Однако он сделал это не по собственной воле. Будучи отроду всего одиннадцати или двенадцати лет, Карл Этьен был продан в колонисты своей матерью за двадцать один червонный, которая якобы, «приняв оные деньги, посадила его на корабль, не объявляя ему намерения своего»¹⁵. Карл Этьен Мишель приехал в Санкт-Петербург около декабря 1765 г. «болен, почти весь наг с отзнобленными ногами», и «некоторой человек увидев бедственное его состояние привел его в дом французского министра, которой из сожаления по человечеству приказал иметь об нем всякое попечение и чинить ему вспомошествование»¹⁶. Маркиз де Боссе просил барона де Борегарда вернуть молодому человеку его «вольность», освободить от обязательства становиться колонистом и ехать на поселение в Поволжье. «Вызыватель» в целом не возражал освободить юношу, но требовал возмещения сделанных на его переезд издержек. При этом Борегард изложил собственную версию произошедшего, подкрепив ее документальными доказательствами. Из предъявленных документов следует, что Петр Фортюне на шестнадцатом году жизни (а вовсе не в 11-летнем возрасте) по собственному желанию был принят в Амстердаме в колонисты, оттуда отправлен через Гамбург в Любек в сентябре 1765 г. В Любеке он подтвердил и собственноручно подписал первое свое обязательство при четырех свидетелях, и между тем многократно просил поверенного Борегарда, майора Монжу, о прибавлении ему кормовых денег, объявляя, что он скоро достигнет 16-летнего возраста¹⁷. При отъезде из Любека Фортюне получил все необходимое,

¹⁵ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 97. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 2–2 об.

¹⁷ Там же. Л. 6.

в том числе пару башмаков, рубашку, камзол, штаны и т. п., а по прибытии в Россию от барона де Борегарда, помимо провозных и кормовых денег, еще 25 рублей наличными (что подтвердил находящийся при французском посольстве аббат Гийо). Поскольку еще в Любеке Петр Фортюне выразил желание учиться мастерству у колониста Луи Корьера, то по прибытии в Петербург, был отдан Борегардом тому колонисту на «отеческое попечение». А затем, показывает «вызыватель», «спустя несколько времени после того ушел он тайно в дом здешнего французского министра и там при отправлении транспорта в Саратов в последних числах генваря месяца прошлого 1766 г. остался скрытно; в то же самое время и другой колонист моего набора именем Сониер с женою искал себе прибежище во оном посольском доме»¹⁸.

Борегард жаловался Канцелярии опекунства иностранных, что маркиз де Боссе также покрывал у себя в доме колониста Сонье с супругой. Продажу же Карла Этьена Мишеля (Петра Фортюне) в колонисты собственной матерью Кано де Борегард считал глупой выдумкой, «потому что так дорого платить вызывателям за набираемых ими людей нет ни малой причины, ибо за одного человека несовершенного возраста все обещанные вызывателям выгоды отнюдь не учиняют и половины объявленной суммы, то есть двадцати одного червонца»¹⁹.

Канцелярия опекунства иностранных считала поведение маркиза де Боссе абсолютно не правомерным, задаваясь вопросом: «почему господин министр присвоил себе право принимать к себе в дом и держать во оном колонистов самовольно?» Согласно мнению Канцелярии, записавшись в колонисты и прибыв в Россию, переселенцы автоматически считались вступившими в подданство ее императорского величества. Однако маркиз де Боссе далеко не единожды укрывал таких иностранцев, которые взяли на себя колонистские обязательства, присягнув на подданство Российской империи, а также получили определенную сумму казенных денег. Французскому посланнику предписывалось, чтобы он таких колонистов «в дом к себе и в зашищение без ведома и дозволения Канцелярии опекун-

¹⁸ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 97. Л. 6–6 об.

¹⁹ Там же. Л. 8 об.

ства иностранных не принимал, ибо таким принятием к себе в дом и укрывательством во оном подать может он, господин Боссет, повод к нарушению добровольно ими постановленных договоров»²⁰. В. Ржеуцкий указывает на то, что наряду с Карлом Этьеном Мишелем (Петром Фортюне) аналогичным образом поступали и другие колонисты по прибытии в Петербург, только бы не продолжать путь из столицы в колонии. Среди таковых Франсуа Жирардо, выходец из Парижа, эмигрировавший в Голландию; Жан Батист Батеру, прибывший в 1764 г. с группой французов, набранной «вызывателем» Менье де Прекуром, а также Жан Кюисак, крестьянин из Лангедока²¹.

Представляется, что «сети доверия» среди иностранцев, во многом, строились именно на общности их положения и статуса иностранных подданных. Наиболее влиятельные иноземцы стремились создать вокруг себя клиентские сети из соотечественников. Высокоразвитыми оказывались и горизонтальные связи (называемые во французской историографии *solidarités*²²), основанные на профессиональной общности и поддерживающиеся родственными узами. Это наглядно демонстрирует пример немецкой общины в Златоусте. Еще до появления крупной диаспоры, хорошо известной в связи с основанием оружейной фабрики, на Златоустовских заводах обосновались выходцы из Западной Европы. Наиболее заметной фигурой среди них стал Андрей Кнауф, родом из герцогства Голштейнского, приехавший в 1783 г. в Петербург, в 1788 г. перебравшийся в Москву и получивший статус именитого купца первой гильдии, а впоследствии преуспевший в качестве частного заводчика на Урале²³. В на-

²⁰ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 97. Л. 8 об.–9.

²¹ *Ржеуцкий В. С.* Французы на русских дорогах: иммиграционная политика Екатерины II и формирование французских землячеств в России // *Европейское просвещение и цивилизация России*. М., 2004. С. 235–254.

²² *Fidélités, solidarités et clientèles: [colloque de Nantes, novembre 1983]*, préf. d'Yves Durand. Nantes, 1986. P. 5–6.

²³ *Келлер А. В.* Андрей Кнауф на Урале — между инновацией и традицией 1797–1811 гг. // *Урал индустриальный*. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 182; *Keller. A.* Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf im Ural Der Aufstieg

чале 1810 г. А. А. Кнауф заключил контракт с немецким фабрикантом из Данцига Давидом Гильгером, оставшимся на тот момент без работы в связи с неудавшейся организацией ружейного производства на Ижевском заводе. Вместе с управляющим на Златоустовский завод к Андрею Кнауфу перешло несколько десятков иностранных мастеров²⁴. В сентябре 1811 г. Давид Гильгер получил от фактически уже терпящего банкротство заводчика доверенность на совершение любых действий (как в плане производства, так и в области финансов) от его имени²⁵. В числе приглашенных А. Кнауфом немецких управляющих был также Александр Эверсман, прусский горный советник и бывший директор фабрик в Вестфалии²⁶.

Деятельность Д. Гильгера и А. Эверсмана примечательна не только в период их сотрудничества с А. А. Кнауфом, но и во время пребывания на государственной службе. Они оказывали поддержку соотечественникам, защищали и «прикрывали» их перед местными властями. Например, в 1807 г. Воткинский заводской управитель составил список европейских мастеров, где указывалось, к каким работам приписан иностранец, чем он занимается помимо основной деятельности и по каким причинам уклоняется от своих прямых обязанностей. Выяснилось, что иностранные мастера были не довольны существующими условиями работы. Многие заявляли, что будут работать только тогда, когда «для них устроится новая теплая и светлая фабрика». Оказалось, ко всему прочему, что некоторые иностранцы, по их словам, никогда не занимались тем делом, которое было им поручено на Воткинском заводе, чем они и объясняли свое бездействие. Заводской управляющий жаловался и на руководившего иностранцами Давида Гильгера, который, по его мнению, хоть и утверждал, что «пытался удержать иностранцев от своеволия», на самом деле делал это «только наружно, в сущности же сам состоит в общей

// *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 144–159; Keller A. The German-Russian entrepreneur Andreas Knauf: a practical man in the Urals // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 207–218.

²⁴ Архив Златоустовского городского округа (Архив ЗГО). Ф. И-19. Оп. 1. Д. 4. Л. 28–29, 92–101.

²⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 16. Д. 74. Л. 33–35, 40–40 об.

²⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 63. Л. 30.

с этими ремесленниками связи, печется не о пользе казенной, но главнейше о пользе и об облегчении иностранцев, с немалыми казне издержками сопряженной»²⁷.

Александр Эверсман также оказывал поддержку своим подопечным. Например, немец обер-гиттенфервальтер Клейнер, в письме А. Эверсману в августе 1813 г. сетовал на грубое обхождение с ним заводской конторы. Александр Эверсман в своем донесении директору Департамента горных и соляных дел от 12 августа 1813 г. писал по этому поводу: «Я усмотрел <...> из сего единственного в своем роде Конторского повеления (данному обер-гиттенфервалтеру Клейнеру об опытах Оберкотте), что Контора, обращая речь свою к сему способному чиновнику, позволяет себе выражение ты. На каковое обхождение он жалуется мне в письме своем. Г-н Клейнер совершенно прав, приводя сие обстоятельство яко новое доказательство обид, каковыя немцы там сносить должны»²⁸. Далее А. Эверсман выражает негодование по поводу грубостей, проявленных по отношению к Клейнеру в конторском повелении, отмечая, что «столь унижительная для иностранца речь» и «упущение вежливости сообразны со всем остальным обхождением» с немцами²⁹.

Создавая «сети доверия», горные администраторы, такие как Давид Гильгер и Александр Эверсман, в ответ рассчитывали на поддержку своих клиентов, позволяющую им удерживать высокие должностные позиции. Например, одно из условий немецких оружейников, поставленное ими российскому правительству при устройстве на Златоустовскую фабрику, гласило: «Фабриканты и мастера просят постановить правилом, чтобы директор фабрики был всегда немец, и притом такой, который бы уже несколько времени находился при фабрике и был бы совершенно знаком со всем производством оной»³⁰. В данном случае они имели в виду, в первую очередь, А. Эверсмана, который осуществлял вербовку мастеров, вел переговоры и уже был лично знаком со многими из них.

²⁷ Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 16. Л. 124 об.; ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 161. Л. 82–84.

²⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 64. Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 5 об.

³⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 64. Л. 122 об.

Приведенные примеры демонстрируют лишь малую часть свидетельств успешного использования неформальных связей в процессе социокультурной адаптации иностранных специалистов в России XVIII — середины XIX в., но намечают векторы исследовательского поиска в рамках обозначенной тематики. Очевидно, что патрон-клиентские отношения функционировали на различных уровнях социальной структуры российского общества, представляя собой проявление общечеловеческого стремления к коммуникации и склонности к замене или, по крайней мере, укреплению официальных каналов «решения дел» неофициальными «сетями доверия». Неформальные связи позволяли разрешать проблемы, не решаемые формальным путем. Механизм возникновения и проявления неформальных связей носит общечеловеческий характер: слабый прибегает к покровительству сильного, сильный по каким-то причинам может такое покровительство предоставить. Сословные особенности могли, разве что, проявляться в характере самих услуг: одна социокультурная среда может отличаться от другой набором материальных и символических ценностей, которые составляют набор предоставляемых одолжений патрона клиенту и клиента патрону. Появление и функционирование патрон-клиентских отношений, вероятно, обусловлено человеческой природой, как и ряд других базовых проявлений социализации человека: борьба за властное доминирование, выстраивание иерархий, необходимость проявления уважения через дарообмен.

Д. С. Бахарев

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Влияние экономических факторов на младенческую смертность в Екатеринбургском уезде в конце XIX в.*

Статья посвящена статистическому анализу нескольких экономических факторов, влиявших на уровень младенческой смертности в Пермской губернии в конце XIX в. В качестве конкретной изучаемой общности выступило сельское население Екатеринбургского уезда 1890-х годов, а в качестве аналитической единицы исследования — волость. На основании источников земской статистики — демографического обследования за 1880–1890-е годы и уездной подворной переписи 1900 г. — с помощью метода корреляционного анализа были изучены зависимости между коэффициентами младенческой смертности и тремя экономическими параметрами: количеством хозяйств согласно их отношению к наделной земле, согласно имевшемуся скоту и согласно сумме окладных платежей по волости. По результатам исследования выдвинуты предположения о значительно более низкой смертности младенцев в горнозаводских поселениях по сравнению с сельскими, небольшом положительном эффекте личного благосостояния крестьянского домохозяйства и отрицательном эффекте доступа к коровьему молоку как заменителю грудного.

Ключевые слова: историческая демография, младенческая смертность, экономические факторы, Пермская губерния, население Урала, XIX век, корреляционный анализ.

Смертность детей грудного возраста традиционно является одним из важных объектов внимания для исторических демографов. Это объясняется тем, что помимо материнского и детского здоровья,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по соглашению № 19-09-00292 «Пространственный анализ детской смертности на Урале в конце XIX — начале XX в.: этно-религиозные и социально-экономические факторы».

которые она очевидным образом отражает, коэффициент младенческой смертности (далее — КМС) считается одним из важнейших показателей комплексного развития общества¹. Ярким проявлением этого свойства можно назвать резкое снижение младенческой смертности в европейских странах во второй половине XIX — первой половине XX в. Именно в этот период происходил переход от традиционного общества к индустриальному, неотъемлемой частью которого была демографическая модернизация. Высочайшая младенческая смертность, доходившая до 500‰ от числа родившихся в год и бывшая нормой до начала этого процесса, оказывала значительное влияние на структуру причин смертности, ее половозрастное распределение и сезонность в любой стране. Именно поэтому значительное снижение КМС можно назвать одним из ключевых элементов демографического перехода, плодами которого в полной мере пользуется современное общество. Это заставляет исследователей обратить особенно пристальное внимание на обстоятельства и причины запуска этого процесса, а также на обусловившие его факторы.

Российская империя в указанное время являлась аутсайдером среди большинства европейских стран по уровню этого бедствия: средний КМС России за 1895–1899 гг. составлял почти 266‰, в то время как коэффициент далеко не самой успешной на этом поприще Франции — всего лишь 81 промилле². Такой колоссальный разрыв уже сам по себе является чрезвычайно интересной проблемой, которой уделяется немало внимания в современных историко-демографических работах. Однако средний показатель младенческой смертности для такой большой страны, как Россия, слагался, как водится, из низких, средних и крайне высоких значений отдельных губерний. Именно к последним относилась Пермская губерния, вплоть до начала XX в. бывшая лидером в этом печальном «зачете» среди губерний Европейской России: в 1893–1896 гг. местный КМС равнялся 420‰ при среднероссийском уровне 268 промилле³. Такая диффе-

¹ *Perez-Patron M., DeSalvo B. Infant Mortality // Handbook of Population. 2nd ed. / ed. Dudley L. P. S.I., 2019. P. 343.*

² *Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938. С. 37, 82.*

³ *Никитенко В.П. Детская смертность в Европейской России за 1893–1896 год: дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1901. С. 242, 246.*

ренциация делает невозможным воссоздание полноценной картины демографического перехода без исследования региональных показателей. Оба описанных контекста, международный и имперский, обуславливают актуальность проблематики данной работы. Причины чрезвычайно высокого даже для России показателя смертности младенцев в Пермской губернии освещались в ряде научных публикаций: главным образом, в публикациях С. В. Голиковой⁴, а также Г. Е. Корнилова⁵, В. А. Журавлевой⁶ и автора данной статьи⁷. Однако за исключением самых общих демографических коэффициентов, в данных исследованиях почти не использовался статистический материал, а объяснение значений и динамики показателей опиралось преимущественно на нарративные источники. Это раскрывает методическую актуальность этой статьи, то есть поиск и математический анализ выраженных в статистических показателях факторов.

Ввиду того, что на смертность младенцев оказывало влияние колоссальное количество различных факторов, от религиозных до климатических, для рассмотрения в данном конкретном исследовании была выбрана наиболее подходящая для математического анализа их группа — экономическая. Также этому выбору способствовали значительные изменения в историографии относительно характера влияния экономики на младенческую смертность. В литературе XX в., особенно отечественной, господствовали представления о тесной отрицательной корреляции благосостояния домохозяйства и смертности грудных детей⁸. Помимо математической неразработанности источников, этому способствовало политическое противостояние со-

⁴ *Голикова С. В.* Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты. Екатеринбург, 2012. 176 с.

⁵ *Корнилов Г. Е.* Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 80–89.

⁶ *Журавлева В. А.* Младенческая смертность в уральских городах и меры по ее снижению в 1920-е гг. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3(44). С. 96–102.

⁷ *Bakharev D., Glavatskaya E.* Infant mortality in the late nineteenth and early twentieth centuries Urals: macro and micro analyses // *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West* [text]: monograph / edited by E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, M. Szoltysek. Ekaterinburg, 2019. P. 202–219.

⁸ *Куркин П. И.* Рождаемость и смертность... С. 39–42.

циалистического и капиталистического лагерей, каждый из которых в разное время использовал уровень младенческой смертности в качестве агитационного аргумента. В наши дни с развитием методической и источниковой базы исследователи склоняются к более сложным комплексным теориям, в рамках которых влияние экономики на количество смертей грудных детей не так линейно⁹. В качестве исследуемой территории был выбран Екатеринбургский уезд Пермской губернии 1890-х годов — район с многоукладной экономикой и средним для региона КМС (в 1890-е годы уездный КМС составлял 405‰, что чуть меньше губернского уровня в 418‰). Источником данных об экономике уезда послужили результаты подворной переписи 1900 года¹⁰, а о младенческой смертности — масштабного земского демографического обследования за 1882–1901 годы¹¹ (из источника взят усредненный КМС за 1890-е годы, как наиболее близкий к дате переписи). Для обоих источников характерна одинаковая аналитическая единица — волость, а вся работа, таким образом, построена на изучении пространственного распределения показателей. Главным методом исследования является корреляционный анализ, который позволяет выявить «систематическую и обусловленную связь между двумя рядами данных, или связь переменных, при которой одному значению одного признака соответствует несколько значений другого признака»¹². Выбор этого метода связан с предварительным характером исследования, так как он служит главным образом именно для поиска и первоначальной оценки статистических связей между явлениями. Методическим обеспечением при использовании данного метода выступили исследования Л. Н. Мазур¹³ и Б. Н. Миронова¹⁴. Целью данной

⁹ *Thorvaldsen G. Infant Mortality Now and Then: The Dual Role of Economic Resources // Transylvanian Review. 2018. Vol. 27. № 2. P. 104–121.*

¹⁰ *Материалы к оценке земель Пермской губернии: Т. 4. Вып. 2: Екатеринбургский уезд: свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1902. IV, 207, 237 с.*

¹¹ *Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1900 год. Ч. 2: Екатеринбургский уезд. Пермь, 1906. 77 с.*

¹² *Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 542.*

¹³ *Мазур Л. Н. Методы исторического исследования... 606 с.*

¹⁴ *Миронов Б. Н. История в цифрах: (Математика в исторических исследованиях). Л., 1991. 166 с.*

работы в таком случае является поиск и анализ экономических факторов, влиявших на младенческую смертность в Пермской губернии конца XIX в., посредством выявления корреляций с опубликованными в земской статистике экономическими показателями.

По данным переписи 1897 г., наличное население уезда составило 412 296 человек. В фокус нашего исследования, однако, попадают лишь учтенные подворной уездной переписью 1900 г. 340 450 человек наличного приписного сельского населения (которое, между тем, в отличие от городского, ни разу не становилось объектом историко-демографического исследования). Разница объясняется численностью жителей города Екатеринбурга (43 239 в 1897 г.), а также критерием наличности (значительное число крестьян промышляло заработками за пределами уезда). Из этого числа следует также вычесть население пяти волостей, для которых земскими статистиками не был рассчитан КМС: Кульмяковскую, Нейво-Рудянскую, Сарапульскую, Саринскую и Таватуйскую. Эти волости были населены в основном старообрядцами и мусульманами, что затруднило сбор первичных данных (старообрядцам до 1905 г. не разрешалось вести метрические книги, а мусульманские метрики, как правило, велись муллами на старотатарском арабской графикой). Таким образом, текущим исследованием охвачено 330 239 человек (80% населения Екатеринбургского уезда по переписи 1897 г.).

Екатеринбургский уезд в XIX в. отличался сложным по сравнению с типичным уездом центральной России экономическим профилем. Уральские горы делили территорию уезда на западную и восточную половины: первая отличалась гористым рельефом и развитой горнозаводской промышленностью, а вторая — суглинисто-черноземными почвами и земледельческой экономикой¹⁵. Вследствие этого в основу данного исследования была положена гипотеза о существовании влиявших на младенческую смертность экономических факторов, в том числе экономический профиль (прогнозируемые нами горнозаводской и сельскохозяйственный), а также уровень благосостояния. С целью выявить их влияние авто-

¹⁵ Ончуков А. В. Глава II. Землевладение и землепользование. Отдел II // Материалы к оценке земель Пермской губернии. Пермь, 1902. Т. 4. Вып. 1: Екатеринбургский уезд. С. 94–95.

ром был проанализирован ряд зафиксированных в подворной переписи экономических параметров. На предварительном этапе из их числа были исключены показатели, не охватившие все волости, — это, в первую очередь, группировки хозяйств по типу и количеству арендованной и сдаваемой в аренду земли, а также волостные площади посевов конкретных культур. Обе этих сферы — аренда земли и посевы — были связаны со специфичными условиями географии, традиций и земельных отношений в каждой конкретной волости; кроме того, посевы были в значительной степени обусловлены циклом севооборота. Из оставшихся параметров автором были выбраны четыре наиболее, на его взгляд, явно связанные с заявленными факторами. По итогам анализа один из показателей — поволостная группировка наличных хозяйств по рабочим силам (от 0 до 4 и более рабочих мужчин в хозяйстве) — не продемонстрировал никакой выраженной корреляции с КМС волости (ни один коэффициент не превысил значения 0,3).

Для оставшихся трех переменных — количества наличных хозяйств в волости, сгруппированных в соответствие с их отношением к наделной земле, количества наличных хозяйств в волости, сгруппированных по лошадности, а также суммы окладных платежей в рублях по волостям — была обнаружена средняя, а иногда и тесная зависимость с КМС волостей Екатеринбургского уезда.

Большинство коэффициентов не продемонстрировало ярко выраженной корреляции за исключением двух категорий: хозяйств, обрабатывающих наделную землю и не обрабатывающих. Во втором случае речь идет о хозяйствах, имеющих собственный надел, но предпочитающих не обрабатывать его в силу каких-то причин: наличия другого, более прибыльного занятия, крошечных размеров надела или низкого качества земли. Первым очевидным предположением в данном случае является принадлежность большей части подобных хозяйств к горнозаводской половине уезда. На данный момент автор не в состоянии дать убедительную, подкрепленную цифрами трактовку этой резкой дихотомии. Можно лишь высказать ряд осторожных гипотез, которые в будущем нуждаются в проверке: более высокий достаток горнозаводчан по сравнению с крестьянами; более высокая грамотность; развитая социальная инфраструктура

заводских поселков¹⁶. Не все из этих предположений связаны непосредственно с экономикой, однако уральский горный завод — изначально чисто экономический объект — очень быстро стал источником уникальных социальных и культурных условий, неотъемлемых от экономического контекста.

Таблица 1

Корреляция волостного КМС и количества наличных хозяйств в соответствии с их отношением к наделной земле *

Тип хозяйства	Коэффициент корреляции
Бездомовые	-0,2372 **
Надельные	0,1429
Безнадельные	-0,2941
Обрабатывающие наделную землю	0,7667
Необрабатывающие наделную землю	-0,6218
Сдающие весь надел	0,4005
Арендующие всякую землю	0,0448

* Составлено по: Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1900 год. Ч. 2: Екатеринбургский уезд. Пермь, 1906. С. 47–53; Материалы к оценке земель Пермской губернии. Пермь, 1902. Т. 4. Вып. 2: Екатеринбургский уезд: свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1902. II. Сводная таблица по волостям, народностям и разрядам крестьян. С. 1–73.

** Коэффициенты корреляции варьируются от 1 до -1; знак указывает на направление корреляции (положительная/отрицательная), а число — на силу. Коэффициент, близкий к нулю, говорит об отсутствии выраженной зависимости.

¹⁶ См.: Голикова С.В. Заводские поселки — особый тип уральских поселений XVIII — начала XX в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2003. Вып. 3. С. 66–87; Она же. Повседневная жизнь горнозаводского населения дореволюционного Урала // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 20–29.

Корреляционный анализ КМС и количества хозяйств в волости, сгруппированных по лошадности, дал следующий результат.

Таблица 2

Корреляция волостного КМС и количества наличных хозяйств в соответствии с лошадностью *

	Тип хозяйства	Коэффициент корреляции	
Безлошадные	С коровой	-0,3745	-0,3756
	Без коровы	-0,3519	
	С одним мелким скотом	-0,3274	
	Без всякого скота	-0,3214	
Лошадные	Одна раб. лошадь и корова	-0,0877	0,6247
	Одна раб. лошадь без коровы	-0,3275	
	Две раб. лошади	0,6660	
	Три раб. лошади	0,6026	
	Четыре раб. лошади	0,4008	
	Более четырех раб. лошадей	0,1961	

* Составлено по: Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1900 год. Пермь, 1906. Ч. 2: Екатеринбургский уезд. С. 47–53; Материалы к оценке земель Пермской губернии. Пермь, 1902. Т. 4, вып. 2: Екатеринбургский уезд: свод экономических данных подворной переписи. II. Сводная таблица по волостям, народностям и разрядам крестьян. С. 1–73.

Итоговая таблица мало согласуется с традиционными представлениями о связи благосостояния и смертности населения, в том числе младенцев. Можно отметить, как минимум, три результата. Первый — очевидное преимущество безлошадности, которая имела отрицательную зависимость с КМС. Такой неочевидный итог требует отдельного интерпретационного анализа с поиском твердых статистических данных. Предварительно автор может лишь еще раз упомянуть заводских жителей, которым, вероятно, не было нужды содержать скот в таких же количествах, как хлебопашцам. Второй результат связан с изначальной гипотезой, то есть уровнем лошади-

ности как показателем экономического достатка, который, согласно логике, должен повышать шансы младенцев на выживание. Начиная с двух и по мере увеличения количества лошадей в хозяйстве, действительно фиксируется снижение коэффициента корреляции с КМС волости. Однако даже в этом случае сохраняется необходимость привлечения дополнительных источников. Кроме того, можно выделить еще один не самый заметный результат: при внимательном изучении табличных коэффициентов бросается в глаза серьезное различие между, казалось бы, максимально сходными группами хозяйств — с одной рабочей лошастью и коровой и с одной рабочей лошастью без коровы. Сами по себе индексы не очень значимы статистически, особенно первый, однако интересен сам факт их различия. Столкнувшись со сходным феноменом скандинавские исследователи нашли следующее оригинальное объяснение: ответ на вопрос «Каким образом наличие коровы в хозяйстве могло ухудшать шансы младенца на выживание?» кроется в практике кормления грудных детей коровьим молоком, что подрывало их иммунитет. Парадоксальным, но логичным в этой ситуации экономическим эффектом выглядит более низкий КМС у бедных слоев населения, не имевших коровы и вынужденных кормить ребенка грудью¹⁷. В своей интерпретации норвежские специалисты опирались на данные проведенных местными медиками массовых анкетных опросов кормящих матерей, что избавило исследователей от опасности «антропологического заблуждения». К сожалению, в Пермской губернии не проводилось подобных мероприятий (либо их материалы не обнаружены). Единственное, чем мы располагаем, это фрагментарные медико-этнографические заметки. Большинство из них гласит, что для русского православного крестьянства этого времени нормой был очень ранний отъем ребенка от груди и переход на прикорм¹⁸. Возможно, в нашем случае мы имеем дело со сходным явлением. В пользу этой версии говорит результат более направленного корреляционного анализа волостных КМС и количества коров в волости на душу населения, давший коэффициент 0,5493 — несильный, но статистически значимый.

¹⁷ *Thorvaldsen G. Infant Mortality... P. 111.*

¹⁸ *Никитенко В. П. Детская смертность... С. 207–209.*

Таблица 3

**Корреляция уровня младенческой смертности в волости
и суммы окладных платежей ***

Вид окладного платежа	Коэффициент корреляции	
Государственный поземельный налог	0,7366	0,2805
Земские сборы (губернские и уездные)	0,7329	
Мирские сборы (волостные и сельские)	-0,1569	
Страховой платеж	-0,3010	

* Составлено по: Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1900 год. Пермь, 1906. Ч. 2: Екатеринбургский уезд. С. 47–53; Материалы к оценке земель Пермской губернии. Пермь, 1902. Т. 4, вып. 2: Екатеринбургский уезд: свод экономических данных подворной переписи. II. Сводная таблица по волостям, народностям и разрядам крестьян. С. 1–73.

Анализ корреляции волостных окладных платежей и младенческой смертности дал, в свою очередь, результаты, сходные с предыдущими заключениями. Сильная согласованность КМС с динамикой поземельного налога и земского сбора объясняется их разверткой по крупному скоту, десятинами пашни и сенокоса, в то время как мирской сбор развертывался крестьянской общиной по годным работникам¹⁹. Таким образом, первые два платежа были наиболее высоки в сельскохозяйственных уездах. Любопытна пусть минимальная, но отрицательная корреляция мирского сбора и страхового платежа. Можно предположить, что казенная палата спускала заводским волостям более высокие цифры необходимых мирских сборов, стараясь уравновесить эффект от низких государственного и земского налогов, исчисляемых поземельно. Страховые платежи, в свою очередь, взимались согласно количеству строений, могущих пострадать от огня. Вполне возможно, заводское и кустарное производство тре-

¹⁹ Кириллов А.К., Панова А.Е. «Раскладку подати произвести не прежним порядком...»: раскладки казенных и мирских сборов крестьянами Богородской волости Томского уезда в начале XX века // Экономическая история. 2014. № 3(26). С. 26

бовало большего числа помещений — складов, цехов, мастерских, — чем земледелие и скотоводство.

По итогам исследования можно сделать ряд выводов. Эффект от первого и главного фактора, существование которого предположил автор, — экономического профиля, действительно фиксируется по результатам анализа. Судя по всему, горнозаводской тип значительно превосходил в этом смысле сельскохозяйственный, хотя, возможно, это и не всегда было вызвано чисто экономическими причинами. Этот феномен был прослежен в ходе всех трех аналитических операций. Во-вторых, частично был зафиксирован и второй предполагаемый фактор — благосостояние: согласно полученным результатам, чем больше в хозяйстве лошадей (начиная с двух), тем ниже младенческая смертность. Последним стоит упомянуть сходное с зарубежными исследованиями явление — минимальный обратный эффект от экономического достатка, связанный с доступом к коровьему молоку как заменителю грудного.

С. А. Шевченко

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

**Дебаты о принятии транспортного бюджета
в Легислатуре штата Вашингтон в 1911 г.:
расклад политических сил
и социально-политические последствия**

Статья посвящена проблеме принятия транспортного бюджета штата Вашингтон в период законодательной сессии 1911 г. На основании анализа и систематизации архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, в статье описываются социально-антропологические, географические и экономические причины отсталости дорожной системы. Автор раскрывает особенности поляризации вашингтонской общественности вокруг дорожного вопроса. Анализируется роль исполнительной власти штата в противостоянии Сената и Палаты представителей по законопроекту № 458. Отмечаются социально-политические последствия провала транспортного бюджета штата.

Ключевые слова: США, Вашингтон, дороги, строительство, политика.

Прогрессивный период в истории США характеризовался поляризацией населения по широкому спектру вопросов: алкогольный запрет, предоставление женщинам и ряду национальных меньшинств права голоса, роль государственного участия в экономике, социальное страхование и многие другие. Это было время развития и достижений, общественных противоречий и борьбы за новую, «прогрессивную» Америку.

Особенности данного этапа не миновали и штат Вашингтон, где высокая степень социальной поляризации обуславливалась географическим разделением штата на Западную и Восточную части труднопроходимым перевалом Каскадных гор. Настоящая статья представляет собой попытку продемонстрировать степень социальной

поляризации между промышленной (городской) и сельской (фермерской) общественностью штата Вашингтон в вопросе дорожного строительства. Несмотря на узость заявленного предмета, представленный в статье кейс лаконично встраивается в общеисторический контекст рассматриваемой эпохи. Научная актуальность обусловливается отсутствием внимания к данному сюжету в историографии.

Пожалуй, на всем протяжении существования штата Вашингтона его развитие определялось географическим положением. Западная часть штата, богатая полезными ископаемыми и огромным лесным фондом, а также характеризовавшаяся суровым климатом с большим количеством осадков, заметно отличалась от восточной — равнинной, умеренно «заросшей» и сухой. На протяжении XIX в. жизнь большинства вашингтонцев строилась в соответствии с этими условиями. Такие факторы, как ветер, дождь и снег, оказывали на дорожное строительство большее влияние, чем человек, что позволяет охарактеризовать дорожную систему штата как «природную». Понимая, что человек не может совладать с природой, провинциальные вашингтонцы с подозрением относились к любым новациям, подразумевающим инвестирование средств в дорожное строительство. Отсутствие денег в бюджете, обуславливало пассивность государственных властей: вплоть до 1905 г. дорожным строительством занимались окружные советы¹.

В конце XIX в. под влиянием интенсивной индустриализации, развития таких коммуникационных систем, как телеграф и телефон, а также распространения автомобильного транспорта, фермеры начали переосмысливать вопросы о роли природы в жизни человека. Вступая в индустриальный мир, сельские жители начали представлять себе дороги не как нечто натуральное и неизменное, данное природой, но как общественно-полезную собственность, которую по своему усмотрению может изменять человек. Пришло осознание того, что плохие дороги являются барьером, отдаляющим их от благ развивающегося мира: эффективной торговли, хорошего образования, церковного служения и широкого спектра досуговой деятельности.

¹ О развитии дорожной системы штата см.: Шевченко С. А. Развитие дорожной системы штата Вашингтон (1889–1913 гг.). Правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 211–216.

Логическим следствием наступающих когнитивных изменений стало формирование общественного запроса на создание хорошей дорожной системы в штате. Для строительства «технологического» дорожного полотна, пригодного для автотранспорта, были необходимы новые, инновационные и дорогостоящие решения. Это требовало привлечения крупных финансовых ассигнований, централизации органов управления, расширения аппарата исполнительной власти штата, формирования многочисленной эффективной рабочей силы и решительных кооперативных действий между властями округов и штата. Таким образом, общественный лозунг о создании хороших дорог стал ключом к серьезной политической борьбе за появление современного мира в провинции, благодаря которой сельские жители надеялись преодолеть традиционную изоляцию в пользу развития прочных связей с городской Америкой.

Поворотным событием в этой борьбе стала законодательная сессия 1905 г. Именно тогда был создан Дорожный департамент, а также введена специальная система прямых дорожных налогов². Если до этого финансирование дорожного строительства осуществлялось слабо³, то теперь штат мог позволить себе формирование собственного бюджета, предназначенного на улучшение дорог (табл. 1).

Однако, несмотря на рост налоговых поступлений, возведение дорог в штате осуществлялось медленными темпами. Строительство одного дорожного километра стоило, в среднем, 7000 долларов⁴, поэтому с 1905 по 1911 г. в штате было построено лишь 310 км государственных дорог.

² Шевченко С.А. Положение заключенных в дорожно-строительных «лагерях доверия» штата Вашингтон: снабжение санитарные условия, досуг и распорядок дня. (1913–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 188.

³ Washington State Archives. Governor Marion Hay papers. Box No 16. Highway commission — 1911. M. Hay to E. Burlingame. January 9. (Далее: WSA. Gov. Name papers. B. number. Name of folder. Letters' address, Date.)

⁴ WSA. Gov. Ernest Lister papers. B. 57. Highway commission — 2, 1916. President of Washington good roads association to western motor car. January 12.

Таблица 1

**Структура денежных доходов штата Вашингтон,
поступивших от дорожных налогов (в долл. США) ***

Год	Сумма
1905	82 146,00
1906	132 553,00
1907	286 536,00
1908	372 391,58
1909	783 986,76
1910	898 364,24

* Составлено по: WSA. Gov. Ernest Lister papers. B. 57. Highway commission — 1916. C. W. Clausen to W. R. Roy, March 10, 1916.

Проблему, таким образом, можно было решать только в отдельно взятых местах, на повсеместное строительство средств не хватало. Это привело к поляризации населения, которую можно рассмотреть сквозь призму противоречий между городскими и сельскими жителями. Дороги в городских окрестностях строились под набирающий популярность легкой и грузовой автомобильный транспорт, требовали больших финансовых затрат. Дорожная система в сельской местности была ориентирована на гужевой транспорт и, соответственно, являлась менее дорогостоящей. Фермеры требовали первоочередного строительства дорог в провинции, что стимулировало бы там развитие торговли. Горожане требовали улучшения инфраструктуры в местах большего скопления населения, благодаря чему они могли бы быстрее добираться из одного города в другой⁵. Так как самые крупные города штата — Ванкувер, Олимпия, Такома, Сиэтл, Эверетт, Беллингхем — были сосредоточены на тихоокеанском побережье, указанную конструкцию общественных противоречий можно обозначить и как противостояние западного и восточного региона.

⁵ WSA. Gov. Ernest Lister papers. B. 57. Highway commission — 2, 1916. The general necessity of good roads.

Иными словами, «дорожный вопрос» обрел свою географическую плоскость, которую вследствие нарастающего общественного давления на конгрессменов можно соотнести с географией избирательных округов.

В конечном счете, конкуренция за государственное финансирование привела к фракционному расколу среди республиканцев⁶. Во время законодательной сессии 1911 г. в нижней палате Легислатуры штата был представлен законопроект № 458 «Об улучшении и строительстве некоторых государственных дорог»⁷. Его основным положением являлось выделение средств на строительство отдельных дорог. Доминирующее число депутатов нижней палаты поддерживало проект сбалансированного транспортного бюджета и организацию строительных работ в сельской местности восточного Вашингтона⁸. Проект был без особых затруднений одобрен Транспортным комитетом и принят Палатой представителей. Однако в Сенате он подвергся серьезной критике. Большая часть сенаторов выступала за строительство Тихоокеанского шоссе (ТОШ)⁹ на западе штата и добивалась увеличения дорожных налогов¹⁰. Во время второго чтения сенаторы внесли в законопроект соответствующие поправки, которые не были одобрены в Палате представителей. После этого был учрежден согласительный комитет для выработки общего законопроекта двух палат¹¹. Большинство, заседавшее в этом комитете предложило Сенату отклонить внесенные поправки, однако палата отказалась пойти на уступки¹². Представители одной партии, доминирующей в законодательном собрании, не достигли компромисса. Законопроект был провален

⁶ WSA. Gov. Ernest Lister papers. B. 57. Highway commission — 2, 1916. State highway construction in Washington. P. 3.

⁷ House Journal of the Twelfth Legislature of the State of Washington, 1911 (Далее — Н. J.). Olympia, Washington, 1911. P. 411.

⁸ Там же. P. 622–623.

⁹ Национальный инфраструктурный проект в США, который должен был пролегать через территории Калифорнии, Орегона и Вашингтона, тем самым связав южную и северную границы страны.

¹⁰ Н. J. 1911. P. 773–774.

¹¹ Там же. P. 789.

¹² Там же. P. 805.

в последний день законодательной сессии, а строительство государственных дорог в последующие два года фактически прекращено из-за отсутствия ассигнований¹³.

В эпицентре этого политического противостояния оказался губернатор штата Мэрион Хэй, имевший право созвать внеочередную сессию Заксобрания и склонить обе палаты к компромиссу¹⁴. Губернатор оказался в затруднительном положении. Во-первых, его в корне не устраивала сложившаяся ситуация, так как он считал решение дорожного вопроса одной из важных заслуг своей администрации¹⁵. Во-вторых, любое решение в данном случае являлось для него игрой с нулевой суммой: в случае созыва сессии он бы потерял поддержку восточно-вашингтонских избирателей, отказ от созыва стоил бы ему поддержки западных конгрессменов.

Тем временем весной 1911 г. возможность созыва сессии все-речь рассматривалась как сторонниками, так и противниками этой меры¹⁶. Например, в резолюции Коммерческого клуба г. Маунт-Вернон указывалось на необходимость созыва сессии и стратегической значимости дорожного строительства в западной части штата¹⁷. Напротив, представители небольшого города Саннисайд из восточного Вашингтона в своей петиции отмечали, что «настоящая система расходования (дорожных фондов. — С. III.) осуществляется не в интересах фермерства», и призывали губернатора воздержаться от созыва

¹³ Отдельным законом было утверждено выделение средств в размере 94 тыс. долл. на строительство государственных дорог для погашения задолженности перед подрядчиками и закрытия уже подписанных контрактов (см. подробнее: *Session Laws of the State of Washington. Twelfth session, 1911. Olympia, Washington, 1911. Ch. 93, § 1. P. 427.*)

¹⁴ WSA. Gov. Marion Hay papers. B. 16. Highway commission, 1912. May 23.

¹⁵ Там же. Highway-Quarries, 1909. June 12.

¹⁶ Отмечу, что после вступления в должность губернатора весной 1909 г., М. Хэй уже созывал внеочередную сессию для проведения антикоррупционного расследования в отношении нескольких государственных служащих. Не имевший тогда широкой поддержки, губернатор смог нанести удар по своим политическим соперникам. Подробнее см.: *Bergman J. H. The impeachment trial of John H. Shively // The Pacific Northwest Quarterly, Vol. 59. № 3 (Jul., 1968). P. 128–136.*

¹⁷ WSA. Gov. Marion Hay papers. B. 16. Highway commission, 1911. Resolution, adopted Mount Vernon Commercial Club, April 3.

Легислатуры¹⁸. Губернатор медлил с решением, но в целом склонялся ко второй позиции. Он считал, что проект строительства ТОШ являлся слишком дорогостоящим, и в текущей ситуации ассигновать средства на его строительство означало определить бездорожный характер восточной части штата на долгие годы. В своем ответном письме председателю ассоциации грейнджеров в г. Саннисайд, губернатор так оценивал проект строительства ТОШ: «Мы все убеждены, что нам нужны хорошие дороги, но мы не можем позволить себе потратить крупную сумму на пустое строительство, которое через два или три года мы найдем ненужным»¹⁹.

Вполне вероятно, что на окончательное решение губернатора повлияла позиция «колеблющихся» западных сенаторов, выступавших против созыва Легислатуры. Примечательно, что партийная принадлежность в данном случае не имела отношения к делу. Например, от созыва внеочередной сессии губернатора отговаривали как сенатор-республиканец Эдвард Браун, представлявший 41 избирательный округ (Уотком)²⁰, так и сенатор-демократ Джон Чэппелл из 16 округа (Скамания, Кликитат). Оба они выступали за строительство ТОШ. Однако, если Э. Браун беспокоился о поляризации общественности внутри своего округа по вопросу о конкретном маршруте, то Дж. Чэппелл был против повышения налогов, что являлось обязательной опцией в случае принятия проекта по строительству ТОШ²¹.

В конечном счете, решение губернатора не созывать внеочередную сессию Легислатуры²² было обусловлено следующими причинами. Во-первых, в случае созыва, губернатору следовало мотивировать

¹⁸ WSA. Gov. Marion Hay papers. B. 16. Highway commission, 1912. Resolution of Central Grange #295.

¹⁹ WSA. Gov. Marion Hay papers. B. 16. Highway commission, 1912. M. Hay to A. W. Swigert. May 23.

²⁰ WSA. Gov. Marion Hay papers. B. 16. Highway commission, 1911. Ed Brown to Marion Hay. April 11.

²¹ WSA. Gov. Marion Hay papers. B. 16. Highway commission, 1911. J. Chappell to M. Hay. March 31.

²² WSA. Gov. Marion Hay papers. B. 16. Highway commission, 1911. M. Hay to Ed Brown. April 17. WSA. Gov. Marion Hay papers. B. 16. Highway commission, 1912. May 23.

свое решение. В таких случаях традиционно глава исполнительной власти в США должен был обратиться со специальным посланием к законодателям, выразить свою позицию по проблеме и призвать их поддержать ее. Поддержка восточно-вашингтонского проекта Палаты представителей не только бы осложнила избирательную кампанию губернатора на Западе штата, но и привела бы к тому, что западные сенаторы с большей долей вероятности прибегли бы к обструкции²³ этого проекта и, таким образом, провалили бы заседание сессии. Это, в свою очередь, имело бы серьезные репутационные последствия для губернатора и подорвало бы его отношения с теми западными сенаторами, которые оказывали ему поддержку²⁴. Во-вторых, это могло расколоть электоральную базу на предстоящих выборах. «В случае созыва объединенной сессии Лейслатуры мы можем получить худший „джек пот“, чем когда-либо. В течение месяца я ездил по штату и скажу, что как минимум 90% жителей против созыва сессии», — писал губернатор²⁵.

Таким образом, в период Прогрессивной эпохи в штате Вашингтон заметно усилились общественно-политические противоречия между городской (западной) и сельской (восточной) общественностью в вопросе дорожного строительства. В качестве причин социальной поляризации стоит отметить географическо-климатические и экономические. Общественный запрос на строительство современной дорожной системы привел к провалу транспортного бюджета во время законодательной сессии 1911 г. Результатами этого стало прекращение взимания прямых дорожных налогов и дорожного строительства в штате до 1913 г. Показательным результатом стали

²³ WSA. Gov. Marion Hay papers. B. 16. Highway commission, 1911. April 11.

Обструкция (filibuster) — политическая тактика, умышленно применяемая некоторыми законодателями в Сенате США и в верхних палатах законодательных органов штатов с целью затягивания дебатов по законопроекту, для того чтобы отсрочить голосование по его принятию. Непрерывное многочасовое выступление по вопросам, не относящимся к конкретному законопроекту, является главным методом обструкции.

²⁴ Среди них были Временный президент Сената У. Паулхамус и влиятельный сенатор Дж. Фальконер.

²⁵ WSA. Gov. Marion Hay papers. B. 16. Highway commission, 1911. M. Hay to Ed Brown. April 17.

разгромные итоги выборов губернатора и в Законодательное собрание, которые прошли в штате осенью 1912 г. Республиканская партия уступила 9 мест в Сенате и 35 мест в Палате представителей в пользу демократов, прогрессистов, социалистов и народных²⁶. Если разгромные итоги выборов в Легислатуру в целом были ожидаемы, то ошеломляющая победа демократа Эрнеста Листера на губернаторских выборах над его оппонентом М. Хэем стала настоящей сенсацией, которой было суждено изменить дорожную политику в штате Вашингтон на долгие годы²⁷.

²⁶ Стоит отметить особенности этих выборов. Во-первых, впервые в истории штата социалисты получили места в законодательном собрании. Во-вторых, Народная партия пережила второе, пускай и короткое возрождение, также получив места в Легислатуре. Подробнее см.: *Goodman G.H. State of Washington. Members of the State Legislature by District since 1889. Olympia, Washington. 2014. P. 6.*

²⁷ *Meany S.E. Governors of Washington. Territorial and State. Seattle, 1915. P. 111–112.*

О. В. Филиппенко

Йенский университет им. Фридриха Шиллера (Йена, Германия)

Специалисты на спецпоселении в Западной Сибири (1945–1955 гг.)

В статье анализируется положение на спецпоселении учителей, врачей, инженеров, юристов и прочих лиц, обладавших какой-либо специальностью. В исследовании поднимается следующий вопрос: в какой степени специалисты смогли восстановить свой профессиональный статус, потерянный в результате репрессивных кампаний? Для ответа на него автор подробно рассматривает процесс трудоустройства различных групп специалистов, оценивает влияние на их положение кампаний по борьбе с космополитизмом и «врачами-вредителями», а также сравнивает профессиональный статус спецпереселенцев с положением правовых специалистов. Исследование базируется на документации НКВД / МВД / МГБ, советских и партийных органов, а также предприятий и учреждений. Сделан вывод, что, несмотря на то, что большинство специалистов были маргинализированы, отдельные лица все же смогли частично восстановить свой профессиональный статус, потерянный в результате депортации.

Ключевые слова: спецпоселенцы, специалисты, социальная интеграция, поздний сталинизм, Западная Сибирь.

В результате депортационных кампаний лица, которые обладали какой-либо специальностью и занимали в обществе относительно престижные профессиональные позиции (врачи, учителя, юристы, артисты, инженеры, агрономы и т. д.), лишились своего прежнего социального статуса и оказались на грани выживания. В этой связи в статье ставится следующий вопрос: в какой степени специалисты смогли восстановить свой профессиональный статус, потерянный в результате репрессий? Важно, что в сравнении с неквалифицированными спецпоселенцами рассматриваемые лица обладали явным преимуществом, которое могло облегчить процесс их интеграции

в новую социальную систему. Следовательно, если в рамках данного исследования будет установлено, что специалисты не смогли стать полноценной частью общества и занять относительно престижные социальные позиции, то можно выдвинуть предположение, что остальные спецпоселенцы оказались в еще более тяжелой ситуации и были лишены реальных шансов на успешное существование в новой системе. Таким образом, данная статья актуализирует проблему интеграции различных групп спецпоселенцев в советское общество.

Исследователи традиционно уделяли большое внимание вопросу профессионального положения спецпоселенцев. Однако попытки проанализировать статус отдельных профессиональных групп стали предприниматься только в последнее время, что тем не менее уже привело к интересным дискуссиям. Так, А. А. Шадт указал на факт отстранения от работы в 1948 г. всех учителей и преподавателей из числа спецпоселенцев. Это было связано с ужесточением режима комендатуры¹ и демонстрировало стремление режима к маргинализации ссыльных контингентов. Данный вывод был подтвержден Е. С. Гениной, которая обратила внимание на факт «очищения» предприятий и учреждений от спецпоселенцев в рамках кампании борьбы с космополитизмом². А. С. Иванов не согласился с выводом А. А. Шадта, говоря о том, что попытки отстранения спецпоселенцев предпринимались неоднократно, но не всегда желания местных властей совпадали с возможностями. В итоге многие продолжили работать на прежних должностях³.

Региональные власти серьезно озаботились проблемой трудоустройства специалистов-спецпоселенцев после окончания войны. До этого политика в данном вопросе не носила системного характера, о чем свидетельствуют данные, приведенные начальником отдела спецпоселений УМВД по Новосибирской области Г. С. Жуко-

¹ Шадт А. А. Этническая ссылка советских немцев // Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. Новосибирск, 2010. С. 355–416.

² Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Томской области (конец 1940-х — начало 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2008. Вып. 437. С. 59.

³ Иванов А. С. Образовательная среда и иерархичность на спецпоселении в Западной Сибири (1940–1950-е гг.) // Oriental Studies. Элиста, 2016. Вып. 27. С. 50.

вым: в августе 1945 г. из 644 специалистов-немцев по специальности было трудоустроено только 307 человек (47,7%)⁴. Среди лиц, которые не работали по специальности, насчитывалось как минимум 165 учителей и педагогов, 30 бухгалтеров, 27 человек среднего медицинского персонала⁵.

Причиной того, что местные власти стали активно заниматься вопросом трудоустройства специалистов, послужило не только стремление режима относительно эффективно использовать трудовые ресурсы, но и то, что отсутствие работы по специальности являлось фактором, затруднявшим адаптацию спецпоселенцев в местах расселения. Так, начальник УМВД по Новосибирской области Ф.П. Петровский писал, что некоторые специалисты не вступили в сельскохозяйственные артели, потому что воспринимали свое пребывание в сельской местности как временное и ожидали скорого трудоустройства по специальности⁶.

На основе ежеквартальных отчетов региональных отделов МВД было выяснено, как местные власти реализовывали политику по обеспечению спецпереселенцев работой по специальности. В качестве примера в табл. 1 приводятся данные по трудоустройству немцев и калмыков.

Представленные данные показывают, что в течение 1946 г. региональные власти достаточно активно занимались трудоустройством немцев, и к концу года по специальности работало около 75%. Однако затем произошел поворот в политике: в конце 1947 г. только 59,8% немецких специалистов работали на должностях, соответствовавших их профессиональным навыкам. Причина снижения данного показателя связана с начавшейся кампанией по увольнению учителей: спецпоселенцев снимали с работы по указанию Областного отдела науки и образования. В первом полугодии 1947 г. 167 учителей-немцев⁷, во втором полугодии — 220 не работали по специальности⁸.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 195. Л. 3.

⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 100–115.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 290. Л. 118.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 354. Л. 308–311.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 356. Л. 221–232.

Данная тенденция, хотя и в менее яркой форме, прослеживается и в отношении калмыков: в конце 1946 г. работало по специальности 65,6% калмыцких специалистов, в конце 1947 г. — 58,2%. То, что падение было не таким сильным, как в случае с немцами, связано с тем, что меньшее количество калмыцких учителей первоначально были трудоустроены по специальности по причине незнания ими русского языка. Факты увольнения спецпоселенцев с учительских должностей установлены также в отношении представителей других спецконтингентов, расселенных в Новосибирской, Томской и Кемеровской областях.

Таблица 1

Трудоустройство калмыков и немцев, обладающих специальностью, в Новосибирской области *

Категория		1945 г.	1946 г.				1947 г.	
		3–4 кв.	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	1–2 кв.	3–4 кв.
Всего трудоспособных	немцы	н/д	19 909	27 798	27 463	30 802	29 122	28 663
	калмыки	н/д	н/д	9003	8875	9032	9060	9094
Всего специалистов	немцы	644	594	516	672	578	692	729
	калмыки	н/д	н/д	265	219	218	257	237
Работают по специальности	немцы	307	341	383	510	430	472	436
	калмыки	н/д	н/д	170	129	143	162	138
Не работают по специальности	немцы	337	253	133	162	148	220	293
	калмыки	н/д	н/д	95	90	75	95	99

* Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 9; Д. 290. Л. 118, 197; Д. 293. Л. 115–123, 166–181; Д. 294. Л. 45–60, 236–245; Д. 296. Л. 63–86; Д. 354. Л. 308–311, 334–337; Д. 356. Л. 221–232; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 195. Л. 3; Д. 205. Л. 1–11; Д. 257. Л. 51–61.

Стремление органов МВД отстранить спецпоселенцев от учительской работы натолкнулись на практике на проблему нехватки кадров, о которой регулярно информировал, например, Новосибирский областной отдел науки и образования (учителя работали с перегрузкой, штат не был укомплектован, потребность в кадрах не покрывалась за счет выпускников средних и высших заведений области)⁹. По этой причине небольшая часть спецпоселенцев продолжала работать в образовательной системе. Так, только в Александровском районе, самом отдаленном районе Томской области, 13 спецпоселенцев (11 немцев и два эстонца) в 1947 г. работали в качестве учителей или директоров школ. Несмотря на то что сотрудники МВД сообщали о необходимости отстранения данных лиц от работы в связи с тем, что их деятельность «вызывает большое возмущение среди населения района и отражается на качестве воспитания детей»¹⁰, ситуация к 1949 г. не изменилась¹¹. То, что часть спецпоселенцев продолжала работать в качестве учителей, косвенно подтверждают данные по национальному составу педагогических кадров школ Новосибирской области в 1949 г. Несмотря на то, что большинство учителей составляли русские (9260 человек), среди педагогов насчитывалось 25 эстонцев, 16 немцев, 13 поляков, девять латышей, восемь калмыков, пять литовцев, пять латгальцев и один армянин¹². Кроме того, отдельные спецпоселенцы смогли получить работу в высших и средних специальных учебных заведениях. Так, среди 1102 преподавателей четырех университетов г. Томска 12 человек являлись спецпоселенцами¹³, в техникумах города работали девять таких лиц¹⁴.

Отношение региональных властей к трудоустройству специалистов-спецпоселенцев во многом зависело от принадлежности лица к тому или иному спецконтингенту. Каждая категория условно определялась режимом как «относительно лояльная» (например, совет-

⁹ ГАНО. Ф. Р-1306. Оп. 1. Д. 356. Л. 59–60.

¹⁰ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 465. Л. 125–126.

¹¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-829. Оп. 4. Д. 48. Л. 47–48.

¹² ГАНО. Ф. Р-1306. Оп. 1. Д. 356. Л. 74, 122.

¹³ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1698. Л. 149–164.

¹⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 368.

ские немцы, калмыки) или как «полностью нелояльная» (например, «власовцы», «оуновцы» и «указники»). От этого зависел объем доступных для спецпереселенцев должностей. Так, режим первоначально планировал использовать власовцев, как «крайне неблагонадежный контингент», исключительно на подземных работах в угольных предприятиях. Однако на практике руководители шахт пытались за счет обладающих специальностью власовцев решить кадровые проблемы и трудоустраивали их на должности бухгалтеров, нормировщиков, десятников, кладовщиков и т. д. Это вызвало недовольство как работников МВД, так и управляющих трестов. В итоге заместитель управляющего треста «Кагановичуголь» Ф. Багрянцев сделал следующее распоряжение: «Начальникам шахт и предприятий немедленно отстранить от работы „власовцев“, занимающих командные должности и работающих на технической работе, а также используемых на второстепенных работах в шахте, но могущих работать в забое, перевести их на работу в ЦЭММ [центральную электромеханическую мастерскую] на тяжелую физическую работу»¹⁵. При этом трудоустройство немцев или калмыков на должности бухгалтеров, бригадиров или десятников воспринималось как допустимое.

Стремление региональных властей не допустить спецпоселенцев к отдельным должностям было не единственной причиной, по которой не все специалисты получили работу по специальности. Во-первых, законодательные ограничения, наложенные на горизонтальную мобильность спецпоселенцев, затрудняли их перевод в другой регион с целью трудоустройства в случае отсутствия необходимых должностей в местах расселения. Так, и. о. начальника УМВД по Новосибирской области Г. С. Жуков в июле 1950 г. обратил внимание на то, что 14 спецпоселенцев, являющихся особенно востребованными специалистами сельского хозяйства, до сих пор не работают по специальности¹⁶. Для их трудоустройства работники МГБ составили предложение для их переселения¹⁷. В итоге переезд двоих из них не был одобрен Жуковым, так как в качестве нового места жительства предлагался

¹⁵ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 20. Л. 19–20.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 374. Л. 132.

¹⁷ Там же. Л. 134–138.

Кыштовский район, который не являлся местом расселения для данного спецконтингента¹⁸. Во-вторых, трудоустройство по специальности женщин затруднялось отсутствием детских садов и яслей. В-третьих, существовала дискриминация при приеме спецпоселенцев на работу, о чем сообщил Жуков в августе 1945 г. Он указал на тот факт, что руководители предприятий и учреждений не хотят нанимать данных лиц только потому, что они являются спецпоселенцами¹⁹.

Вплоть до конца 1947 — середины 1948 г. региональные власти в целом стремились трудоустроить спецпереселенцев по специальности (за исключением ряда оговоренных выше ограничений). Однако постепенно политика в данном вопросе изменилась в противоположную сторону, что отчасти связано с началом кампании борьбы с космополитизмом, в рамках которой был поднят вопрос о подборе, расстановке и воспитании кадров. Влияние данной репрессивной кампании заметно в риторике властей: они писали о необходимости «очищения предприятий и учреждений от лиц, не заслуживающих политического доверия». Так, начальник УМГБ по Томской области Прищепя сообщил о проблеме «засоренности» предприятий, вызванной политикой руководителей хозяйственных организаций, которые увольняли правовое население и допускали закрепление на ведущих позициях «неблагонадежных лиц»²⁰.

Для решения проблемы «засоренности» в регионах стали массово увольнять лиц, на которых имелись какие-либо компрометирующие материалы. К ним относились не только спецпоселенцы, но и родственники репрессированных за антисоветскую деятельность, бывшие военнослужащие белых армий, выходцы из социально чуждой среды. Имеющиеся источники позволили частично проследить, как именно проходила кампания по «очищению» предприятий в г. Томске (табл. 2).

Представленная информация подтверждает тезис о том, что режим, начиная с конца 1940-х годов, отказался от политики профессиональной интеграции спецпоселенцев. Он стремился добиться полного «очищения» предприятий от «чуждого» системе элемента, и ряд организаций смогли в полной мере реализовать эту цель. Данные

¹⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 374. Л. 242.

¹⁹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 195. Л. 3.

²⁰ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1698. Л. 174–176.

увольнения были напрямую инициированы органами МГБ. В архивах были обнаружены пофамильные списки подлежащих увольнению спецпоселенцев, которые составлялись работниками МГБ и направлялись руководителям предприятий²¹. Например, начальник УМГБ по Новосибирской области ходатайствовал об увольнении трех немцев (заведующего техническим архивом, старшего инженера и проектировщика) из Новосибирского бюро Ленинградского отделения «Теплоэлектропроекта». Его требование было исполнено²².

Таблица 2

**Динамика численности «неблагонадежных» лиц
на предприятиях г. Томска
(начало 1950 – первый квартал 1952 г.) ***

Название предприятий	Численность «неблагонадежных» лиц			
	На начало периода	Уволено или понижено	На конец периода	
			Всего	Из них спецпоселенцев
Электромеханический завод им. Вахрушева	38	13	25	14
Завод № 653	24	6	22	0
Завод № 5	36	15	32	0
Завод № 631	32	20	12	0
Завод № 690	10	6	5	1
Электростанции № 1, 2	26	6	30	0
Медицинские учреждения	н/д	н/д	60	10
Высшие учебные заведения	н/д	н/д	245	12

* Составлено по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1698. Л. 134–164, 174–176.

При этом работники МГБ пытались придать своим действиям определенную легитимность и не допускали явных нарушений законода-

²¹ ГАНО. Ф. П-78. Оп. 1. Д. 249. Л. 12.

²² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 342. Л. 190а – 191.

тельства. Так, из областной конторы «Востокзаготзерно» с должности бухгалтера была уволена немка Ф., которая находилась на третьем месяце беременности. Ф. обратилась в суд, и после достаточно долгой тяжбы коллегия областного суда встала на сторону спецпоселенки. Несмотря на неоднократные жалобы на это решение управляющего конторой Н. Жукова, позиция МВД совпала с позицией суда. Начальник УМГБ по Томской области Прищепа подчеркнул, что хотя действия Жукова, направленные на «очищение аппарата», являлись правильными, «они должны проводиться с соблюдением Советских законов»²³.

Кампания по борьбе с «врачами-вредителями» ознаменовала начало нового витка в политике по «очищению» кадров: спецпоселенцев стали увольнять из медицинских учреждений. Так, после проведенной в феврале 1953 г. проверки персонала Венгеровской больницы Новосибирской области, несмотря на острую нехватку кадров (в ней работало 17 врачей вместо 27), было уволено 14 врачей, как минимум семь из которых являлись спецпоселенцами. Специалисты были обвинены во взяточничестве, халатности, растратах. Уволенные врачи решили бороться за свои права и обратились за защитой в профсоюзные и судебные органы. Их жалобы оказались удовлетворены: всех врачей восстановили в должностях, так как их увольнение было вызвано только «опубликованием в печати материалов о группе врачей-вредителей». Восстановление произошло даже, несмотря на то, что повторная проверка подтвердила некоторые факты взяточничества и растрат²⁴.

Кампания по увольнению врачей поддерживалась частью правового населения, о чем свидетельствуют письма, полученные редакцией журнала «Советская Сибирь». Авторы одного анонимного письма четко выразили возмущение по факту работы спецпоселенцев в качестве врачей: «В чем же дело? Эти провинившиеся люди трудятся на ответственных постах <...> а русским, инвалидам войны и членам семей погибших фронтовиков невозможно устроиться. <...> Не место им и в других учреждениях, тем более в лечебных»²⁵.

Критерием для сравнения положения спецпоселенцев и правового населения выступает «доступ к различным преференциям». Иначе го-

²³ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1322. Л. 314–316.

²⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 437. Л. 347–348.

²⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 438. Л. 121.

воря, все специалисты имели право на получение различных премий и льгот в случае их ударной работы. Однако была ли у спецпоселенцев возможность получить эти преференции наравне с правовым населением? Данные об этом противоречивы. С одной стороны, источники неоднократно сообщают о фактах премирования «неполноправных» специалистов, занесения их на доску почета, вручения им медалей «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и т. д. С другой стороны, были установлены факты их дискриминации. Она не только проявлялась в вышерассмотренных увольнениях, инициированных МВД, но и исходила от руководителей отдельных предприятий, колхозов и т. д., которые в общей атмосфере недоверия к спецпоселенцам стремились подстраивать свое поведение под партийную линию и ограничивали доступ «неблагонадежных» специалистов к преференциям. Так, председатель Кузнецкого сельсовета Чулымского района Новосибирской области выступил против премирования двух работниц только потому, что они являются спецпоселенками²⁶.

Таким образом, можно прийти к выводу, что после окончания войны чуть более половины спецпоселенцев смогли трудоустроиться по специальности. Особенно это касалось востребованных специалистов сельского хозяйства, инженерно-технических работников и врачей. Однако для ряда спецпоселенцев трудоустройство на должности, отвечавшие их квалификации, было маловероятным, по причине их специализации (например, учителя, юристы, педагоги, артисты) или принадлежности к «особо нелояльному контингенту». В итоге данные лица оказались маргинализированы и были вынуждены заниматься неквалифицированным трудом. Положение спецпоселенцев, которые все же получили работу по специальности, было крайне нестабильным, так как при любом повороте политики режима в сторону ужесточения они оказывались первыми кандидатами на увольнение по причине их «неблагонадежности». Ситуация для них осложнялась общей атмосферой недоверия, активно поддерживаемой частью руководящего состава предприятий и полноправного населения. Тем не менее отдельные специалисты смогли, несмотря на все преграды и трудности, частично восстановить свой профессиональный статус, потерянный в результате депортации.

²⁶ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 372. Л. 237.

М. В. Третьяков

*Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН (Магадан);
Молодежная общественная палата
при Магаданской областной Думе VI созыва*

Деятельность Магаданского управления гражданской авиации в середине 1980-х годов

Статья посвящена рассмотрению работы авиапредприятия Магаданской области в середине 1980-х годов, когда благодаря многочисленным политическим и хозяйственным переменам в СССР, а также изменениям механизмов и подходов к добыче полезных ископаемых и огромному технологическому скачку во всех сферах промышленности и экономики Магаданской области роль воздушного транспорта существенно увеличилась. Основу статьи составили материалы фонда Р-27 «Магаданское управление гражданской авиации СССР» Государственного архива Магаданской области. Сделан вывод, что Магаданское управление гражданской авиации в целом было стабильно работающим предприятием, оснащенным современной авиатехникой и обеспечивающим регион услугами воздушного транспорта, а имевшиеся проблемы могли быть преодолены при более пристальном внимании со стороны Министерства гражданской авиации путем выделения требуемого финансирования на переоснащение наземных служб и содержание аэродромов.

Ключевые слова: Магаданская область, авиация, самолет, аэропорт, полет, перевозки.

В середине 1980-х годов СССР находился на пороге внутривнутриполитических преобразований — перестройки. В это время в Магаданском управлении гражданской авиации (МУГА) прошло очередное техническое переоснащение. Была прекращена эксплуатация Ил-18, замененных на Ту-154, началась подготовка к освоению Ил-76, а Ми-4 сменялись Ми-8, что свидетельствовало о качественном росте. На волне провозглашения курса перестройки помимо очередного

пятилетнего планирования велось активное обсуждение дальнейшего развития управления, повышения экономической эффективности его деятельности, решения проблем, которых тоже было немало. Поэтому рассматриваемый период можно в чем-то считать «поворотным» в работе предприятия. Территориальные рамки исследования охватывают Магаданскую область с входившим в то время в ее состав Чукотским автономным округом, то есть от границы с Якутской АССР на западе до Берингова пролива на востоке.

История авиации как техники и отрасли транспорта, ее становление и работа в России (СССР) изучены достаточно полно и многоаспектно. Однако большинство публикаций посвящено становлению воздушного транспорта в СССР, его работе в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы¹. Исследования же истории советской авиации в 1950–1980-е годы написаны преимущественно современниками событий².

Заметно меньше публикаций, посвященных истории авиации отдельных регионов России. Стоит отметить документальные издания, подготовленные красноярским исследователем В. В. Филипповым и его коллегой из Якутска М. В. Васильевым³, а также вышедшие

¹ Степанов А. С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год — первая половина 1941 года). М., 2009. 544 с.; Антонова Л. Е., Солдатова О. Н., Фисюк Т. Н. Развитие авиационной науки и техники в СССР. 1920–1946 гг. Тематический обзор фондов филиала РГАНТД и публикация архивных документов. Самара, 2010. 635 с.; Гордость отечественной науки и техники. XX век. Вып. 2. Летчики-испытатели: биографический справочник / отв. сост. Т. Н. Фисюк, ред. коллегия: И. Н. Давыдова (отв. ред.), Л. Ю. Покровская, О. Н. Солдатова, Л. А. Шаповалова. Самара, 2012. 288 с.

² Воздушный флот Страны Советов / под ред. Б. Л. Симакова, И. Ф. Шилимова. М., 1957; Гражданская авиация СССР. 1917–1967 / отв. ред. Г. В. Безбородов. М., 1967; Развитие авиационной науки и техники в СССР: историко-технические очерки. М., 1980. 496 с.; Крылья Родины: сборник / сост. В. В. Рыбалка, Л. М. Шишов. М., 1983. 287 с.

³ Авиация Красноярского края в документах архивов, публикациях и фотографиях. 1925–1950 годы. Полярная авиация в Енисейской губернии и Красноярском крае. 1929–1938 гг.: документальное издание / авт.-сост. В. В. Филиппов. Красноярск, 2016. 622 с.; Полярная авиация в Красноярском крае. 1938–1945 гг.: документальное издание / авт.-сост. В. В. Филиппов. Красноярск, 2017. 352 с.; Васильев М. Е. Флагман авиации Якутии. События и люди. Якутск, 2016. 368 с.

в 2000-е годы редкие книги о деятельности конкретных авиакомпаний и аэропортов⁴. Исследуемый нами период отчасти рассмотрен в юбилейном издании о магаданской авиации⁵: в нем содержатся некоторые количественные и биографические данные в виде комментариев к иллюстративному материалу, что не может считаться историографией в научном смысле этого слова. История регионального воздушного транспорта в более ранний период изучена автором настоящей статьи⁶. Исходя из этого, мы с полным основанием можем утверждать, что являемся первыми, кто вводит имеющиеся материалы по истории региональной гражданской авиации указанного временного отрезка в научный оборот.

* * *

К середине 1980-х годов авиация Магаданской области находилась на достаточно высоком уровне развития. Управление имело современную авиатехнику, штат специалистов, аэропорты различных классов (правда, с некоторыми ограничениями). Сеть маршрутов охватывала все населенные пункты внутри территории, также выполнялись регулярные рейсы по Дальнему Востоку, в Сибирь, на Урал, в Украину и Среднюю Азию. Но беспосадочно в столицу из Магадана и Анадыря летал только Ил-62 Московского транспортного управления гражданской авиации (МТУ ГА), поскольку в МУГА такого самолета не было. Тем не менее в условиях централизованного «Аэ-

⁴ См., например: На рубеже веков. 10 лет образования ОАО «Аэропорт Толмачево» — Новосибирск, 2005. 264 с.; Расправив крылья — в XXI век. Этапы большого пути авиакомпании «Владивосток Авиа» / под ред. А. Алексеева. Владивосток, 2007. 304 с.; 15 лет. Аэронавигация Северо-Востока. Магадан, 2008. 60 с.; Международный аэропорт Шереметьево. 50 лет в истории страны. М., 2009.

⁵ 70 лет авиации Северо-Востока России / под общ. ред. М. А. Уманского. Магадан, 2005. 160 с.

⁶ См., например: Третьяков М.В. Деятельность Магаданской отдельной авиагруппы (управления) гражданской авиации в 1966–1970 гг. // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 114–120; Он же. Крылья над вечной мерзлотой (техническая оснащенность авиации Магаданской области в 1960–1970-х гг.) // История науки и техники. 2019. № 3. С. 47–52; Он же. Работа Магаданского управления гражданской авиации во второй половине 1970-х гг. // Вопросы истории. 2019. № 8. С. 119–127.

рофлота» руководство МУГА исходя из необходимости имело право бронировать места на эти рейсы⁷, наземный персонал выполнял техобслуживание и подготовку к вылету, заправку топливом, экипажу предоставлялся предполетный отдых и т. д.

В начале 1985 г. завершилась эксплуатация Ил-18, в связи с чем в 185-м летном отряде (ЛО) Магаданского объединенного отряда (МОАО) расформировали эскадрилью. С этого времени все межрегиональные перевозки выполнялись на Ту-154. Часть пилотов переобучили в Ульяновском авиационном центре, сформировав вторую эскадрилью, подчинив старших инженеров заместителю командира МОАО по организации летной работы. Отметим, что эксплуатация Ил-18, начатая 17 марта 1968 г., была безаварийной, самолеты перевезли не менее трех миллионов пассажиров, 29 тыс. т срочных грузов и около 15 тыс. т почты, налетав 268 097 часов. За эти успехи многих специалистов наградили почетными грамотами, благодарностями и денежными премиями⁸. В марте–апреле 1985 г. в управлении впервые проводились работы по гравиметрической съемке в бассейне Восточно-Сибирского моря, Северного Ледовитого океана с подбором посадочных площадок с воздуха, которые выполнялись на Ан-2, оборудованных поисково-спасательной аппаратурой⁹, за что многие участники были поощрены. Как и в предыдущие годы, авиаторы возили на Ан-12 авиатопливо в Омолон и Чайбуху¹⁰ из Певека и Кеппереема. Поскольку из-за невозможности доставки необходимого количества горючего иным путем авиаперевозки из эпизодических стали в какой-то степени постоянными, заместитель начальника МУГА по организации летной работы В. Г. Трезубов¹¹ высказал заме-

⁷ Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 427. Т. 1. Л. 39.

⁸ ГАМО. Ф. Р-27. Оп.1. Д. 412. Л. 96.

⁹ ГАМО. Ф. Р-27. Оп.1. Д. 413. Т. 2. Л. 111.

¹⁰ Завоз топлива ТС-1 в Чайбуху выполнялся по причине недопоставки одной тысячи тонн в навигацию, что вынудило ввести лимиты на заправку воздушных судов, снижая их коммерческую загрузку и авиаобслуживание. Там же. Л. 40.

¹¹ *Трезубов Виктор Григорьевич*. Окончил военное авиационное училище летчиков и Киевский институт инженеров гражданской авиации. В 1987–1991 гг. — начальник МУГА, с 1991 по 1992 г. — генеральный директор Магаданского авиаконцерна гражданской авиации, затем до 1997 г. — начальник

чания, сводившиеся к необходимости их выполнения на специально оборудованных самолетах, исходя из требований безопасности. В целом в работе управления имелся ряд положительных моментов: оставался высоким уровень безопасности полетов (хотя ряд нештатных ситуаций и предпосылок к ним все же имел место¹²), расширилась география выполняемых рейсов. В грузовых перевозках тоже произошли качественные изменения: Ан-12 постепенно заменили на Ил-76, добиваясь максимальной загрузки, что было более рентабельно, так как один рейс Ил-76 равнялся четырем Ан-12 по грузоподъемности, а потребность в их доставке для различных предприятий, прежде всего горнодобывающих, была высокой. Только за 1984 г. ими перевезли более 11 тыс. т грузов, производительность полетов перевыполнили на 20,2%, сэкономяв 3,7 тыс. т топлива, налет на одну машину составил 980 часов¹³. Несмотря на это, руководство управления констатировало, что еще оставались нерешенными вопросы наличия спецтехники для выполнения погрузо-разгрузочных работ, что приводило к задержкам рейсов и повышало вероятность нештатных ситуаций. Поскольку экономический эффект применения Ил-76 был очевиден, на XII пятилетку планировали строительство стоянок для них в аэропорту Магадан, освоение поле-

Магаданского регионального управления Дальневосточного территориального управления Минтранса России, руководитель Северо-Восточного регионального управления Федеральной авиационной службы России. Пилот 1-го класса, отработал в Аэрофлоте 36 лет, налетал 11 тыс. часов. Внес большой вклад в освоение и обеспечение безопасности полетов Ан-12 и Ил-18 на Северо-Востоке, одним из первых в регионе освоил полеты на Ту-154. Заслуженный пилот СССР, Почетный работник транспорта России. Награжден орденом «Знак Почета», многими медалями, знаком «Отличник Аэрофлота» (70 лет авиации... С. 69).

¹² Так, 12 февраля 1985 г. ушел на запасной аэродром в Хабаровск Ил-76 по причине неподготовленности взлетно-посадочной полосы (ВПП) а/п Магадан (Сокол) из-за неисправности спецтехники по ее очистке; 4 марта 1985 г. из-за занятости ВПП а/п Анадырь двумя ведомственными машинами ушел на второй круг Ил-62 МТУ ГА. Аналогичный инцидент произошел 27 мая 1985 г. с Ту-154 МОАО и ряд других. 7 апреля 1985 г. произошло повреждение Ил-76 при загрузке трактора (ГАМО. Ф. Р-27. Оп.1. Д. 413. Т. 2. Л. 20, 80, 147, 164, 127; Д. 414. Т. 3. Л. 123; Д. 415. Т. 4. Л. 1).

¹³ ГАМО. Ф. Р-27. Оп.1. Д. 412. Т.1. Л. 188; Д. 413. Т. 2. Л. 1.

тов в Омолон, Шмидт¹⁴, разработку маршрутов полетов. Перевозки на малые расстояния, связанные с обслуживанием оленеводов, рыбаков, геологических экспедиций, выполнялись на вертолетах, где также шла замена устаревших Ми-4 (которые передавались в иные управления гражданской авиации¹⁵) на современные Ми-8. Управление приняло участие в социалистическом соревновании «40-летию Победы — 40 ударных недель», добившись следующих показателей: по пассажирообороту — 105,0%, по налету часов по применению авиации в народном хозяйстве — 110,0%, по общему объему перевозок — 103,4%, по отправка пассажирами (всего) — 100,8%, из них транспортных — 100,4%, почты — 103,2%, грузов (всего) — 105,1%, в том числе транспортных — 102,6 процента¹⁶. Соответственно, план четырех месяцев по применению авиации в народном хозяйстве, отправка транспортных грузов, пассажирообороту и общему объему перевозок выполнили досрочно. Помимо этого, управление стало победителем Всесоюзного социалистического соревнования за первый квартал, удостоившись переходящего Красного знамени Министерства гражданской авиации и Центрального комитета профсоюза авиаработников и первой денежной премии в сумме 45 750 рублей¹⁷.

В июне 1985 г. МУГА проверила комиссия во главе с заместителем министра гражданской авиации И. Е. Машкивским, которая вскрыла недостатки в проведении инспекторских осмотров самолетов и вертолетов. Для устранения выявленных проблем был принят ряд мер: четверг стал днем инспекторских осмотров, порядок отчетности и ведения документации по проверкам был ужесточен. Плохо обстояло дело с расследованиями нештатных ситуаций и оформлением актов по ряду случаев, что требовалось исправить в кратчайшие сроки, поскольку это напрямую касалось безопасности полетов и предотвращения происшествий путем изучения уже имевшихся мате-

¹⁴ Комиссию для приема Ил-76 на аэродром Мыс Шмидта назначили приказом № 367 от 27 ноября 1985 г., технический рейс — с 4 по 6 декабря (ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 413. Т. 2. Л. 114). Постоянный допуск на прием самолета получен приказом министра гражданской авиации Б. П. Бугаева 28 февраля 1986 г. (ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 425. Т. 1. Л. 176).

¹⁵ ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 425. Т. 1. Л. 91; Д. 416. Л. 8, 75.

¹⁶ ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 416. Л. 99.

¹⁷ ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 413. Т. 2. Л. 101.

риалов. В августе в МУГА переизбрали летно-методический Совет, председателем которого стал В. Г. Трезубов.

Итоги второго квартала были несколько иными. Управление не выполнило план по налету часов по применению авиации в народном хозяйстве (99,1 %) и прибыли (97,7 %). Работа по применению авиации в народном хозяйстве в основном велась 2-м МОАО, который обслуживал 57 организаций по 10 договорам и 47 соглашениям¹⁸. Отметим, что во втором квартале в соцсоревновании внутри управления среди коллективов ведущих служб¹⁹ авиапредприятий летным отрядам первое место не присуждалось из-за предпосылок к аварийным ситуациям, а второе занял 181-й летный отряд МОАО

¹⁸ ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 416. Л. 46. План первого полугодия по налету часов и тоннажу отправок выполнен на 104,3%, повышена коммерческая загрузка на 1 час налета на Ан-2 на 201 кг, на вертолете Ми-4 — на 100 кг.

¹⁹ Кроме этого, проводилось соревнование среди самих авиапредприятий, в котором в третьем квартале победу одержал АОАО (командир А. А. Стещенко), второе место занял МОАО (командир А. Е. Башлачев). (ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 415. Т. 4. Л. 131–131а).

Башлачев Александр Ермолаевич. Родился 7 октября 1941 г. в г. Архангельск. В 1959–1962 гг. учился в Ленинградском техникуме железнодорожного транспорта им. Ф. Э. Дзержинского на строительном отделении по специальности «Железнодорожные мосты и другие искусственные сооружения», техник-строитель. В 1965–1970 гг. учился в Ленинградском высшем авиационном училище гражданской авиации, инженер по эксплуатации воздушного транспорта. Трудовую деятельность в авиации начал в августе 1970 г. в Кишиневе Молдавского управления гражданской авиации инженером по эксплуатации зданий и сооружений. С октября 1970 г. — в МУГА, инженер по эксплуатации а/п Чайбуха МОАО. С февраля 1972 г. по июль 1975 г. — начальник аэропорта. В июле–августе 1975 г. — старший инженер по безопасности полетов МОАО, затем до сентября 1976 г. — и. о. начальника штаба. С сентября 1976 г. — старший инженер-инспектор по безопасности полетов. С ноября 1977 г. — зам. командира 181 летного отряда по политико-воспитательной работе. 31 августа 1983 г. приказом Министерства гражданской авиации № 444/л назначен на должность первого заместителя командира МОАО по производству, в 1984 г. стал командиром МОАО — начальником аэропорта Магадан. Руководил аэропортом до 31 декабря 2005 г., после чего вышел на пенсию. Имеет награды: «Отличник Аэрофлота» (приказ Министерства гражданской авиации № 40/л от 20 января 1983 г.), медаль «Ветеран труда» (решение облисполкома № 285 от 08 августа 1988 г.), почетное звание «Заслуженный работник транспорта РФ» (2000 г.).

(командир Ю. П. Ханков). Среди инженерно-технических служб первое место заняла авиационно-техническая база того же отряда (начальник В. Н. Гордеев). Также призовые места распределили среди иных служб (управления воздушным движением, электро-радиотехнического оборудования и связи, организации перевозок, службы спецтранспорта²⁰ и др.), чья работа была напрямую связана с подготовкой полетов и обслуживанием пассажиров. В третьем квартале победители были иные: среди летных подразделений второе место занял 185-й летный отряд МОАО (командир В. К. Тюльпаков), у инженеров победу одержала авиационно-техническая база Билибинского объединенного авиаотряда (начальник В. А. Задорожный). Также во 2-м МОАО вырос процент коммерческой загрузки и регулярность вылетов повысилась на 3,3%. Во Всесоюзном соцсоревновании среди коллективов предприятий ГА третье место занял Анадырский объединенный авиаотряд²¹.

В целом в МУГА в данный период сложилась следующая ситуация. Как предприятие оно полностью обеспечивало доступность авиационных услуг населению области и иным организациям, нуждавшимся в них. Но в то же время внутри управления наблюдалась некоторая нестабильность, имелись недочеты и упущения в различных сферах работы. Безусловно, главным вопросом было обеспечение безопасности полетов всех воздушных судов, независимо от их принадлежности, тогда как уровень развития сопутствующих служб находился не на должном качественном уровне. Большинство аэродромов не имели твердого покрытия²², что не позволяло обеспечить эксплуатацию современных самолетов; из-за недостатка производственных помещений, неисправности наземной техники усложнялось

²⁰ В то же время руководство управления отмечало, что при подготовке к осенне-зимней навигации 1985–1986 гг. уровень службы спецтранспорта был наиболее низким. Но само управление без помощи Министерства не могло исправить ситуацию, несмотря на то, что это повторялось из года в год, поскольку на закупку новой техники не выделялось нужного объема средств.

²¹ ГАМО. Ф. Р-27. Оп.1. Д. 415. Т. 4. Л. 131а.

²² Одним из исключений был аэропорт Анадыря, в котором (единственным в СССР) эксплуатировали Ил-62 с грунтового перрона для осуществления беспосадочных рейсов в Москву.

техническое обслуживание самолетов и вертолетов²³, что было одной из главных проблем. Победы и призовые места в различных соцсоревнованиях мало отражали реальную картину, поскольку цифры перевыполнения плана²⁴ в чем-то скрывали проблемы, недостаточное внимание к развитию отдельных составляющих, без которых был невозможен конечный результат — безопасный полет.

Конечно, не стоит умалять самоотверженный труд различных специалистов, которые, не считаясь со временем, выполняли сложный ремонт авиатехники, восстанавливали поврежденные вертолеты, оказывая реальную помощь своему предприятию²⁵. Ситуация выглядит тем более неоднозначной, поскольку в середине 1980-х годов управление стало прибыльным предприятием, некоторые авиаотряды снизили плановые убытки²⁶, но, исходя из централизованной системы распределения, не могло само распоряжаться средствами и приобретать требуемую технику без соответствующего разрешения.

Тем временем с 10 по 21 ноября 1985 г. в МУГА вновь прошла инспекторская проверка комплексной комиссии Министерства гражданской авиации. В декабре начальник управления А. А. Ершов²⁷

²³ ГАМО. Ф. Р-27. Оп.1. Д. 415. Т. 4. Л. 76.

²⁴ В декабре подвели итоги работы за третий квартал. Результат по пассажирообороту составил 100,9%, отправкам пассажиров — 101,9%, производительности труда — 100,6%, общий объем перевозок на собственном парке — 101,4%. На 0,5% снизился удельный расход спецтоплива, на 4,3% — себестоимость авиаперевозок. Сверхплановая прибыль составила 429 тыс. руб. (ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 415. Т. 4. Л. 131).

²⁵ Там же. Л. 18, 181–182.

²⁶ Поскольку реальная себестоимость авиационных перевозок не могла быть оплачена ее потребителями (пассажирами и иными предприятиями), в план некоторых периферийных авиаотрядов, летавших внутри области, изначально закладывался убыток, и их деятельность дотировалась государством.

²⁷ *Ершов Анатолий Александрович*. Родился в 1935 г. Окончил Балашовское военное летное училище, Киевский институт инженеров гражданской авиации, Академию гражданской авиации, инженер-пилот. После службы в армии работал пилотом и командиром Ли-2, Ил-14, Як-40, командиром авиаэскадрильи и заместителем командира Усть-Каменогорского ОАО, командиром Сыктывкарского ОАО Коми УГА. С 1981 по 1987 г. — начальник МУГА, затем начальник Казахского УГА и представитель Аэрофлота в КНДР (г. Пхеньян). Заслуженный пилот СССР. Награжден орденом «Знак Почета», медалями, знаком «Отличник Аэрофлота» (70 лет авиации... С. 68).

возглавил созданный им оперативный штаб по оказанию помощи в периоды массовых нарушений расписания движения самолетов из-за неблагоприятных метеоусловий и срыва поставок авиатоплива. Аналогичный орган создали во всех ОАО, командиры которых отвечали за размещение, питание и разъяснительную работу среди пассажиров в случае сбойных ситуаций²⁸. Тем не менее, согласно данным Контрольно-ревизионного управления Министерства гражданской авиации, МУГА полностью выполнило план 1985 г. и первый квартала 1986 г. по основным и большинству расчетных показателей. В то же время занятость пассажирских кресел снизилась на 0,6%, а регулярность полетов — на 9,0%. Также комиссия нашла нарушения по бухгалтерскому учету, сохранности грузов, штатным расписаниям и т. д., что было основной целью проверки, и имевшиеся недочеты ставились в вину А. А. Ершову.

В конце 1985 г. Совету управления были спущены основные плановые показатели и социалистические обязательства на 1986 г. Помимо неотъемлемых преамбул и ссылок на руководящие партийные документы, отметим, что плановые показатели, по нашему мнению, оказались сильно завышенными, поскольку только пассажирооборот должен был составлять более 1,5 млн пасс./км, в том числе отправка более 1 млн пассажиров, включая 948 тыс. транспортных. С учетом проживавшего в области населения, даже если учесть, что в середине 1980-х годов миграционная обстановка была стабильной и массового отъезда как на «материк», так и в Магадан из поселков не наблюдалось, предложенные цифры являлись высокими. Вполне возможно, что в данном случае учитывались все пассажиры, отправленные либо принятые аэропортами вне зависимости от того, самолетом какого управления они летели. Поскольку рейсы в столицу и обратно выполнялись Московским транспортным управлением гражданской авиации с высокой частотой, то за год с учетом пика летних перевозок они составляли большой процент от общего числа отправок. К тому же, согласно встречным планам и обязательствам, коллектив МУГА взял обязательство выполнить план 1986 г. к 29 декабря. Более реалистичным, по нашему мнению, было достичь повышения про-

²⁸ ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 415. Т. 4. Л. 174–175.

изводительности полетов: Ил-76 — на 1,9 процента²⁹, Ан-12; Ан-26 — на 0,7%; исправности самолетов против норматива Министерства гражданской авиации: Ту-154 — на 1%, Ан-24, Ан-26, Ми-8 — на 1,5%.

Но, кроме сведений о повседневной работе региональных авиаторов из приказов и отчетов различного уровня, более «живую» информацию о работе управления содержат материалы отчетно-выборных собраний, на которых рассматривались различные вопросы. В середине 1980-х годов, кроме подведения итогов соцсоревнований и разборов проблем, начали высказываться различные точки зрения летного состава на предмет повышения экономического эффекта от выполнения рейсов, экономии ресурса техники и горюче-смазочных материалов. Например, на собрании 185-го летного отряда МОАО поднимались вопросы о целесообразности порядка смены экипажей в Свердловске, надобности рейсов в Алма-Ату и Кривой Рог и т. д. В свою очередь, сотрудников 181-го летного отряда не устраивали схемы перевозок некоторых грузов и выполнения «фруктовых» рейсов, когда самолеты из Ташкента после разгрузки в Мирном, Певеке, Шмидте, Петропавловске-Камчатском летели в Магадан пустыми вместо того, чтобы вновь вернуться за фруктами в столицу Узбекской ССР. Руководство управления всячески поддерживало предложения по повышению экономической эффективности работы, снижению непроизводительного налета, что требовало пересмотра схем логистики. Справедливости ради отметим, что этот процесс больше относился к МОАО, командование которого, наверное, уже стало ощущать начавшиеся перемены, стремясь в полной мере использовать имевшиеся у отряда преимущества. Данное предприятие выгодно отличалось тем, что выполняло полеты за пределы Магаданской области на современных самолетах — Ту-154 и Ил-76, но главным было наличие в его составе аэропорта Магадан (Сокол) — главных «воздушных ворот» территории.

Таким образом, работа МУГА в середине 1980-х годов была неоднородной. С одной стороны, авиационные услуги пассажирам предоставлялись в полной мере, и говорить о каком-либо структурном кри-

²⁹ Кроме того, на Ил-76 планировалось выполнить не менее 15,6% общего объема перевозок и освоить международную грузовую линию Магадан — Пхеньян (КНДР) (ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 416. Л. 11).

зисе обосновательно и необъективно. С другой — ряд негативных явлений тоже присутствовал, основным было отставание в техническом отношении наземных служб, что сказывалось на регулярности полетов и качестве обслуживания пассажиров. Тем не менее МУГА продолжало свое развитие в структуре общесоюзного «Аэрофлота», строило планы на долгосрочную перспективу³⁰, гарантируя стабильность, безопасность и доступность услуг воздушного транспорта населению и предприятиям Магаданской области.

³⁰ В конце 1985 г. МУГА приняло активное участие в обсуждении предложенного проекта «Основные направления социально-экономического развития СССР в 1985–1990 гг. и на период до 2000 года». Продублированные Министерством гражданской авиации указания, исходя из принятых ЦК КПСС задач, являлись обязательными к исполнению всеми авиапредприятиями страны (ГАМО. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 416. Л. 8).

История культуры, науки, образования и религии

А. В. Котов

Оренбургский государственный педагогический университет

Формирование системы образования казахского населения и роль Оренбургской киргизской школы в политике аккультурации (XVIII–XIX вв.)*

Статья посвящена проблеме образовательной политики Российской империи в XVIII–XIX вв. в отношении населения северных казахских степей. Источниками изучения послужили труды и очерки участников событий. Исследование сфокусировано на изучении траекторий взаимодействия русского населения с казахским через образование, основание учебных учреждений. В качестве примера образовательной политики рассматривается Оренбургская киргизская (казахская) школа при Пограничной комиссии: обустройство, образовательные программы и численный состав. Определяется роль и значимость школы в процессе аккультурации. Приведены результаты образовательной политики, которые выразились в аккультурации казахского населения и обеспечении безопасности границ Российской империи.

Ключевые слова: Оренбургская киргизская школа, казахи, русские, Пограничная комиссия, «инородческое образование», аккультурация, Оренбург.

Внутренняя политика российской администрации на северных казахских землях в XVIII–XIX вв. решала важные исторические вопросы и проблемы между русскими поселенцами и местным казахским населением с помощью системы образования. Закладка фундамента отношений определяла в то время весь ход развития

* Исследование выполнено при поддержке Правительства Оренбургской области в рамках реализации областного гранта в сфере научной и научно-технической деятельности на тему «Оренбургская киргизская школа как центр культурной интеграции «инородцев» североказахских степей» (постановление Правительства Оренбургской области №521-пп от 16.07.2019 г.).

событий в северных землях Центрально-Азиатского региона Российской империи, а затем — и Советского Союза. На сегодня тема роли российского образования в истории современного Казахстана, в истории Оренбургской области и в истории всей России актуальна и заслуживает внимания, так как политика российской администрации имела большое значение для всех народов данного региона и дальнейшего развития тесных отношений России и Казахстана. Тема взаимодействия, в том числе посредством российского образования, находит подтверждение в активном и плодотворном сотрудничестве высших учебных заведений Северного Казахстана и Оренбургской области.

Образовательная политика стала одним из важнейших инструментов внутренней политики Российской империи на восточном направлении, так как предполагала мирную интеграцию казахского населения в состав российского общества, то есть аккультурацию. Аккультурация являлась процессом постепенного восприятия казахским населением культурных черт и ценностей у российского общества. Она не предполагала доминирование одной культуры, религии, языка, этноса, как это происходит при ассимиляции населения. Наоборот, аккультурация развивала местную казахскую культуру, казахский язык с помощью отдельных ценностей и областей русской культуры, а не заменой ее полностью. Доказательства этому изложены ниже в данной статье. Помимо интеграции, система образования вносила вклад в решение еще и таких проблем, как оседлость казахского населения, которое становилось частью российского социума в северных казахских степях. Немаловажным был вопрос и о безопасности российских границ от кочевников.

Тема системы образования для казахского населения, находящегося под влиянием Российской империи, затрагивалась еще в дореволюционной России таким крупным исследователем, как А. В. Васильев в труде «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние»¹. Также стоит отметить основательный труд Н. И. Ильминского «Воспоминания об И. А. Ал-

¹ *Васильев А. В.* Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896. 224 с.

тынсарине»², в котором дана картина образовательной политики Российской империи и показаны ее результаты в виде поколения казахской интеллигенции, строившей свое мировоззрение на принципах светского общества, а не ислама, как это было в XVIII в. К этому поколению принадлежал Ибрай Алтынсарин. Авторов дореволюционных трудов по данной теме отличает то, что они были участниками и непосредственными свидетелями политики аккультурации казахского населения.

В советский период вышел труд Т. Т. Тажибаева «Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850–1869)»³, в котором была дана характеристика этому крупному образовательному учреждению казахов в дореволюционный период.

Современный взгляд на образовательную политику дореволюционной России в северных казахских землях просматривается в работе Д. Н. Денисова «Исторические мечети Оренбурга»⁴. Автор приходит к выводу, что именно религия была проводником образовательной политики, которой Россия активно использовала. В монографии В. Г. Семенова и В. П. Семеновой «Губернаторы Оренбургского края» представлен анализ действий политики российской администрации в области образования казахского населения⁵. Однако вопросы функционирования конкретных учебных заведений для казахов, проблемы образования казахского населения и конфессиональная интеграция в трудах современников представляются требующими уточнения.

Целью данной статьи является выявление этапов образовательной политики Российской империи в северных казахских степях, роли Оренбургской киргизской школы и результаты ее работы.

В XVIII в., когда был заложен Оренбург, встал вопрос о выборе политики, которая смогла бы закрепить российское присутствие в но-

² Ильминский Н. И. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. Казань, 1891. 396 с.

³ Тажибаев Т. Т. Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850–1869). Алма-Ата, 1961. 39 с.

⁴ Денисов Д. Н. Исторические мечети Оренбурга. // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в.–1917 г.). Казань, 2006. С. 53–72.

⁵ Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. 400 с.

вых землях⁶. С этого времени начались тесные контакты русских с местным населением, которое в большинстве своем было кочевым. Опасность набегов кочевников вынуждала администрацию губернии принимать и военные меры, но стоит сказать, что это требовало больших материальных затрат, не говоря уже о людских ресурсах. Поэтому был выбран путь установления контактов с местным населением и его мирной интеграции. Образование выступило как качественный и действенный метод интеграции и взаимодействия, поэтому политика в отношении казахского населения начинает строиться через образовательную призму. Таким образом, был выбран вектор взаимодействия колонистов и местного населения. Это стало на многие годы приоритетной задачей российской администрации в данном регионе. Решение такого масштабного вопроса зависело от количества учебных заведений и образовательных центров для казахского населения.

Вопрос об образовательных учреждениях решался практически сразу после основания Оренбурга и переселения русских колонистов. Организацией первых школ на Урале стал заниматься русский историк, государственный деятель Василий Никитич Татищев. Однако стоит сказать, что такие «школы» были в частных домах, без какого-либо школьного инвентаря и специального персонала. Прежде всего, такая ситуация объяснялась материальными трудностями и процессом освоения новых территорий, которые еще только предстояло заселять переселенцами. Необходимость образования инородцев В. Н. Татищев объяснял тем, что дети мурз, старейшин и прочих глав племен должны учиться русской грамоте, только так местное население сможет мирно взаимодействовать с русскими, а в дальнейшем даже принять православие. Грамотных иноверцев В. Н. Татищев предлагал уравнивать с русскими дворянами. В. Н. Татищев ратовал за образование в провинции, и именно его начинания стали прологом дальнейших преобразований в Оренбургской губернии⁷.

⁶ Желваков Н. А. Хрестоматия по истории педагогики. М., 1936. Т. IV: История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции. 516 с.

⁷ Кузьмин А. Г. Татищев. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 102.

Образование казахов оставалось открытым вопросом вплоть до конца XVIII в., до губернаторства в Оренбурге барона Осипа Андреевича Игельстрома, который обращал особое внимание на образование казахов и образ жизни кочевников, открывал мечети⁸. В 1785 г. в Оренбурге на Меновом дворе, где был как торговый, так и культурный обмен между русскими и казахами, была основана крупная мечеть, ставшая культурно-образовательным центром для местного населения. Работники мечети работали на российскую администрацию и были полностью обеспечены с ее стороны. Цель этой мечети сводилась не только к культурному влиянию российского присутствия, но и к изменению образа жизни казахов, которые переходили к оседлому образу жизни, что обуславливало их вступление в российское общество⁹.

Растущее число местных торговцев и казахов, селившихся рядом с Меновым двором, побудило О. А. Игельстрома к постройке школы при мечети: «Училище открыть в непродолжительном времени и наполнить число недостающих при Оренбургской мечети положенных в штате мечетных служителей <...> второе — публиковать во все киргизские Меньшей орды роды, что Ее Императорское Величество, попечаясь всемилостивейше о просвещении народа их, указала учредить при здешней мечети для детей их школу...»¹⁰. Такой шаг значительно увеличивал результаты аккультурации и привлекал большое количество казахов поселиться рядом с учебным заведением.

Школы (магометанские) при мечетях делились на два вида: мектебы и медресе. Мектебы — это начальные духовные школы при мечетях, задача которых была обучить воспитанников таким элементарным знаниям, как чтение и арифметика, а также самой религии — исламу. Медресе — это духовные училища, которые были отделены от мечети. Воспитание в медресе велось по религиозно-нравственной линии, а также в медресе готовили духовных наставников. Здание медресе должно было быть просторным и порядочным, как мечеть. Поэтому строительство медресе было редким явлением для начала XIX в. в Оренбургской губернии. Сами верующие отлично понимали

⁸ Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края... С. 43.

⁹ Денисов Д. Н. Исторические мечети Оренбурга... С. 53–72.

¹⁰ Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края... С. 45.

дороговизну медресе, сравнивая ее строительство со строительством мечети¹¹. Можно сказать, что в конце XVIII — начале XIX в. существовали небольшие училища и школы при мечетях. Обучение имело, конечно, религиозный уклон, но не исключало занятие и точными науками. Преподавателями здесь выступали татары, близкие по вероисповеданию к казахам. Ситуация изменилась в качественно лучшую сторону, к середине XIX в. Именно тогда губернатором Оренбурга был Владимир Афанасьевич Обручев, который уделил огромное внимание образовательной проблеме казахского населения¹².

Положение об открытии школ для киргизских детей при Оренбургской пограничной комиссии было утверждено 14 июня 1844 года¹³. С этого момента начинается история Оренбургской киргизской школы, которой суждено было играть большую роль как в качестве образовательного и идеологического центра для новых верноподданных России, так и для самих казахов, которые до этого не знали образовательного учреждения лучше. Здание школы располагалось на Большой улице рядом с корпусом пограничной комиссии. Основная задача Киргизской школы состояла в подготовке специалистов для дипломатических отношений с казахами и достойных кадров в управлении. Данная школа также должна была решить проблему образования «инородцев» в относительно короткий срок путем популяризации образовательных идей у казахов¹⁴. Администрация считала, что казахи, получившие российское образование, смогут привлечь на свою сторону немало инородцев казахских степей. Внутриполитическая обстановка в казахском обществе была стабилизирована, что было решающим фактором для образовательной политики России в Оренбургской губернии. Оренбургская киргизская школа стала первым крупным образовательным учреждением для казахов.

Оренбургская киргизская школа по своему содержанию, несмотря на предназначенность для казахов, была чисто татарского типа, так как образование велось на татарском языке с опорой на татар-

¹¹ Записки Департамента Духовным Дел о магометанских школах // РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 410. Л. 8.

¹² Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края... С. 83.

¹³ Тажигаев Т. Т. Казахская школа при Оренбургской... 1961. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 6.

ские культурные ценности, а самое главное — педагогический состав был татарским, что было необычно для самих казахов. Оренбургская киргизская школа не относилась к числу магометанских, хотя имела место религиозная составляющая в обучении. Школа была основана специально для зажиточных казахских семей, которые имели авторитет среди казахского общества, а в более позднее время, когда ее популярность была очевидна, стала принимать всех желающих. Сама школа в начале своего существования была рассчитана на 30 казахских детей в возрасте от 8 до 12 лет. Заезд учеников в школу был назначен не позднее 1 августа 1850 г. Также был проведен медицинский осмотр воспитанников. Они были выходцами из различных частей орды, что обуславливало заинтересованность местных жителей в образовании: «Больше всех прибыло из Восточной части орды — 23, из них принято 20, из Западной принято 7, а из средней — 3»¹⁵.

Проблемы, связанные с Оренбургской киргизской школой, начались практически сразу после ее открытия и связаны были, прежде всего, с образовательным процессом, который велся на татарском языке. Такая практика, по мнению российской администрации, устарела и не давала решительных результатов, а иногда вызывала и противоположные эффекты, такие как религиозный фанатизм, перешедший казахам от татарских мулл. Это вызывало конфликтные ситуации с администрацией пограничной комиссии, которая требовала преподавания на казахском языке¹⁶.

Однако кардинально и в короткие сроки изменить ситуацию с преподаванием в Киргизской школе было невозможно, прежде всего, из-за преподавательского состава, который был татарским, так как преподавателей среди казахов тогда практически не было: «...Прислуга была татарская, кушанья татарские; ученики брили голову, совершали обычные омовения, праздновали пятницу, а по воскресеньям учились магометанскому закону и татарскому языку...»¹⁷. Таким образом, киргизская школа не имела содержания, которое отвечало бы требованием российской администрации.

¹⁵ *Васильев А.В. Исторический очерк русского образования... С. 37.*

¹⁶ *Ильминский Н.И. Воспоминания... С. 14.*

¹⁷ Там же. С. 15.

Изменение ситуации началось со смены надзирателя Оренбургской киргизской школы, когда татарская обстановка в образовательном процессе была решительно осуждена. Началась отмена старых порядков, а именно бритье голов, которое у казахов было не популярным и неудобным, омовения стали совершаться в специальных местах, что существенно сократило риск распространения болезней и заражений, пост ураза перестал строго соблюдаться, так как вредил здоровью воспитанников в образовательном процессе. Постоянное посещение мечети по пятницам было отменено. Также началось преподавание на русском языке, изучение русской культуры, истории и самобытности, что русская администрация считала крайне важным делом. Преподавание на русском и татарском языках в школе было сбалансированным, что можно увидеть из устава образовательного учреждения, согласно которому на протяжении всего курса обучения в изучении преподаваемых дисциплин присутствовало два языка. Казахам также обучали таким точным наукам, как арифметика. Кроме того в школе была гимнастика и танцы¹⁸. Такие перемены были связаны прежде всего с изменением направления образования на казахскую культуру и язык, деятельностью Н. И. Ильминского, который занимался развитием методов преподавания и внедрением казахского языка в процесс обучения. Также можно сказать, что такие процессы в образовании были связаны со стремлением российской администрации перейти к светскому уклону в образовании.

В 1857 г., когда прошел первый выпуск, Оренбургская киргизская школа смогла дать результаты, желанные для России. Стоит отметить, что ученики первого выпуска застали перемены в образовании, поэтому в последующем они окажутся очень востребованными у российской администрации. Выпускники стали талантливыми учителями, посредниками между русским и казахским обществами и верноподданными Российской империи. Именно они оказались основными проводниками русской политики в казахских степях. Знаменитым выпускником этой школы из первого набора был Ибрай Алтынсарин¹⁹. Именно он в будущем станет основате-

¹⁸ Васильев А. В. Исторический очерк русского образования... С. 72.

¹⁹ Ильминский Н. И. Воспоминания... С. 20.

лем народных школ и просветителем казахского народа. Благодаря ему казахи существенно сблизятся с российским обществом через образование.

Результат был успешным, и новый набор учеников начался в 1859 г. Информация о новой школе и перспективах иметь уважаемое и выгодное место в обществе по ее окончании быстро распространились по бескрайним степям. Число желающих учиться «инородцев» стремительно возросло. Школа вынуждена была пойти на расширение до 40 учебных мест²⁰. Выпускники такой школы обычно высоко ценились русской администрацией и занимали, как правило, высокие посты при самой пограничной комиссии и работали с местными правителями, представляя российскую сторону. Оренбургская киргизская школа активно выполняла образовательные задачи России в северных казахских степях. Для местных «инородцев» учеба в таком перспективном заведении означала становление и рост карьеры, приобщение к европейско-русской культуре и высокую потребность у российской администрации в качестве незаменимых кадров.

Таким образом, можно утверждать, что проект российской политики образования «инородцев» в лице Оренбургской киргизской школы при пограничной комиссии увенчался небывалым успехом для того времени. Однако такая школа в то время была практически единственным организованным местом обучения. Нехватка учебных мест в школе при большом количестве желающих вызывала досаду у местных органов власти, в частности у пограничной комиссии. Для закрепления результата требовалось создание новых учебных заведений. Такая идея требовала колоссальных затрат, но была необходима для дальнейшей успешной интегративной политики России в отношении «инородцев».

В конце XIX в. открылся ряд школ, менее роскошных и дорогих, чем Оренбургская киргизская школа. Однако это было продолжением политики аккультурации местного населения. Если центр русского обучения «инородцев» до начала 1860-х годов находился в Оренбурге, то в последующие годы скромные «инородческие школы» на 10–20 человек начали открываться в различных местах:

²⁰ *Васильев А. В. Исторический очерк русского образования... С. 52.*

«в Троицке, Оренбургском укреплении (ныне Тургай), Уральском укреплении (ныне Иргиз) и еще где-то...»²¹.

Сеть школ с четырехклассным обучением имела стандартизированное обучение на казахском и русском языках, которое выражалось в школьных программах, в серии учебников, словарей и художественных книг, а также в нормированном регулярном материальном снабжении в размере 2000 рублей. Среди учеников стали появляться также русские, но они, как правило, составляли меньшинство. Мусульманский уклон в образование был постепенно снижен, что обуславливалось необходимостью светского образования среди казахов. Преподавателями в таких школах были уже в основном казахи, выученные либо в Оренбургской киргизской школе, либо в других пореформенных школах. Школы открывались не только в укреплениях и крепостях. Появился такой вид школ, как аульные, что в разы облегчало образовательный процесс и способствовало укреплению российской политики в данном регионе. Выходец из аула после обучения в подобных школах возвращался в родные места и преподавал уже там, обычно на дому. Такой метод обучения обусловил заметное влияние казахской интеллигенции на местное население. Стоит отметить, что в конце XIX в. появились и женские школы. Преподавание в них велось сбалансированно — как на русском, так и на родном языке²².

Можно сделать вывод о том, что образовательная политика Российской империи в отношении казахского населения стала приоритетной для российской администрации в северных казахских степях. Это выражалось прежде всего в мирных отношениях русских переселенцев к местным казахам через образование и сосуществование еще с начала основания Оренбурга в XVIII в., а не через выбор военного пути. Можно сказать, что аккультурация предотвратила военную угрозу со стороны казахского населения в XVIII в. Выдающимися деятелями образования были В. Н. Татищев, О. А. Игельстром, В. А. Обручев, И. А. Алтынсарин и др. Важным явлением в аккультурации казахов стала Оренбургская киргизская школа, которая по праву считалась центром российской образовательной политики в север-

²¹ *Васильев А. В.* Исторический очерк русского образования... С. 67–69.

²² Там же. С. 99–100.

ных казахских степях, принесла положительные результаты. Результативность такого рода политики в отношении местного населения была высокой для того времени, что выражалось в большом спросе на образование. Основание новых учебных заведений для «иностранцев» было острой необходимостью и, следовательно, вопросом времени. Россия получила образованную казахскую интеллигенцию, которая обеспечивала поддержку российской администрации, работая в ней. Однако в силу зарождения интеллигенции ее количество было незначительным, если принимать во внимание количество принимаемых воспитанников в Оренбургскую киргизскую школу и менее крупные образовательные учреждения при укреплениях и в аулах. Образование казахского населения в конце XIX в. вступило на новый этап качественного развития, подразумевая высокую популярность среди местного населения, дальнейшее активное взаимодействие с российским обществом и постепенное вхождение в него.

Е. П. Тепикина

Новосибирский государственный педагогический университет

«Да и правда — я красива»: представления о женской красоте в автобиографических текстах русских интеллектуалов второй половины XIX в.

Статья посвящена исследованию представлений о женской красоте в автобиографической литературе деятелей русской интеллектуальной элиты второй половины XIX в. На базе изучения эго-текстов раскрыто влияние процесса эмансипации на восприятие и отношение к женской внешности в период либеральных реформ, охарактеризован «новый» женский идеал красоты, возникший под влиянием идей феминизма, нигилизма, эмансипации. В исследовании указаны слова-маркеры, обозначающие критерии внешней красоты женщины «нового» типа.

Ключевые слова: красота, эмансипация, женский идеал, автобиографические документы, интеллектуалы.

Для всестороннего понимания процесса эмансипации, эволюции женского идеального образа эпохи представляется актуальным выявить изменения в представлениях о женской красоте как составной части женского идеала, в частности влияния «новых» идей на внешность и, в свою очередь, влияние внешности на идею эмансипации для женщины второй половины XIX в.

Цель исследования — охарактеризовать женский идеал красоты, представленный в эго-текстах русских интеллектуалов второй половины XIX в. В качестве источников были привлечены воспоминания представителей интеллектуальной элиты второй половины XIX в. Для выявления образа женщины нового типа были отобраны мужские и женские автобиографические документы активных участников общественной жизни эпохи: мемуаристов (Т. Л. Щепкина-Куперник, А. Я. Панаева, С. В. Ковалевская и др.), писателей (Е. П. Кавелина,

А. И. Скребницкий, И. А. Гончаров, В. Г. Короленко), революционеров (например, В. Н. Фигнер), ученых (М. М. Стасюлевич), участниц женского движения (Е. Д. Дубенская, Н. В. Стасова). Для исследования привлечены ранее неопубликованные автобиографические тексты (например, М. С. Скребницкой, Е. Д. Дубенской, В. Ф. Торгут, Е. А. Морозовой, Н. В. Стасовой).

Для второй половины XIX в. характерен рост популярности женского движения и постановка «женского вопроса» в русской периодической печати, усилившихся именно в пореформенное время благодаря эмансипационным процессам, вызванным либеральными реформами 1860–1870-х годов. Данная эпоха характеризуется изменением положения женщин в русском социуме, сменой ценностных ориентиров по отношению к женщине, ее роли в семье, обществе. Для женщин появилась возможность поиска своего места в профессиональной сфере и создания новой поведенческой модели, как в общественной, так и приватной жизни, что нашло свое отражение в мемуаристике.

Красота — важнейшая категория культуры. Понятие красоты близко к понятию прекрасного, с той разницей, что последнее является абсолютной степенью красоты¹. В понятие «красота» включены такие критерии, как качества, действия, состояния. Наряду с эстетическим понятием красоты (как набора физических параметров), существует этический аспект, который описывает красоту, как набор личностных характеристик, как некий нравственный идеал, как одобрительную оценку «поступков и отношений», что отражено в трудах Ю. М. Лотмана, О. В. Дивненко, О. В. Буткевич и др.².

Во все времена придавалось особое значение женской красоте. Исследователи различных областей пытались дать определение, выделить характеристики для оценки идеала красоты. Создавали «красивые» портреты, описывали красивых людей в литературе. Рассматривали влияние литературных текстов на становление личности,

¹ Буткевич О. В. Красота: природа, сущность, формы. Ленинград, 1979. С. 5; Черкашина Е. А. Концепт «красоты» в русском языке // Таганрогский институт имени А. П. Чехова, 2014. С. 39–40.

² Буткевич О. В. Красота: природа, сущность, формы... С. 5–48; Дивненко О. В. Эстетика. М., 1995. С. 3–39; Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.). СПб., 2001. С. 317–321.

создание идеала красоты такие исследователи, как И. Л. Савкина, Т. Лукман, О. Н. Евдокимова, а также А. И. Рейтблат, Д. Мацкевич³.

Чаще всего красота рассматривалась (как характеристика описания) в большей степени применительно к женщине, реже к мужчине. Само стремление к красоте, к улучшению своей внешности вполне естественно для женщины. Изучение данного феномена опирается на публикации В. Н. Панферова, В. А. Лабунской, Д. В. Погонцевой и ряда других авторов, так или иначе затрагивавших проблему восприятия и оценки внешнего облика «другого»⁴. В исследованиях рассматриваются особенности представлений о внешнем облике как «я для себя» и «я для другого», что отражает общую тенденцию к изучению феномена красоты через категорию внешнего облика. Данный сюжет исследовала Н. Л. Пушкарева, указавшая влияние эпохи на отношение общества к идеалу красоты⁵.

Исследование мемуарных текстов дает возможность выделить ряд компонентов, из которых складывается женский идеал второй половины XIX в. Прежде всего, это внешний вид женщины. В истории изучения «эстетического идеала», образа в мемуаристике наиболее полезны исследования Г. Г. Елизаветиной и В. П. Трыкова, описывающих портретные образы женщин изучаемого периода⁶.

³ *Евдокимова О. Н.* Литература и история // Исторические процессы в творческом сознании русских писателей XIII–XX вв. СПб., 1992. С. 15–330; *Bергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 144–175; *Савкина И. Л.* «Пишу себя...» // Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. Тампере, 2001. С. 56–355; *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 127–143; *Мацкевич Д.* Заметки о женщинах // Мужские вопросы на женский вопрос в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. Тверь, 2005. Т. 1. С. 63–113.

⁴ *Лабунская В. А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону, 2009. С. 126–134; *Погонцева Д. В.* Красивая женщина: социально-демографический анализ представлений // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 73–82.

⁵ *Пушкарева Н. Л.* Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002. С. 56–105.

⁶ *Елизаветина Г. Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров. М., 1982. С. 153; *Трыков В. П.* Французский литературный портрет XIX в. М., 1999. С. 56–61.

В автобиографических текстах развернутое описание внешности заменяется частичным, многократно «рассыпанным» в тексте, но сохраняющим целостность изображения внешности и во фрагментах. Порой для воссоздания образа достаточно наметить его место в потоке семейной жизни, почему и была привлечена исследовательская литература по семейной тематике — О. Ю. Захаровой, Л. В. Беловинского и т. д.

Описание внешности героини в мемуарах появляется редко и как бы случайно, как, например, встречаем у Т. П. Пассек: «Бесцельно бродила по комнатам, останавливалась перед зеркалами, любовалась своим свежим румянцем, карими глазами, тоненькой талией, сама себе улыбалась»⁷. Гораздо чаще в текстах женщины говорят о себе не прямо, а косвенно, характеризуя себя через значимых других. В большинстве женских текстов собственная жизнь героини рассказана как часть истории семьи, где преемственность семейных традиций определяла модель поведения человека в целом. Поэтому такие оценки портретируемых, как «заботливая мать», «верная жена», «хорошая хозяйка», представляют важные для женской роли.

Как и большинство мужчин-писателей, симпатизировавших женской эмансипации, А. И. Герцен видел возможность женской самореализации в ограниченном круге традиционных женских так называемых «призваний», беспокоясь, как бы эмансипация не разрушила главные патриархальные символы женственности: «фацию, прелесть, кротость и любовь»⁸. Сюда стоит отнести и «красоту», поскольку неоднократно в мужских мемуарных текстах подчеркивалась как достоинство именно женская красота. «Не расставались» с этой характеристикой и женщины-писательницы. М. К. Башкирцева не раз отмечала свою привлекательность, так же, как и Е. И. Жуковская, считавшая женственность и красоту одними из главных достоинств: «Весьма красивая, хорошо воспитанная, отличная музыкантша, она не утратила мягкости манер, женственности и имела даже склонность к кокетству, несмотря на то, что была невеста»⁹.

⁷ Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания: в 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 278.

⁸ Киреевский И. В. О русских писательницах // Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 104.

⁹ Жуковская Е. И. Записки. Воспоминания. М., 2001. С. 4.

Иначе к понимаю красоты подходила В.Н. Фигнер: «Отборная компания, импониравшая и личными достоинствами, и образованием, и своей внешностью. Благодаря такому составу военная организация могла рассчитывать на успех»¹⁰. В понятие «красота» писательница включала, помимо внешних данных, интеллектуальную красоту, уверенность. Мемуаристка подняла актуальный вопрос, а именно, что под внешностью светской обворожительной дамы должна скрываться «литературная труженица», последовательно проводившая во всей своей работе идеи демократов-шестидесятников. Данную идею поддерживала и Е. И. Конради — сторонница борьбы за демократические идеалы, за права русских женщин на образование, труд, равный с мужчинами.

Внешние характеристики отодвигались на второй план, эмансипированных женщин интересовал вопрос об идеях преобразования женских «призваний», интеллекте, что неоднократно отмечалось в текстах общественных деятельниц Т.Л. Щепкиной-Куперник, Н.В. Стасовой¹¹. «Я не хочу, чтобы думали, что, окончив ученье, я только и буду делать, что танцевать и наряжаться», — вспоминает М.К. Башкирцева¹². Для активисток эмансипационного движения, к примеру для Е.Д. Дубенцкой, «новая» женщина была идеалом добродетели, которой суждено противостоять «хаосу» истории и помочь осознать, что общественная эволюция определяется не биологическими, а историческими закономерностями¹³. Таким образом, «красота» выходила за рамки традиционного понимания женской эстетики как исключительно внешнего и духовного внутреннего фактора. «Писательницы» включали в данное определение идеи своего жизнеустройства. В это время «новая» женщина (ее идеал, к которому должна стремиться каждая) в мужских текстах обязательно обладает крепким физическим и умственным здоровьем. Непре-

¹⁰ Фигнер В.Н. Запечатленный труд: Воспоминания: в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 348.

¹¹ Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Ф. 294. Ед. хр. 3147. Л. 5; Ф. 346. Ед. хр. 68.

¹² Башкирцева М.К. Дневник Марии Башкирцевой / пер. с фр., под ред. Л. Я. Гуревич. М., 2001. С. 20–21.

¹³ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-322. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 4.

менным ее атрибутом является образование. Мужчины-мемуаристы В.Г. Короленко и А.В. Никитенко создали образ внешне привлекательной героини, которая современна, отвечает запросам публики: женщина нового типа интеллектуальна, красива¹⁴.

Среди мужских текстов встречаются строки, отражающие представления об эмансипированных женщинах и их красоте. Авторы этих строк указывали, что женщины, кричащие о равноправии, о своей значимости в общественных делах, — это женщины, которые не преуспели в личной жизни, женщины, чьи внешние данные не соответствуют идеалу красоты, поэтому им только и оставалось, что вступать в ряды женского движения, где они смогли бы хоть как-то себя реализовать. «И красота женщины служит поэтому лучшим мерилom прямизны и искренности мужских отношений. В действительной жизни только красивые женщины возбуждают в мужчинах доброжелательство и готовность помогать женщине, служить ей, развивать ее. К безобразным развиватели холодны», — писал Н.В. Шелгунов¹⁵.

Интересны воспоминания А.Г. Достоевской: «Приятельницы мои уверяли меня, что я страшно состарилась за эти четыре года, и упрекали, зачем я не обращаю внимания на свою внешность, не одеваюсь и не причесываюсь по моде. Соглашаясь с ними, я, тем не менее, не хотела ни в чем изменяться. Я твердо была убеждена, что Федор Михайлович любит меня не за одну внешность, а и за хорошие свойства моего ума и характера»¹⁶. Точка зрения, что наряду с внешними данными женщина должна обладать характером, отражена и в мужских текстах, несмотря на более частные упоминания и описания женской внешности: «Не желая рисоваться перед кем бы то ни было на свете, а положила руку на сердце, в полном сознании высказываемой правды, я могу заявить, что вся моя пройденная жизнь конкретизируется в двух словах: красота и польза», — писал В.А. Соллогуб¹⁷. Однако, к примеру, та же А.Г. Достоевская бичевала себя на страни-

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1006. Д. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 396; *Никитенко А.В.* Записки и дневник. М., 2005. Т. 1. С. 6.

¹⁵ *Шелгунов Н.В.* Русские идеалы, герои и типы. Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова. М., 1989. С. 4.

¹⁶ *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 30.

¹⁷ *Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Ленинград, 1988. С. 251.

цах дневника за то, что посмела обидеться, когда Федор Михайлович заметил ей, что она вышла в прохудившихся перчатках. Итак, в мемуарах отражены противоречивые оценочные взгляды на отношение к внешности как со стороны общества, так и со стороны самих женщин. Эмансипированные женщины-писательницы относились к внешнему виду больше с традиционной принятой позиции. «Любя так красоту, мне оттого и бывает так неприятно сознавать, что я старею и дурнею. Мне не нужна свежесть и молодость для каких-нибудь флиртов, а просто потому, что я знаю, насколько все: старики, дети, женщины, мужчины — ласковее и добрее относятся к молодому и красивому существу, чем к старому и безобразному», — писала Т. Л. Сухотина-Толстая¹⁸.

Тема сопоставления внешности и эмансипационных идей раскрыта в эго-текстах Е. А. Штакеншнейдер. Елена Андреевна страдала с рождения заболеванием суставов, что обрекло ее на одиночество в личной жизни. Мемуаристка довольно открыто пишет о том, что, не получив реализации в частной жизни, она приложит все усилия для того, чтобы быть полезной в публичной деятельности: «Выбора мне нет, если бы могла я сделаться женою или матерью, я бы не стала писать, но двери этого прямого пути женщины мне закрыты»¹⁹.

Резюмируя, стоит сказать, что в привлеченных текстах авторы рассматривали красоту, как производимое на себя и других впечатление, акцентируя внимание как на внешние данные, женственность, так и на духовно-нравственные качества. При этом женщины стремились дополнить традиционные представления о красоте идейными составляющими, которые бы повысили их социальный статус, позволили выступать в качестве экономически и социально независимой личности. К женскому идеалу красоты, помимо внешних данных, мужчины-мемуаристы относили и такие этические категории, как добро, благо, достоинство и честь, которые традиционно в ряде эго-текстов, приписывались красивым людям.

Стоит заметить, что женщины-мемуаристки отводили подчиненное место как частной, приватной жизни, романтическим пережи-

¹⁸ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания / сост. вступ. и примеч. А. И. Шифмана. М., 1980. С. 204.

¹⁹ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. М., 1934. С. 38.

ваниям, так и внешности. Они делали акцент на общественных достижениях, на образовании, на умственных способностях, на поведенческих моделях в обществе и стратегии своего поведения. Мужчины-писатели сочетали в эстетическом образе женщины «нового» типа и черты уверенной женщины-интеллектуалки, занимающейся благотворительностью, возглавляющей литературные салоны, и черты традиционные — красавицы, любящей жены, матери, домохозяйки, которым также отводилась главенствующая роль в общей картине их представлений о красивой женщине эпохи.

Таким образом, отвечая на вопрос, поставленный в начале исследования, приходим к выводу, что влияние идей эмансипации на внешность произошло для мужчин и женщин в разной степени: женщины стали писать о своей эстетике в рамках традиционной культуры, оставляя внешние данные в тени, пытаясь доказать обществу возможность достижения успеха в публичной жизни без учета «эстетики», мужчины же внешнюю красоту прибавили к достоинствам и критериям идеала женщины «нового» типа. Однако, проанализировав привлеченные автобиографические тексты, не возможно не отметить, что женщинам, чьи эстетические данные соответствовали идеалу красоты эпохи, оценены и отмечены мужчинами, было проще писать и отстаивать «новые» идеи, тем самым, вписывая себя в идеал изучаемой эпохи.

А. М. Юрина

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Визуальный ряд старообрядческого печатного издания «Малый Соборник»

В статье охарактеризованы иллюстрации, аппликации и рисунки эсхатологического характера, помещенные в старообрядческое печатное издание «Малый Соборник» его читателями — жителями томско-чулымского таежного скита. В ходе исследования установлено, что указание в качестве места выхода книги Почаевского Свято-Успенского монастыря не соответствует действительности, и, судя по маркировочным знакам бумаги, временем ее издания следует считать последнюю треть XIX в. Анализ техники исполнения визуального ряда, предполагаемых источников и смысловых связей с включенными в книгу текстами позволил показать народно-православный пласт старообрядческой культуры, продемонстрировать отход от традиционного иконографического канона в изображении Страшного суда и актуальность идеи «конца времен» для сибирских пустынножителей XX века.

Ключевые слова: Малый Соборник, старообрядчество, визуальный источник, Страшный суд, эсхатология.

Исследователями давно установлено, что древние рукописные и старопечатные книги стали для староверия основой, на которой формировались идеология и социальные практики конфессий¹. Именно в этом ключе сегодня принято рассматривать важный аспект ее самобытной книжной культуры — старообрядческое книгопечатание. В настоящее время реконструированы его основные этапы², но по-прежнему

¹ *Покровский Н.Н.* О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. 1973. Вып. 14. С. 19–40.

² *Починская И.В., Мангилев П.И., Ануфриева Н.В.* Рукописные и старопечатные книги кириллической традиции: изучение, описание, хранение: учеб. пособие. Екатеринбург, 2010. С. 372–418.

му остается открытым вопрос о том, какое место занимали такие издания в кругу чтения разных старообрядческих согласий и толков. В связи с этим особый интерес могут представлять экземпляры, входившие в состав общинных библиотек и сохранившие следы активного чтения. Их изучение способно показать особенности вероучения локальных общин и рассмотреть приемы, с помощью которых книга становилась материалом для визуализации их религиозных представлений.

В настоящей статье эти задачи решаются на основе «Малого Соборника»³ — сборника сочинений эсхатологической направленности⁴, изданного анонимной старообрядческой типографией в последней трети XIX в. Экземпляр находился в числе кириллических книг и рукописей, переданных в Научную библиотеку Томского государственного университета томско-чулымской скитской общиной староверов-странников⁵. Его отличительной чертой является созданный читателями книги иллюстративный ряд — сопровождающие тексты аппликации и рисунки. Это позволяет считать томско-чулымский экземпляр «Малого Соборника» историческим источником, с помощью которого возможно детализировать представления сибирских пустынножителей о «последних временах», Страшном суде и посмертной участи праведников и грешников.

Атрибутировать входящие в книгу сочинения в системе уставных чтений помогли исследования о четьих сборниках⁶, публикации В. П. Адриановой-Перетц, А. В. Вознесенского, И. М. Грицевской и В. В. Кускова⁷. Анализ ее визуального ряда основан на моногра-

³ НБ ТГУ. ОРКП. В-27247. Малый Соборник. [Почаев], [б.д.]. 217 л.

⁴ Эсхатология — система религиозных взглядов и представлений о «конце времен», искуплении, загробной жизни.

⁵ См. подробнее: *Бахтина О. Н., Дутчак Е. Е., Есипова В. А.* «Скитская библиотека» старообрядцев-странников (археографические находки последних лет) // *Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте*. Новосибирск, 2008. С. 13–25; *Дутчак Е. Е., Васильев А. В., Колосова Г. И., Сербина Г. Н.* Оцифровка как «ящик Пандоры»: исследовательские перспективы online презентации старообрядческих книжных коллекций // *Вестн. Том. гос. ун-та. История*. 2017. № 48. С. 38–43.

⁶ Четьи сборники Древней Руси // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л., 1985. Т. 39. С. 236–273.

⁷ *Адрианова-Перетц В. П.* К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 3–29;

фии В. К. Цодиковича, посвященной иконографии «Страшного суда» и подробно раскрывающей как полную композицию, так и отдельные сюжеты иконы⁸. Работы М. Г. Давидовой и Н. В. Покровского позволили проследить историю возникновения иконы «Страшный суд», понять символику и обратить внимание на источники, повлиявшие на ее сюжет⁹.

При изучении «Малого Сборника» возник ряд вопросов, в том числе, касающихся его характера и целевого назначения. Входящие в состав книги сочинения посвящены Второму пришествию Иисуса Христа, описанию антихриста и «последних времен»: «Слова» Кирилла Александрийского, Ефрема Сирина, Ипполита Римского, «Повесть о Феодоре купце» и др. Большинство из них обычно читается в неделю мясопустную, или неделю о Страшном суде¹⁰, и направлено на духовное совершенствование. Поэтому «Малый Сборник» можно поставить в один ряд с древнерусскими сборниками со схожим составом, тоже связанными с церковным календарем, такими как «Сборник», также «Большой Сборник», «Рай», «Златоуст», «Триодный торжественник», «Измарагд» и др.

При этом необходимо учитывать, что в старообрядческой книгоиздательской традиции сочинения эсхатологической тематики, как

Грицевская И. М. Древнерусский монастырский четый сборник: вопросы терминологии и классификации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8. С. 15–26; *Она же.* Чтение и четьи сборники в литературной культуре русских монастырей XV–XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2013. 44 с.; *Круг чтения древнерусского книжника XVII века: сборник / сост., предисловие, перевод и коммент. В. В. Кускова; под общей ред. И. В. Дергачевой. М., 2013. 340 с. Вознесенский А. В.* Старообрядцы и их книгопечатная деятельность: Проблемы изучения // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2016. Т. 64. С. 538–546.

⁸ *Цодикович В. К.* Семантика иконографии «Страшного суда» в русской иконописи 15–16 вв. Ульяновск, 1995. 296 с.

⁹ *Покровский Н. В.* Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI археологического съезда в Одессе. Т. III. Одесса, 1887. С. 285–382; *Давидова М. Г.* Иконы «Страшного Суда» XVI–XVII вв. Пространство художественного текста [Электронный ресурс] // Сайт «Образовательный портал „Слово“». URL: https://www.portal-slovo.ru/art/35909.php?ELEMENT_ID=35909&PAGEN_1=4 (дата обращения: 04.06.2019).

¹⁰ Неделя мясопустная, также Неделя о Страшном суде, — третья из четырех подготовительных недель к Великому посту.

правило, публиковались в составе «Цветников». В частности, в каталоге А. В. Вознесенского указаны книги (№ 35, 66, 88а, 95, 160, 174, 181, 200) с аналогичным «Малому Соборнику» набором текстов¹¹. Однако старообрядческого издания, идентичного нашему экземпляру, в справочной литературе не обнаружено. Это позволяет предположить, что причины появления сборника с таким составом в дальнейшем следует искать в событиях последней трети XIX в.

Не менее сложным оказывается решение вопроса о времени и месте издания книги. Выходные данные на л. 205 говорят, что «Малый Соборник» был отпечатан в «типографии Почаевской». Год выхода книги не указан, но маркировочные знаки бумаги — штемпели фабрик В. Говарда (год применения — 1874) и Г. Козловой (1860 и 1874 г.)¹² — позволяют датировать ее последней третью XIX в. Однако исследователями установлено, что типография Почаевского Свято-Успенского монастыря прекратила печатать книги для староверов почти столетием раньше¹³. Упоминания о ней примечательны еще и тем, что не всегда изданные здесь книги имели верные указания на дату выхода, а название типографии могло использоваться для придания авторитетности книжной продукции небольших и малоизвестных старообрядческих типографий¹⁴. Вероятнее всего, томско-чулымский «Малый Соборник» как раз относится к таким изданиям.

Главной особенностью исследуемого экземпляра является уникальный визуальный ряд. Он представлен девятнадцатью изображениями, вклеенными, подшитыми и нарисованными читателями-скитниками в XX в. Изображения различны по технике исполнения, но тематически могут быть объединены в три группы.

¹¹ Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — начала XIX века: каталог / А. В. Вознесенский. Л., 1991. 160 с.

¹² Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. С. 102, № 45; С. 104, № 92.

¹³ Починская И. В. Старообрядческое книгопечатание XVIII — первой четверти XIX веков. Екатеринбург, 1994. С. 48–50; Кириллические издания старообрядческих типографий... С. 8.

¹⁴ Ковальчук Г. И., Заболотная Н. В. «Почаевский проект»: деятельность Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского по исследованию почаевских старопечатных книг // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития. Вып. 5. 2007. С. 346.

Первая группа представлена рисунками патриархов дораскольного периода (1589–1652 гг.): Иова, Гермогена, Филарета, Иоасафа и Иосифа (лл. II об.–VI). Такой выбор не является случайным: Иов был первым московским патриархом, а Иосиф — последним истинным, с точки зрения староверов, главой русской церкви. Патриаршество его преемника Никона расценивалось как губительное для русского православия. Судя по технике данных рисунков, выполненных простым карандашом и черными чернилами, они были сделаны в начале XX в.

Вторая и самая многочисленная группа включает в себя восемь наклеенных цветных изображений эсхатологической тематики, отпечатанных типографским способом (лл. VII–XI об.). Анализ их сюжетов показал, что читатель использовал фрагменты иконы «Страшный суд», по-видимому, взятой из церковного календаря начала XX в.

Начнем с того, что расположение сюжетов иконы в «Малом Соборнике» отличается от принятого в иконографии. Так, на л. VII помещено трехъярусное изображение пяти ангелов, шести праведников и шести апостолов, справа от которых читатель разместил еще и трубящего ангела. Следом за ним находится аппликация, составленная из изображений Моисея с книгой, праведников, которых к вратам рая ведет апостол Петр, и обреченных на гибель народов с подрисованным фломастером огнем (л. VII об.). Эти сюжеты, соединенные в книге на одном листе, на иконе представлены в иной логике: две противоположные категории людей находятся в разных частях композиции, а Моисей располагается рядом не с праведниками, а с грешниками.

Иисус Христос на престоле в окружении Богородицы и Иоанна Предтечи и сидящими в его ногах Адамом и Евой изображены на л. VIII. Из левой руки Христа выходит молния, направленная на грешников. Ниже располагается другой престол с книгой и шестиконечным крестом, к которому фломастером подрисована перекладина. Престол окружают шесть ангелов, двое из которых держат копьё. Следует подчеркнуть, что в иконографической традиции, помимо книги и креста, на этом престоле лежат одежда Христа и орудия распятия. Кроме того, рядом обычно изображается два ангела, а не шесть.

Левая часть сюжета со Змеем мытарств, на теле которого есть названия испытаний для человеческой души перед попаданием в рай, содержится на л. VIII об. Над Змеем мы видим левую часть весов, взвешивающих добрые и злые дела, обнаженного юношу, олицетворяющего душу, архангела Михаила и трубящего ангела, призывающего грешников на суд. Внизу рядом с могильным крестом стоят на коленях воскресшие мужчина и женщина и чуть поодаль лев и огромная рыба, изрыгающие умерших. Особый интерес представляют показанные здесь же грешники, идущие от сатаны: они связаны цепью, распределены по категориям и, главное, их подгоняет палкой зеленый черт с рогами, хвостом и крыльями. Древнерусская иконография Страшного суда не знает такого сюжета, однако нечто похожее есть на картине Микеланджело «Страшный суд», только там грешников веслом подгоняет Харон.

Далее иллюстратор разместил правую часть изображения пяти ангелов (л. IX), ниже — шести праведников, в самом низу — шести апостолов, также как и на л. VII.

Коллаж из 15 поясных фигур грешников в огне находится на л. IX об. Все они показаны в разных позах, с разным положением рук, но семантическое единство изображения достигается поясняющими подписями — «пьяница», «ростовщик», «блудник» и др.

Изображение правой части сюжета со Змеем мытарств помещено на л. X. В его верхней части мы видим беса рядом с весами и контуры трубящего ангела (само его изображение перенесено на л. VII); в середине — могилы и восставшие из них люди; внизу — продолжение колонны грешников, начинающейся на л. VIII об. В правом нижнем углу листа изображена голова чудища — персонификации ада. Из его пасти выходит огонь, в котором сидит сатана. У него на коленях — Иуда с мешочком¹⁵, а от лапы тянется цепь, связывающая его с идущими грешниками.

Далее художник-иллюстратор разместил выполненный красками рисунок грешников в огне, сатаны и скелета с косою — символа смерти (л. X об.). Здесь обратим внимание на надписи полууставом: «Потечет от востока река огненная грешников со диаволы попатит

¹⁵ По легенде, Иуда продал Иисуса Христа на суд за тридцать серебряников. В мешочке у него, видимо, лежат именно эти деньги.

в вечной муце» и «вторая смерть вечная мука», — которые требуют в дальнейшем изучения представлений староверов-скитников о «большой» и «малой» эсхатологии.

Аппликацией является черно-белое типографское изображение Небесного Иерусалима на л. XI, составленное из четырех фрагментов. Соединенные вместе, они представляют большое здание с колоннами, окруженное деревьями, которые читатель сам раскрасил акварельными красками. По-видимому, в имеющемся в распоряжении иллюстратора календаре изображение рая отсутствовало, и пришлось взять этот фрагмент из другого источника. О важности для старовера-скитника именно этой композиции, говорит следующий, тематически связанный с ней читательский рисунок — трапеза святых (л. XI об.).

Это еще раз подтверждает, что представленная в «Малом Сборнике» интерпретация «Страшного суда» выходит за рамки традиционной иконографии: отсутствуют композиции-клейма «Лона Авраамова», «Видения пророка Даниила». Мы не видим ни милостивого блудника, ни верхнего яруса с Господом Саваофом. Полагаем, что логику представления изображений, включенных читателем в книгу, следует искать в миниатюрах старообрядческих «Апокалипсисов», находящихся в составе «Скитской библиотеки».

Наконец, третья, последняя группа, составляющая визуальный ряд «Малого Сборника», — это рисунки карандашом и чернилами на полях книги. На л. 131 изображен двурогий, похожий на козла, зверь на четырех ногах с копытами. Поскольку рисунок сопровождается надписью: «образ пастыря двурогой зверь», он может считаться прямой иллюстрацией к «Слову об антихристе» Ефрема Сирина, в котором именно таким описан данный персонаж и сказано о его приходе в конце времен в образе священника.

Три рисунка чернилами и карандашом сопровождают текст «Слова о скончании мира, антихристе и о втором пришествии» Ипполита Римского. Первый из них — явно портрет монарха, о чем свидетельствует корона, — относится к повествованию о том, что Господь явится в человеческом образе (л. 155 об.). Второй является иллюстрацией к рассказу об убийстве «малым рогом» Еноха, Илии и Иоанна Божьего. Рисунок демонического однорогого существа дополнен пояс-

нением: «Малым рогом нарицается потому что от малого племени иудейскаго что очи и уста глаголющая великая горделивая превозносится паче всякаго глаголемаго Бога» (л. 157). Происхождение и рисунка, и читательской записи следует связывать с Книгой пророка Даниила, где так названа государственная система, направленная против Бога. Смысл последнего рисунка раскрывает текст Ипполита Римского о рождении, земных делах антихриста, в том числе о прельщении христиан. Поэтому читатель изображает человека, поддавшегося пагубному влиянию, и пишет рядом: «Оставит от любви Христовы» (л. 158 об.). В целом рисунки к текстам «Малого Сборника» показывают, что внимание читателя-иллюстратора было обращено на ключевых героев текстов «Малого Сборника»: Иисуса Христа, антихриста и его «слуг».

Подводя итог, обратим внимание на следующее: наглядность оказывается востребована народным религиозным сознанием. Выделенные нами группы изображений (патриархи, Страшный суд, антихрист и его «слуги») объединены общей идеей. Так, рисунки патриархов, вероятно, служат для того, чтобы показать читателю истинность старообрядческой веры, созданная нестандартная иконография «Страшного суда» призвана продемонстрировать разную участь приверженцев «дониконовского» православия и отказавшихся от него, а иллюстрации к сочинениям раннехристианских авторов становятся средством для объяснения историко-политических событий. Это позволяет считать визуальный ряд томско-чулымского «Малого Сборника» отражением народно-православного пласта старообрядческой культуры и рассматривать художественные средства, выбранные для его построения, как специфический способ осмысления крестьянами-скитниками XX столетия эсхатологических идей, которые несла в себе христианская литература, в том числе, изданная в старообрядческих типографиях.

У. А. Гилева

*Пермский филиал национально-исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Пермь)*

Индивидуальное восприятие жителями г. Молотова праздника в годы Великой Отечественной войны

Статья посвящена вопросу восприятия личных и государственных праздников, описанных жителями г. Молотова в годы Великой Отечественной войны. На основе дневников, выявленных в фондах архивов г. Перми, проанализированы нормы праздников в годы войны. Дневники позволяют исследовать праздничную культуру через призму индивидуального восприятия в военное время. На основе записей жителей г. Молотова выделены основные аспекты праздника, определена их значимость в жизни человека в военное время.

Ключевые слова: праздники, дневники, праздничная культура, Великая Отечественная война, тыл, застолье, работа.

Существует множество праздников, в которых принимают участие практически все группы населения. Появление праздников непосредственно связано с потребностью людей в смене привычного ритма жизни, обремененного тяжестью труда, а также с событиями, важными для общества. По мнению К. Жигульского, празднование всегда происходит в четко определенных, соответствующих данному событию ритуализированных формах, имеющих место и оформление¹.

После революции 1917 г. протекал процесс складывания новых традиций, которые оформились к 1940-м годам. Советский человек усваивал новые практики и культуру празднований, формируемые властью. Возможно, в каждой семье, кроме государственных праздников, существовали свои традиции, формы празднования, переходящие из поколения в поколение. Для каждого человека ценность

¹ Жигульский К. Праздник и культура. М., 1985. 336 с.

праздника была различной, даже государственные праздники отмечались по-разному, хотя государство задавало определенную структуру празднования, публиковало пособия по их организации и проведению. Война изменила нормы празднования, некоторые авторы в своих дневниках сравнивали военные празднования с довоенными, ностальгировали.

Изучением праздников, их спецификой и классификацией занимались многие отечественные и зарубежные исследователи. В монографии А.И. Мазаева «Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования» обращено особое внимание на понятие праздника в различные исторические и культурные периоды, выделены функции и особенности праздничной культуры². А.И. Мазаев рассматривает празднование Великой Французской революции и Октябрьской революции сквозь призму массового праздника.

Исследованием в области официальной праздничной культуры занимался В.А. Руднев в книге «Советские обычаи и обряды»³. Автор описывает конструирование советских семейных праздников, среди которых наряду со свадьбой, днем рождения были также праздники «Красного» календаря.

Зарубежными исследователями по истории праздничной культуры и формированию праздников являются Мальте Рольф и Эрик Хобсбаум. М. Рольф описал историю создания и функционирования советских праздников в 1918–1941 годах⁴. Автор книги дал определение понятию «праздник», сравнивая его с «ритуалом», подробно остановился на описании Первого Мая как первого официального большевистского массового праздника. В исследовании Э. Хобсбаума «Изобретение традиций» рассмотрен вопрос о том, как изобретаются праздничные традиции и почему некоторые усваиваются обществом, а другие, наоборот, не принимаются⁵. Автор подробно анализирует

² *Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978. С. 392.

³ *Руднев В.А.* Советские обычаи и обряды [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blog.norma40.ru> (дата обращения: 18.02.2019).

⁴ *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009. 439 с.

⁵ *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций/Вестник Евразии. История. Исторические науки. 2000. № 1. С. 48–49.

цель изобретаемой традиции, а также отмечает, что у «изобретенных традиций» отсутствует связь с прошлым.

На территории Урала исследователем, написавшим диссертацию «Праздничная культура Южного Урала 1918–1941», стала М. А. Мордасова⁶. В своей работе она затронула вопросы становления праздничной культуры в новом Советском государстве, в частности изучила воздействие властных структур на формирование праздников и сознания граждан государства.

Цель настоящего исследования заключается в изучении восприятия праздников жителями г. Молотова (ныне — г. Пермь) в годы Великой Отечественной войны. На основе личных дневников, найденных в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Пермского края, а также опубликованных в сети Интернет и хранящихся на электронных носителях, исследуются практики проведения праздников в годы Великой Отечественной войны на территории г. Молотова. Эго-документы, как отмечала Н. В. Суржикова, имеют огромную ценность для историков, поскольку позволяют, исходя из основных событий в жизни индивида, выявить типичность для социальной группы или большинства населения страны⁷.

Авторы изученных дневников не отличались высоким положением в обществе. Наоборот, это были обыкновенные рабочие заводов города, деятели культуры, исследователи истории русского театра. Их записи не имеют рефлексии на происходившее вокруг, они рассказывают о своей семье, друзьях, описывают ежедневные дела, в череду которых встречаются праздники. Благодаря таким записям удается воссоздать картину празднований в годы войны.

В дневниковых записях праздники могли называться по-разному: например, «вечеринка», «пирушка», «вечер». Каждое из представленных понятий несет определенный смысл и образ, который включает в себя праздник. Если «вечеринка» и «пирушка» — это не-

⁶ Мордасова М. А. Праздничная культура Южного Урала 1918–1941: дис... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 210 с.

⁷ Суржикова Н. В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6–13.

официальное дружеское развлечение, то «вечер» представляет собой официальное событие.

Опираясь на дневники, можно выделить типичные аспекты праздников и проследить их важность для каждого индивида в годы войны. Первый аспект праздника — еда, застолье. Война нарушила привычный жизненный уклад, но восприятие еды как признака, праздничности, радости не изменилось даже из-за дефицита многих продуктов, их труднодоступности для большинства тылового населения: «Утром справлял праздник: выпил бутылочку молочка с хлебом и съел шпика очень маленький кусочек. Хороший у него был праздничный пир <...> Поел я сегодня хорошо — мать стряпала пирог, шаньги, торт и печенье. В общем, праздник все-таки я провел нормально»⁸. Мы можем заметить, что даже совсем не праздничный день мог превратиться в праздник благодаря обилию еды: «Сегодня опять как праздник: дома мать постряпала творожных шанег, рыбный пирог и пирог с луком и яйцами. Да и на работе поел неплохо. Верка дала два коммерческих обеда. В общем, сегодня „сыт по горло“»⁹.

Встречаются случаи «вылазки в деревню» к празднику, когда моторы и другие вещи из города можно было обменять на овощи или мясо, обеспечив таким образом себя продовольствием: «Ел там уху из свежей рыбы (окуней). Да и крашенных яиц попробовал»¹⁰.

Невозможно не отметить случаи, когда праздник не мог состояться именно по причине отсутствия достаточного количества еды. В такие моменты авторы дневников начинают ностальгировать по прошлому, встречается рефлексия насчет войны, которая лишила людей многочисленных благ: «В этом году знаменательные дни, рождений Верочки и моего мы не могли отметить ничем, т[ак] к[ак] запасов никаких не было, купить ничего нигде нельзя и поэтому никто из знакомых в эти дни, как прежде, у нас не был и не угощался...»¹¹.

⁸ Запись от 1.05.1943 // Дневник рабочего VII.1941–VII.1944. Документальная публикация [Электронный ресурс] / научн. рук. О.Л. Лейбович. Пермь, 2017.

⁹ Запись от 11.07.1943 // Дневник рабочего VII.1941–VII.1944...

¹⁰ Запись от 19.04.1944 // Дневник рабочего VII.1941–VII.1944...

¹¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 17. Л. 42.

Еда, застолье, обилие угощений в годы войны представляло собой один из образов мирной жизни, стремление вернуть упущенное, насытиться, одна из возможностей выжить, пережить военное тяжелое время, восполнить утрату физических и моральных сил. Именно поэтому люди находили способы для выживания, использовали все возможности, для того чтобы «достать» еду: ходили в гости к друзьям, знакомым, в кино.

Следующим важным аспектом являлся алкоголь. Авторы дневников активно усваивали нормы городской военной культуры, в число которых входил алкоголь, ставший привычным, нормальным еще в довоенное время. По мнению Ш. Фицпатрик, до 1941 г. возродилась «буржуазная» забота о нормах потребления спиртного как показателя культурности личности в целом¹². Благодаря тому, что алкоголь как символ праздника был типичен, можно выявить уровень эмоциональной значимости алкоголя на основе дневников.

Отношение А. Чайкина¹³ к алкоголю проявляется в записи празднования Нового года. Здесь же можно встретить такие практики, как приглашение в гости к друзьям, соседям. В его записях алкоголя не придавалось большой значимости. Для автора, наоборот, особую ценность имел чай, сладости, угощения: «...В 12 часов встретили Новый год. Выпили вина, закусили хорошо и пили чай с медом, конфетками, молоком и печеньем сдобным, хорошим хлебом пшеничным, сливочным маслом. Был картофель, начищенный маслом, прекрасная селедка с луком...»¹⁴. В другой записи также встречается описание стола, автор не акцентирует внимание на алкоголе, еда для него важнее: «Выпил маленькую рюмку вина красного, закусил винегретом из картофеля, свеклы, лука, капусты — в сметане, из грибов икра с постным маслом, творог со сметаной, чай с молоком — без сахара. Разошлись в час ночи»¹⁵. Таким образом, употребление алкоголя

¹² *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. 343 с.

¹³ *Чайкин Андрей Иванович* родился в Пермской губернии, большую часть жизни работал в Пермском городском театре суфлером, артистом, режиссером, библиотекарем. В его дневнике отражены записи, касающиеся праздников, друзей, семьи, прослеживается рефлексия по поводу воспитания сына.

¹⁴ ГАПК. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 17. Л. 100.

¹⁵ Там же. Л. 65.

для А. Чайкина не являлось повседневной практикой, за годы мирного времени она им не была усвоена.

Совершенно противоположное значение алкоголя наблюдается в записях рабочих Александра Дмитриева¹⁶ и Альберта Анушенко¹⁷, для которых алкоголь представлял собой ценность, выполняя при этом компенсаторную функцию, разделяя рабочую и повседневную среду. За годы довоенного времени образ праздника с алкоголем прочно усвоился в сознании авторов дневников. А. И. Дмитриев вспоминал, ностальгировал по мирному времени, когда спиртные напитки были более доступны. Можно отметить, что, с точки зрения А. И. Дмитриева, именно отсутствие свободного доступа к алкоголю как к важному благу является одним из отличий военного времени от мирного. «Выпить» в праздник означало включиться в другую среду, отличающуюся от работы, представляло одну из форм досуга: «Сегодня 24-я годовщина Великой Октябрьской революции. Но настроение совсем не праздничное. Вина и пива тоже нет. Скучно...»¹⁸ или «Пиво получили (50 литров). Отец даст мне дома 1 литр десертного вина. Праздник я опять проведу нормально, хотя и в условиях военного времени»¹⁹. А. И. Дмитриев ждал праздника, благодаря которому можно было отдохнуть от работы в компании знакомых, друзей, девчат и выпить, не беспокоясь о том, что алкоголь придется где-то искать: «Вера хочет устроить вечеринку в день рождения, и я уже получил приглашение. Значит, скоро выпить удастся»²⁰.

Безусловно, еще одним важным аспектом праздника являлась встреча с друзьями, родственниками, «посиделки». Именно этот аспект мог быть представлен в самых разнообразных формах

¹⁶ Александр Иванович Дмитриев — рабочий завода им. Сталина. Его дневник содержит личные записи и сведения о его жизни в военные и послевоенные годы. В нем описываются ежедневные заботы, семья, завод и его работа, город и городские практики, установки.

¹⁷ Анушенко Альберт Евдокимович — работник пермского объединения «Моторостроитель» им. Я. М. Свердлова, активист пермской региональной организации. В его дневнике не так много записей за 1942–1945 гг. Записи, содержащие сведения о праздниках, крайне малы, в основном это одно-два предложения об алкоголе, друзьях, премиях на работе.

¹⁸ Запись от 7.11.1941 // Дневник рабочего VII.1941–VII.1944...

¹⁹ Запись от 5.11.1942 // Дневник рабочего VII.1941–VII.1944...

²⁰ Запись от 20.08.1943 // Дневник рабочего VII.1941–VII.1944...

от обычных скромных встреч за столом до «увеселений», игр, забав. Такую градацию мы и замечаем в дневниковых записях: «...Сын его, Василек, достучался и принес записку с приглашением прийти к ним <...> Играли в преферанс четверо — врач, жена его и счетовод больницы Мыльников и я <...>. Разошлись во 2-м часу ночи»²¹. Здесь отмечается обыденность в праздновании: автору записей важно описать то, что было на столе в праздничный день, а не свои чувства, эмоции. Они затухают, уходят на второй план: «Наступающий год я лично встретил в семье доктора Изярова, в обществе зубного врача — женщины и завхоза больницы. Выпил маленькую рюмку вина красного, закусил винегретом из картофеля, свеклы, лука, капусты — в сметане, из грибов икра с постным маслом, творог со сметаной, чай с молоком — без сахара. Разошлись в час ночи»²².

Встречается и совершенно иной образ праздничных посиделок, дружеских встреч: «Вечер прошел весело, и в этом большая моя заслуга. Я там был как бы „источником смеха и веселья“ <...> На вечере пришлось целовать многих девчат, а я от этого уже давно было отвык, но все же я начал это дело первым. Я делал там все первым: пел, плясал, затевал игры, и даже пить первым начал»²³. Здесь важны именно эмоции, ощущения, которых так не хватало авторам в повседневной жизни, где каждое действие было ограничено какими-то рамками, все контролировалось государством. Именно праздник давал волю чувствам, радости.

Праздник в сознании людей ассоциировался с выходным днем. В довоенные годы государство, создавая календарь государственных праздников, объявляло многие праздничные дни нерабочими. Кодекс законов о труде²⁴, принятый в 1918 г., прописывал нерабочие праздничные дни. Процесс реформирования календаря и введения выходных дней по случаю праздника в довоенное время завершился постановлением СНК СССР от 24 сентября 1929 г. «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих

²¹ ГАПК. Ф. Р-944. Оп. 1. Д. 17. Л. 100.

²² Там же. Л. 65.

²³ Запись от 09.11.1942 // Дневник рабочего VII.1941–VII.1944...

²⁴ *Киселев И. Я.* Трудовое право России. Историко-правовое исследование. М., 2001. 384 с.

на непрерывную производственную неделю», в котором были выделены следующие даты: 22 января, 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября, — они признавались нерабочими. С началом войны официальный календарь подвергается изменениям: были отменены все выходные дни. Однако в сознании людей осталось понимание праздника как выходного дня. В результате каждый старался в праздник взять отгул, провести праздничный день с друзьями, родственниками: «Вчера не работал. Брал увольнение для того, чтобы встретить Новый год. И, с позволения сказать, встретил. Домой пришел в 4.30 утра. Был в клубе. Много танцевал»²⁵. К концу войны ситуация в тылу ослабла и появились практики «отпрашивания» с работы по случаю праздника: «Сметанин и Сушко отпросились домой у Дерышева, как выразился Сметанин, по случаю „бабьего дня“»²⁶.

Однако чаще случалось, что приходилось выходить на работу, поскольку война задавала свой ритм жизни: «нерабочий» день становится «рабочим». Авторы дневников сожалеют о том, что провели рабочий день впустую: и не отдохнули, и работы не было. Записи отражают их отношение к рабочему порядку: «Сегодня День Сталинской Конституции, а опять приходится „работать“. Главное, обидно, что нет работы, а приходится сидеть в цехе»²⁷.

В дневниковых записях можно встретить язык власти, властные инициативы и практики проведения праздников. В таких праздниках важный акцент делался на митинги, беседы, концерты для работников заводов, госпиталей, училищ и других заведений. На таких мероприятиях власть стремилась поднять дух людей, настроить их на скорейшую победу, показать пример настоящего праздника: «В цехе развешаны плакаты с фамилиями учащихся, перевыполнившими свои задания в дни работы 1-го и 2-го мая»²⁸.

Обычно авторы дневников писали о посиделках с друзьями или в кругу семьи. Информация о том, что в праздничный день был организован маскарад или праздничный вечер, встречается в дневниковых записях очень редко. Следовательно, такие упоминания мож-

²⁵ Запись от 01.01.1943 // Дневник рабочего VII.1941–VII.1944...

²⁶ Запись от 08.03.1944 // ПермГАСПИ Ф. 863. Оп. 1. Д. 17.

²⁷ Запись от 5.12.1941 // Дневник рабочего VII.1941–VII.1944...

²⁸ Запись от 4.05.1942 // ПермГАСПИ. Ф. 863. Оп. 1. Д. 17.

но считать нетипичными, одноразовыми явлениям в годы войны. На организацию и проведение подобных мероприятий, как правило, нужно было выделять много времени, которого было недостаточно, так как предприятия, заводы и фабрики должны были работать бесперебойно. Такие праздники были зафиксированы в дневниках, где отмечалось, что рабочие гуляли до утра, а, следовательно, следующий день мог считаться выходным, «не рабочим», о чем умалчивается в записях: «Новогодний бал-маскарад с призами за оригинальные костюмы прошел оживленно. В Оханске состоялся вечер интеллигенции, на который были приглашения разных лиц по выбору. Кутили до 5–6 часов утра»²⁹.

Безусловно, праздники не обходились без эмоциональной оценки. Люди чувствовали и выражали свои эмоции, свое отношение к праздникам в своих дневниках. Так, А. И. Дмитриев о праздниках отзывался чаще следующими фразами: «плохо, очень плохо», «провели время недурно», «скучно, очень скучно прошли эти „майские дни“». Причем, если праздник прошел хорошо, то об этом было не принято писать, а вот отрицательные качества, наоборот, прописывались. В других дневниках эмоциональный аспект праздников был упущен и не фиксировался.

Таким образом, праздники государственные и праздники личные, семейные смешались. Для каждого человека выделился определенный круг праздников, среди которых имели место и те и другие. Например, Новый год в дневниковых записях чаще встречается как личный, семейный праздник. Другим важным выводом является то, что в сознании людей каждый праздник имел определенный сценарий, определенные аспекты: алкоголь, застолье, встреча с друзьями, выходной день. Замещение или исчезновение даже одного из них могло испортить праздничный день или, наоборот, создать его. Несмотря на сложность военного времени, праздники имели место в жизни людей и были важным досуговым элементом тыловой жизни населения.

²⁹ ГАПК. Ф. Р-944. Оп.1. Д. 18. Л. 15.

В. А. Выборнова

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Маевка Новосибирского государственного университета как феномен студенческой субкультуры: зарождение, трансформация, опыт (1966–2018 гг.)

Статья посвящена обзору практик одной из ярких самобытных студенческих инициатив в Новосибирском государственном университете (НГУ) — маевке-интернеделе, которая в определенной мере отражает культурную и общественно-политическую жизнь университета. Показано, как данная инициатива использовалась активными студентами для самовыражения в контексте трансформации внутренней жизни университета и политических перемен в стране. Источниковую базу исследования составили нарративные, документальные, фотоматериалы, хранящиеся в архиве НГУ и фондах музея истории НГУ, а также периодическая печать (газета «Университетская жизнь»). Причинами подъемов и спадов движения являлись усиление идеологизации студенчества в 1970-е годы, падение гражданской активности в 1990-е годы и возрождение традиций в 2000-х годах благодаря инициативам студенческой молодежи.

Ключевые слова: Новосибирский государственный университет, маевка, интернедела, традиция, студенческие инициативы.

Всплеск студенческой активности в Новосибирском государственном университете (НГУ) в 1960-х годах повлек за собой зарождение инициатив, ставших в дальнейшем «визитной карточкой» университета. В рамках данной статьи рассмотрена одна из таких инициатив, зародившаяся как маевка и преобразовавшаяся впоследствии в интернеделю. На ее примере видно, каким образом субкультурные интересы в определенный момент жизни объединяют людей, превращаясь в коллективные практики, представляющие собой культурный феномен. Степень включения в субкультурное сообщество зависит от индивидуальных потребностей в самореализации индивида.

Выбор субкультуры — попытка выстраивания своей уникальности через особенные культурные интересы и практики. В таком ключе «субкультуры рассматриваются как итог культурной дифференциации и форма социального выражения собственного „я“, проявление автономии индивида»¹. Так, маевочное движение в НГУ стало прямым результатом развития молодежной субкультуры и оказалось ресурсом, символическое присоединение к которому давало студентам возможность выразить свою оригинальность, почувствовать себя особенными, принадлежащими к определенной общности.

Тема молодежных субкультур достаточно широко освещена в научно-исследовательских публикациях². Они показывают, насколько актуален вопрос самоидентификации для молодежи и насколько разными бывают формы ее проявления. Своеобразие студенческой активности в НГУ показано в научных трудах А. Г. Борзенкова³ и И. Жежко-Браун⁴. Источниками для исследования стали публикации в местных периодических изданиях, сборники, посвященные юбилеям университета⁵, в которых собраны воспоминания выпускников, активно участвовавших в общественной студенческой жизни. Среди них выделяются достаточно информативные воспоминания Г. А. Швецова, В. А. Евстигнеева, М. Ф. Ступака и О. К. Крокинской. Все они, будучи в 1960-х годах активными студентами Новосибир-

¹ *Высоцкий А.* Постмодерная субкультура: изнутри и снаружи // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 4. С. 223.

² См., например: *Брешин А. А.* Субкультура современной российской молодежи: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2010. С. 22; *Левашова Е. Л.* Типологизация молодежных субкультур в современном Российском обществе // Известия РГПУ им. А. П. Герцена. 2012. С. 147–151. *Мосиенко Л. В.* Молодежная субкультура: категория и реальность // Известия ВГПУ 2012. Т. 65. С. 85–89.

³ *Борзенков А. Г.* Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России, 1961–1991 гг.: в 2 ч. Новосибирск, 142 с.; *Борзенков А. Г., Каурдаков Л. Г.* Руку, товарищ! Новосибирск, 1987. С. 278.

⁴ *Жежко-Браун И.* НГУ: студенческое движение 1960-х // Современная американская революция. М., 2018. С. 247–310.

⁵ Наука. Академгородок. Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Вып. 1. Новосибирск, 1999. С. 479; НГУ: Вчера, сегодня, завтра: Воспоминания, очерки, интервью. 1959–2009. Новосибирск, 2009. С. 286.

ского университета, стояли у истоков формирования университетских традиций. Дальнейшее развитие маевского движения отражают интервью и эссе студентов-активистов, председателей оргкомитета маевки-интернедели различных лет, опубликованные в газете «Университетская жизнь»: Т. Дутовой, О. Матузова, М. Дроздовой, Н. Гаврилова. В совокупности вышеперечисленные исследовательские труды и источники позволяют объективно оценить роль студенческих традиций в истории Новосибирского государственного университета.

Развитие студенческого общественного движения 1960-х годов поддерживала благоприятная атмосфера, сформировавшаяся в стенах НГУ. Нацеленность создателей университета, первых ректоров и преподавателей на формирование свободного исследовательского мышления и самостоятельности у студентов в сочетании с компактными условиями проживания, отдаленностью от политического центра и изолированностью Академгородка, создало прецедент повышенной гражданской активности молодежи, которая «оказалась побочным результатом эксперимента по созданию научного городка и университета»⁶. Как следствие, стали возникать новые формы студенческого самовыражения, одним из которых стала маевка-интернеделя. В Российском государстве до 1917 г. маевки были нелегальными собраниями революционно настроенных рабочих, устраиваемых 1 мая. С 1918 года майские демонстрации — официальные торжества, которые проводились повсеместно по всему СССР, выполнявшая важную роль инструмента символической политики государства. Первые студенты НГУ восприняли возможность организации маевки как способ самовыражения. Эта акция была настолько органично воспринята следующими поколениями студентов, что стала традицией университета. В дальнейшем к ней добавились и другие мероприятия и маевка «переросла» в Неделю интернациональной солидарности (интернеделя).

Маевка как самостоятельная политизированная акция в НГУ впервые была проведена в 1966 г. благодаря инициативе деятельных студентов, идеологом и организатором которых стал комсомольский

⁶ Жезко-Браун И. НГУ: студенческое движение 1960-х // Современная американская революция. М., 2018. С. 253.

лидер Г. А. Швецов, а ядром — стройотрядовский актив середины 1960-х годов. Идея маевки не являлась импровизацией одного дня, а вызревала больше полутора лет⁷. Студенты Г. Швецов, Б. Лукьянов, Л. Хазова, С. Дондо, входившие в состав комсомольских кадров НГУ, активно взялись за выполнение поставленной перед собой задачи — сделать майские мероприятия крупномасштабными, внедрить новые подходы в их организацию, привлечь молодежь демократичным духом и атмосферой неформальности. Преследовалась и еще одна цель — установление международных контактов, укрепление интернациональных связей студентов Сибири с молодежными и демократическими движениями других стран⁸. Первая маевка проходила с участием иностранных гостей. Ее организаторы задали демонстрации вектор молодежного самовыражения единственно допустимого в рамках политики СССР. На протяжении последующих двух десятилетий именно проблематика поддержки и солидарности борьбы народов за независимость стала ключевой темой для маевочных выступлений.

Маевочные призывы строго соответствовали направлениям советской внешней политики, тем не менее, здесь проявлялись и действия по развитию причастности «низовой включенности» студенчества в поддержку государственных целей и приоритетов. Перед входом в университет возводились красочно оформленные трибуны, по всему периметру маевочной площади развешивались огромные политические плакаты, в дополнение к которым появились транспаранты с текстами: «Эй, студент, довольно спать — надо с конторой воевать!», «Эй, студент, кончай пристрацию — приходи на демонстрацию!»⁹, «Подвяжи штаны веревкой и скорее на маевку!»¹⁰. В том, что в такого рода вполне идеологически «правильное» мероприятие

⁷ *Швецова Е. И., Швецов Г. А.* У истоков университетских традиций // Наука. Академгородок. Университет. Воспоминания. Очерки. Интервью. Вып. 1. Новосибирск, 1999. С. 421.

⁸ *Борзенков А. Г.* Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самодеятельности на востоке России, 1961–1991 гг.: В 2 ч. Новосибирск, 2003. С. 142.

⁹ *Борзенков А. Г., Каурдаков Л. Г.* Руку, товарищ! Новосибирск, 1987. С. 43.

¹⁰ *Безверхий П. П.* Научная одиссея, или путь студента физфака НГУ // О времени и о себе. ФФ НГУ, 1963–1968. Новосибирск, 2014. С. 191.

вторгались элементы смеховой культуры, карнавальности, не было ничего необычного. Клуб Интернациональной солидарности (Интерклуб) НГУ, один из организаторов первых маевок, включал в себя и активистов движения клуба веселых и находчивых (КВН) и карнавального движения тех лет. Одним из ярких ритуалов стал костер на университетской площади, в котором сжигались чучела — символы расизма и реакции. Не обходилось и без проявлений молодежного максимализма, когда однажды, в 1967 г., было сожжено чучело вполне конкретного человека — израильского лидера Голды Меир (впоследствии от такого рода персонификации благоразумно отказались). Неизменной частью маевок были и встречи с приглашенными иностранными гостями из дружественных СССР стран: Вьетнама, Португалии, Чили, Анголы. Дополнительным аспектом, влиявшим на «благосклонное» отношение партийного комитета НГУ к маевкам, выступало то обстоятельство, что маевка традиционно проводилась 30 апреля, и атмосфера студенческой активности создавала предпосылку для проведения Первомая с его традиционными колоннами, транспарантами, хотя и более официальными, но сами студенты, «разогревшиеся» маевкой, достаточно охотно шли в колонне НГУ, пели молодежные песни и т. д.

К началу 1970-х годов маевка стала инструментом комсомольской структуры для работы с молодежью и получила «официальное» право на дальнейшее развитие. К 50-летию образования СССР в 1972 г. по решению парткома НГУ рамки этого общественно-политического движения были расширены: начала проводиться Неделя интернациональной дружбы, в дальнейшем переименованная в Неделю интернациональной солидарности. С усилением влияния комитета ВЛКСМ НГУ на организацию интернедели она стала включать в себя мероприятия с политическим уклоном: фестиваль политической песни, конкурс политического плаката, смотр политической газеты, фестиваль политических фильмов и т. д. Кроме традиционных ежегодных мероприятий, проводились и приуроченные к определенным юбилейным датам разовые акции. Так, в 1975 г. студенты НГУ провели первую кампанию «Значок с изображением Ленина, значок страны Советов — оружие в борьбе с империализмом и реакцией»¹¹. Ана-

¹¹ Борзенков А. Г., Каурдаков Л. Г. *Руку, товарищ!* Новосибирск, 1987. С. 43.

лиз итогов организации Недели интернациональной солидарности в 1977 г. привел ее актив к выводу о целесообразности четкой специализации как в период подготовки, так и во время проведения этого весеннего политического праздника молодежи и создания специального рабочего органа при комитете ВЛКСМ НГУ — оргкомитета интернедели. Первым председателем оргкомитета стала аспирантка экономического факультета В. Моцартова¹². Успех проведения маевки в дальнейшем во многом определялся достаточно четким организационным обеспечением. Оказалась эффективной работа оргкомитета в виде штаба маевки, пополняющегося за счет комсомольского актива университета.

Неделя интернациональной солидарности возникла благодаря творческой и социальной активности студентов. Однако со временем, с развитием политических явлений периода «застоя» в СССР, мероприятия интернедели НГУ становились более формальными и регламентированными. Консервация политического режима СССР, направленность на стандартизацию и идеологический контроль над сообществом студентов, закрепленное с 1971 г. правом контроля со стороны партийных органов, лишало творческих стимулов и постепенно начало восприниматься как источник конфликтов и напряженности. В 1985 г. впервые встал вопрос о внутривнутриполитической деятельности, о необходимости «помогать самим себе», а не революционерам дружественных стран. С маевочных трибун стали все более акцентированно звучать темы перестройки. К 1988 г. организаторам интернедели стало очевидно, что темы молодежной солидарности с аналогичными движениями других стран исчерпали себя. Начался процесс переориентации с международных на внутренние проблемы. Время перестройки и последующего распада СССР требовало переосмысления самой сути, цели и необходимости проведения интернедели.

Большой общественный резонанс вызвала XI интернеделя. Зарубежных гостей было немного — в основном студенты, но и они были недовольны отведенной им ролью: «Если вы нас приглашаете — вы

¹² Борзенков А.Г. Становление и развитие интернедели // Наука. Академгородок. Университет: Воспоминания. Очерки. Интервью. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 427.

должны четко знать зачем. У нас мало встреч, нам не предоставили слова»; «Вокруг вас целый мир, а вы замкнулись на себе»¹³. Серьезной критике подвергся и первый маевочный рок-концерт. 2 мая 1988 г. в вестибюле главного корпуса НГУ выступали рок-группы «Гражданская оборона» и «Рок-штат» — первая попытка молодежи объединить рок-музыку с интернеделей¹⁴. С другой стороны, традиционный фестиваль политпесни ушел на второй план¹⁵ и в последующие годы окончательно себя изжил. Базой студенческой борьбы за внутренние общественно-политические перемены на маевке стал рок — как иная форма политизированной песни. Лозунг, традиционный атрибут маевки, изменил свою смысловую нагрузку с «Мир — Вьетнаму!» для первого десятилетия на «Рок за перестройку»¹⁶.

Благодаря курсу на гласность в период перестройки стали открыто озвучиваться злободневные вопросы внутриуниверситетской жизни. Конфликт на военной кафедре еще откликнулся в умах студентов, и с маевочных трибун звучали призывы его повторить. Речь идет о событиях 17–22 февраля 1988 г., когда произошли срывы занятий на военной кафедре: невыход студентов на занятия был организован инициативной группой, образовавшейся первоначально на геолого-геофизическом факультете. Активисты выдвинули требование полной отмены занятий для уволенных в запас из Советской армии студентов с заменой этих занятий сборами по полученной военной специальности.

С 1991 г. организатором интернедели стал студенческий совет НГУ. В кризисную эпоху он искал пути дальнейшего развития — каждый год появлялись и исчезали различные мероприятия, клубы. Неизменными оставались главные традиции маевки: музыкальный фестиваль, выросший из политпесенного, и маевочный костер. Каждый год по-прежнему устанавливалась трибуна, на которой выступали приглашенные гости, но произносимые лозунги потеряли политическую значимость. Экономический кризис в стране отразился

¹³ Перов И. Резонанс-1, Резонанс-2 // Университетская жизнь. 1988. С. 3.

¹⁴ Фролова Л. Политпесня: что дальше? // Университетская жизнь. 1988. С. 2–3.

¹⁵ Перов И. Резонанс-1, Резонанс-2 // Университетская жизнь. 1988. С. 3.

¹⁶ Там же. С. 3.

не только на общем финансовом благополучии университета, но и на финансировании внеучебных, культурных мероприятий.

К концу 1990-х годов маевка окончательно превратилась в праздник, который настороженно воспринимали и руководство университета, и жители Академгородка: «Количество алкоголя явно преобладало над идеей. Также милицейский автобус и постоянные контакты с представителями охраны правопорядка создавали гнетущее впечатление от самого мероприятия»¹⁷. Руководство НГУ приняло решение в 2000 г. маевку не проводить. Среди активных студентов не нашлось тех, кого бы заинтересовала ее организация. Но отсутствие ставших уже традиционными маевочных мероприятий неожиданно всколыхнуло студенческие массы. Вечером 21 мая студенты собрались у главного корпуса НГУ с риторическим вопросом: «Будет ли маевка?»¹⁸. Студентам и управлению НГУ стала очевидна необходимость сохранения этой традиции. Она уже неразрывно связывалась с университетом не только в умах выпускников, но и новых студентов. Момент, когда маевка дошла до кульминации своего кризиса, стал и толчком для ее восстановления.

Естественно, маевка вернулась в университет в другом формате. Председатель оргкомитета маевки-интернедели 2001 г. студентка механико-математического факультета НГУ Мария Дроздова предложила идею «возрождения» маевки с лозунгом «В новый век с открытыми глазами»¹⁹. Основной задачей организаторов стал поиск ее единой основы и траектории развития. В программу этого года вошли фестивали политической песни, «некоммерческого» кино, спортивные мероприятия и многое другое. Первая интернеделя нового тысячелетия довольно громко заявила о себе, но пока ее путь не был определен. В следующие годы появлялись новые мероприятия, многие из них вскоре исчезали, но некоторые становились традицией. Например, в 2002 г. прошел первый «Интернациональный Арбат», ставший традиционной частью современной интернедели благода-

¹⁷ Глас народа. Ваше впечатление о нынешней Маевке? // Университетская жизнь. 1999. № 5. С. 5.

¹⁸ Андреев А., Апсаямов Т. Маевка закрылась. Навсегда? // Университетская жизнь. 2000. № 11. С. 2.

¹⁹ Жданова О. Бронетранспортером по безразличию! // Университетская жизнь. 2001. № 10. С. 3.

ря активной инициативе студентов факультета иностранных языков (ФИЯ). Сменялась и идейная направленность интернедели: политические лозунги и транспаранты окончательно ушли в прошлое, солидарность с зарубежными странами потеряла свое значение и боевой дух. Лозунги современной маевки — «Мир в наших руках», «Расширяя границы», «Мир нашей мечты» — стали формальным атрибутом, необходимым как дань традиции, в то время как сами студенты стали активными противниками любой агитации на интернеделе. Цель современной интернедели — содействовать уважению, терпимости и взаимопониманию молодежи разных убеждений, культур и религий. Политика в ее рамках полностью сместилась в область конференций, семинаров и круглых столов.

Таким образом, изучая динамику направленности и форм студенческого движения, можно установить, как первоначально родившаяся инициатива, обретя институциональную платформу, превратилась в традицию. Поскольку субкультуры создаются в ответ на конкретную ситуацию и обстановку²⁰, именно дух относительной свободы периода «оттепели» как в стране в целом, так и в Академгородке как новом социокультурном объекте стал таким импульсом. Маевка, возникшая как политизированная инициатива, вовлекла в свои ряды значительные молодежные группы и не только содействовала формированию студенческой субкультуры, но и предоставила возможность для самовыражения и самореализации активных молодых людей. Организаторы маевки 1960-х годов сами делали первые шаги к овладению принципами и приемами управленческой деятельности в сфере социализации студентов. В последующем происходило закрепление управляемости маевочного движения, изначально возникшего «снизу», комсомольскими структурами, тем самым оно получило «официальное» право на дальнейшее развитие. Оргкомитет маевки-интернедели, на протяжении ряда лет вырабатывая и поддерживая различные проекты, накапливал опыт социальной организации и инициативности студенчества.

Однако в условиях изменившейся политической реальности конца 1980-х — начала 1990-х годов этот опыт был утерян, гражданская

²⁰ Хеббидж Д. Субкультура: значение стиля / пер. с англ. М. Маликовой, М. Неклюдовой // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2008. С. 129–176.

активность студентов снизилась, идейная составляющая маевки стала вызывать у молодежи негативную реакцию. Вновь возрождаться маевочная традиция стала лишь с 2001 г. Новыми лидерами маевки-интернедели были адаптированы к современной реальности основные традиционные ритуалы — музыкальный концерт, маевочный костер. Необходимость возрождения традиции маевки-интернедели стала очевидна в период, когда студенческая субкультура НГУ, пережив кризис, начала поиск путей самовыражения. Наследие университета послужило строительным материалом для новой платформы самореализации студентов. Ее восстановление прошло путем механического воспроизводства атрибутов при использовании иных структур и технологии организации в совершенно новом смысловом ключе, созвучном современной социально-политической жизни. Уроки, извлеченные из опыта прошлых лет, позволили вернуть традицию университета, но уже в новом формате. Сегодня в структуру маевки прочно входят следующие мероприятия: палаточный городок, музыкальный концерт, интернациональное шествие. Организацией интернедели управляет центр по внеучебной и воспитательной работе совместно с объединенным оргкомитетом, формирующимся из числа студентов всех факультетов НГУ.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы. Маевка-интернеделя использовалась как для пропаганды и ограничения молодежных инициатив путем управления ими «сверху», так и для выражения социальной позиции активными студентами «снизу». Из разрешенной деятельности в рамках протестного активизма, направленного в советский период «вовне», как сопричастность к движению солидарности в борьбе демократии против реакции, студенчество стремилось извлечь свой практический опыт и навыки самоорганизации. В современных условиях интернедели не только играют роль университетской символической традиции, но и дают некоторую свободу самовыражения активным, инициативным студентам.

Военная история и международные отношения

И. А. Дороненко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Формы участия армии в передаче власти в Римской империи в период гражданской войны 68–69 гг.

Статья посвящена вопросу о роли римской армии в гражданской войне 68–69 гг. На основе анализа нарративных источников, прежде всего сочинений Тацита, Светония, Диона Кассия и Плутарха, выделены факты солдатских выступлений, которые затем были классифицированы с учетом целей солдат, объектов недовольства. Полученные восемь типов военных мятежей соотнесены с активностью преторианской гвардии, провинциальных войск и флота. Проанализированы наиболее показательные и значимые военные мятежи. Сделан вывод о том, что основным актором гражданской войны 68–69 гг. были легионы, роль преторианской гвардии в передаче власти снизилась, а флот и вспомогательные части не оказали значимого влияния. В период каждой передачи власти менялось соотношение типов солдатских выступлений.

Ключевые слова: Римская империя, гражданская война, римская армия, политический кризис, преторианская гвардия, легионы, ауксиллии, флот.

Политическая жизнь Римской империи была тесным образом связана с армией. Октавиан Август стремился лишить войско влияния на передачу власти, но неудачно. «Золотой век Августа» и эпоху Флавиев разделяет гражданская война 68–69 гг. или «Год четырех императоров». Первостепенную роль в данных событиях играла армия. Изучение механизмов влияния войск на передачу власти дает возможность выявить наиболее проблемные элементы в системе взаимоотношения императорской власти и армии, которые привели к кризису и структурному изменению всего римского общества впоследствии.

В историографии вопроса о гражданской войне 68–69 гг. мы можем выделить два условных направления в оценке участия римской армии. В рамках первого исследователи выделяют армию как главного актора гражданской войны. Выступления войск являлись основными механизмами смены власти. Политика некоторых императоров была продиктована интересами армии. Роль провинций сводилась лишь к признанию принцепса, занявшего престол. Т. Моммзен отмечал безучастность офицерства, тогда как рядовые солдаты были основной силой, выступали носителями идей императорской власти¹. М. И. Ростовцев характеризовал активность солдат как «революционное движение в армии»². Г. Морган считает, что передача власти находилась под влиянием оппортунистических офицеров³. Е. Е. Шерстнев полагает, что солдаты стали активным участником процесса со своей особой корпоративностью и ментальностью. При этом армия определяла деятельность лидеров противоборствующих лагерей⁴. В. А. Гольденберг, чье исследование мы отнесли ко второму направлению, связывал участие армии с выражением настроений провинциальных низов⁵.

Несмотря на то, что год четырех императоров является объектом значительного числа исследований, в историографии не представлены труды, анализирующие выступления армии как элемент смены власти. Работа А. В. Махлаюка описывает психологию римского солдата, в том числе во время бунтов, но события года четырех императоров в ней служат лишь примерами⁶. Целью нашего исследования является классификация и проведение предварительного анализа форм участия армии в гражданской войне 68–69 гг.

¹ *Mommsen Th.* A history of Rome under the emperors. Based on the lecture notes of Sebastian and Paul Hensel, 1882–6. L., 1999. P. 160.

² *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской империи. СПб., 2001. Т. I. С. 95.

³ *Morgan G.* 69 A.D. The Year of Four Emperors. Oxford, 2006. 322 p.

⁴ *Шерстнев Е. Е.* Преторианцы и легионы в борьбе за императорский престол в марте 68 — апреле 69 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012. 23 с.

⁵ *Гольденберг В. А.* Очерки по истории Римской империи. Гражданская война 69 года н. э. Харьков, 1958. 119 с.

⁶ *Махлаюк А. В.* Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород, 2000. 235 с.

Анализ письменных источников позволил нам выделить ряд событий, которые мы обозначили как «военный мятеж» — активные действия солдатских масс, основанные на нарушении имевшихся приказов, субординации и перераставшие в форму активного сопротивления порядку военной службы. Отметим, что мы отобрали лишь те выступления, в которых основными действующими лицами были рядовые солдаты. Деятельность офицеров не отличалась массовостью. Заговоры, которые организовывались командным корпусом, никак между собой не связаны, тогда как нарушение приказов рядовыми по большей части имело одинаковый основополагающий механизм — корпоративизм⁷. Практически однородный социальный и этнический состав позволяет проводить границу только между подразделениями и группами армий.

Проанализировав корпус нарративных источников (сочинения Тацита, Светония, Диона Кассия, Плутарха, Иосифа Флавия), мы выделили восемьдесят семь случаев военных мятежей, которые были распределены по восьми типам. Критериями классификации являются объекты воздействия, цели солдат и методы достижения. Однако у нас нет возможности подробно анализировать каждое выступление, поэтому мы отобрали наиболее показательные и значимые случаи. Помимо всего прочего, мы не будем раскрывать социально-экономические, политические, психологические основания активности войск, хотя, безусловно, учитываем данные факторы.

Отметим, что в исследованиях, посвященных «Году четырех императоров», не предпринимались попытки систематизации информации о солдатских выступлениях. Описания военных мятежей оказывались встроены в последовательное повествование о гражданской войне 68–69 гг. Такой подход не позволяет выявить специфику участия армии в передаче власти в рассматриваемый период. Военные мятежи не становились отдельным предметом изучения: основной акцент делался на военные кампании. Не предпринималась попытка выделить солдатское выступление как явление, которое имело ряд признаков, отличавших его от восстаний в провинциях. Помимо всего прочего, в историографии не анализировалась роль флота в процессе передачи власти, так как основной акцент де-

⁷ *Махлаюк А. В. Армия Римской империи...* С. 97.

лался на действия преторианской гвардии и провинциальных войск. В. А. Гольденберг в рамках классового подхода не выделял армию как особую социальную структуру со специфическими формами участия в политической жизни общества. Гв. Морган, о чем мы писали выше, при изложении событий «Года четырех императоров» рассматривает выступления солдат как результат активной деятельности офицеров без выделения различий между мятежами. Е. Е. Шерстнев ближе всего подошел к определению специфической роли армии, однако в его работе не затронута борьба Вителлия и Веспасиана. Следовательно, в историографии отсутствует попытка систематизации материала по военным мятежам. Мы же попытались выявить основные характеристики участия преторианской гвардии, провинциальных войск и флота в гражданской войне, а не создать очередное последовательное описание событий, повторяя структуру «Истории» Тацита.

Ненасильственное воздействие на командование. Солдаты стремились добиться от командования выплаты жалования и донативов (денежных раздач); смещения центурионов; вступления армии в бой; легализации фактического статуса подразделения. Преторианские гвардейцы после возведения Отона на престол с его санкции назначили префектом претория Плотия Фирма, а затем Лициния Прокула. Они сделали префектом города Флавия Сабина (Тас. Hist. I. 46, 1). В кризисной ситуации гвардейцы не желали подчиняться неспособным, по их мнению, офицерам. В Плаценции преторианцы подняли мятеж против своего полководца Спуринны, но вскоре гвардейцы были замирены (Тас. Hist. II, 11, 17, 18; Plut. Otho. V, VI). Также преторианцы и легионеры в Брикселлуме вынудили Отона дать вителлианцам битву при Бедриаке 14 апреля 69 г. (Plut. Otho. IX; Тас. Hist. II, 41).

Германские легионы в битве при Везонтионе без приказа Вергиния Руфа напали на Виндекса (Dio. LXIII. 24. 3). Солдаты во время ключевых сражений под Кремоной самостоятельно решали вопросы о переговорах, пытались организовать сам ход сражения. Как правило, легионеры были постоянно недовольны командованием. Так, в битве при Бедриаке отонианцы взяли под стражу трибуна Юлия Фронтонна, а вителлианцы — его брата, префекта лагеря Юлия Грата (Тас. Hist. II. 26). Был закован германскими легионерами Цецина, пе-

решедший на сторону Веспасиана (Тас. Hist. III. 13–14; Ios. V. Iud. IV. 11. 3). Случаи избрания офицеров легионерами немногочисленны: назначение мезийскими легионами командующим Антония Прима без санкции Вителлия и сената (Dio. LXIV. 9, 3–4).

Насилие в отношении командования. Данные военные мятежи возникали в случае невозможности добиться уступок от офицеров и отличались стихийностью. Преторианцы расправились над офицерами после того, как заподозрили их в измене Отону. Поводом послужила ночная погрузка оружия преторианским трибуном Варием Криспином (Тас. Hist. I, 80; Suet. Otho. VIII). Легионеры гораздо чаще, чем другие римские подразделения, использовали силу против своих офицеров. Применялось насилие в отношении высшего командования: Марция Макра (Тас. Hist. II. 36), легата XIII легиона Видия Аквилы (Тас. Hist. II. 44), Вергиния Руфа (II. 94), префекта лагеря VII легиона Минуция Юста (III. 7), Тампия Флавиана (III. 10), легата мезийских легионов Апония Сатурнина (III. 11). Моряки Равеннского флота после своего перехода на сторону Веспасиана избрали своим префектом Корнелия Фуска, требуя перевода в легионы (Тас. Hist. III. 12).

Открытое недовольство принцепсом. Оно проявлялось в отказе присягать новому принцепсу, присоединении к другому противоборствующему лагерю, открытом осуждении и порицании политики принцепса. Преторианцы отказались защищать Нерона, убив при этом префекта castra praetoria, так как перевес был на стороне восставших провинциальных армий (Suet. Nero. XLVII). Сыграли роль обещанные щедрые денежные раздачи префектом претория Сабином от имени Гальбы (Plut. Galba. II; Тас. Hist. II. 5).

Проявляли свое недовольство таким же образом и провинциальные войска. Испанская ала попыталась отложиться от Гальбы в самом начале мятежа, вспомнив о присяге императору (Suet. Galba. X, 4–5). Германские легионы проявили свое недовольство Нероном (Dio. LXIII. 27, 2b) и затем новым принцепсом — Гальбой (Suet. Galb. XVI, 2; Plut. Galb. XVIII). Гальба вызвал гнев рейнских армий не только отсутствием обещанных пожалований и открытым пренебрежением, но и тем, что отозвал любимого солдатами Вергиния Руфа, назначив Гордеона Флакка, который не смог склонить на свою сто-

рону войска⁸. Были моменты колебания при выборе лагеря: солдаты из легиона III Gallica объявили императором Веспасиана, но затем вернулись к покорности Вителлию (Dio. LXIV. 10, 3–4). Данный кратковременный мятеж показывает скрытое недовольство легионеров поражениями своего принцепса, однако они также арестовали своего легата Цецину.

Ненасильственное воздействие на принцепса. Данный тип военного мятежа подразумевает целенаправленное давление на императора со стороны солдат, которые желали добиться изменения военной и политической моделей управления, но не стремились его ликвидировать. Давление на Вителлия оказывала преторианская гвардия, набранная им либо же Цециной и Валентом из германских легионов. Преторианцы не позволили своему императору капитулировать, также устроив городские бои с флавианцами в Риме (Suet. Vit. XV, 2; Tac. Hist. III. 69; 71; 74)

Поддержка и выдвижение кандидата на императорскую власть. В процессе передачи власти основным актом является провозглашение императором претендента на престол. Другим аспектом данного типа мятежей является признание остальными подразделениями уже поддержанного армией принцепса. Преторианцы сыграли решающую роль в возведении Отона на престол, буквально перейдя к активным действиям (Suet. Otho. 5, 2; Plut. Galb. XXIV). Разбитые преторианцы и легионеры из авангарда мезийских легионов во время похорон Отона просили Вергиния Руфа принять императорскую власть или же отправиться легатом к Цецине и Валенту (Tac. Hist. II. 51). Однако он предпочел спастись и отказаться от такого предложения. Но вскоре у преторианцев появился шанс на возвращение в политическую жизнь. Распущенная Вителлием «старая гвардия» моментально поддержала Веспасиана, когда прокуратор Нарбоннской Галлии Валерий Паулин выступил против принцепса (Suet. Vit. X, 1, 3; Tac. Hist. III. 43).

Легионы были основными акторами, задействовавшими механизм выдвижения кандидата на престол и его поддержки, опередив в этом преторианскую гвардию. Так, 2 апреля 68 г. в Новом Карфагене Сервий Сульпиций Гальба, обозначавший себя как «легат сена-

⁸ Циркин Ю.Б. Политическая история Римской империи. СПб., 2018. Т. 1. С. 236.

та и римского народа», был провозглашен императором Рима (Suet. Galb. X, 1)⁹. Вергиний Руф отказался от предложения верхнегерманских легионов и ауксильев стать императором после разгрома Виндекса (Dio. LXIII. 24-25; Tac. Hist. I. 9). В начале 69 г. был выдвинут на престол Авл Вителлий, поддержанный после некоторых колебаний военными силами в Британии¹⁰, а также в Реции (Plut. Galb. XXII). Рядовые солдаты являлись подлинными акторами выдвижения Вителлия как кандидата на престол, несмотря на подготовку мятежа офицерами¹¹. Войсками в Италии, Паннонии и Мезии принцепсом был провозглашен Марк Сальвий Отон (Plut. Otho. IV, 1; Tac. Hist. I. 7), лояльность которому выразили солдаты восточных рубежей империи (Tac. Hist. II. 8). Выдвижение восточными легионами Веспасиана подтолкнуло к активным действиям разбитые Вителлием дунайские легионы. Равеннский флот свою активность в войне проявил прежде всего переходом на сторону Веспасиана. Данный мятеж был подготовлен центурионом Клавдием Фавентином (Tac. Hist. III. 57)¹². Но массы моряков возглавили в дальнейшем это выступление.

Убийство претендента на императорскую власть или принцепса. Если кандидат на престол или император не оправдывал ожидания солдат, то его ждала гибель. Важно разделять заговор группы офицеров и стремления солдатской массы. Убийство императора обязательно следовало за открытым недовольством принцепсом. Преторианцы убили префекта претория Нимфидия Сабина (Plut. Galba. VIII), который стремился захватить власть. Гвардейцы, поддерживав Отона, если и не умертвили своими руками Гальбу, то способствовали его гибели от рук неизвестного солдата (Aur. Vict. De Caes. VI. 3)¹³.

Создание беспорядков и насилие в отношении мирного населения. Мародерство, грабежи, резня мирных жителей — обязательные атрибуты любой войны, а уж тем более гражданской. Специфика «Года четырех императоров» в том, что беспорядки и насилие в отношении гражданских практически не были санкционированы командовани-

⁹ Morgan G. 69 A.D. The Year of Four Emperors. P. 21–22.

¹⁰ Циркин Ю.Б. Политическая история Римской империи. С. 238.

¹¹ Шерстнев Е.Е. Преторианцы и легионы... С. 19.

¹² Cosme P. L'anno dei quattro imperatori / tr. italiana di Omar Coloru. Palermo, 2015. P. 152.

¹³ Гольденберг В.А. Очерки по истории Римской империи... С. 69.

ем. Преторианская гвардия в Риме была близка к резне аристократов и высших офицеров, которые были на пиру у Отона. Гвардейцы заподозрили их в измене. Только вмешательство императора и обещание денежных раздач позволило избежать жертв (Suet. Otho. VIII). Беспорядки в Риме, только теперь в отношении всех категорий жителей, устраивали вителлианские солдаты, не привыкшие к городской и тем более столичной жизни (Jos. B. Iud. IV. 10. 1). Но пострадал не только Рим. Так, германские легионы Вителлия разграбили Диводур (Tac. Hist. I. 62; 63), а отонианцы устроили резню в Альбинтимилии (II. 13). Флавианские солдаты разграбили Кремону, разрушив почти полностью город и убив множество людей (III. 33; Dio. LXIV. 15).

Конфликт подразделений. Наиболее неоднозначный и сложный в интерпретации тип военного мятежа. Влияние на передачу власти опосредовано и проявлялось прежде всего в утрате времени в период ведения военных кампаний, а также в небоевых потерях. Солдаты во время потасовки друг с другом не направляли свой гнев на принцепса и командование. После поражения Отона его войска оказались разбросанными по Италии. Так, в Августе Тавринов произошла вполне бытовая стычка между батавом и легионером из легиона XIV. Однако она переросла почти во всеобщее побоище, которое предотвратили две преторианские когорты, обратившие вспять батавов (Tac. Hist. II. 66). Батавские когорты, которые незадолго до этого отделились от XIV легиона, продолжили уже в армии Валента конфликтовать с легионерами, что привело к нескольким стычкам (Tac. Hist. I. 64)¹⁴. Во время пребывания Вителлия в Тицине изначально шуточная борьба галла-ауксилария и легионера переросла в битву, в которой были уничтожены две вспомогательные когорты (Tac. Hist. II. 68). Ауксиларии были недовольны тем, что легионеры никак не наказаны за случившееся, поэтому Вителлий решил пресечь мятеж роспуском галлов и перебрской батавов в Германию (II. 69).

Преторианская гвардия была активна в свержении императоров, но лишь в начале войны, а также в давлении на командование, желая защитить своего ставленника. Преторианцы Вителлия ничем не отличались от его легионеров, что объясняет их активность в мародерстве и ограблении Рима.

¹⁴ Morgan G. 69 A. D. The Year of Four Emperors. P. 85.

Таблица 1

Количественное распределение типов военных мятежей *

Тип военного мятежа	Подразделение			
	Преторианская гвардия (в т. ч. вителлианская)	Легионы	Ауксиллии	Флот
Ненасильственное воздействие на командование	5	24	3	2
Насилие в отношении командования	1	8	0	1
Открытое недовольство принцепсом	4	6	1	0
Ненасильственное воздействие на принцепса	3	2	1	0
Поддержка и выдвижение кандидата на императорскую власть	4	10	3	3
Убийство претендента на императорскую власть или принцепса	2	1	1	0
Создание беспорядков и насилие в отношении мирного населения	2	4	1	0
Конфликт подразделений	1	3	4	0
Всего	22	58	14	6

* Составлено по: Suet. Galb., Otho., Vit., Vesp; Dio. LXIII, LXIV; Tac. Hist. I–IV; Plut. Galb., Otho; Ios. B. Iud. IV.

Легионы активнее, чем преторианская гвардия, оказывали давление на командование и поддерживали кандидатов на императорский престол. Также они в большей степени были склонны к конфликту с другими подразделениями и насилию в отношении мирного населения. Это связано с тем, что они вторглись в Италию на правах участников войны. Ожесточение гражданской войны способствовало

насилию в отношении гражданских. Однако случаев военных мятежей со стороны легионов больше, что объясняется их количественным доминированием над остальными подразделениями.

Ауксилиии не являлись, за редким исключением, самостоятельными участниками гражданской войны. Вспомогательные части не были обособлены от основной римской армии, так как приписывались к легионам, что сводило на нет уровень их автономности. У ауксилариев была особая ментальность, обусловленная провинциальным происхождением и относительно невысоким уровнем романизации. Это способствовало возникновению конфликтных ситуаций с другими подразделениями и мирными жителями.

Флот не проявил себя активно в гражданской войне 68–69 гг. Связано это с его немногочисленностью, сугубо вспомогательной ролью и привязкой к приморскому положению. Вся активность моряков сводилась к поддержке притязаний на престол Веспасиана и в одном случае Вителлия, а также к назначению командования.

В конечном счете военные мятежи в любой форме оказывали влияние на передачу власти. Роль непосредственно направленных на принцепса военных мятежей очевидна. Давление на офицеров могло обеспечить переход управления к солдатским ставленникам, дезорганизации командования войсками, но также и сохранение партии того или иного принцепса от измены полководца. Конфликт подразделений и насилие в отношении мирного населения тормозило продвижение войск и способствовало разложению армии, что стало причиной поражения Вителлия. К декабрю 69 г. реальное положение дел в Римской империи определяли легионы. Переход власти к новому императору был всецело в руках армии. Поддержка населения провинций и Италии лишь обеспечивала сохранение трона за очередным принцепсом. Таким образом, кризис в Римской империи 60-х годов, выразившийся в гражданской войне 68–69 гг., был в первую очередь борьбой за власть, которая определялась подразделениями римской армии. Основной формой участия войск был военный мятеж.

Список источников

Aur. Vict. De Caes. — Секст Аврелий Виктор «De Caesaribus» («О Цезарях») // Римские историки IV века. М.: РОССПЭН, 1997. 414 с.

Dio. — Луций Клавдий Кассий Дион Кокцеан «Ῥωμαϊκὴ ἱστορία» / «Historia Romana» («Римская история») // *Кассий Дион Коккейан*. Римская история. Книги LI–LXIII / Пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка; предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2014. 680 с.; *Кассий Дион Коккейан*. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка; предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2011. 456 с.

Ios. V. Iud. — Иосиф Флавий «Φλαβίου Ἰωσήφου ἱστορία Ἰουδαϊκοῦ πολέμου πρὸς Ῥωμαίους βιβλία» («История Иудейской войны против римлян») // Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. с нем. Я. Чертка. М.: Эксмо, 2012. 672 с.

Plut. — Плутарх «Βίοι Παράλληλοι» / «Vitae parallelae» («Сравнительные жизнеописания») // *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе / Пер. с греч. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014. 1263 с.

Suet. — Гай Светоний Транквилл «De vita Caesarum» («Жизнь двенадцати цезарей») // *Светоний Гай Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 480 с.

Tac. Hist. — Публий Корнелий Тацит «Historiae» («История») // *Тацит П. К.* Анналы. История: [сб. / Пер. с лат.]. М.: АСТ, Астрель, 2012. 828 с.

С. М. Рябов

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Проникновение французской Короны на Балтику и франко-русские отношения во второй половине XVI в.: концепции, стратегии и идеи

Статья посвящена разбору идей, стратегий и концепций, вырабатывавшихся французской стороной по отношению к Балтийскому региону во второй половине XVI в. Особое внимание уделяется диалогу между Францией и Русским государством. Рассмотрен так называемый Ливонский проект французского дипломата-резидента в Копенгагене Ш. де Данзея, предполагавшего «территориализацию» Балтийского моря и его превращение в «*mare clausum*» французской Короны. Кроме того, показано, что дискурсы «свободного моря» и «закрытого моря» были известны и используются еще до их научного оформления в начале XVII в. Дж. Селденом и Г. Гроцием. Сделан вывод, что не только шведские санкции, но также и внутренние проблемы стали причинами провала политики французского правительства на балтийском направлении.

Ключевые слова: Ливонские войны, международные отношения, раннее Новое время, XVI век, *mare clausum*, *mare liberum*.

Научная актуальность исследования связана с рядом факторов. Во-первых, при построении отношений между собой европейские державы в Балтийском регионе использовали в XVI в. различные стратегии диалога на международной арене, по-разному выстраивали дискурсы в рамках международных отношений. Такое взаимодействие требует внимательного изучения. Во-вторых, сами идеи по выстраиванию отношений, выдвигавшиеся современниками, принадлежали к переходному этапу раннего Нового времени, когда многие средневековые идеи продолжали жить, но в то же время появлялись новые способы их реализации. Указанные составляющие до сих пор

не были предметом специального исследования, что придает дополнительное обоснование научной актуальности избранной темы.

Первые исследования по теме появились в период с середины XIX по начало XX в. Это труды А. Антийома, П. Бонасье, В. С. Иконникова и П. В. Безобразова¹. В это время шло накопление фактического материала, а также делались попытки его интерпретации. Авторы представленных трудов в описательном ключе излагали данные о первых шагах Франции в Балтийском регионе, строили графики и таблицы, касавшиеся развития балтийской торговли. В целом не углубляясь в аспекты построения международных отношений, стратегий и идей, авторы этой эпохи стремились раскрыть динамику торговых плаваний, а также увязать ее с выстраиванием первых дипломатических договоренностей между державами.

Следующий этап изучения избранной темы наступил в середине XX в. Здесь можно выделить публикации П. Женена, В. Кирхнера и Г. Жордания². Эти авторы впервые начали рассматривать внутреннее положение акторов Балтийского региона как фактор, повлиявший на выстраивание диалога между ними.

Современный этап изучения темы также представлен несколькими авторами. Это Э. Шнакенбург, Ю. Досси, Б. Виане, В. Н. Козулин³.

¹ *Bonnassieux P.* Les grandes compagnies de commerce: étude pour servir à l'histoire de la colonisation. P., 1892. 534 p.; *Безобразов П. В.* О сношениях России с Францией. М., 1892. 472 с.; *Anthiaume A.* Cartes marines, constructions navales, Voyage de Découverte chez les Normands, 1500–1650. P., 1916. Т. 1. 650 p.; *De la Roncière Ch.* Le passage Nord-Est et la compagnie française du Pôle Arctique au temps de Henri IV // Bibliothèque de l'École des chartes. P., 1917. Т. 78. P. 154–178; *Иконников В. С.* Сношения России с Францией (XVI–XVIII вв.). [Б.м.], [б.г.]. 62 с.

² *Jeannin P.* L'économie française au milieu du XVIe siècle et le marché russe // *Annales. Economies, sociétés, civilisations.* 1954. No. 1. P. 23–43; *Kirchner W.* Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650) // *Revue historique.* 1949. Т. 102. P. 161–183; *Жордания Г.* Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Тбилиси, 1959. Ч. 1. 382 с.

³ *Schnakenbourg E.* L'aube des relations diplomatiques franco-russe: les ambassades moscovites en France au XVIIe siècle // *La France et la Russie: regards diplomatiques (XVII–XXIe siècle).* Renne, 2012. P. 11–33; *Досси Ю.* Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) // *Религия. Церковь. Общество.* 2015.

Э. Шнакенбург фактически повторяет своих предшественников, однако преобразовывает их выводы. По его мнению, французская сторона мало стремилась к закреплению на балтийском направлении. Ю. Досси выстраивает биографию главного «архитектора» французской политики на Балтике — Шарля де Данзея. Б. Виане и В. Н. Козулин систематизируют некоторые сведения, представленные в трудах предшественников, тем самым поддерживая интерес к изучаемой тематике.

Французская торговля с Россией, как и первое знакомство французов с русскими, начались во время правления Ивана IV Грозного (если не принимать во внимание брак Анны Ярославны и французского короля Генриха I в 1051 году⁴, а также путешествие бургундского рыцаря Жильбера де Ланноа в Новгород и Псков, совершенное в начале XV века⁵), в эпоху Ливонских войн, когда русские войска в 1558 г. захватили Нарву⁶. Такой выгодной перспективой не могли не заинтересоваться французские купцы. Они начали искать себе политическую опору для продвижения своих экономических интересов в Балтийском регионе. Их интересы совпали с мыслями о развитии французского влияния на Балтике, высказывавшимися Шарлем де Данзеем — французским послом-резидентом в Копенгагене⁷. Последний не устал писать ко двору, прося о содействии на-

№ 4. С. 198–227; Козулин В.Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI — начало XVII в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2(90). С. 78–86; Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М., 2017. 512 с.

⁴ Пащито В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 132–133; Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 23–25.

⁵ Мунд С. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах «Voyages et Ambassades» рыцаря Гильбера де Ланноа (1413) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 1(7). С. 47–50; Козулин В.Н. Образ «Великой Руси» и русских в сочинении рыцаря Гильбера де Ланноа // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 174–178.

⁶ Виане Б. Путешествие Жана Соважа... С. 26; Филюшкин А.И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018. С. 96–100.

⁷ Жордания Г. Очерки из истории... С. 3.

чинавшимися морским предприятиям⁸. Это было необходимо, так как именно король мог обеспечить защиту своим подданным, желавшим отправиться в опасное плавание: защиту как материальную (в виде боевых охранных судов), так и «моральную» (в виде писем монархам государств Балтийского региона, сообщавших о том, что те или иные его подданные, желавшие торговать в их водах, находились под его личной защитой)⁹. Так в синтезе политических и экономических интересов рождалось новое предприятие — французская торговля с Россией через русскую Нарву.

Однако прежде, чем подробнее остановиться на вопросе франко-русской торговли на Балтике, стоит рассмотреть проект дипломата Данзея. Это позволит наглядно представить наш тезис о синтезе политического и экономического факторов в системе франко-русских отношений рассматриваемого периода, преодолев такое разделение относительно раннего Нового времени, которое содержится в статьях П. Женена¹⁰ и В. Кирхнера¹¹. Речь идет о проекте Французской Ливонии, представленном в «Слове» Ш. де Данзея 1575 года¹². В нем дипломат-резидент описывал обычный для Средневековья и раннего Нового времени сценарий династийного принципа геополитического расширения. Данзей предлагал женить принца Франсуа Валуа на шведской принцессе Елизавете, с которой к французской Короне отойдет Ливония в качестве приданого. Протекторат над Ливонией даровал бы возможность превращения Балтики во французское море, открывая великолепные возможности для торговли и получения ресурсов этого региона. Однако проект Данзея шел куда дальше, чем «простое» овладение балтийской провинцией. Французский дипломат надеялся на пресечение королевской династии в Швеции: тогда, конечно же, шведы изберут новым монархом французского принца-протектора Ливонии, вся Балтика будет французской. С Россией

⁸ Correspondance de Charles de Dantzai, Ministre de France à la cour de Dannemark // Handlinger rörande skandnaviens historia. Stockholm, 1824. Т. XI. Р. 3–345.

⁹ *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011. С. 291.

¹⁰ *Jeannin P.* L'économie française... Р. 23–43.

¹¹ *Kirchner W.* Le commencement des relations... Р. 161–183.

¹² Correspondance de Charles de Dantzai... Р. 45–85.

же, по его мысли, стоило бороться за Ливонию в союзе со Швецией и Польшей. Деньги на эту войну, как и на покупку самой провинции, можно взять у французских торговых городов, имеющих дела с Москвой. После усмирения «московита» предполагалась защита Ливонии рядом крепостей и заселение этой земли французскими колонистами. В Польше же следовало вести политику препятствования избрания на королевский трон русского царевича или габсбургского принца, которые могли разрушить французскую «идиллию» на Балтике. Проект и впрямь поражает своим масштабом: на место панъевропейского проекта Габсбургов должен был прийти проект Валуа.

Такие масштабы не могли не вызвать никакую иную реакцию у исследователей, кроме как обвинения Данзея в «дипломатических фантазиях», «мечтаниях» и т. п.¹³ Однако это понятно с высоты наших сегодняшних знаний и изысканий. Вряд ли так думал сам Данзей, да и французская сторона в целом: проект писался не просто в качестве прекрасной выдумки или «фантазии», но для того, чтобы осуществиться. Проект Данзея — нормальная династийная стратегия накопления территорий и богатств. Создание французского протектората над Ливонией, а также занятие французским принцем шведского престола превратило бы Балтийское море в «*mare clausum*» французского суверена; произошла бы французская «территориализация» Балтики и монополизация торговли на всем балтийском направлении, в том числе торговли с Россией. Конечно, ливонские территории отдавали свой суверенитет, теряли свою независимость для того, чтобы перейти под сюзеренитет более сильных монархов, — так было в случае с Польшей и Швецией. Эта была обычная стратегия для Средневековья¹⁴. У французской короны сил для военной защиты Ливонии было, мягко говоря, мало, сколько бы денег она ни собрала с французских купцов или ни взяла бы в долг. Однако если французский принц становился шведским королем, то все мгновенно менялось: Ливония попадала бы под сильную руку шведского монарха в лице французского принца. Это один сценарий. Однако Данзей ориентировался на него в перспективе, ближе для него был дат-

¹³ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. С. 621–626; Жордания Г. Очерки из истории... С. 4.

¹⁴ Филюшкин А. И. Первое противостояние... С. 112.

ский вариант. Данзей писал о покупке некоторых городов и территорий у Ливонского ордена, где и станет правителем принц Франсуа. Нетрудно провести параллель с тем, что произошло в 1559 г., когда по Нюборгскому соглашению Дания купила у Ливонии остров Эзель за 30 тыс. талеров. Дополнительно к Дании отходили земли Курляндского епископства¹⁵. Данзей в «Слове» прямо говорил, что купцы Ла-Рошели, Парижа и Орлеана охотно пошли бы на пожертвование в виде 100 тыс. экю ради того, чтобы Франция заполучила как минимум Ревель, а как максимум — сделалась хозяином всей Ливонии (на купеческие пожертвования можно было бы содержать наемную армию). Сам выбор Ревеля был хорошо продуман: именно через него начала идти балтийская торговля после «закрытия нарвского плаванья» в 1562 г. по приказу Эрика XIV.

Так мы можем выделить в проекте Данзея сразу три уровня: малый, средний и великий. Малый заключался в покупке города Ревеля по примеру приобретения земель Данией. Средний предполагал не только покупку Ревеля, но и получение протектората над шведской частью Ливонии как приданого от брака со шведской принцессой Елизаветой. Великий развивал идею среднего уровня, говоря о занятии французским принцем шведского престола в случае пресечения шведской королевской династии.

Интересен здесь и еще один аспект. Мы показали, что сама идея «*mare clausum*» свойственна уже этому времени — последней трети XVI в. Таким образом, идеи, декларированные Джоном Селденом в трактате «Закрытое море», написанном в 1635 году¹⁶, были известны в практике международных отношений и ранее, хотя и не были облечены в стройную книжную научную форму. Сочинение Селдена было ответом на трактат Гуго Гроция с противоположным названием — «Свобода морей», написанный в начале XVII в., в 1609 г., и развитый в «О праве войны и мира»¹⁷. Однако, если обратиться к депешам Данзея, в которых он воспроизводит спор англичан и датского короля о торговле с Россией по Северному пути, становится понятным, что и идея «*mare liberum*» была известна до самого этого трак-

¹⁵ Филлюшкин А. И. Первое противостояние... С. 106–107.

¹⁶ Selden J. *Mare clausum*. L., 1636. 234 p.

¹⁷ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. 868 с.

тата. Из писем дипломата мы узнаем, что англичане обосновывали свое право на торговлю Северным путем тезисом о свободном море, общем «для всех христианских королей»¹⁸. Таким образом, трактаты как Селдена, так и Гроция — фиксация тех идей и практик, которые уже были в ходу по меньшей мере с последней трети XVI в. Поэтому отсчет практик «территориализации» морей нужно искать ранее, нежели с даты написания представленных трактатов.

Кроме того, проект Данзея было бы уместно рассмотреть в контексте Ливонских войн, перед этим выяснив их типологию. Думается, можно согласиться с тем мнением, что Ливонские войны более всего были похожи на Итальянские войны 1494–1559 гг., направленные на присоединение «карликовых государств» к новым монархиям¹⁹. И проект Французской Ливонии можно поместить в рамки именно такой характеристики типа этих конфликтов. Действительно, французский резидент во всех красках описывал те экономические приобретения, которые получит в свои руки французская корона. Но, на наш взгляд, не стоит этот проект, как и всю французскую сторону, ставить вне еще двух аспектов: религиозного и условно называемого «русского» аспекта, которые, к тому же, переплетаются. Оба не раскрываются в полной мере через «Слово» Данзея, однако их можно проследить, сопоставив некоторые факты. Уже в 1564 г. вышла первая история Ливонской войны — «*Historia belli Livonici*», написанная Тильманом Бреденбахом. Для него все происходившее — борьба между истинной католической верой и протестантской ересью. Господь же наказывает за протестантскую ересь нашествием иноплемеников — русских. И в проекте Французской Ливонии мы действительно можем увидеть повествование о «московитской угрозе» и необходимом союзе Французской Ливонии, Швеции и Польши против нее. Кроме того, сам Данзей был искренним протестантом-гугенотом, что видно по его переписке с гугенотским лагерем Генриха IV, в частности с Филиппом Дюплесси-Морне²⁰. Примечательно и то,

¹⁸ Correspondance de Charles de Dantzai... P. 190–191.

¹⁹ *Флюшкин А. И.* Первое противостояние... С. 27–28.

²⁰ Lettre de M. De Danzay, ambassadeur du roi de Dannemarck, à M. Duplessis-Mornay, 14 juin 1580 // Duplessis-Mornay Philippe. *Mémoires et correspondance*. P., 1824. Т. II. P. 103, 115.

что протектором Ливонии должен был стать Франсуа Валуа, веротерпимо относившийся к протестантизму и даже питавший к нему слабость. Так здесь воедино сплетаются два аспекта: «московитская угроза» и победа протестантизма в Ливонии.

Эти замечания нам нужны для лучшего понимания общей картины французского проникновения на Балтику. Без них и панорама франко-русских отношений остается неполной.

С самого начала открытия Нарвы для торговли Западной Европы с Россией, начинается постепенный рост количества кораблей, выходивших из французских портов. Эти сведения мы можем получить из данных датской таможни Зунда. Среди французских городов на первом месте стоял Дьепп, на второстепенных ролях — Кале, Гавр, Ла-Рошель и Бордо²¹.

Основными товарами, экспортируемыми из Франции в Россию в 1562 г., были соль и, в меньшей степени, ткани. Уже в 1566 г. можно проследить поставку перца, риса и других колониальных продуктов; экспорт вина также начал появляться в таможенных документах. Сухофрукты, инжир, изюм и сахар играли второстепенную роль: их экспорт был подвержен очень резким колебаниям. Иногда в документах мы также можем найти кожу, стекло и бумагу. Для импорта во Францию из Русского государства служили шкуры, меха, воск, лен, конопля и в меньших размерах — строительная древесина²².

Однако с 1568 г. — с прихода к власти в Швеции Юхана III — Балтийское море постепенно закрывается для французов. Процесс начался еще в 1562 г., но со временем негативные тенденции лишь усиливались. В 1569 г. только 48 кораблей из Франции пересекли Зунд против 380 в 1568 году²³. Все это было связано с теми действиями и санкциями, которые начала проводить шведская сторона на Балтике. Из депеш Ш. де Данзая мы не раз узнаем о конфискации французских кораблей и всего имущества французских купцов, заходивших в шведские порты. Таких случаев было огромное множество²⁴.

²¹ *Kirchner W.* Le commencement des relations... P. 166.

²² *Jeannin P.* L'économie française... P. 25; *Виане Б.* Путешествие Жана Соважа... С. 31–34.

²³ *Kirchner W.* Le commencement des relations... P. 168.

²⁴ *Correspondance de Charles de Dantzaï...* P. 104, 110–111, 128–129, 132, 139–140, 150, 159.

Все заступничества французского монарха не приводили ни к чему: шведский король отделялся пустыми обещаниями²⁵. Данзей был вынужден выкупать имущество купцов, тратя огромные средства и влезая в непомерные долги. Ситуация ухудшалась и тем, что сами французские купцы действовали довольно несогласованно: некоторые из них тайно давали взятки шведским сановникам ради вызволения своих кораблей, ввиду чего шведы не желали безвозмездно отпускать другие французские корабли²⁶. Все это не могло долго продолжаться. Шведы фактически закрыли Балтийское море для французов. При этом в своих письмах Данзей не уставал говорить о большом значении русской торговли²⁷. Требовалось искать новые пути для решения сложившейся проблемы. Идея напрашивалась сама собой: начать торговлю с Русским государством беломорским путем.

Таким образом, мы видим, что французская сторона для проникновения на Балтику использовала сразу несколько концептов, идей и стратегий. В основе Ливонского проекта Данзея лежала династичная стратегия накопления геополитических богатств, известная со времен Средних веков. Французы, наравне со Швецией, Англией и Данией, умело апеллировали к концепциям моря: это показывает, что идеи «*mare clausum*» и «*mare liberum*» были известны в практике международных отношений задолго до их научного оформления Гроцием и Селденом. Французские купцы были заинтересованы в балтийской торговле, однако слабость королевской власти во Франции (в качестве причин могут быть указаны религиозные войны и существование института покупки должностей, ослаблявшие центральную власть) не привела к прочному альянсу Короны и купечества, что не позволило развить первые успехи французов на Балтике в сколько-нибудь масштабные свершения.

²⁵ A Jean III, roi de Suède. Lettre d'Henri III de 16 avril, Blois // Biauudet H. Documents concernant les relations entre le Saint-Siège et la Suède durant la seconde moitié du XVIe siècle. Genève, 1907. T. II. P. 320.

²⁶ Correspondance de Charles de Dantzai... P. 139–140.

²⁷ Ibid. P. 111.

Д. К. Попов

Новосибирский государственный университет

Статус русских дипломатических миссий к кочевникам Центральной Азии в XVII в.

В статье на основе опубликованных источников предпринят анализ статуса русских посольств, которые московское правительство направляло для ведения переговоров с кочевыми этносоциумами Центральной Азии. Проанализирована семантика отдельных элементов дипломатии, игравших ключевую роль. Автор рассмотрел социальный статус русских дипломатов, их «ранг», а также посольскую свиту. Это позволило заключить, что Московское государство корректировало те дипломатические традиции, которые формировались в течение длительного времени.

Ключевые слова: дипломатические практики, статус посольств, кочевники Центральной Азии, московский государь, дипломатический ранг.

В современной дипломатии статус посольства во многом определяется статусом государства или организации, с которыми ведется дипломатический диалог. Это находит отражение в дифференциации дипломатических представительств. В отношениях с разными правительствами, в зависимости от той или иной международной ситуации, а также исходя из традиций, сложившихся в течение длительного диалога, государство используют различные дипломатические представительства: посольства, дипломатические миссии и миссии¹. Кроме того, данные представительства возглавляют ди-

¹ В данной статье синонимом понятию «дипломатическая миссия» будет выступать слово «посольство». При этом сразу отметим, что в понятие посольство (дипломатическая миссия) мы вкладываем не современное понимание этого слова, согласно которому посольство – это высший статус дипломатических представительств. В нашем случае посольство — это отдельно взятое лицо, либо группа лиц, которые были отправлены в иностранное государство с определенным поручением. Отметим, что в рассматриваемое

пломаты с определенными рангами в соответствии с дипломатическим протоколом. Последний включает в себя также специфические правила и традиции, которые сложились в межгосударственных отношениях. Протокол в отношениях с разными странами имеет определенную специфику, которая обусловлена различными факторами: как состоянием межгосударственных отношений, так и этнокультурными особенностями государств. Таким образом, статус дипломатического представительства, дипломатический ранг, специфика дипломатического протокола и прочие составляющие — все это определяется особенностями межгосударственных отношений. Для понимания специфики современных дипломатических практик необходимо их рассмотрение в исторической ретроспективе.

В исторической науке исследователи обращали внимание на специфику дипломатических практик Московской Руси в XV–XVII вв. В частности, вопрос о статусе русских посольств на материале отношений с европейскими и крымскими правителями был рассмотрен Л. А. Юзефовичем. Исследователь достаточно подробно проанализировал семантику ритуалов и практик Московского государства на указанных направлениях². Отдельные вопросы протокола на примере русско-крымских отношений были затронуты А. Л. Хорошкевич³. На дипломатический протокол Московской Руси также обращал внимание М. Ходарковский⁴. Таким образом, статус русских посольств в Европу, Крымское ханство, Ногайскую орду, а также семантика отдельных практик в исторической литературе, так или иначе, рассматривались.

Имеющиеся исследования по дипломатическим отношениям Московского государства с центрально-азиатскими кочевниками обходят вопрос о статусе русских посольств стороной. Н. П. Шасти-

время в практике Московской Руси не существовало постоянных дипломатических представительств в том или ином государстве.

² Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV — начала XVII в. М., 1988. 216 с.; *Он же*. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2011. 344 с.

³ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С. 196–207.

⁴ Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. С. 64–73.

на⁵, подробно изучившая русско-монгольские отношения в XVII в., не рассматривала статус русских посольств, а Л. Ш. Чимитдоржиева упомянула лишь отдельные аспекты, влиявшие на статус русских посольств в целом⁶. Отдельные практики затрагивала в своей работе и Р. А. Кушнерик⁷. В целом исследователи рассматривали дипломатические практики по отдельности, однако вопрос о статусе русских посольств, которые ездили в Центральную Азию, до сих пор еще не становился предметом специального изучения.

Прежде чем анализировать статус дипломатических миссий, мы отметим факторы, которые оказывали влияние на него. Во-первых, поскольку в представлении средневековых людей дипломат являлся воплощением своего правителя, важно учитывать социальный статус данного дипломата, его место в иерархии чинов московского общества. Во-вторых, одним из показателей, влиявших на статус посольства в целом, являлся «ранг» данного дипломата: чем он выше, тем выше статус самой миссии, а это может говорить и о важности контрагента, его высоком положении в иерархии монархов. В-третьих, показателем статуса дипломатической миссии являлась свита, по большей части, выполнявшая декоративную функцию, подкреплявшая как статус самого дипломата, так и статус посольства в целом. Таким образом, рассмотрение данных факторов позволит нам понять статус русских посольств, которые ездили с поручениями к кочевым этносоциумам Центральной Азии в XVII в.

Русские посольства в Центральную Азию возглавляли, как правило, представители служилых людей по отечеству, причем, занимавших нижнюю ступень в иерархии чинов — дети боярские⁸. Нередко правительство отправляло и представителей приборных служилых

⁵ *Шастина Н. П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. 182 с.

⁶ *Чимитдоржиева Л. Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ, 2006. С. 25–26.

⁷ *Кушнерик Р. А.* Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII — 50-е гг. XVIII в.). Барнаул, 2008. 267 с.

⁸ Русско-монгольские отношения. 1607–1636 гг.: сб. документов. М., 1959. С. 101, 106–108, 111, 120–122, 159, 166, 188, 192–195 и т. д.; Русско-монгольские отношения. 1636–1654 гг.: сб. документов. М., 1974. С. 24, 32, 50, 64 и т. д.

людей — пятидесятников⁹, десятников¹⁰ и рядовых казаков¹¹. Кроме того, в некоторых случаях задействовались и служилые юртовые татары¹².

В европейские страны, Крымское ханство, Османскую империю московское правительство, как правило, отправляло в качестве дипломатов представителей Государева двора, занимавших различные позиции в его иерархии: от самых высоких чинов (боярских родов «первой статьи») до нижних чинов (выборных дворян). В отношениях с тем или иным государством существовали определенные традиции, связанные с характером отношений, их местом в иерархии иностранных государств. Например, в Речь Посполитую посылали представителей боярских родов «первой статьи», в Шведское королевство — окольничих, а в отдельных случаях бояр первостепенных родов, как в Речь Посполитую, и т. д.¹³

Вообще в посольской практике Московского государства отправка в качестве дипломата человека незнатного происхождения, занимавшего низкие ступени в общей иерархии служилых чинов, свидетельствовала о принижении статуса того правителя, к которому отправилось посольство. В представлении московского общества, чем выше чин дипломата и его происхождение, тем больше московский государь оказывал «чести» монарху, который принимал дипломатическую миссию. Соответственно, чем ниже чин, происхождение

⁹ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 434–436; *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII — начала XVIII вв. Абакан, 1995. С. 86–87; Русско-монгольские отношения. 1654–1685 гг.: сб. документов. М., 1996. С. 26, 71.

¹⁰ *Миллер Г. Ф.* История Сибири... С. 471–473; Русско-монгольские отношения. 1636–1654 гг. ... С. 70; Русско-монгольские отношения. 1654–1685 гг.... С. 278; Русско-монгольские отношения. 1685–1691 гг.: сб. документов. М., 2000. С. 318.

¹¹ Русско-монгольские отношения. 1607–1636 гг. ... С. 44, 51; Русско-монгольские отношения. 1636–1654 гг. ... С. 190; *Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии... С. 118.

¹² Русско-монгольские отношения. 1607–1636 гг. ... С. 112; Русско-монгольские отношения. 1654–1685 гг. ... С. 256.

¹³ См. подробнее: [*Котошихин Г. К.*] О России, в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1859. С. 19–34.

дипломата, тем меньше русский царь оказывал «честь», да и вообще вряд ли воспринимал иностранного правителя равным себе. Например, сознательно принижая статус ногайского бия за то, что он надолго задержал у себя русских послов, Иван IV отправил к нему посланцем служилого татарина. Кстати, это послужило ухудшению русско-ногайских отношений¹⁴. Кроме того, в XVII в., когда ногайцы вообще перестали рассматриваться московским правительством равноправными партнерами, к ним стали отправлять с дипломатическими поручениями приборных служилых людей, в том числе рядовых казаков¹⁵.

В Сибири же отсутствовали представители аристократии служилых людей, за исключением сибирских воевод. В некоторых случаях правительство предписывало отправлять дворян, которые появились в Сибири только в конце XVII в. Тобольский воевода И. С. Куракин сообщал в приказ Казанского дворца об отсутствии в Сибири дворян, а что касается детей боярских, то «которые детишка боярские в Тобольску есть, и те худы и бедны»¹⁶.

В ставки кочевников дипломаты ездили, как правило, в «ранге» посланцев. Это наблюдалось в русско-халхаских и русско-ойратских отношениях. Исключение составляли хотогойтские правители, к которым отправлялись послы. Это свидетельствует о том, что алтын-ханы, вероятно, занимали более высокую ступень в иерархии кочевых правителей.

Заметим, что в дипломатической практике Московского государства отдельно взятому «дипломатическому рангу» соответствовали определенные социальные категории. Послами назначались князья и бояре, посланниками — окольничие и думные дворяне, а гонцами — дворяне, дети боярские, подьячие. Как видим, в русско-кочевнических отношениях данные устоявшиеся нормы подверглись определенной корректировке. В данном случае, послом мог стать как представитель нижних чинов служилых людей по отечеству¹⁷, так и представитель

¹⁴ Ходарковский М. Степные рубежи России... С. 69.

¹⁵ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 586.

¹⁶ Русско-монгольские отношения. 1607–1636 гг. С. 49.

¹⁷ Русско-монгольские отношения. 1636–1654 гг. С. 31–50, 50–64; Бутанав В. Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии... С. 87.

приборных служилых людей (например, пятидесятник Родион Кольцов, ездивший к алтын-хану в 1657 г.)¹⁸. Такая же ситуация складывалась и с посланниками¹⁹. Московское правительство, по-видимому, понимая, что дипломаты, которых посылали в ставки кочевников, вели реальные переговоры, стало номинировать их «средним» «дипломатическим рангом», то есть посланниками.

Свита в отношениях с тюркскими и монгольскими племенами отсутствовала. Вообще в дипломатии того времени свита подчеркивала статус посольства, а также статус самого дипломата, создавала «видимость» важности монарха, который принимает посольство. К кочевникам ездили посольства, общая численность которых варьировалась от одного до 13 человек. Причем преобладали посольства, состоящие из двоих и троих человек. Состоявшие в «свите» посольств казаки выполняли охранные функции. На общем фоне выделялись только два посольства, численность которых достигала 30 и более человек. Одно из них возглавлял Я. О. Тухачевский в 1633 г. Большая численность посольства, вероятно, была вызвана стремлением произвести впечатление на хотогойтского алтын-хана и склонить его к шертованию²⁰. Другая миссия состоялась в 1673 г., а ее большая численность была обусловлена необходимостью сопровождения аманатов, которых правительство планировало взять с джунгарского тайши Дундука для гарантии принесенной им шерти²¹.

Тюркские и монгольские кочевники рассматривались Московским государством как потенциальные подданные, «холопы» русско-

¹⁸ Русско-монгольские отношения. 1654–1685 гг. С. 26.

¹⁹ Русско-монгольские отношения. 1636–1654 гг. С. 26, 217, 376, 387 и т. д.

²⁰ О целях данного посольства см. в статейных списках дипломатов: Русско-монгольские отношения. 1607–1636 гг. С. 203–227. Кстати, отметим, что Я. О. Тухачевский, пожалуй, единственный, кто ездил в Монголию, будучи в чине московских дворян. Не исключено, что его достаточно «высокий» статус был связан с «важностью» русского посольства, которому придавалось, судя по всему, большое значение. Только спустя чуть больше половины века в посольской деятельности на центрально-азиатском направлении был задействован дворянин. Однако он состоял в свите полномочного посла Ф. А. Головина, и это не являлось специализированной миссией, посланной из столицы (Русско-монгольские отношения. 1685–1691 гг. С. 106; Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. 1686–1691. М., 1972. Т. 2. С. 72).

²¹ Русско-монгольские отношения. 1654–1685 гг.... С. 256.

го государя. Об этом свидетельствует то, что правительство требовало от кочевников принесения шерти (присяги). Данный факт уже говорит о неравном положении двух сторон. Осознавая необходимость ведения дипломатического диалога, правительство задействовало в практике местных служилых людей, понимая, что к не равным государю нет необходимости посылать представителей служилой аристократии и тем самым оказывать им больше «чести». К тому же удаленность территории и угроза военных столкновений на южных рубежах Сибири также имели место. Нечто подобное сложилось и в отношениях со Священной Римской империей. Однако там московский государь признавал римского императора «братом», да и он к тому же находился на вершине иерархии иностранных правителей. Именно поэтому туда посылали в «ранге» хоть и посланников, но все же лиц относительно высокого происхождения, тем самым оказывали «честь» цесарю. В случае с кочевниками Степи, правителей которых государь и не собирался признавать своими «братьями»²², мы можем наблюдать одновременно и прагматическую сторону, и символическую.

Сравнивая статус посольств на европейско-крымском и центрально-азиатском направлениях, можно констатировать, что статус последних был низким. Анализ дипломатических практик показал, что правительство, исходя из своих стремлений, установить протек-

²² Вопрос о «братстве» являлся ключевым в русской дипломатии, поскольку признание царем какого-либо монарха своим «братом» означало его признание как равного себе правителя. Отметим, что русская власть всячески противилась употреблению кочевниками понятия «брат» по отношению к московскому государю. В 1633 г., когда посольство Я. О. Тухачевского и Д. Огаркова отправилось к алтын-хану, их встретил «пристав» хотогойтов Шубачи-тархан. Во время приветствия Шубачи-тархан назвал русского царя «братом» алтын-хана. Это, судя по отчетным документам, возмутило русских дипломатов, и те начали «лаять» «пристава» за употребление данного понятия по отношению к государю (Русско-монгольские отношения. 1607–1636 гг. С. 204). Не важно, осудили ли дипломаты монгольского тархана за употребление понятия «брат» по отношению к царю, или это уже было вставлено самими дипломатами во время составления ими отчета, однако это показывает непризнание алтын-хана равноправным правителем. Тем не менее, это не мешало отправлять московскому правительству к хотогойтам дипломатов в «ранге» послов.

торатно-вассальные отношения с этносоциумами Степи, не стремилось посылать к кочевникам посольства более высокого статуса. Существование определенной иерархии кочевых правителей не означало, что посольские миссии к кочевым «вождям», находившимся на «высокой» ступени, имели высокий статус. «Выделяя» из остальных тюркских и монгольских правителей хотогойтских алтын-ханов, Московское государство отправляло к ним дипломатов в «ранге» послов, при этом социальный статус этих послов был достаточно низким (если сравнивать с европейско-крымскими посольствами). Тем не менее, это не мешало рассматривать их как потенциальных подданных. Можно сказать, что правительство корректировало некоторые дипломатические практики, сложившиеся еще в XVI в., адаптируя их под новые реалии.

Д. О. Манин

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Балтийский вопрос в русско-французских отношениях во второй половине XVII в.

Представленная статья посвящена развитию балтийского вопроса в русско-французских отношениях. Под балтийским вопросом подразумевается комплекс внешнеполитических проблем Русского государства, частично включавший в себя торговый вопрос, а также вопросы дипломатических отношений с основными региональными государствами: Швецией, Данией, Бранденбургом и Курляндией. Основой источниковой базы стали статейные списки русских посольств во Францию, материалы Архива министерства иностранных дел Франции и Национальной библиотеки Франции. Ключевое внимание уделено проблеме франко-русского взаимодействия в балтийском регионе и противостояния обеих сторон со Швецией и Соединенными провинциями. Сделаны выводы об особенностях дипломатического сближения двух государств, их интересах в регионе и о созданных предпосылках для развития отношений в XVIII в.

Ключевые слова: русско-французские отношения, балтийская торговля, А. Л. Ордин-Нащокин, Ж.-Б. Кольбер, войны Людовика XIV, Балтийское море.

Проблема выхода России к Балтийскому морю приобрела в XVII в. особое значение. Если в XVI в. внешняя политика страны, даже в рамках Ливонской войны, не ставила перед собой задач расширения выхода к Балтийскому побережью¹, то потеря контроля над оставшимся побережьем в начале XVII в. поставила балтийский вопрос особенно остро. Ситуация усугублялась статьей

¹ *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 601–622.

17 Столбовского мирного договора (в дальнейшем подтвержденной Валиесарским и Кардисским договорами), согласно которой вся балтийская торговля России должна была вестись исключительно со шведскими городами, при этом оставалась запрещена торговля между русскими и иностранцами в Швеции². При этом имели место шведские и голландские проекты переноса русской торговли из Архангельска на Балтику для полного контроля над ней³. В этих условиях русская дипломатия разрабатывала пути преодоления прибалтийского барьера, среди которых в середине XVII в. оказался и французский. Французское присутствие на Балтике сохранялось на протяжении всего XVII века⁴, хотя и было значительно меньше голландского. Политика Ж.-Б. Кольбера, направленная на преодоление голландской торговой гегемонии, не могла обойти стороной один из наиболее важных регионов для их торговли, что отразила глава «Совершенного Негоцианта» Ж. Савари (сторонник Кольбера, известный составлением «Эдикта о розничной и оптовой торговле»), посвященная балтийской торговле⁵. Основой для современной историографии русско-французских отношений в XVII в. стал труд А. Н. Рамбо⁶ (от которого идет французская линия историографии), к нему стоит добавить статью П. Буассоннада и П. Шарлиа⁷, положившую начало изучению Северной торговой компании Франции, ориентированной в том числе на балтийскую торговлю. Современная французская историография франко-русской дипломатии в XVII в. представлена в первую очередь статьями М.-К. Шоб⁸,

² Шаскольский И. П. Столбовский мир и торговые отношения России со Шведским государством. Л., 1964. С. 85–87.

³ Индеева С. В. Иностранцы проекты развития русской торговли // Вестник ТвГУ. 2013. Вып. 4. С. 150–157.

⁴ Le Bouëdec G. Le grand cabotage entre la France et les ports de l'Europe hanséatique, scandinave et baltique XVIIIe–XIXe siècles // Revue du Nord. 2017. No. 2 (420). P. 295–296.

⁵ Savary J. Le Parfaite Negociant. P., 1675. Pt. II. P. 91–99.

⁶ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française. P., 1890. T. VIII.

⁷ Boissonnade P., Charliat P. Colbert et la Compagnie de Commerce du Nord // Revue d'histoire économique et sociale. P., 1929. T. 17. No. 2. P. 156–204.

⁸ Shaube M.-K. Obtenir l'oreille du roi. Les entretiens diplomatiques lors de l'ambassade russe de Pierre Ivanovitch Potemkin et Siméon Roumiantsev à la

наиболее комплексным исследованием истории Северной торговой компании стала монография А. Краатц⁹. Русская историография русско-французских отношений, начинающаяся с работы П. В. Безобразова¹⁰, остается не до конца разработанной, наиболее комплексно особенности русско-французских отношений представлены в соответствующей главе монографии Ю. В. Борисова и работе Б. Н. Флори¹¹. Существующий пробел в историографии изучения русско-французских отношений должна частично восполнить наша статья. При этом она затрагивает актуальную проблему поиска пути взаимовыгодного сотрудничества России и Западной Европы. Главной задачей статьи является анализ развития балтийского вопроса в рамках русско-французской дипломатии второй половины XVII в. и реконструкция путей его решения.

Балтийский вопрос для франко-русских отношений имел особое значение. Чаще всего французскую политику в Восточной Европе в 1650-х годах рассматривают как попытки умиротворить регион, направив все его силы на вражду с Габсбургами¹². Несмотря на эту основную линию французской дипломатии, в ней присутствовали и ряд побочных линий, в том числе для Франции оставался актуальным вопрос о торговле в регионе Севера, особенно на Балтике, где присутствие французов было наиболее значительным. Влияние Франции на Кардисский мир 1661 г. России со Швецией предполагалось еще П. В. Безобразовым¹³, но сегодня роль Д. Мазарини в заключении договора четко прослежена французскими исследователями¹⁴. Обращаясь к копии договора из французского архива иностранных

cour de Louis XIV (1668) // *Paroles de négociateurs. L'entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen-Age à la fin du XIXe siècle*. Rome, 2010. P. 216–229.

⁹ *Kraatz A. La Compagnie Francaise de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siecles*. P., 1993. 212 p.

¹⁰ *Безобразов П. В. О сношениях России с Францией*. М., 1892. 465 с.

¹¹ *Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV*. М., 1991. 380 с.; *Флора Б. Н. Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления*. М., 2013. 448 с.

¹² *История внешней политики России. Конец XV — XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны)*. М., 1999. С. 287.

¹³ *Безобразов П. В. О сношениях России... С. 17.*

¹⁴ *Губер П. Мазарини*. М., 2000. С. 409.

дел, можно заметить, что положения о торговле в нем выделены особо¹⁵. Вероятно, кардинал был заинтересован не только в балансе сил на Балтике, но и в развитии экономических связей с регионом.

Заинтересованность России в сближении с Францией выразилась, в частности, в программе Ордина-Нащокина — о заключении выгодного мира с Речью Посполитой в 1662 году¹⁶, но подобные инициативы наткнулись на противодействие Австрии¹⁷. Поэтому сближение России с Францией на почве польского вопроса не состоялось. Альтернативный путь предлагал балтийский вопрос.

Во второй половине XVII в. позиции Франции были сильны не только в Речи Посполитой (в начале 1660-х годов это была прежде всего королевская партия и сторонники возведения герцога Энгиенского на польский престол), но и в Швеции (являвшейся союзником Франции со времен Тридцатилетней войны). При этом Франция умело лавировала между своими союзниками в регионе, несмотря на стремление к сохранению между ними мира перед лицом общих противников — Габсбургов. Впрочем, сами французские союзники лавировали в той же мере, пытаясь заручиться поддержкой Франции в конфликтах друг с другом: так, Любомирский (сторонник прогабсбургской ориентации Речи Посполитой) на переговорах с представителями России в 1666 г. убеждал их, что избрание герцога Энгиенского на престол государства неминуемо приведет к агрессии Речи Посполитой не только против России, но и против шведов в Ливонии, при использовании французской поддержки, как гарантии мира с Османской империей¹⁸. На аналогичную поддержку русской внешней политики мог рассчитывать и Ордин-Нащокин.

Андрусовское перемирие 1667 г. и последующее русско-польское сближение стало победой А. Л. Ордина-Нащокина, который получил руководство Посольским приказом и продолжил осуществление своей внешнеполитической программы, ориентирован-

¹⁵ Arch. du ministere des affaires étrangères (AE), Correspondence Politique (CP), Russie. Vol. 01. Extrait des nouveaux traite de Paix Commerce a Cardoiss en Livonie entre Sa M-st le Roy de Suede et le Grand Duc de Moscovi, fol. 10–11.

¹⁶ *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа... С. 17.

¹⁷ Там же. С. 86.

¹⁸ Там же. С. 133.

ной, в том числе и на достижение Россией выхода к Балтийскому морю¹⁹.

На другом конце христианского мира после смерти Д. Мазарини (в 1661 г.) главной фигурой, формирующей экономическую политику Франции, стал его назначенец — Ж.-Б. Кольбер. На протяжении 1663–1665 гг. он зондировал настроения купцов по отношению к северной торговле и к созданию Северной торговой компании, так как стратегические ресурсы для флота он не мог доверить иностранцам (изучение северной торговли стало одним из пунктов его программы, заявленной на заседании совета торговли в августе 1664 года²⁰). 5 декабря 1664 г. была установлена премия в два ливра на тонну водоизмещения для собственников кораблей, отправлявшихся на Балтику, в Норвегию или Россию²¹. Пользуясь своим новым положением, А.Л. Ордин-Нащокин решил возродить торговый вопрос в русско-французской дипломатии, что отразилось в наказе посольству П.И. Потемкина 1667 г. В нем А.Л. Ордин-Нащокин предписывал послам в Испанию и Францию объявить, «чтоб на обе стороны Великих Государей, подданные, торговые люди ходили и торговали»²² (во Франции, в отличие от Испании, это стало основной целью посольства²³), посольству даже выделили разбиравшегося в вопросах торговли переводчика — И. Гонсенца. При этом возрожденный торговый вопрос качественно отличался от существовавшего в конце XVI — первой половине XVII в. Именно через развитие торговли с Западной Европой руководитель Посольского приказа планировал добиваться международной изоляции Швеции, контролировавшей балтийскую торговлю России и в конечном счете обеспечить вы-

¹⁹ *Флоря Б.Н.* Наследник А.Л. Ордина-Нащокина (русский резидент в Варшаве В.М. Тяпкин и Балтийский вопрос) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2016. № 1(63). С. 64–65.

²⁰ Первое заседание Совета торговли под председательством короля 3 августа 1664 г. // *Старый порядок во Франции. История в источниках*. М.; Л., 1925. С. 30.

²¹ *Малов В.Н.* Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. 167 с.; *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV... С. 164–165.

²² *Тайный наказ* // *Сын Отечества*. 1850. № 6. С. 3.

²³ *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа... С. 211.

ход России на рынки других европейских стран, кроме Швеции²⁴, при этом не попав в зависимость от шведского и голландского посредничества.

Помимо дипломатических факторов, Франция могла сыграть на руку России благодаря росту военного присутствия в Балтийском море, так как отсутствие поддержки морских сил мешало русской экспансии в Прибалтику (что показала осада Риги в 1656 г.). Россия была заинтересована в наличии если не своего собственного, то союзнического флота. Разочаровавшись в возможностях договориться с Англией (в 1664 г. в Москву пришли слухи о готовности Англии пойти на союз с Швецией и уничтожить Архангельск²⁵), А. Л. Ордин-Нащокин вынужден был искать новых союзников, о чем стало известно во Франции (И. Гонсенц, агент Кольбера в России, видел возможность переиграть англичан по пошлинной политике, именно пользуясь ее позицией в отношениях с Швецией²⁶).

Во Франции на встрече послов с королевскими советниками в 1668 г. сразу нашло отклик предложение торговли, от которой бы «великим государствам прибавленья и расширенья прибывало»²⁷, поставленное посольством во главу угла²⁸, так как оно соответствовало экономической программе Кольбера. По его инициативе 29 августа московскому посольству был представлен проект торгового договора, который, впрочем, русский посол П. И. Потемкин еще не мог подписать, и его обсуждение откладывалось до ответного французского посольства в Россию. Тем не менее посольство произвело впечатление на французов: еще во Франции 31 августа к послам прибыли представители шести парижских цехов для уточнения условий торговли в Архангельске, пообещав снарядить корабли в Архангельск на следующий год. Посольство Потемкина привлекло внимание французского общества к России²⁹, купцам были сужены сред-

²⁴ *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа... С. 211.

²⁵ Там же. С. 93, 213.

²⁶ *Kraatz A.* La compagnie... P. 25.

²⁷ Тайный наказ... С. 3.

²⁸ *Статейный список П. И. Потемкина (Франция) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки.* М.; Л., 1954. С. 428–430.

²⁹ *Борисов Ю. В.* Дипломатия Людовика XIV... С. 342.; *Берелович А., Назаров В. Д., Уваров П. Ю.* Как издавали записки Маржерета // Маржерет Ж. Со-

ства для торговли с Россией, для разведки речного пути в Персию был отправлен Бутлер³⁰, а на следующий год учреждена Северная компания³¹, для создания которой Кольбер не мог найти поддержки в первой половине 1660-х годов. В России агентом компании стал И. Гонсенц³², переводчик посольства П. И. Потемкина, завербованный французами еще во время посольства.

В 1670-х годах основной задачей Франции в Восточной Европе оставалось поддержание мира для создания угрозы с востока империи Габсбургов. Развитие уже учрежденной Северной торговой компании было остановлено Голландской войной Людовика XIV в 1672 г. Западноевропейская война не давала возможности к сближению России с Францией в балтийском вопросе, так как мешала проникновению Северной компании на балтийские рынки. Попыткой помочь Европе достичь мира стало посольство А. А. Виниуса 1672–1674 гг., направленное в Англию, Францию и Соединенные провинции. Основными целями посольства во Франции были склонение Людовика XIV к миру с Голландией и привлечение внимания Франции к происходившей эскалации конфликта России и Речи Посполитой с Османской империей³³. Перспективам превращения Франции в важную силу в Прибалтике мешало то, что в 1670-х годах Франция еще не имела достаточно сильного флота для морского противостояния с Соединенными провинциями, особенно в Балтийском регионе³⁴. Тем не менее уже намечалась будущая сила французского флота: в апреле 1676 г. в битве у Агосты французами был смертельно ранен знаменитый голландский адмирал де Рюйтер, а в июне того же года

стояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: тексты, комментарии, статьи. М., 2007. С. 21.

³⁰ *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа... С. 211.

³¹ Эдикт об учреждении Северной торговой компании // *Старый порядок во Франции. История в источниках.* М.; Л., 1925. С. 36.

³² *Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Cinq cents de Colbert 204. Registre de dépêches et correspondance de Colbert concernant le commerce extérieur et intérieur (1669). Au s-r Goosen à Moscou.* P. 100.

³³ *Казакова Н. А.* А. А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Л., 1985. Т. XXXIX. С. 351.

³⁴ *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. М., 2015. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. С. 46.

при Палермо разгромлены основные голландско-испанские силы в Средиземноморье³⁵.

Несмотря на эти сложности, в следующем десятилетии балтийский вопрос продолжал развиваться. Временная передышка в войнах Людовика XIV была использована русской дипломатией для возвращения к торговому проекту. Ордин-Нащокин был отправлен в отставку еще в 1671 г., но П. И. Потемкин в 1681 г. вернулся во Францию в составе нового посольства (вместе со вторым послом Волковым). Торговый проект стал делом его дипломатической карьеры. Кольберовский энтузиазм первого десятилетия самостоятельного правления Людовика XIV уже пошел на спад, и к послам для обсуждения проекта был отправлен лишь один советник — министр иностранных дел Франции Ш. Кольбер де Круасси (младший брат Ж.-Б. Кольбера). Де Круасси провел переговоры, но перспективы торгового договора счел пустой формальностью, как и попытку России добиться французского посредничества с Швецией по балтийскому вопросу, а менталитет русских был так далек от французов, с точки зрения де Круасси, что торговля между ними была невозможной³⁶. Так в начале 1680-х годов торговый вопрос окончательно отделился от балтийского, поскольку происходило дипломатическое сближение России в балтийском вопросе с Голландией³⁷. Тезис де Круасси о различии в менталитете попал в труды историков; именно это посольство П. В. Безобразов считал конченой точкой развития торгового вопроса в XVII веке³⁸. Тем не менее, наряду со скептической оценкой русских министром иностранных дел, среди французов продолжало существовать восхищение П. И. Потемкиным, которое транслировалось на русский народ. В частности, это отразил Флассан в своем высказывании: «Все, что говорил посол, свидетельствовало о его разуме и образованности, позволяло с выгодной стороны узнать его нацию, которую рассматривали

³⁵ *Созаев Э., Махов С.* Борьба за господство на море. Аугсбургская лига. СПб., 2008. С. 164–178.

³⁶ *Le ministre des affaires étrangères de Croissi Colbert au résident qui est à Moscou // Сборник Русского исторического общества.* СПб., 1881. Т. 34. С. 400.

³⁷ *Белов М. И.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // *Международные связи России в XVII–XVIII вв.* М., 1966. С. 62–64.

³⁸ *Безобразов П. В.* О сношениях России... С. 27.

как варварскую, основываясь на том неразумном соображении, что она еще не связала свои политические интересы с политическими интересами Западной Европы»³⁹.

Несмотря на реальное расхождение балтийского и торгового вопросов, последний продолжал формально существовать и использовался Францией, в том числе и в ее политике в Прибалтике. В 1682–1683 гг. в окружении Людовика XIV рассматривался проект антишведской коалиции (с Данией, Бранденбургом и возможным включением России), французские представители стремились узнать внешнеполитические планы России (что продемонстрировала встреча французского посла в Стокгольме с миссией Н. Алексеева, французский посол даже обзавелся к ней соответствующей документацией о событиях в Москве⁴⁰). Тем не менее для развития проекта коалиции требовался официальный контакт с Москвой, для чего было подготовлено посольство де ля Пикетьера 1683 г., использовавшее своим формальным поводом установление торговых отношений между государствами. Послу специально была дана записка французов, торгующих на Севере, для создания наибольшего прикрытия его антишведской миссии⁴¹. Однако к этому времени Россия окончательно отошла от балтийского проекта времен Ордина-Нащокина и концентрировалась на противостоянии с Османской империей и Крымским ханством, поддерживая мир с Швецией.

Дальнейшие русские посольства (Ерофеева в 1685 и Долгорукого в 1687 гг.) были направлены в первую очередь на решение турецкого, а не балтийского вопроса. Несмотря на провал посольства Я. Долгорукого, на аудиенции у де Круасси в 1687 г. посол снова предлагал французам продолжить обсуждение французской торговли в России в ответном посольстве⁴². Тем не менее, обстоятельства приема по-

³⁹ Цит. по: *Борисов Ю. В.* Дипломатия Людовика XIV... С. 346.

⁴⁰ *Казаков Г. М.* Поездка подьячего Никиты Алексеева в Швецию и Данию в 1682 г. // *Российская история.* 2018. № 3. С. 125–127.

⁴¹ *Mémoire pour servir d'instruction au Sr. de la Piquetierre s'en allant à Moscovie en qualité d'Envoyé extraordinaire du Roi* // *Сборник русского исторического общества.* Т. 34. СПб., 1881. С. 404.

⁴² *Extrait de ce qui s'est passé dans la conférence à St. Denis, entre mseigneur de Croissy et les ambassadeurs de Moscovie, le 1-er September 1687* // *Сборник Русского исторического общества.* СПб., 1881. Т. 34. С. 14–15.

слов стали дипломатическим скандалом, блокировавшим развитие русско-французских связей в последнем десятилетии XVII в.

Таким образом, балтийский вопрос, вставший перед Россией в начале XVII в., способствовал расширению ее дипломатических контактов. Впервые наиболее ярко это отразилось во внешнеполитической программе А. Л. Ордина-Нащокина, однако после его ухода южное направление начало все больше привлекать внимание России, в то время как со Швецией поддерживался мир. С французской стороны внимание к балтийской торговле стало активно проявляться лишь при Кольбере (несмотря на предпосылки при Мазарини). При этом в 1680-х годах, когда влияние Кольбера на политику Франции ослабло, основной заботой королевства в балтийском регионе снова оказались политические процессы, что проявилось в попытке создания антишведской коалиции в 1682–1683 гг. Вторая половина XVII в. так и не стала временем решения для России балтийского вопроса, но ряд достижений XVII в., в том числе сохранение общих интересов с Данией в балтийском вопросе (поддерживаемое Францией в 1680-х годах) явились фундаментом для политики Петра I в начале XVIII в.

Е. С. Ермаков

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

**Перманентные проблемы
внешнеполитической деятельности
Конфедеративных Штатов Америки (1861–1865 гг.)**

В представленной статье рассмотрены отдельные стороны внешней политики Конфедеративных Штатов Америки в контексте международных отношений. На основе анализа корпуса документальных источников внешнеполитического характера изучаются проблемы внешнеполитического признания Конфедерации, блокады ее морских портов флотом США и рабовладения. Большое внимание уделяется институциональным аспектам внешнеполитической деятельности КША и позиции Великобритании и Франции по указанным проблемам. Делается акцент на проблеме рабовладения как важнейшего фактора внешнеполитической деятельности КША. Формулируется вывод о том, что на международной арене судьба Конфедерации в первую очередь находилась в руках Великобритании и Франции как великих держав Европы.

Ключевые слова: Конфедерация, США, гражданская война, блокада, Франция, Великобритания, рабовладение.

Проблематика гражданской войны в США занимает значительное место как в американской, так и в постсоветской исторической науке. Международные и внешнеполитические ее аспекты, связанные с историей Конфедерации, однако, в меньшей степени интересны исследователям, хотя историография изучения истории данного государства имеет и свои продолжительные традиции.

Американская историография истории КША развита и насчитывает большое количество трудов, рассматривающих ее внешнеполитические и международные аспекты¹. В этом отношении совет-

¹ См.: *Callahan J.M.* The Diplomatic History of the Southern Confederacy. Baltimore, 1901. 304 p.; *Owsley F.L.* King Cotton Diplomacy: Foreign Relations of the Confederate States of America. Chicago, 1931. 617 p.; *Peterson D.L.* Confeder-

ская и постсоветская историография носит ограниченный характер. Имеющиеся исследования в основном сосредотачиваются на изучении особенностей политики России и иных государств в отношении Конфедерации и войны² или отдельно взятых аспектов дипломатии КША вне международной ситуации в целом³. Отсюда в данном контексте актуализируется необходимость в системном представлении внешней политики КША, ее слабых и сильных сторон, что и является основным в данной работе. Таким образом, цель статьи — проанализировать внешнеполитическую деятельность Конфедерации в контексте международной ситуации в период гражданской войны на основе отдельных проблем.

После образования КША появилась необходимость в разработке и ведении конфедеративной внешней политики. Как отметил Дж. Дэвис, «в ходе многолетних противоречий <...> мы безрезультатно пытались обеспечить покой и добиться уважения к тем правам, которые нам принадлежат <...> и впредь все наши силы должны быть направлены на проведение собственной политики и сохранения нерушимости <...> Конфедерации»⁴.

Оформление представленной выше цели не могло произойти без формирования внешнеполитического аппарата. Как и в США, определенное место в нем с такими же полномочиями занимали

ate Cabinet Departments and Secretaries. Jefferson, 2016. 296 p.; *Bauer C.A. The Last Effort: The Secret Mission of the Confederate Diplomat*, Duncan F. Kenner // *Louisiana History: The Journal of the Louisiana Historical Association*. 1981. Vol. 22. No. 1. P. 67–95.

² См.: *Малкин М.М.* Гражданская война в США и царская Россия. М.; Л., 1939. 331 с.; *Болховитинов Н.Н.* Россия и начало Гражданской войны в США. По архивным материалам // *Новая и новейшая история*. 1995. № 3. С. 30–42; *Иванов Р.Ф.* Конфедеративные Штаты Америки (1861–1865 гг.): в 2 кн. М., 2002. Кн. 1. 275 с.; Кн. 2. 254 с.

³ См.: *Стельмах В.Г.* Политика рабовладельческой Конфедерации по отношению к индейцам в годы Гражданской войны в США // *Американский ежегодник*. М., 1985. С. 106–123; *Маль К.М.* Гражданская война в США, 1861–1865: Развитие военного искусства и военной техники. М.; Минск, 2002. 592 с.

⁴ *Дэвис Дж.* Инаугурационная речь в качестве временного президента, 18 февраля 1861 года [Электронный ресурс] // *Северная Америка. Век девятнадцатый*. URL: <http://america-xix.org.ru/library/davis-inaugural/18-02-1862.html> (дата обращения: 16.06.2019).

президент, правительство, Конгресс, государственный департамент и специальные службы⁵. Когда возникала необходимость в принятии долгосрочных внешнеполитических мер, после обсуждения с правительством президент или госсекретарь направлял в Конгресс предложения для их рассмотрения в специальном комитете. Предложения в случае их принятия формировались в виде резолюции, которая направлялась затем госсекретарю. Через инструкции госсекретарь передавал суть резолюции служащим, выполнявшим ее далее. Отчет о выполнении поручений передавался от госсекретаря к президенту, который отчитывался перед Конгрессом в своих посланиях к нему⁶.

Данная процедура не исключала, однако, возможности возникновения непонимания между отдельными органами власти и служащими. К примеру, Дж. Дэвис и первый министр финансов К. Меммингер в экономических вопросах внешней политики опирались на силу хлопка, поэтому выступали за введение внешнеэкономического эмбарго на его продажу⁷. В то же время И. Бенджамин, третий госсекретарь, выступал за скорейшую продажу хлопка, для того чтобы иметь возможность за вырученные деньги приобрести вооружение⁸. Отчасти это привело к отсутствию четкой линии действий на международной арене, что повлекло за собой формирование целого ряда проблем. В долгосрочной перспективе наиболее существенно проявили себя проблемы признания Конфедерации, блокады ее морских портов флотам США и рабства.

С началом войны проблема признания КША оказалась тесно связана с конфедеративной политикой на международной арене. В этом отношении важную роль играли позиции Великобритании и Франции как ведущих держав. Для зондирования ситуации и проведения

⁵ Ермаков Е. С. Інстытуцыянальнае станаўленне знешнепалітычнай дзейнасці Канфедэрацыі // От идеи — к инновации = From idea to Innovation: материалы XXV Юбилейной международной студенческой научно-практической конференции (Мозырь, 26 апреля 2018 г.). Мозырь, 2018. Ч. 3. С. 81–82.

⁶ Там же. С. 82.

⁷ Callahan J.M. The Diplomatic History... P. 88; Peterson D.L. Confederate Cabinet Departments... P. 61.

⁸ Evans E. Judah P. Benjamin: The Jewish Confederate. New York, 1989. P. 116.

возможных переговоров в Европу были посланы специальные комиссии⁹.

Великобритания как ведущая торговая держава имела свой интерес, связанный с КША. Лондон активно экспортировал южный хлопок и импортировал дешевые товары на Юг США¹⁰, поэтому в определенной мере мог рассчитывать в случае победы КША на экономические преференции с ее стороны. К тому же Великобритания была не прочь ослабить влияние США в американском регионе и усилить влияние собственное¹¹.

Франция также имела экономические интересы, связанные с Конфедеративными Штатами, ибо, как и Лондон, Париж также экспортировал хлопок из южных штатов¹². Однако нельзя сказать, что французы шли в фарватере внешней политики Великобритании. Главным фактором, который определял интерес Парижа к КША, была Мексика¹³.

Конфедерация в своей деятельности пыталась опереться на данные особенности интересов Лондона и Парижа. Организуя неофициальные встречи с первыми лицами английской и французской политики, конфедераты не только напрямую предлагали признать свою страну¹⁴, но и активно использовали некоторые рычаги. Например, после объявления блокады был принят законодательный акт, в соответствии с которым было введено ограничение на экспорт хлопка¹⁵. Считалось, что Лондон таким образом почувствует свою за-

⁹ Davis J. *The Rise and Fall of the Confederate Government*. New York, 1881. Vol. 2. P. 368.

¹⁰ Куропятник Г. П. *Вторая американская революция*. М., 1961. С. 156.

¹¹ Малкин М. М. *Гражданская война...* С. 25.

¹² Callahan J. M. *The Diplomatic History...* P. 89.

¹³ Нино Т. *Французская интервенция в Мексику (1862–1867)* [Электронный ресурс] // Северная Америка. Век девятнадцатый. URL: <http://america-xix.org.ru/library/neeno-mexico-intervention/> (дата обращения: 16.06.2019).

¹⁴ W. L. Yancey, P. A. Rost, A. Dudley Mann to R. Toombs, June 1, 1861 // *A Compilation of the Messages and Papers of the Confederacy Including Diplomatic Correspondence 1861–1865*. Nashville, 1905. Vol. 2. P. 39–41.

¹⁵ *An Act to prohibit the exportation of cotton from the Confederate States, except through the seaports of said States; and to punish persons offending therein, May 21, 1861* // *The Statutes at Large of the Provisional Government of the Confederate States of America, from the Institution of the Government, February*

висимость от южного хлопка и быстро поможет КША в войне¹⁶. Однако «Прокламация о нейтралитете» от 13 мая 1861 г. признала Конфедерацию лишь «воюющей стороной»¹⁷. Это, безусловно, открыло легальные возможности для КША приобретать займы и вооружения¹⁸, но саму независимость КША Лондон так никогда и не признал.

Кроме экономических рычагов, конфедераты искали и другие пути решения проблемы признания, одним из которых стала Мексика. КША долгое время надеялись, что через Мексику интересы Европы станут ближе к их границам, что сможет положительным образом решить проблему признания. С момента провозглашения Мексикой империей 18 июля 1863 г. конфедераты пытались наладить отношения с новым мексиканским правительством императора Максимилиана¹⁹. Как отметил госсекретарь Р. Тумбс, это был «самый быстрый путь к возможному дипломатическому триумфу в Европе»²⁰.

Однако Наполеона III, начиная с 1840-х годов, интересовала возможность постройки канала через Мексику или Центральную Америку, который бы связал два океана²¹. Это дало бы возможность контролировать большие торговые обороты, а лучшим местом для этого была Мексика. Но эти планы сталкивались с доктриной Монро 1823 г., которая признавала независимые южноамериканские страны территорией интересов США²². Образование КША и начало войны подтолкнули Францию и другие европейские страны к пересмотру данной доктрины, что послужило началом интервенции в Мексику

8, 1861, to Its Termination, February 18, 1862, Inclusive: Arranged in Chronological Order. Printed to Congress, 1864. P. 152–153.

¹⁶ *Маль К. М.* Гражданская война в США... С. 53.

¹⁷ *Jones H.* Blue and Gray Diplomacy: A History of Union and Confederate Foreign Relations. Chapel Hill, 2010. P. 44.

¹⁸ *Jones H.* Blue and Gray Diplomacy... P. 47.

¹⁹ *Беленький А. Б.* Разгром мексиканским народом иностранной интервенции 1861–1867 гг. М., 1959. С. 64, 74.

²⁰ *Burton J.* Hendrick Statesmen of the Lost Cause: Jefferson Davis and His Cabinet. New York, 1939. P. 115.

²¹ *Нино Т.* Французская интервенция...

²² Доктрина Монро, 1823 [Электронный ресурс] // Северная Америка. Век девятнадцатый. URL: <http://america-xix.org.ru/library/monroe-doctrine> (дата обращения: 16.06.2019).

с 14 декабря 1861 года²³. Конфедераты видели в интервенции надежду на европейскую (французскую) помощь²⁴, однако ничего не вышло. Французов интересовала в первую очередь Мексика²⁵, и в ситуации выбора между КША и Максимилианом Наполеон III выбрал последнего, так как поддержка Конфедерации могла оттолкнуть США от возможного признания имперского правительства Мексики²⁶.

Не вышло у конфедератов решить и еще одну важную проблему — снять блокаду своих морских портов, организованную флотом США. 19 апреля 1861 г. А. Линкольном в ответ на выдачу правительством Конфедерации привилегий на каперство для борьбы с военными и торговыми судами США была объявлена торговая блокада всех южных портов²⁷.

Блокада стала вызовом для КША на международной арене. Конфедераты знали, что она нарушала торговые интересы не только Лондона, но и других стран. Посланники КША, согласно инструкциям, называли блокаду неэффективной, ссылаясь на один из пунктов «Декларации о принципах международного морского права»²⁸ 1856 г., где говорилось, что «блокада, чтобы быть обязательной, должна быть действительной, то есть должна поддерживаться достаточной силой для препятствования... доступа к вражескому берегу»²⁹.

²³ Слезкин Л. Ю. Гражданская война в США и их южные соседи [Электронный ресурс] // Северная Америка. Век девятнадцатый. URL: <http://america-xix.org.ru/library/slezkin-civilwar-neighbors> (дата обращения: 16.06.2019).

²⁴ J. Benjamin to J. Slidell, October 17, 1862 // A Compilation of the Messages... P. 335.

²⁵ A. Dudley Mann to J.P. Benjamin, May 8, 1863 // A Compilation of the Messages... P. 480.

²⁶ Hanna K.A. The Roles of the South in the French Intervention in Mexico // The Journal of Southern History. 1954. Vol. 20. No. 1. P. 9.

²⁷ Lincoln A. Extension of Blockade to Ports of Additional States, April 27, 1861 [Electronic resource] // The American Presidency Project. URL: <https://clck.ru/G5KS5> (дата обращения: 16.06.2019); Lincoln A. A Proclamation by the President of the United States of America // *Official Records of the Union and Confederate Navies in the War of the Rebellion*. Naval War Records Office, 1896. Ser. 1. Vol. 4. P. 156.

²⁸ R. Hunter to J. Mason, Richmond, September 23, 1861 // A Compilation of the Messages... P. 92–93; J. Slidell to R. Hunter, Paris, February 11, 1862 // Ibid. P. 128.

²⁹ Декларация о принципах морского международного права, Париж, 4/16 апреля 1856 г. [Электронный ресурс] // Исторические материалы. URL: <https://clck.ru/G5KRK> (дата обращения: 16.06.2019).

Эффективность блокады с каждым годом росла, особенно к началу 1862 г., когда эффект от нее стал негативно влиять на экономику как Великобритании, так и Франции³⁰. Именно поэтому, и благодаря конфедеративному лобби в Лондоне, 7 и 10 марта 1862 г. палатами лордов и общин были проведены дебаты, где обсуждалась проблема блокады. В ходе обсуждений выяснилось, что многие представители обеих палат считали, что снятие блокады означало бы признание КША, что в свою очередь могло привести к войне с США³¹. Согласно докладу Дж. Мессана, и министерства, и обе палаты парламента «поддерживают свой отказ или поставить под сомнение законность блокады, или признать нашу независимость»³². Данную позицию можно понять, если напомнить, что 11 февраля 1862 г. Дж. Рассел прислал послание У. Сьюарду, где говорилось, что Лондон считает блокаду «действующей по международному праву» даже с учетом ее прорыва некоторыми судами³³.

Однако более важной проблемой была проблема рабовладения в ее международном аспекте. Согласно, например, Вашингтонскому договору США и Великобритании от 1842 г., устанавливалась процедура прекращения торговли рабов из Африки³⁴. Европейские страны стремились поддерживать именно такой статус-кво. Например, 7 апреля 1862 г. Лондон подписал договор с США о работорговле, согласно которому британским военным кораблям разрешалось проводить поиск рабов на американских кораблях, что означало дальнейшее подавление работорговли³⁵. Однако в то же время посланники КША отмечали неоднозначность позиции европейских стран и их общественного мнения по вопросу рабовладения. Например,

³⁰ Owsley F. L. King Cotton Diplomacy... P. 148–149.

³¹ Houston J. P. Diplomats at War: A Critical Analysis of American and Confederate Diplomacy, 1861–1862 [Electronic resource] // LCDR, Master's Thesis, 13-06-2014. P. 65. URL: <https://clck.ru/G5KTj> (дата обращения: 16.06.2019).

³² J. Mason to R. Hunter, London, March 11, 1862 // A Compilation of the Messages... P. 197.

³³ Davis J. The Rise and Fall... P. 375.

³⁴ The Webster-Ashburton Treaty. August 9, 1842 [Electronic resource] // The Avalon Project. URL: <https://web.archive.org/web/20060825042901/https://clck.ru/G5KPi> (дата обращения: 16.06.2019).

³⁵ Milne A. T. The Lyons-Seward Treaty of 1862 // The American Historical Review. 1933. Vol. 38. Iss. 3. P. 511.

в их отчете от 14 августа 1861 г. говорилось, что антирабовладельческие настроения в Великобритании имели определенное влияние на идею «установления дружеских отношений с правительством, признающим рабство»³⁶. В то же время во Франции, как показывали посланники в депеше от 1 июня 1861 г., «антирабовладельческие настроения слабы и не активны»³⁷.

Очевидно, что КША столкнулись с тем, как отстаивать право на свой особый институт. В самой первой инструкции к посланникам шла речь о том, что КША могут «принять на себя обязанности по договорам, которые были заключены между Соединенными Штатами и Великобритания и имеют на сегодняшний момент силу <...> Единственным исключением является» пункт Вашингтонского договора о борьбе с африканской торговлей рабов, так как конфедераты «не готовы сейчас помогать остальному миру» в этом³⁸.

Однако позиция европейских стран по вопросу о рабстве не имела корреляции с прагматичными симпатиями к КША. Поэтому, после того, как были изданы «Прокламации об освобождении рабов» 22 сентября 1862 г. и 1 января 1863 г. соответственно, европейские страны фактически отошли от идей какой-либо помощи конфедератам. Специально для того, чтобы хоть как-то изменить ситуацию, 23 марта 1865 г. был издан специальный акт Конгресса КША, который предусматривал создание цветных войск из освобожденных рабов³⁹. Для того, чтобы попытаться реализовать данный замысел на международной арене, 27 декабря 1864 г. в Европу в качестве специального посланника был отправлен Д. Кеннер⁴⁰, который имел право вести переговоры и подписывать все, что он сочтет необходимым. В Лон-

³⁶ W. L. Yancey, P. A. Rost, A. Dudley Mann, London, August 14, 1861 // A Compilation of the Messages... P. 67.

³⁷ Ibid. P. 41.

³⁸ R. Toombs to W. L. Yancey, P. A. Rost, March 16, 1861 // A Compilation of the Messages... P. 8.

³⁹ Confederate Law Authorizing the Enlistment of Black Soldiers, as Promulgated in a Military Order, Richmond, March 23, 1865 // The War of the Rebellion: A Compilation of the Official Records of the Union and Confederate Armies. Washington, 1900. Ser. 4. Vol. 3. Pt. 2. P. 1161–1162.

⁴⁰ J. P. Benjamin to J. Slidell, Richmond, December 27, 1864 // A Compilation of the Messages... P. 697.

доне и Париже Д. Кеннер вместе с другим посланниками провел несколько встреч, но безрезультатно⁴¹. Последняя значимая встреча состоялась 14 марта 1865 г. между Дж. Мессаном и лордом Палмерстоном, где последний отметил, что если бы не вопрос о рабстве, то, по словам Дж. Мессана, «симпатия была бы еще сильнее»⁴². Однако было уже поздно что-то изменить: чуть менее, чем через месяц, 9 апреля, основные силы Конфедерации капитулировали⁴³, и данное государство фактически перестало существовать.

Таким образом, внешняя политика КША в своей деятельности столкнулась с определенными проблемами, имевшими связь с международными аспектами гражданской войны и внешнеполитической ситуацией в целом. Анализ проблем признания КША, блокады их морских портов и рабства показал, что в долгосрочной перспективе определяющее значение все же имело отношение к ней крупных держав, а не активная внешнеполитическая деятельность страны с имевшимся институциональным аппаратом. В этом смысле и решение отмеченных проблем, и судьба КША вне военно-политической ситуации войны в первую очередь находилась в руках Великобритании и Франции как ведущих держав.

⁴¹ *Bauer C.A. The Last Effort... P. 75.*

⁴² *J.M. Mason to J.P. Benjamin, London, March 31, 1865 // A Compilation of the Messages... P. 710.*

⁴³ *Куропятник Г.П. Вторая американская революция. С. 222.*

С. В. Валевко

Оренбургский государственный педагогический университет

Среднеазиатское восстание 1916 года в воспоминаниях современников*

Статья посвящена теме среднеазиатского восстания 1916 г., которое охватило крупный регион Российской империи и затронуло судьбы целых народов. О восстании писали такие крупные для своего времени фигуры, как генерал А. Н. Куропаткин и депутат Государственной думы А. Ф. Керенский. Поводом к восстанию стал указ о «реквизиции инородцев», согласно которому жителей Средней Азии планировалось мобилизовать на тыловые работы, однако его причины гораздо глубже. Одной из главных причин восстания являлась нерешенность аграрного вопроса в самой России, а также многочисленные злоупотребления, допущенные царской администрацией. В ходе восстания произошел всплеск социальной и межнациональной вражды, что позже повлияло на расклад сил в период гражданской войны в регионе.

Ключевые слова: среднеазиатское восстание, А. Н. Куропаткин, А. Ф. Керенский, Семиречье, русские поселенцы, земельный вопрос.

Среднеазиатское восстание 1916 г. стало одним из крупнейших вооруженных выступлений коренного мусульманского населения против Российской империи. В современном мире тема данного восстания достаточно актуальна, так как эти события имеют важное значение как для народов, участвовавших в нем, так и для современных взаимоотношений между Россией и государствами Средней Азии. В частности, в Казахстане отмечалось столетие данного события, а на открытии мемориала в Киргизии присутствовал президент Российской Федерации. Присоединение Средней Азии к России началось с Младшего казахского жуза. Во второй половине XIX в. были присое-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

динены Хивинское и Кокандское ханства, Бухарский эмират, туркменские земли, часть Памира. Первые восстания казахов против притеснений со стороны русских властей начались с 1783 г. В 1898 г. вспыхнул мятеж вблизи города Андижана, который показал, что власть местных беев сильна, что и стало причиной сохранения Хивинского ханства и Бухарского эмирата как вассалов России. 4 июля 1916 г. произошло новое восстание в Средней Азии, непосредственным поводом к нему стал указ о привлечении на тыловые работы в прифронтовых районах мужского населения в возрасте от 19 до 43 лет включительно¹.

Первыми работами, которые затрагивали эту тему, были статьи Т. Р. Рыскулова² и Г. И. Бройдо³. В них рассматривались теории, согласно которым власти намеренно спровоцировали восстание для дальнейшей колонизации и экспансии в регионе. К. Харлампович в 1926 г. в своем труде⁴, как и другие исследователи, был убежден в стихийности восстания и отсутствии в нем революционных лозунгов. Одним из крупнейших исследователей восстания в советский период был Х. Т. Турсунов, а его работа⁵, вышедшая в 1962 г., стала знаковой и отражала в целом отношение историков данного периода к Российской империи при последних царях. Из современной историографии можно выделить А. В. Ганина и его работы «Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области» и «Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг.», где присутствует иная точка зрения по поводу тех событий⁶. А. В. Па-

¹ Ганин А. В. Уроки туркестанского восстания // Родина. 2016. № 7 (716). С. 107–112.

² Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока // Новый Восток. М., 1924. № 6. С. 270–274.

³ Бройдо Г. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. // Новый Восток. М., 1924. № 6. С. 81–111.

⁴ Харлампович К. В. Восстание тургайских казак-киргизов. 1916–1917 гг.: По рассказам очевидцев. Кызыл-Орда, 1926. 47 с.

⁵ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. 427 с.

⁶ Ганин А. В. Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2008. С. 152–214; Он же. Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской об-

пазов говорит о роли туркестанского генерал-губернатора А. Н. Куропаткина в подавлении восстания⁷. В 2015 г. вышла монография В. П. Булдакова и Т. Г. Леонтьевой⁸, в которой главное внимание уделяется психологическому фактору, в частности распространению антимусульманских настроений, что стало одной из причин развала империи. В современной историографии стран ближнего зарубежья выделяются публикации Д. С. Маджун⁹. И. А. Мамадалиев рассматривает восстание через призму современности и считает необходимым пересмотреть дату его начала¹⁰. Еще один видный историк ближнего зарубежья Х. П. Пирумшоев обращает внимание на роль в восстании трудящихся Бухарского эмирата, который формально сохранил независимость¹¹.

Очень важными, на наш взгляд, являются воспоминания русских высокопоставленных должностных лиц, поскольку у них был непосредственный доступ к документам (отчетам, докладам), благодаря чему они лучше представляли себе картину происходящего. В 1916 г. А. Ф. Керенский, будучи членом Государственной думы и представителем оппозиции, подготовил доклад о тех событиях. О восстании в своих дневниках и письмах писал генерал-губернатор А. Н. Куропаткин, который командовал подавлением восстания. Они являлись представителями высшей власти в данном регионе. При этом оба на-

ласти // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 7 (91). С. 94–124.

⁷ *Паназов А.* Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А. Н. Куропаткина в его подавлении // Вестник МГОУ. Серия История и исторические науки. 2012. № 2. С. 101–112.

⁸ *Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г.* Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М., 2015. 720 с.

⁹ *Маджун Д. С.* Внедрение культуры опиумного мака и его влияние на трагические события 1916 года в Семиречье // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2017. Т. 16, № 1. С. 102–110.

¹⁰ *Мамадалиев И. А.* Восстание 1916 года: через призму XXI века (к вопросу пересмотра даты начала восстания) // Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии». Бишкек, 2017. С. 97–103.

¹¹ *Пирумшоев Х. П.* Участие трудящихся Бухарского эмирата в восстании 1916 года в Средней Азии и Казахстане // Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии». Бишкек, 2017. С. 77–82.

ходились в разных политических лагерях, поскольку один представлял правящую власть, а другой находился в оппозиции к этой власти. Кроме того, спустя 20 лет после событий был проведен опрос очевидцев тех событий, включая Г. М. Станкевича и творческого деятеля Естая Беркимбаева.

Цель данной статьи — выявить, как в воспоминаниях современников отразились причины восстания, его характер, действия российских властей и последствия.

Причины восстания оценивались по-разному: так, Г. М. Станкевич вспоминал, что местное население было убеждено, что никакой натуральной повинности им нести не придется. Но в 1915 г. они забеспокоились относительно возможного призыва, однако губернатор Эверсман убедил их, что призыва не будет, поскольку по «Положению об управлении степными областями» они не должны были проходить воинскую службу, но их взамен заставляли платить военный сбор в три рубля, в дополнение к остальным налогам. В мае 1916 г. Эверсман подтвердил свои слова, сказанные годом ранее, но уже 25 июня последовал указ о «реквизиции инородцев» на тыловые работы, вследствие чего у местных жителей сложилось впечатление, что они были обмануты. Больше всего этот указ затрагивал молодежь в возрасте до 30 лет, вследствие чего они приняли решение не выполнять его¹².

По мнению Беркимбаева, мобилизация казахов на тыловые работы отразилась прежде всего на бедноте, и он считал, что одной из главных причин восстания явился тот факт, что верхушка казахского общества поддержала этот указ¹³.

А. Ф. Керенский утверждал, что указ о «реквизиции инородцев» нарушал законы Российской империи, и ссылка составителей указа на закон о реквизиции неверна. Таким образом, по его мнению, министры не только пренебрегали даже основными законами, но и игнорировали интересы и нужды страны, что вызывало многочисленные злоупотребления. Кроме того, на протяжении всей войны с местных жителей постоянно шли реквизиционные сборы, сборы

¹² Государственный архив Актыбинской области (ГААО). Ф. 497. Оп. 1. Д. 21. Л. 219.

¹³ Там же. Л. 195.

кибиток, мобилизация лошадей и верблюдов для нужд армии под предлогом того, что все равно они не несут и не будут нести другой повинности. В одном из отчетов местной администрации по поводу организации помощи семьям ушедших на фронт русских поселенцев, как утверждал А. Ф. Керенский, говорилось, что комиссия надеется на отзывчивость «полудиких кочевников, далеко стоящих от культурной жизни». Кроме того, указ был ошибочно понят населением, которое решило, что их отправят рыть окопы на фронте, притом что они будут совершенно безоружны перед противником¹⁴.

Сам А. Ф. Керенский заявил, что считает данный приказ невыполнимым, что стало причиной еще больших злоупотреблений со стороны местной администрации, которая сразу осознала возможность «скачкообразного обогащения», получив новый источник вымогательства¹⁵.

А. Н. Куропаткин называл причиной восстания чрезмерно усердную деятельность по отчуждению лучших земель, которые веками принадлежали местным жителям, для образования на данной территории русских поселений. Таким образом, при желании перейти к оседлому образу жизни они получали лишь пахотную землю, а участков для выпаса скота, а также заготовки зерна они были лишены¹⁶.

Следствием нерешенного аграрного вопроса стало то, что восстание в основной своей массе было направлено против русских поселенцев, поскольку в Семиречье, где земельный вопрос стоял более остро, чем в соседних областях, эти тенденции проявились наиболее ярко. Что касается Степного края, где было гораздо меньше русских поселенцев, то здесь антирусский характер мятежа проявился в наименьшей степени¹⁷.

О характере восстания Беркимбаев говорил как о борьбе в первую очередь между беднотой и казахской верхушкой, поскольку в основ-

¹⁴ *Суюнбаев М.Н.* Доклад А.Ф. Керенского о событиях 1916 года в Туркестане на закрытом заседании Государственной думы [Электронный ресурс] // История Кыргызстана и кыргызов. 2015. № 10. Статья 8. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7039 (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁵ *Суюнбаев М.Н.* Доклад А.Ф. Керенского...

¹⁶ Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. М., 2016. С. 398.

¹⁷ *Ганин А.В.* Последняя полуденная экспедиция... С. 160.

ных очагах восстания в Казахстане, а именно в Тургайском и Иргизском уездах, первыми жертвами повстанцев стали шестеро представителей верхушки. А они в ответ оказывали всяческое содействие русским войскам, в частности выступая в качестве проводников¹⁸.

А. Н. Куропаткин охарактеризовал участников восстания в письме военному министру Д. С. Шуваеву как дикую, и озверевшую толпу, чувствовавшую себя вне опасности, совершавших дикую и кровавую расправу с русскими людьми¹⁹.

А. Ф. Керенский утверждал что восстание, ставшее ответом на политику властей, принесло экономическое разрушение, нарушило спокойное течение жизни на огромной территории внутри страны и стало причиной гибели двух–трех тысяч русского и множества десятков тысяч туземного населения²⁰. Он отмечал, что русское население пострадало лишь в двух уездах Семиречья, в других районах это были единичные эксцессы, поскольку пострадали статистики, присланные на всероссийскую перепись скота, студенты, работавшие на ирригационных работах, то есть люди, не связанные с сельским хозяйством данного региона.

Действия властей в ответ на восстание А. Ф. Керенский характеризовал в целом отрицательно, поскольку власть не разъяснила местным жителям сути указа о мобилизации, допустила восстание, забыв о тех русских людях, которые оказались на территории Туркестана, не будучи русскими поселенцами, и не предприняла никаких мер по их охране.

Действия властей по подавлению мятежа А. Ф. Керенский характеризовал как карательные и очень жестокие. В качестве примера он говорил о подавлении беспорядков в г. Джизаке, где начальник карательного отряда отдал приказ сжигать все туземные поселения на пути, все местное туземное население города было изгнано²¹.

Г. М. Станкевич вспоминал, что в Иргизском уезде столкновения начались после прибытия войск генерал-лейтенанта Лаврентьева. До этого момента местная молодежь бежала в степи, где укрывались

¹⁸ ГААО. Ф. 497. Оп. 1. Д. 21. Л. 196.

¹⁹ Ганин А. В. Последняя полуденная экспедиция... С. 162.

²⁰ Суюмбаев М. Н. Доклад А. Ф. Керенского...

²¹ Там же.

от мобилизации, или же просто игнорировали указ, не покидая свои дома²².

А. Н. Куропаткин отрицательно относился к призыву на тыловые работы, но отменить решение императора было невозможно, оставалось только подавить восстание. По его мнению, «надо тяжело наказать киргиз, но сурово прекратить и самосуд русских, иначе правильная жизнь не восстановится»²³.

В своем дневнике А. Н. Куропаткин писал о том, что в Семиреченской области, где восстало население трех южных уездов, на подавление мятежа были высланы войска, однако серьезного сопротивления встречено не было. Войска под его командованием продвигались с двух сторон: со стороны Ташкента и со стороны Ферганы. Войска, по мнению командующего, были мало сплоченными и недостаточно дисциплинированными, поскольку состояли преимущественно из ополченцев и солдат запасных батальонов²⁴. Жестокости в отношении местного инородческого населения совершались, по словам Куропаткина, не войсками, а русскими поселенцами, которые в основном мстили за жестокость восставших по отношению к русскому населению края, ставшую результатом недовольства киргиз политикой русских властей.

Командование Куропаткина установило «Плавные основания действий», которые требовали не допускать жестокостей, не воевать с женщинами и детьми. Запрещалось под каким бы то ни было предлогом уничтожать имущество. Тех же, кого удалось мобилизовать, предписывалось не использовать для охранной службы, а отправлять на тяжелые работы. При этом, пока они не заслужат доверия, их предписывалось содержать как арестантов²⁵.

А. Ф. Керенский утверждал, что генерал-губернатор Туркестана издал приказ о конфискации всех земель у жителей г. Джизака, включая все окрестности города²⁶.

Командованием русской армии во главе с Куропаткиным 16 октября было принято решение о выселении 80 тыс. киргизов из уездов,

²² ГААО. Ф. 497. Оп. 1. Д. 21. Л. 220.

²³ Ганин А. В. Уроки туркестанского восстания... С. 110.

²⁴ Там же. С. 111.

²⁵ Ганин А. В. Последняя полуденная экспедиция... С. 184.

²⁶ Суюмбаев М. Н. Доклад А. Ф. Керенского...

в которых пострадало русское население. Пржевальский уезд вообще планировалось заселить исключительно русскими, выселив всех инородцев. Однако данная мера не была осуществлена в связи с революцией²⁷.

К 25 января 1917 г. потери русских войск составляли 97 убитых, 86 раненых и 76 пропавших без вести²⁸. Всего в Семиречье погибли от 2325 до 4145 русских жителей, включая пропавших без вести. Потери киргизов точно неизвестны. По некоторым данным, погибли порядка 4000 представителей коренного населения и еще около 12 000 погибли при вынужденном отступлении в Китай²⁹.

Местность, охваченная восстанием, была изолирована от прочих частей России, поэтому в 1916 г. о нем знали немногие. Даже представители гражданской и военной администрации не были осведомлены об этом³⁰.

Нельзя не отметить, что основная масса туркмен оставались лояльными русской администрации³¹. Часть участников восстания впоследствии проявили себя в гражданской войне на стороне белого движения и басмачества³².

В качестве вывода необходимо сказать о том, что, по мнению современников, главной причиной восстания была непродуманная политика царского правительства, в том числе и нерешенный аграрный вопрос, а также многочисленные злоупотребления со стороны русских властей, и их неспособность разъяснить необходимость указа о мобилизации и его суть. А. Н. Куропаткин и А. Ф. Керенский находились в конфронтации друг с другом, представляли разные политические лагеря, и взгляд на события с их стороны позволяет по-новому, более подробно, рассмотреть, как видело ситуацию царское правительство, поскольку основная часть информации шла от этих людей, как от самых высокопоставленных лиц в данном регионе. При этом даже генерал-губернатор А. Н. Куропаткин, командовавший подавлением восстания, признавал непродуманность аграрной

²⁷ Ганин А.В. Уроки туркестанского восстания... С. 111.

²⁸ Там же. С. 110.

²⁹ Там же.

³⁰ Ганин А.В. Последняя полуденная экспедиция... С. 156.

³¹ Там же. С. 186.

³² Там же.

политики в данном регионе. По этой причине восстание имело антироссийский характер, и главными его жертвами с русской стороны были крестьяне-поселенцы, что привело к ожесточению последних, обострению межэтнических отношений в Средней Азии и большим жертвам с обеих сторон. Царское правительство продолжало проводить политику переселения русских крестьян в Туркестан. По итогам восстания планировалось создать уезды, населенные исключительно русскими переселенцами, полностью изгнав местных жителей. При этом большая часть жертв со стороны киргизов и других народов погибли при бегстве в Китай. Впоследствии же многие из участников восстания были задействованы в гражданской войне, в частности, на стороне басмаческого движения.

А. А. Каплиев

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Эпидемические последствия польско-советской войны на территории Беларуси

В результате боевых действий Первой мировой и польско-советской войн, вызвавших массовые миграции населения на территории Восточной Европы, Беларусь оказалась подвержена тяжелейшей вспышке инфекционных заболеваний (тифа, холеры). В условиях разрушения большого количества жилищ и параллельного точечного превышения допустимой плотности населения прежде всего в крупных городах, эпидемия благодаря развитой системе железных дорог и других путей сообщения достигла почти всех регионов Беларуси. Невозможность построения стабильной медико-санитарной сети в условиях продолжения военных действий предопределила огромные масштабы заражения и ухудшение эпидемической обстановки на десятилетия.

Ключевые слова: здравоохранение, Советская Беларусь, межвоенный период, Польша, польско-советская война, эпидемии.

Изучение гуманитарных последствий вооруженных конфликтов в рамках научного дискурса традиционно уступает место более популярным для исследователей аспектам военной истории. В современной научной литературе также трудно встретить обзор организации здравоохранения Беларуси во время военных действий, за исключением нескольких публикаций известных историков медицины Е. Тищенко и М. Абраменко¹. Настоящее исследование основывается на широком круге источников из архивохранилищ Беларуси, Литвы и Польши, обработанных с использованием общенаучных и специальных исторических методов анализа.

¹ См. например: Абраменко М.Е. Из истории здравоохранения Гомельской губернии (1919–1926 гг.) // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. 2006. № 5. С. 123–129.

Первая мировая война (1914–1918 гг.), а также насильственные аберрации общественно-политического строя и территориально-административной принадлежности белорусских земель после революций 1917 г. сопровождались большими потерями населения и материальных ресурсов. Даже крупные населенные пункты, например, Брест-Литовск, за годы войны оказались полностью уничтоженными. Значительная часть территории Беларуси оказалась под германской, а впоследствии — польской оккупацией.

Период войны и революционной разрухи также характеризовался катастрофическим ухудшением санитарного состояния региона. В белорусских городах скопились огромные объемы мусора и грязи: например, в Гродно специальная комиссия в течение двух недель вывозила из города мусор, общее количество которого в пересчете превышало 16 товарных вагонов².

Следует отметить, что боевые действия и оккупационный режим фактически разрушили систему здравоохранения и санитарного контроля, значительно уменьшились возможности для получения населением квалифицированной медицинской помощи. Сложные условия переходного периода после установления на территории Беларуси советской власти не позволяли быстро наладить эффективную систему здравоохранения. Период с 1917 по 1918 г., по точному выражению руководителя Витебского отдела здравоохранения, был временем, когда «приходилось, не помышляя об улучшениях и нововведениях, только сохранять и поддерживать все то, что было разумного и полезного в наследстве старого земства и что было склонно к разрушению»³.

Но остановить упадок медицины помешали новые боевые действия, которые начались между Польшей и Советской Россией в 1919 г. и преимущественно проходили на территории Беларуси. Во время польско-советской войны 1919–1920 гг. уцелевшие административные центры, являвшиеся базой для развития медицины, пережили стремительный рост плотности населения вследствие волны беженцев, которые двигались с востока из России в Европу

² Talheim A., Losek S. Zdrowotność miasta Grodna // Przegląd statystyczny m. Grodna za lata 1922. Grodno, 1925. S. 116–119.

³ Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 984. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

и наводнили территорию Беларуси. Так, Гомель, площадь которого была рассчитана на проживание 65 тыс. человек, в 1919 г. вмещал уже вдвое больше жителей⁴.

Увеличение плотности населения в условиях уничтожения значительного количества жилых зданий во время войны вынуждало беженцев жить в помещениях, не приспособленных к постоянному нахождению человека, в антисанитарных условиях. Приютом для беженцев зачастую становились даже культовые сооружения: в конце 1919 г. в 21 еврейской синагоге Гомеля располагалось 1200 беженцев, при этом в местной печати отмечалось, что синагоги преобразовались в «форменные очаги заразы, т. к. вывозить беженцев за неимением мест в больницах нет возможности, а находятся они там в ужаснейших условиях»⁵.

Ситуация усугублялась нехваткой продовольствия: в 1919–1920 гг. только по данным польского Министерства общественного здоровья на территории Литвы и Беларуси 500 тыс. человек «буквально умирали от голода»⁶. Все эти обстоятельства создали среду для распространения господствовавших в среде беженцев холеры, малярии, дизентерии, а прежде всего тифа.

В условиях нехватки врачебного персонала и лекарственных средств до начала 1920-х годов эпидемии через обширную сеть железных дорог распространились почти по всей территории Беларуси и приобрели характер национального бедствия. Особенно быстро инфекции распространялись в крупных городах, где плотность населения способствовала росту заболеваемости⁷.

Основные причины эпидемии были лаконично изложены в докладе Сенненского уездного отдела здравоохранения: «Особенно

⁴ Заседание Гомельского Совета рабочих и крестьянских депутатов // Путь советов (Гомель). 1919. № 144.

⁵ Борьба с сыпным тифом // Полесье (Гомель). 1919. № 131.

⁶ *Wysocki A. Sytuacja epidemiologiczna w okresie wojny polsko-sowieckiej 1919–1920* [Электронный ресурс] // *Biuletyn wojskowej służby archiwalnej*. 1997. No. 20. URL: http://archiwumcaw.wp.mil.pl/biuletyn/b20/b20_6.pdf (дата обращения: 05.01.2018).

⁷ Национальный исторический музей Республики Беларусь. НВ 26464; Прохоров Б. Б., Горшкова И. В. Кризисы общественного здоровья в России и СССР в XX веке // Мир России. 1999. № 4. С. 126.

благоприятствующими обстоятельствами эпидемии являются кошмарные жилищные условия населения, страшная сгущенность, грязь и удивительная некультурность...»⁸ Совокупность приведенных факторов обусловила начало одной из крупнейших эпидемий инфекционных болезней в истории Беларуси.

Во время польско-советской войны 1919–1920 гг. белорусские земли неоднократно переходили из-под контроля Красной армии к Войску Польскому и обратно, однако враждующие стороны столкнулись с распространением эпидемических заболеваний как среди гражданского населения, так и в боевых подразделениях по обе стороны линии фронта.

Дислокация большой массы солдат значительно ухудшила эпидемическое положение Беларуси. Например, в Могилеве, который был объявлен «неблагополучным по эпидемии» еще в начале 1919 г., сложилось следующее положение: «...Красноармейские воинские части занимают самые лучшие помещения города... загрязняя их и превращая... в очаги заразы, поражающие одинаково как гражданское население, так и военное»⁹.

Необходимо добавить, что медицинское обслуживание солдат зачастую возлагалось на гражданские медицинские учреждения, что значительно увеличивало нагрузку на лечебную сеть¹⁰. Кроме того, в тылу войск накопилось огромное число военнопленных, а условия их содержания, которые зачастую не соответствовали даже минимальным санитарным требованиям, серьезно ухудшали общую эпидемическую ситуацию. О масштабах распространения инфекций среди военнопленных свидетельствуют темпы роста противоэпидемических учреждений: только в одном Брест-Литовске существовали эпидемический госпиталь № 1 Войска Польского, эпидемический госпиталь № 2 для военнопленных, а также госпиталь сортировочной станции пленных¹¹. Однако санитарные условия даже в больницах

⁸ ГАВО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 181 б. Л. 12 об.

⁹ Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 757. Л. 94–94 об.

¹⁰ ГАВО. Ф. 984. Оп. 1. Д. 15. Л. 30.

¹¹ *Kopociński K., Kopociński Z. Zarys organizacji i działalności 9. Szpitala Okręgowego w Brześciu nad Bugiem w latach 1920–1939 // Archiwum Historii i Filozofii Medycyny. 2010. No. 73. S. 47.*

для пленных также не соответствовали минимальным для медицинских учреждений потребностям: не хватало еды, топлива, врачебного персонала, что делало лечение невозможным.

Несмотря на перманентные боевые действия, именно в период польско-советской войны рождалась новая система советского здравоохранения Беларуси. На территории Советской Беларуси по образцу РСФСР был создан Народный комиссариат здравоохранения, а на местах — уездные и городские отделы здравоохранения при исполнительных органах. Согласно советскому законодательству, на период военных действий и эпидемий врачебный персонал подлежал всеобщей повинности по обязательному медицинскому обслуживанию населения, что продолжалось до 1922 года¹². В условиях трудовой повинности врачам приходилось работать по 16–18 часов в сутки, при этом даже в официальных отчетах отмечалось, что оплата труда медиков «не соответствует их жизненным потребностям»¹³.

Однако в условиях перманентного изменения линии фронта единственным реальным носителем власти на белорусских землях фактически стала армия. Поэтому с течением времени противэпидемические мероприятия по обе стороны линии фронта возглавили не гражданские органы охраны здоровья, а военно-санитарные структуры. В подконтрольной Красной армии части Беларуси создавались местные Чрезвычайные комиссии по борьбе с эпидемиями, которые имели формально коллегиальный характер и состояли из представителей гражданских структур здравоохранения (уездных и городских отделов здравоохранения) и руководителей медико-санитарных единиц расквартированных в конкретной местности воинских частей¹⁴. Однако фактический контроль над всей структурой здравоохранения быстро оказывался в руках военнослужащих, что привнесло противоречивый характер в действия чрезвычайных комиссий.

Попытки захватить контроль над гражданской медициной со стороны военнослужащих вызвали сопротивление отделов здраво-

¹² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1408–1409.

¹³ ГАГО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 757. Л. 94.

¹⁴ *Абраменко М. Е.* Из истории здравоохранения... С. 124.

охранения местных исполнительных органов, однако военные зачастую использовали «право сильного» и подчиняли себе местную медицинскую организацию¹⁵. Например, в Гомеле конфликт между представителями местной Чрезвычайной комиссией по борьбе с эпидемиями и главой уездно-городского отдела здравоохранения Н. Гайдаром закончился неправомочным арестом последнего¹⁶. Впоследствии действия Гомельской чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемиями были отмечены как «преступно-дезорганизаторские» и «приведшие к плачевному результату народное здравие»¹⁷.

Однако в период борьбы с эпидемиями нередко волюнтаристские действия чрезвычайных органов все-таки помогали срочно улучшить эпидемическую ситуацию. Так, в Гомеле чрезвычайная комиссия организовала скорую медицинскую помощь, изоляционные бараки, выделила врачей для оказания бесплатной помощи местному населению. Во время борьбы с эпидемиями ради общей организации и согласования мер по борьбе с инфекциями в Гомеле было создано специальное санитарное бюро, которое возглавил врач Г. Сарцевич. В других городах Советской Беларуси местными санитарными комиссиями также были приняты подобные меры¹⁸.

На занятой польскими войсками части территории Беларуси было создано оккупационное Гражданское управление восточных земель, при котором действовал Отдел общественного здоровья¹⁹. В каждом округе восточных земель полномочным представителем Гражданского управления был окружной санитарный инспектор (в Бресте, Вильно, Ковеле и Минске), а на местах ответственным за здравоохранение являлся уездный или городской врач²⁰.

¹⁵ ГАГО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

¹⁶ Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 22.

¹⁷ Там же. Л. 27.

¹⁸ *Каплиев А. А.* Предпосылки появления скорой медицинской помощи в Гомельской губернии // *Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины.* 2017. № 1 (100). С. 39.

¹⁹ *Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich.* 1920. № 30 (74). Roz. 695.

²⁰ Зональный государственный архив в г. Молодечно (ЗГА в Молодечно). Ф. 4. Оп. 1. Д. 132. Л. 26 об.; Д. 80. Л. 12.

Одним из первых противоэпидемических шагов оккупационной администрации стала мобилизация для борьбы с эпидемиями на территории Виленского, Брестского и Минского административных округов всех врачей возрастом до 50 лет, имевших лекарский диплом, с 8 марта 1920 года²¹. Однако медицинского персонала систематически не хватало, прежде всего из-за большого профессионального риска во время работы с инфекционными болезнями и обусловленной этим высокой смертностью врачей. Например, в Вильно в 1919 г. из 12 врачей, которые во время борьбы с тифом сами заболели, шестеро человек умерли, только четверо вылечились и двое боролись с болезнью²².

Иногда потери врачей были действительно невозполнимыми, особенно в небольших городах: когда в Мозыре от тифа умер организатор здравоохранения и борец с эпидемией доктор Гавриил Сает, проститься с ним 26 декабря 1919 г. пришел буквально весь город, а в 1923 г. в его честь была названа одна из улиц Мозыря.

Особенно тяжело эпидемия проходила в сельской местности, где отсутствовали врачи, больницы и современная медицинская инфраструктура. Так, в начале 1920 г. Ошмянский уездный староста докладывал о невозможности борьбы с эпидемией тифа из-за отсутствия врачей, которые распределились только по пяти городам уезда и не могли обслуживать деревню²³.

Усилий регулярных органов здравоохранения было недостаточно, поэтому в целях борьбы с инфекциями в 1919 г. был создан Комиссариат по делам борьбы с сыпным тифом, а 14 июля 1920 г. — Главный чрезвычайный комиссариат по делам борьбы с эпидемиями, имевший филиалы в Ковеле, Львове, Кракове и Гродно²⁴.

Польский план борьбы с инфекциями предусматривал создание ряда санитарных кордонов: первого — вдоль восточной границы бывшего Польского королевства и второго — по линии фронта. Та-

²¹ ЗГА в Молодечно. Ф. 4. Оп. 1. Д. 132. Л. 27 об.; Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. 1920. № 19 (63). Poz. 504.

²² Lietuvos centrinis valstybės archyvas. F. 64. Ap. 20. B. 25. L. 68 ap.

²³ ЗГА в Молодечно. Ф. 4. Оп. 1. Д. 132. Л. 7.

²⁴ Godlewski E., Schinzel Z. Działalność Naczelnego Nadzwyczajnego Komisarjatu do spraw walki z epidemiami w roku 1920 i w pierwszym półroczu 1921 r. // Przegląd Epidemiologiczny. 1922. T. 1. Z. 7. S. 675.

ким образом, главной целью стала локализация инфекции и ее недопуск в собственно польские земли. Основным путем распространения эпидемии была железнодорожная сеть, поэтому одной из наиболее эффективных мер по пресечению эпидемии стали карантинные мероприятия на железной дороге.

На оккупированной поляками части Беларуси для лиц, прибывающих с востока, была разработана система контрольных станций. На них пассажиры были обязаны проходить санитарные осмотры, успешное завершение которых позволяло приобрести железнодорожный билет и осуществить проезд²⁵. В случае обнаружения вшей гражданин подвергался дезинфекции, а при проявлениях болезни принудительно направлялся на лечение. Граждан, следовавших из очагов инфекционных болезней, подвергали пятидневному карантину. Кроме того, запрещалось держать вагоны на станциях более 24 часов, а также предписывалось проводить регулярную дезинфекцию на перронах и станциях²⁶.

Следует отметить, что в целом противоэпидемические меры, которые осуществлялись враждующими сторонами, были идентичны. Основной формой борьбы с инфекциями стала организация санитарно-эпидемических отрядов, дезинфекционных камер, а также создание изоляционных барачков и осуществление других карантинных мероприятий. Целью этих мер было определение больных в изоляторы, ликвидация очагов инфекций «летучими» санитарно-эпидемическими отрядами и дезинфекция помещений общественного значения и жилья больных специальными дезинфекционными отрядами и мобильными дезинфекционными камерами.

Однако, ввиду определенных особенностей общественно-политического строя, отдельные аспекты борьбы с инфекциями регионально различались. Если на территории Советской Беларуси действовали местные комиссии по борьбе с эпидемиями, то в Польше существовала единая структура — Чрезвычайный комиссар по делам борьбы с эпидемиями. В отличие от Советской Беларуси, где, как и в Советской России, существовавшее с 1877 г. Российское общество Красно-

²⁵ ЗГА в Молодечно. Ф. 4. Оп. 1. Д. 132. Л. 49 об. — 50; Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. 1920. № 30 (74). Poz. 694.

²⁶ Государственный архив Брестской области (ГАБр). Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 8.

го Креста было временно расформировано, в Польше в 1919 г. ради помощи армии во время боевых действий было создано собственное Польское общество Красного Креста. Его представительства на местах занимались организацией дезинфекционных колонн, санитарного транспорта и другими противоэпидемическими мероприятиями.

Польско-советская война официально закончилась 18 марта 1921 г. подписанием Рижского мирного договора, предусматривавшего разделение территории Беларуси на две части. На востоке была сохранена государственность в виде Социалистической Советской Республики Беларуси (ССРБ, а позднее — БССР), а Западная Беларусь на 20 лет оказалась в составе Польши, став ее «восточными кресами» (окраинами). Как в советской, так и в оккупированной поляками частях территории Беларуси эпидемия достигла пика в конце 1919 — начале 1920 г., но усилиями эпидемического персонала в середине 1920 г. отмечается постепенный спад заболеваемости и прекращение эпидемии.

Однако это касалось только территории Советской Беларуси. В Западной Беларуси спад эпидемии наступил только в первом полугодии 1921 г., однако зимой 1921–1922 гг. в Польшу пришла «вторая волна» инфекционных заболеваний. Главным предиктором рецидива эпидемической вспышки 1921–1922 гг. стала репатриация населения после подписания Рижского мирного договора. С июня 1921 г. и до декабря 1922 г. из Советской России в Польшу по условиям мира вернулось 689 179 человек, значительное число которых являлись носителями инфекционных болезней.

Многие репатрианты влились преимущественно в население Западной Беларуси: в некоторых уездах доля реэмигрантов доходила до половины общей численности населения (Пружанский уезд — 44,1%, г. Брест — 39,5%, г. Слоним — 30,6%). Поэтому «вторая волна» эпидемии захлестнула именно территорию «восточных кресов». Отсутствие надлежащего медицинского обеспечения предопределило высокую смертность от тифозных инфекций, которая колебалась от 8 до 14%. Во время борьбы с инфекциями уже в мирное время большие потери понесли и сами медики. Например, только на карантинной станции в Барановичах погибло 114 человек из числа санитарного персонала²⁷.

²⁷ *Adamowiczowa St. Dur plamisty i dur powrotny w latach 1919–1924 // Warszawskie Czasopismo Lekarskie. 1925. No. 7. S. 325.*

Фактический мир на территории Беларуси установился лишь через несколько лет после официального окончания польско-советской войны в 1921 г. Однако даже в мирное время продолжали ощущаться тяжелые последствия почти десятилетия бесконечных военных столкновений. Окончание «большой эпидемии тифа» на территории «восточных кресов» отмечалось лишь в 1923 году²⁸. Но тяжелое эпидемическое положение сохранялось на территории Западной Беларуси и после окончания активного периода боевых действий. Низкое благосостояние населения, антисанитария, отсутствие надлежащих санитарных мероприятий приводило к распространению малярии, тифа, туберкулеза, холеры, венерических и других социальных болезней, ставших эндемичными для отдельных регионов Западной Беларуси. Последствия эпидемической вспышки времен польско-советской войны в полной мере не были преодолены даже спустя десятилетие после ее окончания, а территория Западной Беларуси в составе Польши стала неизменным «лидером» по распространению инфекционных болезней²⁹.

Эпидемии инфекционных болезней стали одним из наиболее тяжелых последствий польско-советской войны 1919–1920 гг. В эпидемический период построение гражданского здравоохранения столкнулось со значительными сложностями, в первую очередь вызванными фактическим господством власти военных по обе стороны линии фронта. Но именно в этот трудный период на территории Беларуси родились первые регулярные органы управления здравоохранением, были заново выработаны стандарты и нормы противоэпидемических мероприятий. В результате борьбы с эпидемиями белорусскими медиками был накоплен большой опыт, который был использован уже в мирное время. Так, на основе созданного во время борьбы с эпидемиями санитарного бюро в Гомеле в 1922 г. была организована одна из первых на территории СССР санитарная станция.

²⁸ ГАБр. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2396. Л. 16.

²⁹ *Adamowiczowa St. Dur plamisty...* S. 326.

С. В. Кулинок

Национальный архив Республики Беларусь (Минск)

**Система подготовки немецкой
разведывательно-диверсионной агентуры
на территории Беларуси
в годы Великой Отечественной войны**

В статье рассматриваются основные направления подготовки агенты немецких спецслужб на территории БССР в 1941–1944 гг. Определяются основные формы обучения и их сроки, преподаваемые дисциплины и различия в системе подготовки в зависимости от подчиненности разведывательных учебных центров. Качество и уровень подготовки немецких агентов являлись одним из ключевых факторов в противостоянии с советскими спецслужбами на Восточном фронте и во многом определили соотношение сил на «тайном фронте» Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: абвер, агент, Великая Отечественная война, вербовка, диверсия, контрразведка, оккупационный режим, разведывательно-диверсионная школа.

На оккупированной территории БССР немецкие спецслужбы вернули активную работу по созданию многочисленных разведывательно-диверсионных школ и курсов, в которых готовилась квалифицированная агентура противника. В советское время эта тема изучалась, в первую очередь, в закрытых учебных заведениях КГБ и МВД, а исследования носили (и носят) ограничительные грифы. Анализируя историографию, прежде всего, отметим два, на наш взгляд, важных момента. Во-первых, разработка темы осуществлялась в контексте изучения деятельности советских и немецких спецслужб и их противостояния в годы войны либо разбивалась на отдельные сюжеты разведывательной и контрразведывательной работы партизанских формирований и соединений. Во-вторых, большинство историо-

графических исследований по теме являются «косвенными», то есть не касаются напрямую деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории БССР. Выделим некоторые работы по данной теме¹. Проблемы историографии и источниковой базы были рассмотрены нами ранее², поэтому укажем лишь на то, что основу исследования составили рассекреченные документы из объединенных архивных фондов партизанских формирований, фонда Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) и фонда ЦК КП(б)Б Национального архива Республики Беларусь.

В самом начале отметим, что единой определенной системы подготовки немецкой агентуры в спецшколах не было. Обучение значительно различалось и зависело от многих факторов: специализации учебного центра, статуса курсанта (военнопленный, гражданский, его пол и возраст и т. д.), предполагаемого задания агента и его сложности. Поэтому говорить об унифицированной (типовой) подготовке агентуры не совсем корректно.

Первое, на чем необходимо акцентировать внимание, — это различные сроки подготовки агентуры: от недели (курсы в Барановичах

¹ Барков Л.И. В делях абвера. Таллин, 1971. 126 с.; Белик И.К. Немецкая разведка является довольно сильным противником // Исторический архив. 2000. № 5. С. 27–63; Доморад К.И. Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941–1944 гг. Минск, 1995. 256 с.; Иванков А.В. Агентурные кадры немецко-фашистской разведки и использовавшиеся ею формы и методы подрывной деятельности против СССР. Киев, 2010. 84 с.; Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранная армия — Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. Минск, 2007. 384 с.; Чуев С.Г. Разведывательные и диверсионные школы абвера // Военно-исторический архив. 2002. № 11. С. 122–146 и др.

² Кулинок С.В. Деятельность немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Беларускі археаграфічны штогоднік. 2014. Вып. 15. С. 57–68; Он же. Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси в годы великой отечественной войны // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 74–86.

и Минске)⁵ до года в Оршанской спецшколе⁴. Например, на курсах ГФП в г. Борисове обучение агентов длилось три недели⁵, на «краткосрочных курсах гестапо» в Слуцке преподавали 10 дней⁶, одна из школ Минска осуществляла выпуск агентов после приблизительно 20-дневного курса⁷. Безусловно, уровень подготовки и квалификации такой агентуры был невысоким.

Наиболее распространенными сроками подготовки агентуры в секретных школах на территории БССР были программы, рассчитанные на период от одного до шести месяцев. Так, в абвершколе в Борисове (в Печах) подготовка агентуры составляла два–три месяца⁸. В Бресте, Витебске, Полоцке и Слуцке в спецшколах предусматривалось трехмесячная подготовка⁹. В некоторых учебных заведениях велась достаточно длительная подготовка агентуры. Например, при «минском и борисовском гестапо» были открыты девятимесячные курсы для евреев¹⁰. «Рекордсменом» по времени обучения шпионов являлась спецшкола в Орше, где подготовка велась от шести месяцев до одного года¹¹.

Учебные дисциплины в разведывательно-диверсионных школах отличались значительным разнообразием. В «классических» абвершколах агентов обучали, как нужно переходить линию фронта, вести себя в тылу при выполнении задания, а в случае задержания — на допросах и в местах заключения. Забрасываемым указывали, что необходимо оказывать вооруженное сопротивление при задержании, а в безвыходном положении — кончать жизнь самоубийством. При захвате ни в коем случае не сознаваться в причастности к немецкой разведке. В случае предложения о перевербовке — соглашаться, а после возвращения доложить об этом.

⁵ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1979. Л. 56; Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57. Л. 417, 480.

⁴ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 65. Л. 11 об.

⁵ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75. Л. 55–56.

⁶ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 12. Л. 204–209.

⁷ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1298. Л. 44–46.

⁸ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 53. Л. 18–19; Д. 58. Л. 66; Д. 60. Л. 70–71.

⁹ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56. Л. 13; Д. 58. Л. 66; Д. 1286. Л. 6–7; Д. 1311. Л. 80 об. — 81; *Надтачаев В.Н.* Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... Минск, 2008. С. 159.

¹⁰ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 27. Л. 272.

¹¹ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 65. Л. 11 об.; Оп. 21. Д. 1. Л. 131–133.

Разведчики изучали структуру организации воинских частей Красной Армии, знаки различия, основы топографии (умение пользоваться картой, ориентироваться на местности с компасом, определять расстояние, вычерчивать по памяти схематическую карту) и проходили стрелковую, физическую, тактическую и строевую подготовку.

В диверсионных школах агенты изучали те же предметы, что и в разведывательных, но дополнительно получали специальную подготовку по проведению диверсий и террора. Они изучали свойства взрывчатых веществ и правила закладки их под намеченный к разрушению объект, зажигательные средства и способы их применения, приготовление простейших взрывчатых и зажигательных веществ и правила обращения с ними, огнестрельное оружие и стрельбу из него. Полученные теоретические знания закреплялись на практических занятиях.

Агенты-радисты, кроме общих дисциплин, изучали радиодело, умение работать на ключе на слух, правила вступления в связь с разведцентром, методы шифровки и дешифровки радиограмм. Радист считался подготовленным, если он мог принимать и передавать без ошибок 70–80 знаков в минуту¹². Отметим, что такая глубокая и серьезная подготовка проводилась лишь в нескольких школах на территории БССР (в Борисове, Минске, Витебске, Гомеле).

В большинстве школ уровень обучения курсантов был достаточно средним и даже низким. Например, на курсах ГФП в Борисове подготовка велась по двум направлениям — разведка и террор. Курсантам-разведчикам преподавались «в основном маскировка и поведение в отряде — входить в доверие к командному составу, добиваться командных должностей», а также черчение. Диверсантам — «методы террора личным оружием — наганом, ножом и физической борьбой»¹³.

Очевидно, что уровень подготовки такой агентуры был низким. Им преподавали даже не дисциплины, а минимальный (базовый) набор бессистемных знаний, необходимый для работы. Более

¹² Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. Симферополь, 2011. С. 283–284.

¹³ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75. Л. 55–56.

глубокая подготовка велась в стационарных школах. Например, в Слуцке агентами изучался «белорусский язык, немецкий язык, методы русской разведки, диверсионная работа немецкого разведчика, подрывное дело, методы и приемы поведения, методы вербовки партизан»¹⁴, а также «приемы физической борьбы, вербовка агентуры» и методы конспирации»¹⁵. В «школе гестапо № 12», расположенной на территории лагеря Тростенец, преподавались военная топография, немецкий язык, формы диверсии (массовое отравление при помощи пищи, водных бассейнов, порча машин, подрыв и минирование железных дорог, подпилка мостов и др.), индивидуальный террор, способы озлобления народа — массовые и индивидуальные, выработка характера, история развития НСДАП и роль Гитлера, «Новый порядок в Европе», методы разведки и контрразведки, тактика немецкой армии¹⁶.

При подготовке радистов в абвершколе в Борисове (Печи) читались следующие дисциплины: а) передача на ключе; б) шифровка; в) метеорологический шифр; г) специальный код; д) радиостанция; е) обмен корреспонденцией — проводится исключительно под наблюдением немцев. В этом же месте для разведчиков преподавались: «организация и управление войсковых частей РККА всех родов до бригад включительно; вооружение РККА; составление радиogramм, донесений и отчетов; наблюдение за шоссевыми и железными дорогами; развитие слуховой и зрительной памяти; переход фронта; беседа с красноармейцами и встречными; физподготовка; строевая подготовка и приветствие; политическая подготовка; работа и организация НКВД»¹⁷.

Помощником начальника разведывательного отдела Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) капитаном В. Куровым в 1944 г. была подготовлена рукопись «Партизанская агентурная разведка», в которой он определил перечень «типовых» учебных дисциплин, преподававшихся в спецшколах и на курсах:

¹⁴ НАРБ. Ф. 1405. Оп. 2. Д. 102. Л. 4–4 об.; Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56. Л. 17–20.

¹⁵ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 12. Л. 333–338.

¹⁶ Государственный архив Минской области (ГАМн). Ф. 4233. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 10; НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60. Л. 130–135.

¹⁷ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 150. Л. 12–22.

«организация, комплектование и вооружение Красной Армии; политико-моральное состояние личного состава Красной Армии; транспорт СССР; промышленные и военные объекты; военная топография; организация и деятельность советской контрразведки; способы переброски агентуры в тыл Красной армии и методы легализации; добыча и передача разведывательных данных; методы конспирации; радиодело и работа на ключе (для радистов); история партизанских отрядов; составление радиogramм, донесений и отчетов; развитие слуховой и зрительной памяти; физическая подготовка; история НСДАП и „Новый порядок“ в Европе». В ряде школ преподавали основы фармакологии и работу с отравляющими веществами¹⁸.

Преподавательский состав разведшкол и курсов также различался. В «Отчете о состоянии разведывательной работы по 1-й партизанской бригаде т. Захарова» от 28 июля 1943 г. указывалось: «Основной преподавательский состав в школах — старые матерые немецкие шпионы из отделов гестапо, а также есть часть русских, прошедших шпионское воспитание в Германии и имеющие большой шпионский стаж»¹⁹. В крупных (стационарных) школах в областных и районных городах руководитель, его заместитель и некоторые преподаватели были офицерами и сотрудниками немецких спецслужб, а часть преподавателей и вспомогательный персонал был представлен местными кадрами, в основном из активных коллаборантов и военнопленных. Такая ситуация характерна для школ абвера в Борисове (Печах), Минске, Витебске²⁰, учебных центров в Гомеле²¹, Могилеве²², Полоцке²³ и др. Например, в Оршанской разведывательно-диверсионной школе преподавателями были пятеро советских военнопленных в чине от младшего до старшего лейте-

¹⁸ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 36. Л. 16–17; Оп. 21. Д. 150. Л. 12–22.

¹⁹ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1311. Л. 64 об. — 66 об.

²⁰ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 400. Л. 66–67; Ф. 1350. Оп. 1. Д. 56. Л. 51–51 об.; Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60. Л. 70–71; Д. 1335. Л. 1–3 об.; Оп. 21. Д. 150. Л. 26–29; Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. СПб., 2003. Кн. 1. С. 234–237, 240–242.

²¹ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57. Л. 286–297.

²² НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35. Л. 76–77; Ф. 1406. Оп. 1. Д. 64. Л. 16–17.

²³ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 151. Л. 275–281.

нантов²⁴. В одной из разведшкол в Минске преподавателями были несколько бывших сотрудников НКВД²⁵.

В небольших школах и на вечерних курсах руководящий и преподавательский состав мог состоять из местных кадров, находившихся на службе у немцев (сотрудники полиции, различных учреждений, командный состав РОА и т. д.). В Борисове на вечерних курсах ГФП преподавали местные «активисты» Стась, Руденко и Щерс²⁶. Руководителями и преподавателями «периферийных» школ в Ельнице и Куренце также были предатели, перешедшие на службу к немцам²⁷.

Расписание в школах также значительно отличалось. Если на вечерних курсах обучение могло проходить несколько часов в день или на выходных, то в стационарных школах существовал строгий распорядок. Обучавшимся агентам разрешалось свободное общение между собой²⁸ и категорически запрещалось общение с гражданским населением за пределами школ. Выход из школы в город разрешался руководителями школы только в исключительных случаях.

Обучение в Гомельской разведшколе проходило ежедневно с 9 до 15 часов, кроме выходных. В субботу и воскресенье предоставлялось свободное время и разрешался выход в город до 24 часов²⁹. Для наглядности приведем распорядок дня в учебном центре «Цепелина» в местечке Волау (Волув) в 40 км от Вроцлава. Подъем был в 6 часов утра, затем 15-минутная зарядка и туалет. В 8 часов завтрак, который состоял из 200 гр. хлеба, 25 гр. маргарина или меда (редко) и 0,5 л кофе без сахара. Занятия начинались в 9 часов и продолжались до 12 часов. В 12 часов начинался обед, который включал 1 л картофельного супа с мукой без хлеба. После обеда курсантам давался

²⁴ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56. Л. 1–3; Д. 57. Л. 21–22.

²⁵ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 55. Л. 49–51.

²⁶ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 75. Л. 55–56.

²⁷ НАРБ. Ф. 1402. Оп. 2. Д. 72. Л. 31 об.; Ф. 1450. Оп. 1. Д. 858. Л. 148; Оп. 2. Д. 10. Л. 370; Д. 62. Л. 84–84 об.; Д. 66. Л. 354 об.; Оп. 11. Д. 32. Л. 169–170 об.

²⁸ В некоторых школах, наоборот, существовала строгая конспирация. Агентура обучалась небольшими группами по два-три человека или индивидуально (См.: НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 400. Л. 13–17; Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1296. Л. 10–10 об.). В абвершколе в столице БССР курсанты были разделены на группы по 25 человек (См.: НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57. Л. 433–436).

²⁹ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57. Л. 286–297.

час отдыха, а потом начинались занятия по спецподготовке. В 18 часов ужин: 200 гр. хлеба, 50–70 гр. ливерной колбасы и кружка кофе³⁰. При подготовке детской агентуры в школе в Борисове питание курсантов состояло из лапши или риса со сладким чаем (молоком). На обед давали суп с мясом и картошку с котлетой, а на ужин — молоко или чай с хлебом³¹. Таким образом, для курсантов стационарной формы обучения предусматривался полный пансион. Агентов, готовившихся на вечерних курсах, могли дополнительно обеспечивать сухим пайком³².

Одежда у курсантов также могла отличаться. Военнопленным могли сохранять их одежду, а могли выдавать полувоенную или немецкую (чешскую) форму без знаков отличия. Гражданское население посещало лекции в своей одежде, кроме того, немецкое руководство могло выдавать новую одежду³³. При абвершколе в г. Борисове действовала собственная мастерская по пошиву и подгонке обмундирования³⁴. За обучение в школах курсантам платили деньги. В Борисове — от 45 до 80 марок агенту и 40 родственникам после ухода агента на задание³⁵. В Гомеле — 50 марок³⁶, а за выполнения задания шпионам из Баранович обещали вознаграждение в 3000 рублей³⁷. В зависимости от характера задания агента и его легенды подбирались соответствующее обмундирование и экипировка. При засылке в партизанские соединения шпион надевал гражданскую одежду³⁸.

При заброске агентуры в тыл СССР и в части Красной Армии экипировка агентов была более сложная и тщательная. Выпускников абвершколы в Борисове снабжали следующими товарами и предметами: документами, военными билетами, паспортами, военными аттестатами, орденами и медалями, деньгами, черным хлебом

³⁰ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57. Л. 568–571.

³¹ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1298. Л. 65.

³² НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 31. Л. 15–18; Д. 214. Л. 2–2 об.

³³ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57. Л. 286–297; Д. 1335. Л. 1–3; Д. 1336. Л. 5–6.

³⁴ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 150. Л. 35–47.

³⁵ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1336. Л. 5–6; Оп. 21. Д. 31. Л. 15–18; Д. 75. Л. 108.

³⁶ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57. Л. 286–297.

³⁷ Там же. Л. 417.

³⁸ НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 28. Л. 79; Д. 35. Л. 23; Ф. 1450. Оп. 1. Д. 888. Л. 276–276 об.

крестьянской выпечки, салом, колбасой и копченостями, спиртом, шоколадом в плитках, махоркой, спичками, газетами, карандашами, бритвами, ножами. Радистам-телеграфистам в обязательном порядке давались компасы (русские и немецкие), немецкие карманные фонарики двух марок и часы³⁹.

Характеризуя систему обучения агентуры, отметим, что унифицированной подготовки курсантов в немецких спецшколах не было. Уровень и качество подготовки в каждом отдельном случае могли отличаться. Это было связано с такими аспектами, как подчиненность школы, направление ее деятельности, половозрастные и национальные характеристика курсантов, предполагаемые задания и т. д. На территории БССР действовали как школы с краткосрочным обучением (от семи дней до месяца), так и с долгосрочным (до года). Наиболее оптимальные и часто используемые сроки подготовки в разведывательных центрах на территории Беларуси составляли от трех до шести месяцев. В большинстве школ на территории БССР уровень подготовки немецких агентов было невысок. В ряде случаев давались лишь базовые навыки и умения для простейших разведывательных акций.

Опубликованные нами данные позволяют более объективно и критически оценить результаты противостояния немецких и советских спецслужб на Восточном фронте с учетом одного из ключевых факторов — уровня и качества подготовки немецких агентов.

³⁹ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 150. Л. 1–3, 40 об. — 43, 49.

К. К. Абзалутдинов

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Восприятие политики «мягкой силы» Китая в Германии в начале XXI в.

В статье рассматривается проблематика использования «мягкой силы» в политике Китая в отношении ФРГ. Последовательно разбираются основы концепции «мягкой силы» и ее восприятие Китаем, теоретические основы китайской модели «мягкой силы», ее цели, ресурсы и особенности. На примере отношений Китая с Германией на материале китайских и немецких источников рассматриваются конкретные приемы, примененные КНР, делается вывод о том, что, несмотря на огромные финансовые ресурсы, китайская политика не достигла своих целей. Возможной причиной того, что Китай не создал действенную модель «мягкой силы», называется жесткость внутреннего социально-политического устройства КНР.

Ключевые слова: «мягкая сила», Китай, Западная Европа, влияние, Германия.

К началу XXI в. ведущие державы, обладающие огромным объемом власти и ресурсов прямого воздействия, так или иначе пришли к пониманию, что арсенал жесткой силы в одиночку не способен обеспечить интересы государства в долгосрочной перспективе. Трагические события 11 сентября 2001 г. продемонстрировали, что одна лишь военная и экономическая мощь не может быть единственной основой политики государства. Комплексное развитие должно осуществляться также через реализацию «мягкой силы», роль которой в мире уже нельзя игнорировать. Государства, стремящиеся не потерять своей конкурентоспособности на мировой арене, теперь обязаны уделять гораздо больше времени и ресурсов формированию положительного международного имиджа своей

страны. Далеко продвинувшийся на этом пути Китай является наиболее подходящим объектом для анализа того, как растущие экономики разрабатывают свою стратегию «мягкой силы» и применяют ее на практике. Несмотря на то, что сама концепция мягкой силы является продуктом западной политической мысли и в своей основе имеет либеральный характер, авторитарные режимы, подобные Китаю, безусловно, в целях максимизации своих выгод не остаются в стороне и стремятся воспользоваться своими ресурсами наращивания влияния. Авторитаризм не лишает их непосредственно источников «мягкой силы», но может влиять на успешность их реализации. Более того, сама тема «мягкой силы» Китая остается недостаточно изученной¹, поэтому ее анализ особенно интересен. Западная Европа же, будучи для КНР «солидным и зрелым рынком»² в отношении разработки и реализации инструментов «мягкой силы», является наиболее подходящим объектом для проверки эффективности стратегии Китая.

Концепция «soft power» была разработана американским политологом Джозефом Наем в 1990-е годы. Сам автор определял «мягкую силу» как «способность получить то, что вы хотите, через привлечение, а не принуждение или платеж»³. Главными ее ресурсами он считал «культуру, политические ценности и внешнюю политику»⁴, а доминирующим источником — «гражданское общество»⁵. Приоритетным инструментом для оценки эффективности мягкой силы Дж. Най видел данные опросов общественного мнения⁶. Впоследствии концепция «soft power» получила развитие в рамках раз-

¹ *Sheng D.* Analyzing Rising Power from the Perspective of Soft Power: a new look at China's rise to the status quo power // *Journal of Contemporary China*. Электронный научный журнал. 2010. № 19 (64). С. 255–272.

² *Zhang Y.* China Goes Global: Why China's global cultural strategy needs flexibility // *The Soft Power 30 Report*. Электронный научный журнал. 2018. № 4. С. 70–73.

³ *Nye J. S.* *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, 2004. 192 p.

⁴ *Nye J. S.* What China and Russia Don't Get About Soft Power [Electronic resource] // *Foreign Policy*. 2013. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power> (дата обращения: 15.05.2019).

⁵ *Nye J. S.* *Soft Power*... P. 17.

⁶ *Nye J. S.* What China and Russia...

личных национальных школ. В КНР ей также уделялось много внимания. Как отмечают Хунин Ван и Е-Чон Лу⁷, теория Дж. Ная оказала даже более значительное влияние на КНР, чем на США. Тезис о необходимости развития «мягкой силы» Китая утверждался как разными лидерами государства, так и официальными документами КНР. Еще в конце 1990-х годов председатель КНР Цзян Цзэминь сделал целью страны улучшение имиджа Китая на мировой арене⁸. С тех пор данный курс поддерживался председателем Ху Цзиньтао⁹, а при Си Цзиньпине он и вовсе стал одним из самых приоритетных. Как отмечает известный российский китаевед Е. Н. Румянцев, в современных условиях Си Цзиньпин ставит перед государством задачу «наращивать мягкую силу государства, как следует вести пропаганду на заграницу»¹⁰. Данная линия «выступает сегодня официальным политическим курсом»¹¹. К настоящему времени, по мнению некоторых экспертов, уже можно вести речь об отдельной китайской модели «soft power»¹². Ее элементами и задачами, по мнению российских исследователей, выступают распространение китайской культуры и языка, китайских ценностей и традиций. В качестве экспортно-ориентированных элементов выступают культура, успешная политико-экономическая модель и «гармоничная» дипломатия¹³. Данный комплекс должен способствовать

⁷ Wang H., Lu Y. The Conception of Soft Power and its Policy Implications: a comparative study of China and Taiwan [Electronic resource] // Journal of Contemporary China. Электронный научный журнал. 2008. № 17(56). С. 425–447. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10670560802000191> (дата обращения: 15.05.2019).

⁸ Табаринцева-Романова К. М. Дипломатия бренда как один из механизмов soft power Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2012. № 12. С. 58–63.

⁹ Козыкина Н. В., Муратшина К. Г. Особенности дипломатии современного Китая. Екатеринбург, 2017. 148 с.

¹⁰ Румянцев Е. Н. Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М., 2016. 592 с.

¹¹ Русакова О. Ф. Мягкая сила стран Азии // Дискурс-Пи. 2013. № 1–2 (11–12). С. 31–37.

¹² Русакова О. Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия Уральского федерального университета. 2013. № 3(118). С. 52–61.

¹³ Козыкина Н. В., Муратшина К. Г. Особенности дипломатии... С. 52.

развитию экономического и культурного потенциала китайского государства¹⁴, осуществлению концепции его мирного развития¹⁵ и утверждению его как глобальной державы.

Если же говорить о том, как КНР реализует свою мягкую силу в Европе, то следует начать с того, что Китай тратит на этот сегмент своей политики сотни миллиардов и даже триллионы долларов¹⁶. По мнению наблюдателей, «китайцы стали одержимы мягкой силой»¹⁷. Во-первых, они создают сотни Институтов Конфуция по всему миру с целью продвижения китайского языка и культуры¹⁸. К 2017 г. в 142 странах и регионах были созданы в общей сложности 516 Институтов Конфуция¹⁹. Около 100 из них действует в Европе²⁰. Во-вторых, проводят крупные спортивные мероприятия наподобие Олимпиады 2008 г. В-третьих, спонсируют национального телегиганта CCTV, который становится рупором точки зрения КПК. В-четвертых, создают и спонсируют образовательные обменные программы (около 300 тыс. иностранных студентов обучаются в китайских университетах²¹).

¹⁴ 沈红宇. 当代中国文化软实力问题研究.: дис. ... канд. полит. наук. Кайфэн, 2012. 257 с; 韩丽彦. 论提高我国文化软实力.: дис. ... канд. полит. наук. Пекин, 2013. 134 с.

¹⁵ 缪开金. 中国文化外交研究.: дис. ... канд. полит. наук. Пекин, 2006. 240 с.; 魏明. 全球信息时代中国文化软实力发展战略研究.: дис. ... канд. полит. наук. Ухань, 2008. 230 с.

¹⁶ *Shambaugh D.* China's Soft-Power Push [Electronic resource] // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-soft-power-push> (дата обращения: 15.05.2019).

¹⁷ *Xie T.* China's Soft Power Obsession [Electronic resource] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2015/04/chinas-soft-power-obsession/> (дата обращения: 15.05.2019).

¹⁸ 戴蓉. 孔子学院与中国语言文化外交.: дис. ... канд. полит. наук. Шанхай, 2008. 240 с.

¹⁹ Over 500 Confucius Institutes founded in 142 countries, regions [Electronic resource] // China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-10/07/content_32950016.htm (дата обращения: 15.05.2019).

²⁰ Романова Е.В., Муратшина К.Г. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» КНР во взаимоотношениях с Итальянской Республикой на современном этапе // Дневник АШПИ. 2017. № 33. С. 176–182.

²¹ *Shambaugh D.* China's Soft-Power Push...

Одновременно все чаще в странах Западной Европы можно услышать призывы к более осторожной модели отношений с Китаем. В уважаемых европейских газетах публикуются материалы, которые ставят под сомнение прозрачность и соответствие европейским нормам некоторых инструментов китайской «мягкой силы». Например, Институты Конфуция обвиняются в пропаганде²², ограничении свободы дискуссий²³, создании угрозы национальной безопасности²⁴. Известны случаи, когда университеты стран Западной Европы под давлением общества отказывались от размещения Института Конфуция²⁵ или в силу несогласия со стратегией Института от продления соглашения о партнерстве с ним²⁶.

В Германии в настоящее время находятся около 200 тыс. китайских мигрантов и 500 тыс. китайских студентов, эта страна является крупнейшим торговым партнером КНР в ЕС, с 2011 г. было организовано более 60 механизмов межправительственных консультаций, действует 19 Институтов Конфуция, ежегодно проводятся сотни мероприятий, посвященных китайской культуре: дни молодежи двух стран²⁷,

²² *Martin P.* China's Influence Digs Deep Into Europe's Political Landscape [Electronic resource] // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-03/china-s-influence-digs-deep-into-europe-s-political-landscape> (дата обращения: 15.05.2019).

²³ *Espinoza J.* 'UK schools advance Chinese propaganda,' activists say [Electronic resource] // The Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk/education/educationnews/11502409/UK-schools-advance-Chinese-propaganda-activists-say.html> (дата обращения: 15.05.2019).

²⁴ *Confucius Institutes under scrutiny in UK* [Electronic resource] // European Interest. URL: <https://www.europeaninterest.eu/article/confucius-institutes-scrutiny-uk> (дата обращения: 15.05.2019).

²⁵ *Redden E.* German University Abandons Plans for Confucius Institute [Electronic resource] // Inside Higher Ed. URL: <https://www.insidehighered.com/quick-takes/2015/06/08/german-university-abandons-plans-confucius-institute> (дата обращения: 15.05.2019).

²⁶ *Leiden University to end agreement with Confucius Institute* [Electronic resource] // Leiden University. URL: <https://www.universiteitleiden.nl/en/news/2019/02/confucius-instituut-en> (дата обращения: 15.05.2019).

²⁷ *Deutsch-Chinesische Jugendtage eröffnet* [Electronic resource] // People's Daily Online. URL: <http://german.people.com.cn/n3/2018/0723/c209053-9483820.html> (дата обращения: 15.05.2019).

ежегодные культурные фестивали²⁸, тематические праздники (например, китайский Новый год²⁹).

Если же обратиться к результатам опросов общественного мнения, то динамику изменения образа Китайской Народной Республики в Германии ярко иллюстрируют данные исследовательского центра Pew Research Center³⁰ за период 2007–2018 гг.

Таблица 1

Отношение немецких граждан к Китаю, % *

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Благоприятное	34	26	29	30	34	29	28	28	34	28	34	39
Неблагоприятное	54	68	63	61	59	67	64	64	60	60	53	54

* Источник: Pew Research Center.

Опираясь на представленные данные, можно сделать вывод, что восприятие Китая за период 2007–2018 гг. изменилось незначительно, и процент респондентов, положительно отзывающихся о Китайской Народной Республике, все еще довольно низок. Одновременно за тот же период времени наблюдается резкий скачок процентной доли людей, высказывающих свое неблагоприятное отношение, и к концу 2018 г. она остается такой же высокой, как почти 10 лет назад.

²⁸ Deutsch-Chinesische Kulturfestival Berlin eröffnet [Electronic resource] // People's Daily Online. URL: <http://german.people.com.cn/n3/2018/0428/c209053-9454990.html> (дата обращения: 15.05.2019).

²⁹ Norddeutschland: Gala-Abend zum chinesischen Neujahr 2018 [Electronic resource] // People's Daily Online. URL: <http://german.people.com.cn/n3/2018/0205/c209053-9423853.html> (дата обращения: 15.05.2019)

³⁰ Opinion of China [Electronic resource] // Pew Research Center. URL: <https://www.pewglobal.org/database/indicator/24/country/81/> (дата обращения: 15.05.2019).

Таблица 2

**Отношение граждан ведущих стран
Западной Европы к Китаю по состоянию на конец 2018 года, % ***

	Великобритания	Франция	Германия
Благоприятное	49	41	39
Неблагоприятное	35	54	54

* Источник: Pew Research Center.

Если сравнивать с другими странами Западной Европы, то Германия вместе с Францией демонстрирует самый высокий процент отрицательно отзывающихся о Китае.

Таблица 3

**Отношение граждан ведущих стран Западной Европы
к растущей военной и экономической мощи Китая
по состоянию на конец 2011 года, % ***

	Растущая военная мощь		Растущая экономическая мощь	
	Положительно	Негативно	Положительно	Негативно
Великобритания	13	71	53	32
Франция	16	83	41	59
Германия	12	74	52	40

* Источник: Pew Research Center.

Немцы также негативно реагируют на возрастающую военную мощь Китая и демонстрируют поляризацию опасений относительно китайской экономической мощи. На основе этих данных также можно отметить неэффективность использования Китаем концепции мирного возвышения в контексте его «мягкой силы» в отношении Германии.

Несмотря на характерные результаты опросов общественного мнения, крайне сложно найти заявления немецких политиков, которые бы с ними резонировали. Однако в данном вопросе прежде всего необходимо четко понимать рамки возможных заявлений в общественном поле Германии, определяемые экономической целесообразностью. С одной стороны, так как Китай является одним из важнейших торговых партнеров Германии, политические деятели последней вряд ли могут позволить себе любые более или менее откровенные заявления в сторону Китайской Народной Республики, так как они могли бы нанести урон экономическим отношениям. На практике официальный Берлин старается публично дистанцироваться от риторики противостояния между Китаем и Германией, однако, если же все-таки делаются какие-то высказывания, то политики и дипломаты воздерживаются от резких выражений и предпочитают мягкие, обтекаемые и совершенно неконфликтные формулировки. В основном все острые вопросы адресуются за закрытыми дверями³¹. С другой стороны, авторитетные и высокообразованные представители немецкого общества, хорошо осведомленные о китайских инициативах и не связанные государственной формальностью, более четко отражают общее ощущение недоверия. Так, например, Карло Масала, профессор международной политики и эксперт по безопасности в университете Бундесвера в Мюнхене, открыто говорит о том, что «Китай пытается получить доступ к немецкой политике, экономике и безопасности»³². По убеждению профессора, многие люди в Германии даже не замечают этого, так как не вникают в детали. И все же в последнее время наблюдается запрос на изменение официального отношения к Китаю со стороны Германии. Так, например, президент федерального объединения немецкой промышленности Дитер Кемпф заявил, что Китайская Народная Республика стремится установить свою полити-

³¹ Björn J., Tim R. Europe's Divided Approach to China and Human Rights [Electronic resource] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2019/03/europes-divided-approach-to-china-and-human-rights> (дата обращения: 15.05.2019).

³² Kirsten T. The Chinese Influence Effort Hiding in Plain Sight [Electronic resource] // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/07/chinas-influence-efforts-germany-students/593689> (дата обращения: 15.05.2019).

ческую, экономическую и социальную модель, по его мнению, политики больше не могут позволить себе просто игнорировать вызовы, которые Китай ставит перед ЕС и Германией³³.

Можно сделать вывод, что, несмотря на огромные усилия по развитию «мягкой силы» Китая в Германии, потраченные силы и средства не находят отражения в реальном восприятии немецких граждан. Более того, представители немецкого общества все чаще говорят о необходимости изменения модели отношений с Китаем. Инвестированные миллиарды долларов пока что не демонстрируют значительного положительного изменения имиджа Китая. В чем же причина? Отдельные китайские исследователи, такие, как Цю Лин³⁴ и Цюй Хуэй Мин³⁵, указывают на малую привлекательность самого содержания «мягкой силы» Китая и недостаточную развитость структур ее распространения. Однако базовая причина неудачной политики мягкой силы Китая лежит, вероятно, в жестко-архаичном, государство-центричном подходе к ее развитию. Несмотря на то, что Китай обладает огромными финансовыми ресурсами и значительными потенциальными источниками «мягкой силы», которые могли бы вместе работать на создание и укрепление позитивного имиджа страны, до тех пор, пока в Китае действует жесткая авторитарная система, которая подавляет независимый от вмешательства государства рынок идей, репрессирует гражданское общество и ограничивает свободу мысли и слова, развитие реальной «мягкой силы» будет упираться в тупик пропаганды. Однако ослабление контроля за обществом, которое могло бы высвободить тот огромный творческий и инновационный потенциал китайских граждан и позитивно сказаться на имидже КНР, будет рассматриваться как прямая угроза для авторитарного режима правящей коммунистической партии и потому на данный момент маловероятно.

³³ *Jakob H.* German industry seeks to push harder EU line on China [Electronic resource] // Politico. URL: <https://www.politico.eu/article/china-germany-competition-european-commission-bdi-german-industry-seeks-to-push-harder-eu-line-on-china> (дата обращения: 15.05.2019).

³⁴ 邱凌. 软实力背景下的中国国际传播战略研究.: дис. ... канд. полит. наук. Шанхай, 2009. 149 с.

³⁵ 曲慧敏. 中华文化走出去战略研究.: дис. ... канд. полит. наук. Цзинань, 2012. 194 с.

Сведения об авторах

Абзалутдинов Константин Курбангалеевич, студент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: kostya.abzalutdinov@gmail.com

Бахарев Дмитрий Сергеевич, аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru

Валевко Станислав Васильевич, студент Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: valevko.1997@mail.ru

Выборнова Виктория Александровна, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск), e-mail: vybornovavik4@gmail.com

Гилева Ульяна Андреевна, студент Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: gilieva98@mail.ru

Денисов Сергей Александрович, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва), e-mail: Densera@yandex.ru

Дороненко Илья Алексеевич, студент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, e-mail: ilya.doronenko99@gmail.com

Егоров Станислав Олегович, канд. ист. наук, старший преподаватель Новосибирского государственного медицинского университета, e-mail: segorov752@gmail.com

Ермаков Евгений Сергеевич, студент Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины (Беларусь), e-mail: ermakovgeka@gmail.com

Ермакова Ольга Константиновна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: ermakovaok@mail.ru

Игнатъева Евгения Андреевна, магистрант Новосибирского государственного университета, e-mail: ignatjewaev@yandex.ru

Калашников Андрей Алексеевич, студент Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул), e-mail: astralnykeks@gmail.com

Каплиев Алексей Александрович, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск), e-mail: kapliyev@history.by

Кирпичников Иван Алексеевич, аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, e-mail: ivkirs@mail.ru

Киселев Михаил Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), e-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

Котлярков Максим Васильевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории СО РАН, доцент Новосибирского государственного университета, e-mail: mv_kotlyarov@mail.ru

Котов Антон Владиславович, студент Оренбургского государственного педагогического университета, e-mail: antonkotov97@mail.ru

Кулинок Святослав Валентинович, канд. ист. наук, заместитель заведующего отделом Национального архива Республики Беларусь (Минск), e-mail: svkulinok@tut.by

Лазарев Яков Анатольевич, канд. ист. наук, научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: 9lazarev@gmail.com

Манин Даниил Олегович, магистрант, лаборант-исследователь Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: daniil-manin@mail.ru

Муренко Денис Игоревич, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск), e-mail: denismurenko@yandex.ru

Пономарев Илья Игоревич, магистрант Новосибирского государственного педагогического университета, e-mail: ilya.ponomarev96@mail.ru

Попов Дмитрий Константинович, магистрант Новосибирского государственного университета, e-mail: d.popov@g.nsu.ru

Попова Ксения Игоревна, студент Национального исследовательского Томского государственного университета, e-mail: adkr@mail.ru

Рябов Сергей Михайлович, магистрант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: sergeyryabov1997@gmail.com

Саввинов Павел Олегович, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск), e-mail: pavelsavvinov1994@gmail.com

Тепикина Елена Петровна, магистрант Новосибирского государственного педагогического университета, e-mail: tepikina.helena@gmail.com

Третьяков Максим Викторович, канд. ист. наук, и. о. научного сотрудника Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило ДВО РАН (Магадан), e-mail: maximmgn@mail.ru

Филиппенко Ольга Вячеславовна, Йенский университет им. Фридриха Шиллера (Германия), e-mail: Olga.kanyshkova@mail.ru

Хасанов Руслан Ринатович, студент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, e-mail: rkh1867@gmail.com

Чеботарева Александра Викторовна, соискатель, ассистент Донецкого национального университета (Донецк), e-mail: abc5071@mail.ru

Чернова Ирина Сергеевна, стажер-исследователь Института истории СО РАН (Новосибирск), e-mail: chernovairina0611@mail.ru

Шевченко Сергей Александрович, канд. ист. наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета, e-mail: shvchenkovskrs@yandex.ru

Шишкин Александр Александрович, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), e-mail: shishkin.aleksandr.a@gmail.com

Шматов Михаил Юрьевич, магистрант Новосибирского государственного университета, e-mail: shmatov2009@yandex.ru

Юрина Анна Максимовна, студент Национального исследовательского Томского государственного университета, e-mail: anna.yurina.99@mail.ru

Указатель авторов

Абзалутдинов К. К.....	356	Лазарев Я. А.....	43
Бахарев Д. С.....	193	Манин Д. О.....	309
Валевко С. В.....	328	Муренко Д. И.....	126
Выборнова В. А.....	271	Пономарев И. И.....	13
Гилева У. А.....	262	Попов Д. К.....	301
Денисов С. А.....	159	Попова К. И.....	148
Дороненко И. А.....	281	Рябов С. М.....	292
Егоров С. О.....	4	Саввинов П. О.....	33
Ермаков Е. С.....	319	Тепикина Е. П.....	246
Ермакова О. К.....	182	Третьяков М. В.....	223
Игнатъева Е. А.....	116	Филиппенко О. В.....	213
Калашников А. А.....	21	Хасанов Р. Р.....	64
Каплиев А. А.....	337	Чеботарева А. В.....	104
Кирпичников И. А.....	94	Чернова И. С.....	74
Киселев М. А.....	172	Шевченко С. А.....	204
Котляров М. В.....	140	Шишкин А. А.....	54
Котов А. В.....	235	Шматов М. Ю.....	84
Кулинок С. В.....	347	Юрина А. М.....	254

Содержание

От редколлегии	3
----------------------	---

Источниковедение и историография

<i>Егоров С. О.</i> Концепция «скрытой традиции» в историографии богомилства: генезис и интерпретации.....	4
<i>Пономарев И. И.</i> Современная историография динамики нароdonаселения Сибирского казачьего войска в конце XIX — начале XX в.	13
<i>Калашников А. А.</i> Рапорты лесничих Алтайского округа 1917–1919 гг. как исторический источник.....	21
<i>Саввинов П. О.</i> К вопросу об историографии повстанческого движения в Якутии в годы гражданской войны (1921–1923 гг.)	33
<i>Лазарев Я. А.</i> Лекция В. И. Пичеты «История Украины в период после смерти Б. Хмельницкого до конца XVIII в.» и историческая политика в СССР в 1930-е годы.....	43
<i>Шишкин А. А.</i> Государственная политика в сфере праздничной культуры в Молотовской и Свердловской областях в эпоху «позднего сталинизма»: обзор источников.....	54

Пресса в оптике исторических исследований

<i>Хасанов Р. Р.</i> Проблема перспектив развития Австро-Венгрии в российских «толстых» журналах (середина 1860-х — середина 1880-х годов).....	64
<i>Чернова И. С.</i> Фельетонисты в сообществе сибирских журналистов второй половины XIX — начала XX в.....	74
<i>Шматов М. Ю.</i> Контент периодических печатных изданий Западной Сибири как средство сопровождения массовых политических кампаний (1936–1938 гг.).....	84

**Общество и власть в мировой истории:
проблемы взаимоотношений**

<i>Кирпичников И. А.</i> «Был за воеводы место»: центральная власть и элиты служилых «городов» в начале правления Василия Шуйского	94
<i>Чеботарева А. В.</i> Моральный облик ответственных партийно-советских работников Донбасса (1921–1928 гг.).....	104
<i>Игнатьева Е. А.</i> Язык как выражение низового социального протеста в Сибири в первой половине 1930 г.....	116
<i>Муренко Д. И.</i> Социально-политический активизм студенческой молодежи Новосибирского Академгородка во второй половине 1960-х годов	126
<i>Котляров М. В.</i> Публичная сфера в СССР в период перестройки (1985–1991 гг.).....	140
<i>Попова К. И.</i> Президентские выборы в странах Африки южнее Сахары: традиции и новации	148

**Социально-экономические процессы в мировой истории:
тенденции, содержание, результаты**

<i>Денисов С. А.</i> Положение свободных самбийских общинников в государстве Тевтонского ордена во второй половине XIII — первой половине XIV в.	159
<i>Киселев М. А.</i> Проекты Д. В. Волкова и торгово-промышленная политика Российской империи в начале 1760-х годов	172
<i>Ермакова О. К.</i> Неформальные связи в среде иностранных специалистов в России XVIII — первой половины XIX в.	182
<i>Бахарев Д. С.</i> Влияние экономических факторов на младенческую смертность в Екатеринбургском уезде в конце XIX в.	193
<i>Шевченко С. А.</i> Дебаты о принятии транспортного бюджета в Легислатуре штата Вашингтон в 1911 г.: расклад политических сил и социально-политические последствия	204

<i>Филиппенко О.В.</i> Специалисты на спецпоселении в Западной Сибири (1945–1955 гг.)	213
<i>Третьяков М.В.</i> Деятельность Магаданского управления гражданской авиации в середине 1980-х годов.....	223

История культуры, науки, образования и религии

<i>Котов А.В.</i> Формирование системы образования казахского населения и роль Оренбургской киргизской школы в политике аккультурации (XVIII–XIX вв.)	235
<i>Тепикина Е.П.</i> «Да и правда — я красива»: представления о женской красоте в автобиографических текстах русских интеллектуалов второй половины XIX в.....	246
<i>Юрина А.М.</i> Визуальный ряд старообрядческого печатного издания «Малый Соборник»	254
<i>Гилева У.А.</i> Индивидуальное восприятие жителями г. Молотова праздника в годы Великой Отечественной войны	262
<i>Выборнова В.А.</i> Маевка Новосибирского государственного университета как феномен студенческой субкультуры: зарождение, трансформация, опыт (1966–2018 гг.)	271

Военная история и международные отношения

<i>Дороненко И.А.</i> Формы участия армии в передаче власти в Римской империи в период гражданской войны 68–69 гг.	281
<i>Рябов С.М.</i> Проникновение французской Короны на Балтику и франко-русские отношения во второй половине XVI в.: концепции, стратегии и идеи	292
<i>Попов Д.К.</i> Статус русских дипломатических миссий к кочевникам Центральной Азии в XVII в.	301
<i>Манин Д.О.</i> Балтийский вопрос в русско-французских отношениях во второй половине XVII в.	309

<i>Ермаков Е. С.</i> Перманентные проблемы внешнеполитической деятельности Конфедеративных Штатов Америки (1861–1865 гг.).....	319
<i>Валевко С. В.</i> Среднеазиатское восстание 1916 года в воспоминаниях современников	328
<i>Каплиев А. А.</i> Эпидемические последствия польско-советской войны на территории Беларуси	337
<i>Кулинок С. В.</i> Система подготовки немецкой разведывательно-диверсионной агентуры на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны	347
<i>Абзалутдинов К. К.</i> Восприятие политики «мягкой силы» Китая в Германии в начале XXI в.	356
<i>Сведения об авторах</i>	365
<i>Указатель авторов</i>	369

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Сборник материалов
Всероссийской молодежной научной школы-конференции
с международным участием
(19–21 сентября 2019 г.)

Литературный редактор, корректор *Д. В. Ильина*
Верстка *А. С. Терёшкиной*

Подписано в печать 14.11.2019 г.
Формат 60 × 84 1/16. Уч.-изд. л. 23,3. Усл.-печ. л. 21,7.
Тираж 120 экз. Заказ № 249.
Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

Сборник издан по результатам Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием, состоявшейся в Новосибирске 19–21 сентября 2019 г. Опубликованные статьи посвящены актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории с начала новой эры до наших дней, являются самостоятельными исследованиями и характеризуются научной новизной. Статьи сгруппированы в шесть тематических блоков: источниковедение и историография, пресса в оптике исторических исследований, общество и власть в мировой истории: проблемы взаимоотношений, социально-экономические процессы в мировой истории: тенденции, содержание, результаты, история культуры, науки, образования и религии, военная история и международные отношения.

Издание рассчитано на профессиональных историков, преподавателей вузов, соискателей, аспирантов и студентов.

ISBN 978-5-4437-0962-8

9 785443 709628